

КУЛЬТУРА МИРА

Том 13. Выпуск 6.

(№ 49)

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.

Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.

Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 номеров в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60х90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 24,25

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор. Эксперт международных ассоциаций. Член Экспертной группы Совета при Президенте Российской Федерации.

Члены редколлегии

Зорин В.Ю. - доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Михайлова Н.В. - профессор кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, доктор политических наук.

Бирюков С.В. - доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова - доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Айлана Калиновна Кужугает - доктор культурологии, заведующая сектором культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета, заслуженный работник образования Республики Тыва.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Санжеева Л.В. - доктор культурологии, доцент, профессор кафедры этнокультурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Савельев В.В. - заслуженный работник культуры Российской Федерации. Доктор философских наук.

Болотских Е.Г. - почетный член Российской Академии Художеств, Заслуженный художник Российской Федерации, Член Российского Союза Художников, Московского Союза Художников, Творческого Союза Художников России, Международного Художественного Фонда, Профессор Кафедры дизайна РГСАИ. Российская государственная специализированная академия искусств.

Кузнецова Т.Ф. - доктор философских наук. Профессор МГУ. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Грэм Стоуэрс - политолог, эксперт. Великобритания.

Омар Годинес Лансо - Академик. Академия художеств Российской Федерации.

Себастьян Хоппе - научный сотрудник, Институт восточноевропейских исследований, факультет политики, международных отношений. Свободный университет Берлина.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ивакин Г.А. - доктор исторических наук, профессор.

Ли Эрюн - кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Мануйлов Николай - вице-президент Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы с Кубой».

Мурашко С.Ф. - Профессор, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Наумова Г.Р. - доктор исторических наук. Профессор МГУ, член Академии «Философия хозяйства». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Никашина Н.В. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории и практики перевода Российского университета дружбы народов, эксперт, руководитель международной редакции журнала «Миссия Конфессий».

Пейчева А.А. - эксперт по международным отношениям и политической коммуникации (Болгария).

Терновая Л.О. - доктор исторических наук. Профессор МАДИ. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Хонали Курбонзода - доктор исторических наук. Профессор, ректор Государственного учреждения «Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования», Таджикистан. Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования.

Чапкин С.В. - заместитель главного редактора, почетный профессор Академии экологии и права.

Чжан Вэй - политолог, эксперт КНР.

Чжан Сяолин - доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русского языка Института языков и культуры, Шанхайский политико-юридический университет.

Щупленков Н.О. - it-специалист-программист. Эксперт фонда поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений.

Гаджиева Р.Г. - кандидат психологических наук, доцент кафедры национальных и федеративных отношений Факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Член союза русских художников.

CULTURAL WORLD

Volume 13. Issue 6.

(№ 49)

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor. Member of the Expert Group of the Cossacks Council under the President of the Russian Federation.

Editorial Board

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Mikhailova N.V., Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Political Science.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gülzar İbrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Aylana Kalinovna Kuzhuget, Doctor of Cultural Studies, Head of the Cultural Studies Sector of the Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Professor of the Philosophy Department of Tuva State University, Honored Educator of the Republic of Tuva.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Sanzheeva L.V., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Ethnoscurology of the Russian State Pedagogical Herzen University.

Saveliev V.V., Honored Worker of Culture of the Russian Federation. Doctor of philosophical science.

Bolotskih E.G., Honored Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Artists, the Moscow Union of Artists, the Creative Union of Artists of Russia, the International Art Foundation, Professor of the Design Department of the Russian State University of Art and Design.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University.

Graeme Stowers, Political expert (United Kingdom).

Omar Godinez Lanzo, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Sebastian Hoppe, Research Associate, Institute for East European Studies, Department of Politics, International Relations. Freie Universität Berlin.

Chapkin S.V., Deputy Chief Editor, Honorary Professor of the Academy of Ecology and Law.

Chjan Vei, Political scientist, expert of China.

Dolgenko A.N., Doctor of philological sciences. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences. Professor, Rector of the “National Institute of professional development and training of educators”, Tajikistan.

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Professor.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics(Nanchang, Jiangxi), China.

Manuylov Nikolay, Vice President of the Interregional Public Organization “Friendship Society with Cuba”.

Murashko S.F., Professor. Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Naumova G.R., Doctor of historical sciences. Professor of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Academy «Philosophy of Economy».

Nikashina N.V., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, the Institute of Foreign Languages, The Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN).

Peichiva A.A., Expert on international relations and political communication (Bulgaria).

Schuplenkov N.O., it-specialist-programmer. Expert of the Foundation for the Support of Interethnic Culture and Public International Relations.

Ternovaya L.O., Doctor of historical Sciences. Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Zhang Xiaoling, Doctor of Humanities, Associate Professor of the Russian Language Department, Institute of Languages and Cultures, Shanghai University of Political Science and Law.

Gadzhieva R.G., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of National and Federal Relations of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Member of the Union of Russian Artists.

Содержание

Политология

Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Третий возраст»: готовность государства и общества к «серебряному цунами».....	14
Анисимов П.В. Медицина, Трамп и предвыборная стратегия демократов на президентских выборах США в 2024 г.....	23
Шаламова Е.В., Капелюш М.Б. Психологические и социокультурные механизмы формирования и продвижения личного бренда в условиях цифровой эпохи.....	31
Анисимов П.В. Трамп и Обамасаре: использование недостатков реформы в качестве стратегии на президентских выборах.....	44

Культурология

Чебодаева М.П., Ултургашева Н.Д., Алексеева А.Г. Коллекции С.Д. Майнагашева в фондах музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (кунсткамера).....	53
Мальцева Л.В., Полонникова А.А. Сохранение и укрепление культуры (подворье кубанских казаков).....	61
Лыкова Н.Н., Гасанова В.Т., Андрейченко О.И. Социокультурная православная традиция как фактор духовно-нравственного воспитания молодежи (культурологический аспект).....	68
Барсуков Р.Р., Кармалеев Р.А. Культуры жизни и культуры смерти: попытка демаркации.....	84
Бянь Мэнлэй Фортепианные этюды Ф. Шопена как синтез виртуозности и поэтики.....	98
Васильева О.А., Пушняк К.В., Слонова Д.Д. Культурный код территории как ключевой фактор геобрендинга на примере Республики Карелия.....	107
Гордеева Т.Ю. От тайны клетки к клеточной акустике. Новаторские идеи профессора С.В. Шушарджана.....	119

Колосов Р.В. Хоррор как диагностика реальности: коллективная выставка независимых художников Северного Казахстана и рождение нового культурного кода в казахстанском искусстве...	126
Кудозов А.Т. Интермедиаальная эстетика дадаизма: звук и голос через визуальные образы в фотомонтаже Р. Хаусмана “ABCD”....	131
Кузнецова Я.К. «Поцелуй» и «Девушка с кольцом» Моллера: между Бидермейером и салонным искусством.....	140
Либина Р.Б. Английская готика в Петербурге: причины введения Чесменского дворца.....	149
Тянь Жу Взаимодействие российской и китайской театральных культур на современном этапе.....	155
Мартынова Н.В., Цзян Ян, Абдуразакова Е.Р. Творческий метод Цай Кэжэня: культура повседневности и обновление технологий китайского лакового письма.....	161
Масехнович С.Е. Театр как мифологема: архетипическое пространство культурного нарратива.....	175
Мирошниченко Е.В., Ефремова П.И., Шеметова Е.А., Щербачев А.А. Культурно-досуговые программы патриотической направленности как компонент креативных индустрий в развитии гражданской и творческой активности молодежи.....	181
Орлов-Давыдовский Г.А. Культурная история звука: социальные и исследовательские практики.....	191
Тянь Жу Интерпретация «живой правды» Станиславского в культурном контексте китайского театра.....	203
Чанвэй Цзи, Шуянь Чжао, Цзюань Ли Исследование по созданию учебной группы по культуре Лунцзяна в Университете Хэйхэ с точки зрения новых гуманитарных дисциплин.....	209
Шеннань Юй Механизмы и пути формирования образа города Харбин с помощью коротких видеороликов на фоне комплексного туризма.....	218
Сулейманова А.Р. Ориентализм в культуре и искусстве.....	229

Юриспруденция

Макаров Т.Г., Валишева А.Л. Субъекты медицинских право-отношений.....	240
--	-----

Давудова С.Я., Рагимханова К.Т. Понятие и правовая природа цифрового следа.....	248
--	-----

Макаров Т.Г., Валишева А.Л. Особенности договора возмездного оказания медицинских услуг.....	254
---	-----

Актуальные вопросы науки и инновации

Терновая Л.О. Отражение духа эпохи в практических и символических функциях дорожного гардероба.....	263
--	-----

Фиров М.В., Андреев Н.А. Сохранение памятников деревянного зодчества в рамках рекламного продвижения музеев.....	273
---	-----

Узденов Т.А., Аджиева З.И., Боташева З.Х. Развитие и регулирование кибербезопасности и критической инфраструктуры в России.....	280
--	-----

Махяр Бейранванд, Гильманов Н.Э., Орешников Е.В. Физиологические и клинические аспекты феномена «спортивного сердца» у высокотренированных лиц.....	289
--	-----

Се Ипин, Го Жун Деятельность Николая Михайловича Карамзина как журналиста.....	293
---	-----

Ли Цзинъюань Сравнительное исследование законодательного статуса гидрологической экологии в Китае и России.....	303
--	-----

Лужников М.В., Макарова Т.Л. Символ «треугольник» в дизайне рекламы.....	320
---	-----

Мельник С.В. Современная католическая теология религий: концепция «инклюзивного плюрализма» Жака Дюпюи.....	328
--	-----

Шапошникова Н.А. Исторические этапы становления храмовой живописи.....	344
---	-----

Аннотации	258
------------------------	-----

Авторы	382
---------------------	-----

Contents

Political science

Ryabova E.L., Ternovaya L.O. “The Third Age”: the readiness of the state and society for the “silver tsunami”.....	14
Anisimov P.V. Medicine, Trump and the Democrats’ election strategy for the 2024 US presidential election.....	23
Shalamova E.V., Kapelyush M.B. Psychological and socio-cultural mechanisms of personal brand formation and promotion in the digital age.....	31
Anisimov P.V. Trump and Obamacare: using the shortcomings of the reform as a strategy in the presidential election.....	44

Culturology

Chebodaeva M.P., Ulturgasheva N.D., Alekseeva A.G. The collections of S.D. Mainagashev in the funds of the Peter the Great museum of anthropology and ethnography (kunstkamera).....	53
Maltseva L.V., Polonnikova A.A. Preservation and strengthening of culture (courtyard of Kuban Cossacks).....	61
Lykova N.N., Gasanova V.T., Andreychenko O.I. Sociocultural Orthodox tradition as a factor in spiritual and moral education of youth (cultural aspect).....	68
Barsukov R.R., Karmaleev R.A. Life culture and death culture: an afford to demarcate.....	84
Bian Menglei Piano etudes by F. Chopin as a synthesis of virtuosity and poetics.....	98
Vasilyeva O.A., Pushnyak K.V., Slonova D.D. The cultural code of the territory as a key factor of geo-branding on the example of the Republic of Karelia.....	107
Gordeeva T.Y. From the mystery of the cell to cellular acoustics. Innovative ideas of professor S.V. Shushardzhan.....	119

Kolosov R.V. Horror as a diagnostic of reality: a collective exhibition by independent artists from Northern Kazakhstan and the emergence of a new cultural code in Kazakhstani art.....	126
Kudozov A.T. The intermedial aesthetics of Dadaism: sound and voice through visual images in R. Hausmann's photomontage «ABCD»...	131
Kuznetsova Y.K. «The kiss» and «The girl with the ring» by Moller: between Biedermeier and Salon art.....	140
Libina R.B. English Gothic in Petersburg: the reasons for the Chesme palace appearance.....	149
Tian Zhu Interaction of Russian and Chinese theatrical cultures at the contemporary stage.....	155
Martynova N.V., Jiang Yang, Abdurazakova E.R. Cai Kezhen's creative method: culture of everyday life and the renewal of Chinese lacquer writing technologies.....	161
Masekhnovitch S.E. Theatre as a mythologem: the archetypal space of cultural narrative.....	175
Miroshnichenko E.V., Efremova P.I., Shemetova E.A., Shcherbaev A.A. Potential of cultural and recreational programs with a patriotic orientation in the development of civic activity of youth.....	181
Orlov-Davydovsky G.A. Cultural history of sound: social and research practices.....	191
Tian Zhu Interpretation of Stanislavsky's "Living truth" in the cultural context of Chinese theatre.....	203
Changwei Ji, Shuyan Zhao, Juan Li Research on the construction of Longjiang Culture Curriculum Group in Heihe University from the Perspective of new liberal arts.....	209
Shengnan Yu The mechanism and path of short video communication in shaping Harbin's urban image against the background of all-for-one tourism.....	218
Suleymanova A.R. Orientalism in culture and art.....	229

Jurisprudence

<i>Makarov T.G., Valisheva A.L.</i> Subjects of medical legal relations...	240
<i>Davudova S.Ya., Rahimkhanova K.T.</i> The concept and legal nature of the digital footprint.....	248
<i>Makarov T.G., Valisheva A.L.</i> Features of a contract for the provision of medical services for a fee.....	254

Current issues of science and innovation

<i>Ternovaya L.O.</i> Reflection of the spirit of the era in the practical and symbolic functions of travel wardrobe.....	263
<i>Firov M.V., Andreev N.A.</i> Preservation of wooden architecture monuments as part of museum promotion.....	273
<i>Uzdenov T.A., Adjieva Z.I., Botashova Z.K.</i> Development and regulation of cybersecurity and critical infrastructure in Russia.....	280
<i>Mahyar Beiranvand, Gilmanov N.E., Oreshnikov E.V.</i> Physiological and clinical aspects of the “sports heart” phenomenon in highly trained individuals.....	289
<i>Xie Yiping, Guo Rong</i> The activities of Nikolai Mikhailovich Karamzin as a journalist.....	293
<i>Li Jingyuan</i> A comparative study on the legislative status of hydrological ecology in China and Russia.....	303
<i>Luzhnikov M.V., Makarova T.L.</i> The triangle symbol in advertising design.....	320
<i>Melnik S.V.</i> Modern catholic theology of religions: the concept of «inclusive pluralism» by Jacques Dupuis.....	328
<i>Shaposhnikova N.A.</i> Historical stages of the development of church painting.....	344
Abstracts	371
Authors	386

Political science

Политология

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

«Третий возраст»: готовность государства и общества к «серебряному цунами»*

Аннотация. Статья посвящена анализу вызовов, связанных с демографическим старением населения, обозначаемым как «серебряное цунами». Рассматриваются ключевые социальные, экономические и инфраструктурные проблемы, с которыми сталкивается старшее поколение, включая финансовую уязвимость, недостаток гериатрической помощи, социальную изоляцию и отсутствие доступной среды. Проанализированы международные рейтинги пенсионных систем, особенности пенсионного обеспечения в России и других странах, а также современные тенденции в социальной политике, такие как развитие «серебряной экономики», волонтерских движений и образовательных программ для пожилых людей. Особое внимание уделено необходимости комплексного подхода к поддержке лиц третьего возраста, интеграции лучших международных практик и расширению участия общества и бизнеса в решении проблем старения. Делается вывод о том, что только совместные усилия государства, общества и бизнеса позволят достойно ответить на вызовы «серебряного цунами» и превратить третий возраст в период новых возможностей.

Ключевые слова: демографическое старение, пенсионный возраст, социальное обеспечение, «серебряное цунами», пенсионная система, гериатрия, активное долголетие, качество жизни пожилых, корпоративные пенсии, образовательные программы для пожилых.

Ryabova E.L.

Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

“The Third Age”: the readiness of the state and society for the “silver tsunami”

* © Рябова Е.Л., Терновая Л.О., 2025.

«Третий возраст»: готовность государства и общества к «серебряному цунами»

Abstract. The article analyzes the challenges associated with demographic aging of the population, referred to as the “silver tsunami”. The key social, economic and infrastructural problems faced by the older generation are considered, including financial vulnerability, lack of geriatric care, social isolation and lack of an accessible environment. The article analyzes international ratings of pension systems, features of pension provision in Russia and other countries, as well as modern trends in social policy, such as the development of the “silver economy”, volunteer movements and educational programs for the elderly. Particular attention is paid to the need for a comprehensive approach to supporting people of the third age, integrating best international practices and expanding the participation of society and business in solving the problems of aging. It is concluded that only joint efforts of the state, society and business will allow us to adequately respond to the challenges of the “silver tsunami” and turn the third age into a period of new opportunities.

Key words: demographic aging, retirement age, social security, “silver tsunami”, pension system, geriatrics, active longevity, quality of life of the elderly, corporate pensions, educational programs for the elderly.

Современное общество сталкивается с беспрецедентным демографическим вызовом — стремительным старением населения. Этот феномен, получивший название «серебряное цунами», требует пересмотра социальной политики, экономических стратегий и общественного сознания. Увеличение доли пожилых людей (так называемый «третий возраст») ставит перед государством и обществом важные вопросы: как обеспечить достойный уровень жизни пенсионеров, сохранить их социальную активность и интегрировать в быстро меняющийся мир?

По данным ООН, к 2050 г. доля людей старше 60 лет в мире превысит 20%, а в развитых странах — 30%. Россия не остается в стороне: уже сейчас пенсионеры составляют более 25% населения. К 2030 г. их число может достичь 40%. Также, по оценкам ООН, население мира в возрасте 60 лет и старше насчитывало в 2000 г. 600 миллионов человек, что почти вдвое превышало численность этой возрастной группы в 1950 г. (205 миллионов человек). В 2009 г. она превысила 737 миллионов человек, а к 2050 г. составит более 2 миллиардов человек, еще раз утроившись за период времени в 50 лет¹.

Отчетливо сформировался вызов, наиболее остро стоящий перед индустриальными странами. Он заключается в чрезмерной демографической нагрузке на программы социального обеспечения². Есть и еще один мощный социально-демографический вызов, представленный растущей миграцией, прежде всего в ее неконтролируемой форме.

Можно выделить основные социальные проблемы, с которыми сталкивается возрастная группа старшего поколения:

1 Соловьев А.К., Кучук С.Е. Аль-Натор М.С., Донцова С.А. Пенсионный возраст. Актуарно-статистическое обоснование [Текст] / А.К. Соловьев, С.Е. Кучук, М.С. Аль-Натор, С.А. Донцова. – М.: Прометей, 2018.

2 Алексеев В. Пенсия – это не подарок, а отложенный доход [Текст] / В. Алексеев // Независимая газета. 2015. 25 февраля.

- во-первых, финансовая уязвимость, проявляющаяся в низких пенсиях, их недостаточной индексации, росте стоимости жизни;
- во-вторых, недостаток в системе здравоохранения гериатрических специалистов, плохая доступность лекарств, распространение возрастных заболеваний;
- в-третьих, социальная изоляция, проявляемая в виде ограниченных возможностей для трудоустройства, досуга, цифровом неравенстве;
- в-четвертых, проблемы с жильем и инфраструктурой из-за отсутствия безбарьерной среды, адаптированного транспорта, достаточного числа пансионатов для пожилых людей.

Инвестиционное подразделение французского банка *Natixis* — *Natixis Global Asset Management* исследует уровень комфорта при выходе граждан на пенсию в той или иной стране, исходя из данных Всемирного банка и официальной статистики разных государств, составляя Глобальный пенсионный рейтинг (англ. *Global Retirement Index, GRI*). Ранжирование пенсионных условий в 44 странах с развитой экономикой происходит на основании 18 критериев. Исследователи объединили их в четыре группы, к которым относятся: уровень развития здравоохранения; размер пенсионных выплат; качеству жизни в стране; материальное благополучие граждан. По уровню комфорта для пенсионеров в 2024 г. лидировали: Швейцария, Норвегия, Исландия, Ирландия, Нидерланды, Люксембург, Австралия, Германия, Дания и Новая Зеландия. США располагается в конце второй десятки. На низших местах находятся Бразилия, Греция и Индия³.

Эффективная модель государственной системы пенсионного обеспечения непосредственно связана с конкретными демографическими и макроэкономическими условиями страны в долгосрочной перспективе⁴. В разных странах установился неодинаковый пенсионный возраст, в основном превышающий 60 лет. Также не одинаковы требования к стажу, предъявляемые для начисления пенсии. Во многих государствах имеется различие в пенсионном возрасте для мужчин и женщин. Разброс показателей здесь очень существен: от пяти лет в Германии до 30 в Великобритании. Для любой страны повышение пенсионного возраста неизбежно, какой бы непопулярной ни была мера повышения пенсионного возраста. При этом общество должно решить для себя, каким именно образом проводить такую реформу и как достичь согласия в части постепенного повышения пенсионного возраста.

Согласно Конвенции Международной организации труда (МОТ, англ. *International Labour Organization, ILO*) установлен рекомендованный ко-

3 2024 Global Retirement Index [Electronic recourse]. // URL: <https://www.im.natixis.com/en-us/insights/investor-sentiment/2024/global-retirement-index>.

4 Соловьев А. К., Кучук С.Е. Аль-Натор М.С., Донцова С.А. Пенсионный возраст. Актуарно-статистическое обоснование [Текст] / А.К. Соловьев, С.Е. Кучук, М.С. Аль-Натор, С.А. Донцова. – М.: Прометей, 2018.

эффицент замещения пенсией утраченного заработка⁵. МОТ указывает, что пенсия должна компенсировать как минимум 40% от дохода, который утратил пенсионер, выйдя на пенсию. В России на данный момент коэффициент замещения значительно меньше, чем рекомендует МОТ. В Министерстве труда и социальной защиты считают, что в расчете нужно учитывать не среднюю, а медианную зарплату. Медианная зарплата — это такая зарплата, больше и меньше которой получает одинаковое количество людей. Предполагается, что медианная зарплата более точно отражает ситуацию на рынке труда, не учитывая сверхвысокие зарплаты (которые завывают среднюю). При таком подходе, по данным Министерства труда РФ, коэффициент замещения, получается очень высокий — 54%. Однако при этом Минтруд в расчетах учитывает именно среднюю пенсию, а не медианную, которые в России не рассчитываются, а периодически публикуется информация лишь о средних пенсиях.

В этой связи правомерен вопрос о готовности России к процессу быстрого старения населения, получившего наименование «серебряное цунами». С одной стороны, в последние годы государством предпринимаются шаги по улучшению положения пенсионеров, несмотря на постепенное повышение пенсионного возраста. Установлены социальные доплаты, льготы на ЖКХ, лекарства и проезд. Развиваются программы активного долголетия. С 2025 г. на смену нацпроекту «Демография», включавшего поддержку старшего поколения, пришел нацпроект «Семья», в который вошел федеральный проект «Старшее поколение». С другой стороны, этих мер явно недостаточно. Пенсии остаются ниже прожиточного минимума во многих регионах, система здравоохранения перегружена, а социальные услуги доступны не всем пенсионерам.

Пенсионная система России выступает наиболее социально значимым и экономически весомым элементом общественных финансов современного государства, который должен выполнять конституционную функцию по материальному обеспечению всех категорий пенсионеров. Одним из важнейших субъектов российской пенсионной системы являются граждане трудоспособного возраста и застрахованные лица, которые формируют индивидуальные пенсионные права в соответствии с действующими нормативно-правовыми актами. Для этого предназначены комплексы страховых и накопительных пенсий, пенсий по государственному пенсионному обеспечению, которые, в свою очередь, включают в себя обязательные федеральные и региональные пенсионные программы, целевые выплаты и адресные компенсации всем категориям населения⁶.

5 Конвенция 102 о минимальных нормах социального обеспечения. Ратифицирована Федеральным законом от 03.10.2018 N 349-ФЗ [Электронный ресурс]. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902244295>.

6 Соловьев А.К. Теория и практика обязательного пенсионного страхования в России. Учебное пособие [Текст] / А.К. Соловьев А.К. – М.: Прометей, 2020.

Принятые в ноябре 2018 г. в России изменения в пенсионном законодательстве, связанные с повышением пенсионного возраста, определяют одно из самых значимых и ответственных решений в социально-экономической сфере, которые принимались за последние десятилетия. Это решение в той или иной степени затронуло большинство граждан, также оно явилось вызовом практически для всех социальных институтов⁷.

Государство не может решить проблему в одиночку, ему в поддержке старших поколений необходимо участие общества и бизнеса. К положительным тенденциям относится развитие волонтерских движений, например, «Старость в радость». Увеличивается число корпоративных программ для пенсионеров, предусматривающих скидки, трудоустройство и пр.⁸. Происходит развитие «серебряной» экономики, предоставляющей товары и услуги для пожилых людей. Расширяются возможности образования пожилых людей в рамках концепции «обучения в течение жизни» (англ. *lifelong learning, LLL*)⁹. Открылись «университеты третьего возраста», представляющие собой новую образовательную форму работы с пожилыми гражданами, которая включает в себя просветительские и учебные курсы, творческие мастерские, курсовое обучение по различным программам.

При этом в обществе сохраняются стереотипы о старости, отстают инклюзивная среда и внедрение технологий для улучшения качества жизни. Институциональное устройство пенсионного страхования в России находится на этапе становления. Новые глобальные вызовы в трудовой сфере и демографии вызывают необходимость существенных корректировок в устройстве национальных пенсионных систем, формировании условий для повышения качества жизни пенсионеров, создания инфраструктуры и механизмов «серебряной» экономики¹⁰.

В пенсионной политике исключительно полезен международный опыт. Так, государства, где старение населения стало реальностью (Япония, Германия, Швеция), предлагают эффективные модели: систем долговременного ухода (соцработники, сиделки); гибких форм занятости для пенси-

7 Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю. Повышение пенсионного возраста: пейзаж после... [Текст] / Ю.М. Горлин, В.Ю. Ляшок. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

8 Никифорова О.Н. Специальные пенсионные фонды и корпоративные пенсии в развитых странах и России // Российское предпринимательство. 2012. № 4 (202). С. 182-188. [Электронный ресурс]. // URL: <https://znaniyum.com/catalog/product/407601>.

9 Вознесенский И.С. Бабушки тоже хотят учиться: Как быть? [Текст] / И.С. Вознесенский // Практики развития 1.0.: вызовы, концепции, смыслы / Ред.-сост. М. Кукушкин. – М.: Смысл, 2018. С. 176-192; Вознесенский И.С. Тайм-менеджмент «серебряного возраста» [Текст] / И.С. Вознесенский // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: Сборник тезисов: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 4 октября 2018 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет /под общ. ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2018. С. 359-361.

10 Роик В.Д. Пенсионная система России. От советского к седому обществу [Текст] / В.Д. Роик. – М.: Проспект, 2024.

онеров; «умных» городов с адаптированной инфраструктурой. В Китае за сравнительно короткое время смогли создать базовую программу пенсий по старости. В 2024 г. в Швейцарии впервые почти за двести лет увеличили социальные расходы по воле населения¹¹. За увеличение социальных расходов голосовали впервые за двести лет. Явка на референдуме составила 58%. Швейцарцы поддержали идею выплаты 13-й пенсии, которая, по аналогии с заработной платой, должна выплачиваться в двукратном размере в ноябре. Основным факторам принятия такого решения стали экономические трудности, проявляющиеся даже самом экономически развитом кантоне Юра. Аналитиками отмечалась определенная озлобленность избирателей тем фактом, что бизнес старается уклониться от выплаты налогов.

В современном мире уход за лицами пожилого возраста не просто стал частью социально-ориентированной экономики. Он приобрел трансграничный характер, например в Евросоюзе польские владельцы многих небольших отелей в маленьких курортных городах массово переоборудуют их под дома для престарелых из Германии, чтобы не зависеть от туристического сезона, поскольку их клиенты поселяются в комнатах на многие годы¹².

За долгое время сложилось прочное представление о взаимосвязи пенсионного возраста со старостью и нетрудоспособностью¹³. Однако современное поколение пенсионеров ломает стереотипы. Во многих странах уже отказались от слов «старый» и «пенсионер», считая, что эта формулировка унижает человека пожилого возраста¹⁴. Многие пенсионеры регулярно посещают фитнес-клубы, управляют автомобилями, увлекаются путешествиями, следят за модой. Все более активно осваивается людьми старшего возраста цифровое пространство. Среди популярных блогеров выделяются те, кто получил возможность, выйдя на пенсию, погрузиться в интернет-общение. Люди учатся жить для себя, а не только для детей и внуков. Изменение образа жизни пенсионеров привело к тому, что более десятилетия назад в Европе и Америке произошел отказ от употребления в публичных текстах таких слов, как «пенсионер», «пожилой» и «престарелый». Их заменило понятие «сениор» (англ. *senior* — старший). И такая замена произвела переворот в общественном сознании, экономике, особенно в сфере услуг, где возник «туризм третьего возраста», «танцы третьего возраста», «макияж третьего возраста» и т.д. В США, Австрии, Германии популярностью

11 Моисеев Д. Швейцарцам выплатят «несчастливую» пенсию [Текст] // Независимая газета. 2024. 4 марта.

12 Калачихина Ю. Бабушки на экспорт. Германия экспортирует бабушек в Восточную Европу // РБК газета. 2013. 18 сентября. [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/09/18/56c0d5169a7947299f72dd63>.

13 Воронин Ю.В. Пенсионный возраст: правовая природа и значение в системе пенсионного обеспечения [Текст] / Ю.В. Воронин; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Норма, 2024.

14 Волкова И. Игры сениоров [Текст] / И. Волкова // Российская газета. 2013. 19 апреля.

пользуются специально созданные для пенсионеров игры, дающие игрокам вознаграждения за выполнение действий для поддержания здоровья.

России необходимо перенимать лучшие практики, адаптируя их к национальным условиям. Этому способствует деятельность международных структур. В частности, Международная ассоциация социального обеспечения (МАСО, англ. *International Social Security Association, ISSA*) разрабатывает подходы, рекомендации национальным подразделениям, каким образом реализовывать соцобеспечение наиболее эффективно. МАСО предлагает технические консультации и программы, связанные с повышением производственного и административного потенциала национальных организаций.

В современном социальном государстве сфера ответственности политики по поддержке лиц старшего возраста становится шире. По многим направлениям можно отметить достижения, но есть и просчеты, когда власти и обществу проще использовать не инклюзивные, а эксклюзивные механизмы. Например, создаются отдельные пенсионные поселения (англ. *retirement communities*) — центры совместного проживания для пожилых людей старше 55 лет. Несмотря на привлекательную рекламу, они представляют собой современное гетто, выделенное по эйджисткому (англ. *age* — возраст) принципу. При несомненных заслугах социальных государств по продвижению «серебряной» социальной политики в ряде проявлений она продолжает напоминать лоскутное одеяло. Более того, в этом пространстве на таком «одеяле» образуются новые заплатки в тех местах, где по-прежнему отсутствуют как субъективные, ни объективные условия для эффективной социальной интеграции лиц третьего возраста.

Появились новые аспекты планирования старости, в особенности проблема жилья, адаптированного для нужд пожилых людей. Так, своевременное понимание и поиск путей решения жилищной проблемы помогает избежать одной из главных ловушек старости — ситуации, для которой характерно резкое расхождение между удобством жилища и привязанностью к нему. Специалистами предлагается разрабатывать дорожную карту старения как ключевого элемента его планирования¹⁵. Необходимо спокойное подведение итогов жизни и формирование собственного отношения к бренности существования. При этом повышается важность творческой активности личности в противодействии негативным проявлениям старости, обеспечения реальности сохранения полноценного функционирования, предоставление возможности плодотворной, радостной и наполненной смыслом жизни в пожилом возрасте¹⁶. Отдельно следует отметить

15 Мануильская К.М. Дорожная карта старения, или Как не стать заложником своего дома после выхода на пенсию: монография [Текст] / К.М. Мануильская, Д.М. Rogozin, О.Б. Солодовникова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022.

16 Плоткин Ф.Б. Старший возраст: новая жизнь и новые радости: научно-популярное издание [Текст] / Ф.Б. Плоткин. – Минск: Вышэйшая школа, 2022.

особенности личностного развития преподавателей высшей школы в период завершения профессиональной деятельности и перехода к новому жизненному этапу¹⁷.

«Серебряное цунами» — это не угроза, а вызов, требующий системного подхода. Чтобы «третий возраст» стал временем возможностей, а не выживания, необходимо: повышать пенсии и расширять льготы; развивать гериатрическую медицину; создавать условия для активного долголетия; вовлекать бизнес и НКО в решение проблем пожилых людей. Лишь объединив усилия, государство и общество смогут достойно встретить эпоху «серебряного цунами».

Библиографический список

1. Алексеев В. Пенсия – это не подарок, а отложенный доход // Независимая газета. 2015. 25 февраля.
2. Ахильгова М.Т. Личностное развитие преподавателей вуза в ситуации выхода на пенсию: монография [Текст] / М.Т. Ахильгова. – Чебоксары: Среда, 2024. 141 с.
3. Вознесенский И.С. Бабушки тоже хотят учиться: Как быть? [Текст] / И.С. Вознесенский // Практики развития 1.0.: вызовы, концепции, смыслы / Ред-сост. М. Кукушкин. – М.: Смысл, 2018. С. 176-192.
4. Вознесенский И.С. Тайм-менеджмент «серебряного возраста» [Текст] / И.С. Вознесенский // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: Сборник тезисов: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 4 октября 2018 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет / под общ. ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2018. С. 359-361.
5. Волкова И. Игры сениоров // Российская газета. 2013. 19 апреля.
6. Воронин Ю.В. Пенсионный возраст: правовая природа и значение в системе пенсионного обеспечения [Текст] / Ю.В. Воронин; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Норма, 2024. 84 с.
7. Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю. Повышение пенсионного возраста: пейзаж после... [Текст] / Ю.М. Горлин, В.Ю. Ляшок. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 98 с.
8. Калачихина Ю. Бабушки на экспорт. Германия экспортирует бабушек в Восточную Европу // РБК газета. 2013. 18 сентября. // URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/09/18/56c0d5169a7947299f72dd63>.
9. Конвенция 102 о минимальных нормах социального обеспечения. Ратифицирована Федеральным законом от 03.10.2018 N 349-ФЗ // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902244295>.
10. Мануильская К.М. Дорожная карта старения, или Как не стать заложником своего дома после выхода на пенсию: монография [Текст] / К.М. Мануильская, Д.М. Рогозин, О.Б. Солодовникова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 216 с.
11. Моисеев Д. Швейцарцам выплатят «несчастливую» пенсию [Текст] / Д. Моисеев // Независимая газета. 2024. 4 марта.
12. Никифорова О.Н. Специальные пенсионные фонды и корпоративные пенсии в развитых странах и России // Российское предпринимательство. 2012. № 4 (202). С. 182-188. // URL: <https://znanium.com/catalog/product/407601>.
13. Плоткин Ф.Б. Старший возраст: новая жизнь и новые радости: научно-популярное издание [Текст] / Ф.Б. Плоткин. – Минск: Вышэйшая школа, 2022. 399 с.
14. Роик В.Д. Пенсионная система России. От советского к седому обществу [Текст] / В.Д. Роик. – М.: Проспект, 2024. 256 с.
15. Соловьев А.К. Теория и практика обязательного пенсионного страхования в России. Учебное пособие [Текст] / А.К. Соловьев А.К. – М.: Прометей, 2020. 706 с.

17 Ахильгова М.Т. Личностное развитие преподавателей вуза в ситуации выхода на пенсию: монография [Текст] / М.Т. Ахильгова. – Чебоксары: Среда, 2024.

16. Соловьев А.К., Кучук С.Е. Аль-Натор М.С., Донцова С.А. Пенсионный возраст. Актуарно-статистическое обоснование [Текст] / А.К. Соловьев, С.Е. Кучук, М.С. Аль-Натор, С.А. Донцова. – М.: Прометей, 2018. 326 с.
17. 2024 Global Retirement Index // URL: <https://www.im.natixis.com/en-us/insights/investor-sentiment/2024/global-retirement-index>.
18. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.

References

1. Alekseev V. Pension is not a gift, but deferred income // *Nezavisimaya Gazeta*. 2015. February 25.
2. Akhilgova M.T. Personal development of university teachers in the situation of retirement: monograph [Text] / M.T. Akhilgova. – Cheboksary: Sreda, 2024. 141 p.
3. Voznesensky I.S. Grandmothers also want to study: What to do? [Text] / I.S. Voznesensky // *Development practices 1.0.: challenges, concepts, meanings* / Ed. M. Kukushkin. – M.: Smysl, 2018. P. 176-192.
4. Voznesensky I.S. Time management of the “silver age” [Text] / I.S. Voznesensky // *Social Dynamics of the Population and Sustainable Development: Collection of Abstracts: All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, October 4, 2018, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology* / edited by A.I. Antonov. – M.: MAKSS Press, 2018. P. 359-361.
5. Volkova I. Senior Games // *Rossiyskaya Gazeta*. 2013. April 19.
6. Voronin Yu.V. Retirement Age: Legal Nature and Significance in the Pension System [Text] / Yu.V. Voronin; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – M.: Norma, 2024. 84 p.
7. Gorlin Yu.M., Lyashok V.Yu. Raising the Retirement Age: Landscape after... [Text] / Yu.M. Gorlin, V.Yu. Lyashok. – M.: Publishing house “Delo” RANEPa, 2019. 98 p.
8. Kalachikhina Yu. Grandmothers for export. Germany exports grandmothers to Eastern Europe // *RBC newspaper*. 2013. September 18. // URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/09/18/56c0d5169a7947299f72dd63>.
9. Convention 102 concerning minimum standards of social security. Ratified by Federal Law of 03.10.2018 N 349-FZ // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902244295>.
10. Manuilskaya K.M. Roadmap of Aging, or How Not to Become a Hostage of Your Home After Retirement: monograph [Text] / K.M. Manuilskaya, D.M. Rogozin, O.B. Solodovnikova. – M.: Publishing House “Delo” RANEPa, 2022. 216 p.
11. Moiseev D. The Swiss will be paid an “unlucky” pension [Text] / D. Moiseev // *Nezavisimaya Gazeta*. 2024. March 4.
12. Nikiforova O. N. Special Pension Funds and Corporate Pensions in Developed Countries and Russia // *Russian Entrepreneurship*. 2012. № 4 (202). P. 182-188. // URL: <https://znanium.com/catalog/product/407601>.
13. Plotkin F. B. Old age: new life and new joys: popular science publication [Text] / F.B. Plotkin. – Minsk: Higher School, 2022. 399 p.
14. Roik V.D. Pension system of Russia. From Soviet to gray society [Text] / V.D. Roik. – M.: Prospect, 2024. 256 p.
15. Soloviev A.K. Theory and practice of compulsory pension insurance in Russia. Textbook [Text] / A.K. Soloviev A.K. – M.: Prometheus, 2020. 706 p.
16. Soloviev A.K., Kuchuk S.E. Al-Nator M.S., Dontsova S.A. Retirement age. Actuarial and statistical substantiation [Text] / A.K. Soloviev, S.E. Kuchuk, M.S. Al-Nator, S.A. Dontsova. – M.: Prometei, 2018. 326 p.
17. 2024 Global Retirement Index // URL: <https://www.im.natixis.com/en-us/insights/investor-sentiment/2024/global-retirement-index>.
18. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Commercial and non-profit medical organizations: theoretical aspects of the implementation of activities // *The power of history and the history of power*. 2024. Vol. 10. № 3 (53). P. 12-21.

Анисимов П.В.

Аспирант. Дипломатическая академия Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Медицина, Трамп и предвыборная стратегия демократов на президентских выборах США в 2024 г.*

Аннотация. С момента начала активной предвыборной борьбы в 2023 г. за пост президента США основным лейтмотивом речей среди республиканцев и демократов служило «спасение Америки». Обе стороны пугали граждан неизбежной тиранией, если победу одержит «вражеский» кандидат.

Ключевые слова: страны, политология, гражданское мнение, республиканцы, конфликт, стороны.

Anisimov P.V.

Postgraduate Student. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Medicine, Trump and the Democrats' election strategy for the 2024 US presidential election

Abstract. Since the start of the active election campaign in 2023 for the post of the President of the United States, the main leitmotif of speeches among Republicans and Democrats has been "saving America." Both sides have frightened citizens with inevitable tyranny if the "enemy" candidate wins.

Key words: countries, political science, civil opinion, Republicans, conflict, parties.

С момента начала активной предвыборной борьбы в 2023 г. за пост президента США основным лейтмотивом речей среди республиканцев и демократов служило «спасение Америки». Обе стороны пугали граждан неизбежной тиранией, если победу одержит «вражеский» кандидат. Байден прямо заявлял, что Трамп намеревается уничтожить демократию¹, а

¹ <https://www.msnbc.com/rachel-maddow/watch/-one-of-the-more-dangerous-things-about-trump-former-aide-on-trump-need-for-attention-193767493800>

* © Анисимов П.В., 2025.

Медицина, Трамп и предвыборная стратегия демократов на президентских выборах США в 2024 г.

Трамп — что хочет спасти страну от фашистов и коммунистов². Не будет преувеличением утверждение, что главным смыслом кампании стало запугивание избирателей перспективой прихода к власти конкурента³. С учетом того, что страна и так оказалась разделена по идеологическому признаку, борьбу за узкую прослойку неопределившихся (именно эти избиратели, видимо, и определили победителя) вряд ли можно было признать успешной, поскольку набор лозунгов и традиционных пугалок был рассчитан на людей, которые твердо определились со своим выбором. Вероятно, первыми, кто это осознал, стали демократы.

Право на аборты как попытка раскачать толпу

В 1973 г. Верховный суд постановил, что право на аборты относится к конституционным правам, а значит, все вопросы регулирования в этой сфере входят в компетенцию федеральных властей (дело *Roe v. Wade*). Несмотря на множество безуспешных попыток оспорить это решение, почти 50 лет в демократической стране право женщины решать — рожать ребенка или нет, находится в руках конгресса. Принятые законы были компромиссной позицией, что совсем не устраивало отдельные штаты с радикальными взглядами политиков и активных избирателей. Требования разнились от полного запрета на аборты (где сильны республиканские предпочтения) до максимальных послаблений в разрешенных сроках прерывания беременности и в упрощении процедур (радикалы от демократов).

В 2022 г. Верховный суд все же принял к рассмотрению дело с требованием пересмотра старой позиции суда по распределению пределов компетенции властей в части абортов. Состав суда был максимально консервативным, при этом четверо судей были назначены Дональдом Трампом. В этот раз Верховный суд постановил, что раз в Конституции нет ни слова про аборты, значит, ответственность за решение этого вопроса следует возложить на местные власти⁴. В случае США это не просто бюрократическое перераспределение полномочий. Федеральное регулирование означало для сторонников движения за репродуктивный выбор (*pro-choice*) дополнительную защиту женщин в штатах, нацеленных на ужесточение абортной политики. И такой поворот мог повлечь гарантированные изменения в негативную сторону, что сразу же вызвало широкие протесты по всей стране с массовыми задержаниями⁵.

Как показывали опросы, к январю 2023 г. количество недовольных политикой по абортам достигло максимальных значений: 7 из 10 аме-

2 <https://www.nytimes.com/2023/12/05/us/politics/trump-2024-president-campaign.html>

3 <https://edition.cnn.com/2023/11/17/politics/biden-critique-trump-rhetoric/index.html>

4 https://www.supremecourt.gov/opinions/21pdf/19-1392_6j37.pdf

5 <https://russian.rt.com/world/article/1018659-ssha-sud-aborty-protesty>

риканцев хотели пересмотра сложившегося регулирования⁶. Примечательно, что самый заметный рост был среди демократов и среди неопределившихся, при этом политический запрос был именно на снижение запретов, то есть движение имело явное направление от компромиссной позиции федерального правительства к «демократической» радикализации. Учитывая достаточно очевидные настроения, тема аборт на выборах была выбрана в качестве потенциального «паровоза», так как на повестке было не так много вопросов, которые могли бы принести голоса от неопределившихся.

В начале ноября 2023 г. Демократический национальный комитет принял решение сосредоточиться на угрозе ужесточения законодательства по абортам в случае, если президентом станет Трамп. В оперативном порядке была запущена серия предвыборных плакатов с фразой «Америка Трампа в 2025 году: наложить национальный бан на аборт» и др.⁷

В целом выбор темы аборт был достаточно логичен, но больших результатов это не давало. Согласно опросам, несмотря на массовые выступления в 2022 г., регулирование репродуктивных прав находилось всего лишь на девятом месте по популярности у избирателей. Даже у столь важной для Байдена прослойки молодого поколения эта тема едва достигала пятого места. Безусловное первое место занимала инфляция, а второе – вопрос доступности здравоохранения⁸. Возможно, именно последнее и послужило дальнейшему развитию событий.

Выбор Трампа

Первый пробный шаг от республиканцев к обсуждению конкретных проблем сделал сам Трамп, выбрав для этого весьма неожиданное направление. 25 ноября 2023 г. в своей привычной манере в социальной сети Truth он написал, что расходы на Обамасаре (расширение программы медицинского страхования, получившей неофициально имя 44-го президента США, а официально — Affordable Care Act, или ACA) вышли из-под контроля, раскритиковав в целом медицинскую реформу⁹. К посту была приложена статья из The Wall Street Journal¹⁰ с заголовком «Прозрение Элизабет Воррен об Обамасаре».

Элизабет Воррен — сенатор от штата Массачусетс, давний сторонник глобальной реформы здравоохранения, выступающая за всеобщее покры-

6 <https://news.gallup.com/poll/470279/dissatisfaction-abortion-policy-hits-high.aspx?>

7 <https://edition.cnn.com/2023/11/17/politics/biden-critique-trump-rhetoric/index.html>

8 <https://www.kff.org/affordable-care-act/poll-finding/kff-health-tracking-poll-november-2023/>

9 <https://truthsocial.com/@realDonaldTrump/posts/111471975032811076>

10 <https://www.wsj.com/articles/obamacare-medical-loss-ratio-elizabeth-warren-mike-braun-letter-healthcare-pbm-af77e284>

тие граждан страховкой, причем за счет государства. Будучи радикалом от демократов, Воррен всегда требовала большего от властей, но довольствовалась меньшим, поскольку компромисс от Обамы был уже большим скачком в плане социальных гарантий. Разумеется, сенатор стала ярким защитником программы от нападков республиканцев, а соответственно, и противником Трампа, так как последний в принципе всегда последовательно выступал против Obamacare.

Статья за ее именем стала очень громким заявлением для людей, знакомых с вопросом, так как заметка была посвящена признанию недостатков сложившейся системы, вылившейся в повышение стоимости страховки и расходов как застрахованных, так и бюджета. Многие из этого критиковал и сам Трамп. Тем более в 2016 г. в борьбе с Хиллари Клинтон он уже выбирал в качестве одной из главных тем дебатов для кампании вопрос реформы здравоохранения.

Реакция демократов

Реакция на сообщение Трампа была достаточно бурной, хотя оно и было сделано в обычной для Трампа манере. Уже спустя два дня, 27 ноября 2023 г., Байден заявил, что его предшественник призвал урезать расходы, чтобы лишить страховки десятки миллионов людей, но его команда не позволит это сделать.

На следующий день представитель штаба Байдена провел коллективный звонок с бывшим спикером Палаты представителей Нэнси Пелоси и губернатором штата Северная Каролина, который как раз проголосовал за решение расширить число застрахованных, воспользовавшись возможностями Obamacare (Северная Каролина стала юбилейным 40-м штатом по счету, который присоединился к программе).

Пелоси предупредила, что в 2024 г. АСА и все выгоды от него будут поставлены на голосование. Если выиграет Трамп, то он заберет у простых людей все улучшения, которые были достигнуты, а если выиграет Байден, то сохранит это и приумножит¹¹.

Представитель предвыборного штаба демократов дополнил, что Трамп, будучи президентом, находился всего в одном шаге от того, чтобы добиться отмены Obamacare, и, несомненно, попытается сделать это снова. Данный вопрос и будет решаться в ноябре 2024 г., и это настоящая угроза для среднего класса.

Отклик от демократов был такой напористый, что Трампу пришлось уточнить: он хочет не уничтожить Obamacare, а, наоборот, предложить намного более проработанный план¹². Возможно, переход в самооборону был связан с позицией неопределившихся избирателей (за голоса которых

11 <https://edition.cnn.com/2023/11/28/politics/biden-campaign-health-care-trump/index.html>

12 <https://truthsocial.com/@realDonaldTrump/posts/111492215056460142>

и шла основная борьба): по данным опросов, большинство из них указывали, что в плане будущего здравоохранения они больше доверяют демократам, чем республиканцам¹³.

Реакция республиканцев

Заявление Трампа стало большим сюрпризом и для его команды, при этом один из его советников сообщил, что с Трампом вопросы здравоохранения никто из штаба не поднимал. Сама команда считает, что концентрация на реформе здравоохранения будет проигрышной стратегией, так как мнение общества в отношении Обамасаре поменялось и теперь оно скорее положительное.

Республиканцы пытались отменить закон больше 50 раз¹⁴, но итогом этих попыток стало лишь повышение популярности программы страхования среди американцев¹⁵. Поддержка превысила цифру в 50 % избирателей еще во время президентства Трампа¹⁶, при этом свое обещание развернуть реформу обратно Трамп так и не выполнил.

Как сказал Кэн Спэйн, консультант Республиканской партии и бывший директор по связям Национального республиканского комитета (NRCC), есть мало вопросов, по которым республиканцы показывают такую слабую позицию во всех опросах. Именно команда Байдена отчаянно хочет, чтобы выборы были связаны с вопросами здравоохранения и аборт. Спэйн также добавил, что непонятно, чего хочет сам Трамп: это осознанное намерение сформулировать свою стратегию или очередной пример недостатка самодисциплины у бывшего президента¹⁷.

В итоге предвыборный штаб начал обсуждать вообще какие-либо идеи об альтернативном законопроекте, направленном на реформирование медицинских страхования, только после заявлений своего шефа в социальных сетях, что он такой проект готовит. Позиция команды была при этом достаточно осторожной: они не собирались настаивать на отмене Обамасаре, поскольку в текущих условиях это будет самоубийством для политика, но признали, что просто так обойти вниманием вопрос, который вызывает такой сильный отклик у американцев, тоже будет неправильным.

13 <https://www.kff.org/affordable-care-act/press-release/poll-by-a-wide-margin-democratic-voters-now-care-more-about-the-affordable-care-act-than-republican-voters-do-and-voters-trust-democrats-more-than-republicans-to-handle-its-future/>

14 <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2014/03/21/the-house-has-voted-54-times-in-four-years-on-obamacare-heres-the-full-list/>

15 <https://www.kff.org/interactive/kff-health-tracking-poll-the-publics-views-on-the-aca/#?response=Favorable--Unfavorable&aRange=all>

16 <https://www.kff.org/interactive/kff-health-tracking-poll-the-publics-views-on-the-aca/#?label&response=Favorable--Unfavorable&aRange=all>

17 <https://edition.cnn.com/2023/11/30/politics/trump-obamacare-2024/index.html>

Параллельно губернатор от Флориды Рон Десантис, выставивший свою кандидатуру на участие в праймериз от республиканцев, по горячим следам 3 декабря 2023 г. обнародовал похожее заявление: если он станет президентом, то заменит Обамасаре лучшей альтернативой. Однако и он так же не смог раскрыть журналистам никакой конкретики, только сообщив, что план в работе¹⁸.

План нападения от демократов

К моменту описываемой ситуации социологические опросы уже показывали, что Трамп лидирует в рейтинге избирателей¹⁹. Предвыборные стратеги демократов приняли решение остаться на изначально выбранной идее кампании — показать, что будет, если к власти придет Трамп²⁰.

Глава штаба также подтвердил, что считает вброшенный Трампом вопрос здравоохранения выгодной для демократов темой публичных дебатов, поскольку все усилия республиканцев по отмене Обамасаре постоянно проваливались. Часть республиканцев даже отказались обсуждать Обамасаре где-либо вообще. Так что Трамп, с точки зрения демократов, играл сам против себя.

Было принято решение запустить предвыборную рекламу, которая должна показать разницу между работой Байдена по улучшению системы здравоохранения и подходами Трампа по ее разрушению. Почему-то во главу угла все равно планировалось поставить проблему аборт, что бесспорно имело связь со здравоохранением, поскольку касалось репродуктивного здоровья, но напрямую с сообщениями Трампа связано не было.

Возможно, два вопроса хотели объединить с целью четкой негативной идентификации Трампа, тем более что его позиция по абортам была общеизвестна и достаточно консервативна (он неоднократно хвастался, что именно он назначил судей Верховного суда, пересмотревших дело *Roe v. Wade*). Увязка двух «намеков» на то, что Трамп хочет не только отменить медицинскую страховку, но и запретить аборты, позволяла создать идеальный образ, который можно было свести к формуле «только не Трамп».

Со стороны официальных властей 4 декабря 2023 г. было объявлено о подготовке в ближайшее время списка мер, призванных снизить стоимость расходов на медицину для граждан²¹, и 7 декабря 2023 г. админи-

18 <https://edition.cnn.com/2023/12/03/politics/desantis-obamacare-biden-impeachment/index.html>

19 <https://edition.cnn.com/2023/11/07/politics/cnn-poll-trump-biden-matchup/index.html>

20 <https://edition.cnn.com/2023/11/17/politics/biden-critique-trump-rhetoric/index.html>

21 <https://edition.cnn.com/2023/12/04/politics/biden-health-care-2024/index.html>

страция Байдена их анонсировала²². Предложения в первую очередь были направлены на повышение конкурентности на рынке страховых услуг и на возможность в некоторых случаях вмешательства государства в регулирование цен на лекарства, к чему активно призывала упомянутая выше Элизабет Воррен.

Кроме того, советники Байдена посчитали, что этот план позволит дополнительно привлечь на свою сторону пожилых американцев и молодежь, а предложения по расширению возможностей Medicaid помогут в борьбе за избирателей в штатах Джорджия и Висконсин, которые не участвуют в программе-расширении Обамасаре и где в 2024 г. ожидалось жаркие дебаты (это традиционно республиканские штаты).

10 января 2024 г. Байден выступил с речью, посвященной новым рекордным цифрам в системе медицинского страхования — 20 миллионов застрахованных, при этом 8 миллионов пришли во время его президентства²³.

Подтверждение выбора стратегии

Бесспорно, заявленные Байденом и его командой цифры показывали успешность реформы, но достаточно быстро критики его действий обратили внимание, что такие успехи стали возможными исключительно благодаря дополнительному финансированию, предусмотренному законом American Rescue Plan, который был направлен на восстановление экономики после пандемии. Это финансирование утверждено на двухпартийной основе, и действие предусмотренных программ помощи истекает в 2025 г. Продление возможно только на условиях нового компромисса, что в целом выглядит малореализуемым в текущих условиях.

Однако штабом демократов это не было воспринято в качестве помехи, поскольку выборы должны произойти до этой даты. Подтверждением выбора стратегии послужило очередное ежегодное обращение Байдена к конгрессу 7 марта 2024 г., в ходе которого он неоднократно ссылаясь на успехи реформы здравоохранения и важность вопросов женского здоровья. Это не прошло мимо внимания прессы, и крупнейшие политические издания выпустили материал с отдельным обзором успехов и неудач Байдена на поприще медицины: начиная от вопроса абортов и борьбы с коронавирусом и заканчивая вопросами передозировки лекарственными средствами²⁴. Вопрос стратегии республиканцев оставался

22 <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/12/07/fact-sheet-biden-harris-administration-announces-new-actions-to-lower-health-care-and-prescription-drug-costs-by-promoting-competition/>

23 <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/01/10/statement-from-president-joe-biden-on-historic-20-million-enrollees-in-affordable-care-act-health-care/>

24 <https://www.politico.com/interactives/2024/biden-healthcare-legacies/>

открытым. Команда Трампа не успевала выпустить внятную программу реформы медицинского страхования, поэтому лучшей защитой осталось нивелирование заслуг Байдена на почве здравоохранения, тем более что ни одно из обещаний 46-го президента США в этой сфере не было выполнено до конца.

Библиографический список / References

1. <https://www.msnbc.com/rachel-maddow/watch/-one-of-the-more-dangerous-things-about-trump-former-aide-on-trump-need-for-attention-193767493800>
2. <https://www.nytimes.com/2023/12/05/us/politics/trump-2024-president-campaign.html>
3. <https://edition.cnn.com/2023/11/17/politics/biden-critique-trump-rhetoric/index.html>
4. https://www.supremecourt.gov/opinions/21pdf/19-1392_6j37.pdf
5. <https://russian.rt.com/world/article/1018659-ssha-sud-aborty-protesty>
6. <https://news.gallup.com/poll/470279/dissatisfaction-abortion-policy-hits-high.aspx?>
7. <https://edition.cnn.com/2023/11/17/politics/biden-critique-trump-rhetoric/index.html>
8. <https://www.kff.org/affordable-care-act/poll-finding/kff-health-tracking-poll-november-2023/>
9. <https://truthsocial.com/@realDonaldTrump/posts/111471975032811076>
10. <https://www.wsj.com/articles/obamacare-medical-loss-ratio-elizabeth-warren-mike-braun-let-ter-healthcare-pbm-af77e284>
11. <https://edition.cnn.com/2023/11/28/politics/biden-campaign-health-care-trump/index.html>
12. <https://truthsocial.com/@realDonaldTrump/posts/111492215056460142>
13. <https://www.kff.org/affordable-care-act/press-release/poll-by-a-wide-margin-democratic-voters-now-care-more-about-the-affordable-care-act-than-republican-voters-do-and-voters-trust-democrats-more-than-republicans-to-handle-its-future/>
14. <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2014/03/21/the-house-has-voted-54-times-in-four-years-on-obamacare-heres-the-full-list/>
15. <https://www.kff.org/interactive/kff-health-tracking-poll-the-publics-views-on-the-aca/#?response=Favorable--Unfavorable&aRange=all>
16. <https://www.kff.org/interactive/kff-health-tracking-poll-the-publics-views-on-the-aca/#?label&response=Favorable--Unfavorable&aRange=all>
17. <https://edition.cnn.com/2023/11/30/politics/trump-obamacare-2024/index.html>
18. <https://edition.cnn.com/2023/12/03/politics/desantis-obamacare-biden-impeachment/index.html>
19. <https://edition.cnn.com/2023/11/07/politics/cnn-poll-trump-biden-matchup/index.html>
20. <https://edition.cnn.com/2023/11/17/politics/biden-critique-trump-rhetoric/index.html>
21. <https://edition.cnn.com/2023/12/04/politics/biden-health-care-2024/index.html>
22. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/12/07/fact-sheet-biden-harris-administration-announces-new-actions-to-lower-health-care-and-prescription-drug-costs-by-promoting-competition/>
23. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/01/10/statement-from-president-joe-biden-on-historic-20-million-enrollees-in-affordable-care-act-health-care/>
24. <https://www.politico.com/interactives/2024/biden-healthcare-legacies/>

Шаламова Е.В.

Преподаватель кафедры рекламы и современных коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Капелюш М.Б.

Старший преподаватель кафедры рекламы и современных коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Психологические и социокультурные механизмы формирования и продвижения личного бренда в условиях цифровой эпохи*

Аннотация. Данная статья рассматривает формирование и продвижение личного бренда со стороны психологических и социокультурных факторов, оказывающих влияние. Также были рассмотрены методы продвижения личного бренда и рассмотрена их эффективность. Данное исследование старается проанализировать факторы, влияющие на формирование личного бренда и его продвижение в условиях технологического прогресса, таких как: психологические аспекты (самовосприятие), архетипы и их влияние на формирование личного бренда, социокультурные тенденции для восприятия персонального брендинга на цифровом рынке. В процессе исследования поставленной проблемы использовались методы логического анализа. Сделан вывод о том, что в эпоху цифрового развития при формировании личного бренда стоит учитывать психологические и социокультурные аспекты, которые в свою очередь оказывают влияние как на обладателя бренда, так и на потребителей. Соблюдение данных факторов будет положительно влиять на продвижение, формируя хорошую репутацию, которая будет выделять личный бренд на фоне конкурентов.

Ключевые слова: личный бренд, продвижение, психология, социокультурное влияние, развитие, современные технологии, социальные сети, индивидуальность, имидж, репутация, работа над собой, контент-маркетинг.

Shalamova E. V.

Lecturer at the Department of Advertising and Modern Communications, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Kapelyush M. B.

Senior Lecturer at the Department of Advertising and Modern Communications, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

* © Шаламова Е.В., Капелюш М.Б., 2025.

Psychological and socio-cultural mechanisms of personal brand formation and promotion in the digital age

Abstract. This article examines the formation and promotion of a personal brand from the perspective of psychological and socio-cultural factors that have an impact. The methods of personal brand promotion were also reviewed and their effectiveness was reviewed. This study tries to analyze the factors influencing the formation of a personal brand and its promotion in the context of technological progress, such as: psychological aspects (self-perception), archetypes and their influence on the formation of a personal brand, socio-cultural trends for the perception of personal branding in the digital market. In the process of studying the problem, logical analysis methods were used. It is concluded that in the era of digital development, when forming a personal brand, it is worth taking into account psychological and socio-cultural aspects, which in turn affect both the brand owner and consumers. Compliance with these factors will have a positive impact on promotion, and I will build a good reputation that will set my personal brand apart from competitors.

Key words: personal brand, promotion, formation, psychology, socio-cultural influence, development, modern technologies, social networks, individuality, image, reputation, self-improvement, content marketing.

В условиях цифровой эпохи, когда технологии приобретают значительное влияние на мир, недостаточное осознание взаимосвязи психологических и социокультурных механизмов, которые влияют на формирование и продвижение личного бренда, является проблемой. Персональный брендинг сталкивается с трудностями, связанными со стремительно развивающимися трендами, ростом технологий и изменением потребительских предпочтений. Решение данной проблемы связано с разработкой эффективного стратегического плана с учетом психологических факторов личности и социокультурного влияния, оказываемого на нее.

Базовая идентичность личности строится на фундаментальных характеристиках, таких как образование, навыки и ценности. Если рассматривать личный бренд с более подробной стороны, то он описывается при помощи талантов и способностей, культурных аспектах жизни, мироощущении в различных сферах жизни и т.д. Александр Кичаев личный бренд выделяет как набор личностных и деловых качеств человека, который говорит о полезности и профессионализме личности¹. По мнению гуру менеджмента Тома Питерса личный бренд является самым образом человека, то, как его воспринимают окружающие². Основываясь на этих определе-

1 Управление репутацией и персональным бредом // Александр Кичаев // URL: <https://kichaev.ru/consulting/upravlenie-reputatsiej-i-personal-ny-m-brendom> (Дата обращения: 05.04.2025).

2 Том Питерс. Преврати себя в бренд! 50 верных способов перестать быть посредственностью. - 2-е изд. - Москва: МИФ, 240 с.

ниях, можно сделать вывод, что персональный брендинг акцентирует внимание на индивидуальности и личностных качествах человека: его талантах, достижениях, характере, внешнему виду и т.д.

Убедительный личный бренд обладает:

- ценностями и миссией;
- фирменным стилем, упакованными социальными сетями и атрибутами;
- хорошей репутацией;
- постоянным развитием и движением вперед.

В современном мире наличие сильного личного бренда является незаменимым фактором на пути к успешному развитию бизнеса. Качественно проработанная личность становится лидером мнений в глазах потребителей и оказывает влияние на принятие решений. Персональный бренд должен поставить перед собой конкретные цели, которые помогут ему развиваться и двигаться вперед в выбранной нише.

После постановки целей личный бренд должен определить для себя следующие шаги в его формировании. Подготовка пошагового плана действий с четко расписанными пунктами и установленными дедлайнами их выполнения поможет создать успешный личный бренд. Прежде всего определяется миссия и ценности я-бренда, а также что он будет продвигать. После этого анализируется целевая аудитория и конкуренты. Опираясь на полученные данные, разрабатывается УТП (уникальное товарное предложение), а также визуальная идентичность личного бренда, которые выделяют его на конкурентном рынке.

Персональный бренд человека складывается на основе коммуникации с другими людьми. Соответственно, чем больше людей, на которых оказывается влияние, будут взаимодействовать с личностью, тем быстрее и эффективнее будет расти сам персональный бренд. Из этого следует, что личный бренд имеет две основные составляющие — охват и репутация. Репутация зарабатывается годами и поддерживается на протяжении всего времени развития личного бренда. Охват аудитории имеет идентичные требования. Формирование и продвижение личного бренда есть кропотливый труд, результатом которого будет успешный карьерный рост и эффективное развитие бизнеса.

Данное исследование старается рассмотреть проблему влияния психологических и социокультурных механизмов, а именно их взаимосвязь с формированием и продвижением личного бренда.

Основа персонального бренда заключается в уникальности самой личности. Чем ярче человек, обладающий личным брендом, преподносит свое «Я» окружающим, тем интереснее он становится в глазах потребителей. Следовательно, личность обладает высоким шансом оставить свой след в сознании окружающих.

Говорить о персональном бренде и его успешности можно тогда, когда имя хорошо известно конкурентам, целевая аудитория имеет четкое понимание об обладателе личного бренда и приходят к нему из разных источников, бренд имеет достаточное влияние, чтобы задавать тренды.

Построение личного бренда — долгий и трудоемкий процесс. Результатом качественного я-бренда является создание стабильной ассоциации в сознании потребителей, с которой бренд связывается. Прийти к такому результату можно благодаря четко построенному плану и слаженным действиям без хаотичных изменений стратегии, не прибегая к изменению форм контента личности. Психолог Беляева Л.С. говорит, что причина потери мотивации — страх негативной оценки: «Если мы не даем себе позитивного подкрепления, мы не обеспечиваем себе условий уверенности для движения вперед. Если мы сами критикуем и обесцениваем свои результаты, энергии для новых достижений будет с каждым новым шагом все меньше»³.

Для создания четкого персонального бренда стоит учесть такие психологические аспекты как безопасность, проработка мотивации, честность, самопознание и коммуникация.

1. Безопасность.

Чувство защищенности позволяет человеку уверенно двигаться вперед за счет экологических действий и готовности к их реализации. При соблюдении этих условий складывается четкое понимание построения стратегии и ее успешное выполнение. Укрепить чувство психологической безопасности может, например, проработка ценностей посредством ответа на вопрос «Какую пользу приносит моя деятельность?».

2. Проработка мотивации.

Мотивация — вспомогательный инструмент, который может быть использован для увеличения эффективности работы. Для большинства личных брендов это может проявляться в индивидуальности, которая создает эмоциональную связь с аудиторией. Персона стремится получить признание, стать лидером мнения, оказывать влияние на общественность и т.д. Для этого нужно проанализировать личные интересы и связать их с ожидаемым результатом. Цели разделяются на долгосрочные и краткосрочные, что позволяет контролировать прогресс и сохранять стимул для дальнейшей работы. Также визуализация достигнутых целей, еще больше замотивируют на работу.

3. Честность и естественность.

Построение личного бренда основывается на индивидуальности и уникальности. Транслирование непринужденности и естественности, полная честность с аудиторией в поведении и общении укрепляет позиции личности на рынке, а также позволяет запомниться в потребительском созна-

³ Психологические аспекты создания персонального бренда // Психологическая газета // URL: <https://psy.su/feed/6697/> (Дата обращения: 05.04.2025).

нии. Неподдельное проявление своей оригинальности является выгодным образом персоны. Потребители чаще всего выбирают те бренды, которые не только соответствуют им, их ценностям и стилю жизни, но и оказывают положительное впечатление. Строить образ необходимо исключительно на основе истинной сущности личности, так как любое проявление фальши со стороны бренда чувствуется аудиторией.

4. Самопознание.

Самопознание – это знание о себе и своих свойствах, а также желание искать такие знания, которые направляют развитие «я-концепции». Оно информирует нас о наших ментальных представлениях о себе⁴. Самопознание – это инструмент, который помогает не только в самом формировании личного бренда, но и помогает определить целевую аудиторию. Проанализировав свою личность, ценности, мировоззрение, человек понимает кто он такой и как его видят окружающие. Благодаря этому знанию можно адаптировать персональный бренд под конкретную нишу для удовлетворения потребностей и интересов аудитории. С помощью него человек находит путь к самосовершенствованию и личностному росту. Глубоко проработанная личность, которая нашла свое призвание в жизни и определила свои цели, имеет преимущество на фоне конкурентов за счет сильной эмоциональной связи с потребителями, так как она будет искренней. Непрерывный самоанализ считается залогом успеха работы личного бренда, так как он помогает персональному бренду развиваться и адаптироваться как к карьерным, так и жизненным изменениям.

5. Коммуникация.

Хорошо сформулированное сообщение создает имидж бренда и формирует первое впечатление о нем у аудитории: все это складывается из выбранной тональности, стиля и способов общения. Открытая коммуникация позволит проявить аутентичность бренда и выстроить доверительные отношения с потребителями. Важно учитывать, что взаимодействие с аудиторией является двусторонним процессом, то есть получение фидбеков (обратной связи) от аудитории позволит лучше понять их интересы и потребности, а также получить больше информации о восприятии бренда и обратить внимание на слабые стороны, при условии их наличия.

Психологические аспекты являются «ключом» к лояльности бренда со стороны аудитории. Благодаря правильному подходу в их использовании личный бренд закрепит свои позиции на рынке, сможет выделиться в конкурентной борьбе и обеспечит успешное продвижение по карьерной лестнице.

Социокультурные механизмы влияют на формирование персонально-

4 Самопознание (психология) // Википедия // URL: [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0aacfe3c-6800fc3d-9f35b6b1-74722d776562/https/en.m.wikipedia.org/wiki/Self-knowledge_\(psychology\)](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0aacfe3c-6800fc3d-9f35b6b1-74722d776562/https/en.m.wikipedia.org/wiki/Self-knowledge_(psychology)) (Дата обращения: 09.04.2025).

го бренда. Также стоит учитывать, что они оказывают влияние не только на бренд, но и на решения потребителей и как они воспринимают личный бренд. Эти аспекты включают в себя как индивидуальные характеристики личности, так и широкий спектр социокультурных механизмов, определяющих восприятие и развитие я-бренда в глазах потребителей.

Культурные нормы и ценности общества, в котором бренд возникает, определяет его понимание. Образ персонального бренда может быть сконструирован за счет общепринятых социальных норм, ожидаемых со стороны аудитории: стиль общения, поведение, внешний вид. То есть, в различных культурах идет разная интерпретация того, что может казаться успешным. В одной культуре внимание акцентируется на индивидуальных достижениях и воспринимается в позитивном ключе, в то время как в другой культуре это будет считаться хвастовством и тщеславием. Это значит, что в определенной нише должны демонстрироваться определенные нормы поведения, например, в творческой индустрии принято придерживаться креативности и, возможно, нестандартности. Помимо культурных контекстов, оказывающих влияние на восприятие персонального бренда, также рассматриваются стереотипы. Предвзятое отношение к личному бренду может быть сформировано лишь за счет стереотипов, несмотря на реальные профессиональные качества. Стереотипы могут быть расовые, гендерные, возрастные и т.д. Социальные ожидания могут различаться с представителем личного бренда, из-за этого профессиональная среда требует больше дополнительных усилий для успешной работы.

От социокультурных механизмов зависит выбор ценностей и идей, а также способы коммуникации и распространения информации, которую персональный бренд собирается доносить до аудитории. Культурные нормы диктуют правила поведения личности. Слог и визуальные составляющие должны быть вдумчиво подстроены под культурные контексты, чтобы аудитория приняла бренд и выстраивала с ним доверительные отношения. К этим факторам также можно отнести адаптацию к социальным трендам и перспективам, чтобы бренд мог сохранить свою актуальность и конкурентоспособное положение на рынке.

Также можно выделить социальный капитал, как фактор, способствующий развитию личного бренда. Социальный капитал – это набор связей, которые приносят выгоду. Он формируется в течение жизни – из друзей и знакомых, приятелей, родителей, коллег, партнеров по бизнесу⁵. Наличие таких сильных личных и профессиональных связей позволит увеличить скорость процесса узнаваемости бренда и росту лояльности к нему. Он позволяет получить доступ к необходимым ресурсам, информации и возможностям, которые могут быть недоступны для индивида.

5 Что такое социальный капитал и как его монетизировать. // Секрет Фирмы // URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-socialnyi-kapital.htm> (Дата обращения: 09.04.2025).

Социальные сети, как социокультурный механизм, являются мощным инструментом, предоставляя огромную платформу для самопрезентаций, коммуникации с аудиторией и размещения уникального контента. Социальные сети имеют широкий охват аудитории и являются доступным средством продвижения на рынке, позволяя человеку создавать свой имидж, зарабатывать репутацию, транслировать ценности и профессиональные качества. Медиaplatformы являются отражением современных социокультурных стремлений, такие как открытость, прозрачность, персонализация коммуникации. Потребители все чаще отдают предпочтение уникальности и неповторимости, что в свою очередь требует от обладателя персонального бренда непрерывной работы над своим образом, приспособления к изменяющимся трендам и потребностям аудитории и активного взаимодействия. Виртуальный мир является одним из основных социокультурных механизмов, который формирует новые стандарты демонстрации образа личности, ее компетенций и профессиональных навыков, а также взаимодействия с целевой аудиторией. С их помощью персональный бренд может расширить свои возможности в развитии.

Социальные сети — самый действенный способ для продвижения личного бренда с нуля. С помощью них бренды и люди обладают возможностью делиться своими историями, экспертизой, ценностями с широкой аудиторией по всему миру. Личный бренд может сконцентрировать внимание на одной-двух площадках, то есть сделать акцент на качественное продвижение, либо использовать всевозможные социальные сети, чтобы взять количеством. Рассмотрим некоторые площадки для продвижения⁶:

1. ВКонтакте.

Данная социальная сеть переживает вторую волну активного использования среди аудитории из-за блокировки некоторых сетей. Платформа активно старается развиваться, вводит новые фишки и открывает новые возможности для пользователей, в том числе и для ведения бизнеса. Личные страницы ВКонтакте не подойдут для продвижения персонального бренда, поэтому здесь надо создавать тематическое сообщество и пополнять его полезным контентом, в том числе и видео. Для этого ВКонтакте запустили свои клипы наподобии Reels в Instagram* (запрещенная сеть в Российской Федерации). Также для более качественного продвижения и узнаваемости сообщества VK позволяет настраивать таргетинг.

2. Telegram.

Мессенджер набирает популярность среди молодежи и людей среднего возраста. По данным TGStat.ru, русскоязычный Telegram насчитывает уже больше 700 тысяч каналов. Их количество растёт в том числе благодаря предпринимателям, которые раньше активно присутствовали на других

6 Личный бренд в социальных сетях // I am Brand // URL: <https://i-am-brand.ru/knowledge-base/prodvizhenie-lichnogo-brenda-v-socialnyh-setyah/> (Дата обращения: 15.09.2025).

площадках⁷. Telegram перестал считаться обычным мессенджером и стоит на одном уровне с Вконтакте и другими похожими платформами. Однако у него нет ленты, а таргетированная реклама появилась относительно недавно и требует огромных вложений.

3. Яндекс.Дзен.

Дзен является российской блог-платформой для создания и просмотра контента⁸. Персональный бренд на данной платформе может развиваться посредством авторского канала, который посвящен экспертности личности. Однако, как основной канал продвижения Дзен не подойдет, его лучше использовать как дополнение к другим социальным сетям.

4. Pinterest.

Данная площадка крайне недооценена, так как у нее есть бесплатный трафик на контент. Эта социальная сеть имеет низкую конкуренцию по сравнению с остальными медиа платформами, используется для продвижения она единицами. На Pinterest созданный контент остается и распространяется без остановки, а охват будет расти в течение долгого времени после его размещения. Данная сеть требует постоянного присутствия, так как она любит активную аудиторию. Pinterest приносит больше охвата, чем Instagram* (запрещенная сеть в Российской Федерации) при этом абсолютно пассивно и без дальнейшего участия пользователя⁹.

5. Instagram* (запрещенная сеть в Российской Федерации).

Instagram* (запрещенная сеть в Российской Федерации) — социальная сеть, онлайн-платформа, разработанная в 2010 году Кевином Систромом и Майком Криггером в Сан-Франциско, Калифорния. С 2012 года является дочерней компанией Meta Platforms. Instagram позволяет публиковать контент в формате фото и видео, а также управлять им: редактировать, добавлять хештеги (ключевое слово, используемое для поиска информации), текст, музыку и геолокацию¹⁰. Если для продвижения использовать данную платформу, то тут важную роль будет играть визуал. Качественные фотографии и видео используются для красивого оформления профиля. Чтобы аккаунт приносил доход в условиях блокировки данной сети приходится прилагать больше усилий в работе и сотрудничать с блогерами

7 6 способов, как продвинуть канал в Телеграме // Яндекс.Директ // URL: <https://direct.yandex.ru/base/articles/prodvizhenie-telegram-kanala> (Дата обращения: 15.09.2025).

8 Дзен (контентная платформа) // Википедия // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B7%D0%B5%D0%BD_\(%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0\)#:~:text=%C2%AB%D0%94%D0%B7-%D0%B5%D0%BD%C2%BB%20](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B7%D0%B5%D0%BD_(%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0)#:~:text=%C2%AB%D0%94%D0%B7-%D0%B5%D0%BD%C2%BB%20) (Дата обращения: 15.09.2025).

9 Продвижение через Pinterest // VC.RU // URL: <https://vc.ru/design/619318-prodvizhenie-cherez-pinterest> (Дата обращения: 15.09.2025).

10 Instagram // РУВИКИ // URL: [https://ru.wiki.ru/wiki/Instagram#:~:text=Instagram%20\(%D1%80%D1%83%D1%81,%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%E2%80%94%20Facebook%20Inc.\)](https://ru.wiki.ru/wiki/Instagram#:~:text=Instagram%20(%D1%80%D1%83%D1%81,%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%E2%80%94%20Facebook%20Inc.)) (Дата обращения: 15.09.2025)

или создавать различные коллаборации. Однако с 1 сентября 2025 года в силу вступает новый законопроект, запрещающий распространение рекламы на информационных ресурсах иностранных или международных организаций, деятельность которой признана нежелательной в России, а также на ресурсах компаний, деятельность которых признана экстремистской и запрещена¹¹. Соответственно, ответственность за нарушение запрета будут нести рекламодатель и рекламораспространитель. То есть эксперт может вести свой аккаунт в социальной сети, однако закупать рекламу у блогеров и других пользователей будет считаться нарушением запрета.

Продвижение в любых социальных сетях будет успешным если будет использоваться принцип добавления необходимого и полезного контента, а все лишнее должно быть убрано. Очевидно, что контент должен быть качественным, уникальным и интересным. Есть несколько видов контента, которые личный бренд может использовать:

1. Lifestyle контент.

Контент личной жизни. Он помогает повысить вовлеченность, увеличить лояльность, привлечь аудиторию и вписать продукт в жизнь потенциальных клиентов.

2. Продающий контент.

Такой контент доносит сообщения, содержащие призыв к покупке.

3. Обучающий контент.

Формат, доносящий полезную информацию до аудитории. Это могут быть бесплатные курсы, лайфхаки и другой подобный контент.

Хороший пример личного бренда, который использует полезный и личный контент — Джейми Оливер. Он является одним из самых известных и богатых шеф-поваров в мире. Он ведет тв-шоу, пишет книги, управляет сетью ресторанов и кулинарных школ. Оливер создал несколько социальных, благотворительных проектов и потратил много сил в борьбе за правильное питание британских школьников¹². Социальные сети шеф-повара похожи на примеры из рекомендаций по формированию персонального бренда — сочетание цветовой гаммы и удачная визуальная компоновка постов. Джейми рассказывает о своей работе над книгами, шок и выкладывает вырезки из своих кулинарных передач. В его соцсетях нет рекламы, контент посвящен исключительно его деятельности и продвижению его работ. Помимо этого, Оливер находится в позиции активного гражданина, который отстаивает проекты по здоровому питанию для британцев и социальные программы в интервью и социальных сетях.

11 Закон Российской Федерации «О внесении изменений в статью 12 федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и федеральный закон «О рекламе»» от 07.04.2025 № N 72-ФЗ 2025 г. Ст. 3.

12 Как выглядят известные личные бренды? 5 неочевидных выводов о продвижении // Pressfeed.журнал // URL: <https://news.pressfeed.ru/kak-vyglyadyat-izvestnye-lichnye-brendy> (Дата обращения: 15.09.2025).

На примере Джейми Оливера можно сделать следующие выводы:

1. Личный бренд может выбрать ту тональность общения, которая подходит именно ему.
2. Используя исключительно полезный контент, продвижение не будет хорошо и быстро работать. Не стоит ограничиваться только практически-ми материалами, можно показывать аудитории чем именно личный бренд отличается от конкурентов.
3. Не надо игнорировать рекламу, не надо бояться рассказать о себе.
4. Иметь личный бренд — это значит быть собой. Мысли, посты, тексты, разговоры о том, что по мнению человека важно — все это формирует личный бренд, отходя от шаблонов.

Помимо использования социальных сетей в качестве инструмента продвижения, личный бренд может продвигаться и другими способами. Такие способы включают в себя подкасты, публичные выступления, коллаборации и нетворкинг¹³.

Участие в подкастах в качестве приглашенного гостя или создание своего собственного привлекают внимание аудитории к персоне. С помощью них можно расширять свою целевую аудиторию, так как подкасты слушают люди с одинаковыми интересами. Лояльность потребителя к бренду увеличивается за счет очеловечивания бренда. Живые истории о работе, создании продукции и самого бренда с момента появления замысла, внутренние дела позволяют укрепить отношения аудитории с брендом. У людей появляется дополнительное ощущение присутствия и чувство приближенности к бренду. Также подкасты нативно рекламируют бренд — в ходе беседы упоминаются продукты брендов, рассказываются примеры и кейсы.

Публичные выступления как ключевой метод продвижения персонального бренда. Они создают уникальный стиль общения, позволяют показывать личный бренд открытым и искренним, а также это способ активного взаимодействия с аудиторией. Работа над имиджем и репутацией лишь за счет использования онлайн платформ не даст качественного результата, поэтому стоит делиться мыслями через публичные выступления, а уже потом дублировать их в социальные сети.

Суть коллаборации заключается во взаимовыгодном сотрудничестве людей или брендов. Коллаборация объединяет навыки, ресурсы и знания для создания единого продукта. С помощью нее личный бренд может сократить расходы на рекламу, наращивать аудиторию посредством обмена знаниями и опытом, повышать доверие целевой аудитории посредством акций или общих программ лояльности. Примером активного исполь-

13 Как продвигать личный бренд в 2024-2025 году? Актуальные способы и инструменты. // VC.RU // URL: <https://vc.ru/marketing/1447390-kak-razvivat-lichnyi-brend-v-2024-2025-godu-aktualnye-sposoby-i-instrumenty?ysclid=m9qwl866dl923894194> (Дата обращения: 17.04.2025).

зования коллабораций можно назвать российский бренд одежды Befree. Бренд создал линейку одежды CO:CREATE для начинающих креаторов и делает совместные релизы одежды, развивая модную индустрию в России. Дизайнерам предоставляется возможность сотрудничать с крупнейшим российским брендом и заявить о себе. Коллекции часто обновляются, одна из последних коллабораций — первое сотрудничество за всю историю существования с другим брендом одежды M_U_R. Такой формат позволяет объединить профессионализм разных брендов и каждой из них получить доступ к новой аудитории и возможности продвигаться. Коллаборации подойдут тем, у кого схожая целевая аудитория, аналогичные ценности и желание наращивать аудиторию. Личный бренд сможет повысить свой экспертный статус, создавать новый привлекающий контент и получить дополнительные возможности, такие как привлечение новых партнеров, клиентов или спонсоров.

Нетворкинг — умение заводить знакомства с нужными людьми для развития карьеры и бизнеса¹⁴. Соблюдая его принципы, человек может создать свой неповторимый личный бренд. Он является фундаментом для создания успешной карьеры и привлечения нужных людей. Этот способ требует много усилий: посещение тренингов, чтение полезной литературы, работа над собственной личностью и профессиональными навыками. Обладатель персонального бренда должен общаться с максимальным количеством людей, который соответствуют его деятельности, при этом общение должно быть правильным, чтобы личность оставила после себя приятное впечатление и вызвало желание взаимодействовать дальше. Человек должен презентовать себя так, чтобы показать свое знакомство выгодным или интересным для собеседника. Нетворкинг — это не является обычным способом установления связей, важно обладать четкими целями для подобных знакомств.

Стоит упомянуть, что при формировании личного бренда в цифровую эпоху важно помнить об этике для поддержания доверия и сохранения репутации. Личный бренд должен быть верным себе и своим ценностям, для создания прочных связей с аудиторией. Этическое продвижение личного бренда значит уважительно относиться к аудитории. Стоит учитывать мнения, потребности и чувства потребителей, с которыми бренд взаимодействует. Также особое внимание должно быть уделено публикуемой информации. Распространение ложной информации может навредить как репутации, так и общественному мнению. Иногда некоторые люди и бренды используют фейковые новости и провокационные заголовки в качестве психологических приемов для манипуляции мнением аудитории.

14 Что такое нетворкинг: как создавать профессиональные связи // Calltouch Blog // URL: <https://www.calltouch.ru/blog/networking-kak-zavodit-poleznye-znakomstva/> (Дата обращения: 17.04.2025).

«Интернет помнит все» — самая распространенная фраза в современном мире. Любая информация, которая попадает на просторы интернета, остается там навсегда. Для личного бренда это крайне важно, так как легкость распространения информации может сделать ложь вирусной, что создает риск формирования некорректного общественного мнения. Поэтому создатель контента должен осознавать всю ответственность, которую он несет перед аудиторией, за публикуемую информацию. В первую очередь личный бренд должен быть честным, открытым, а также уважать свою аудиторию.

Каковы же перспективы личного бренда в будущем? Будет ли он востребован и нужен?

Вспомним, что личный бренд — это сам человек и его характеристики. С момента наступления мирового локдауна из-за COVID-19 востребованность персонального бренда только растет. Он является частью профессионального успеха человека и обеспечивать его конкурентоспособность на рынке. С появлением огромного количества современных технологий у людей есть безграничное количество возможностей построения своей карьеры.

Таким образом, цифровая идентичность (присутствие в социальных медиа) становится важной частью профессионального имиджа. Люди и компании предпочитают работать с теми, кто узнаваем, вызывает доверие, а также транслирует свой профессионализм и экспертность в конкретной области деятельности.

Библиографический список

1. Управление репутацией и персональным брендом // Александр Кичаев // URL: <https://kichaev.ru/consulting/upravlenie-reputatsiej-i-personal-nu-m-breandom/> (Дата обращения: 05.04.2025).
2. Том Питерс. Преврати себя в бренд! 50 верных способов перестать быть посредственностью. - 2-е изд. - Москва: МИФ, 240 с.
3. Психологические аспекты создания персонального бренда // Психологическая газета // URL: <https://psy.su/feed/6697/> (Дата обращения: 05.04.2025).
4. Самопознание (психология) // Википедия // URL: [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0aacfe3c-6800fc3d-9f35b6b1-74722d776562/https/en.m.wikipedia.org/wiki/Self-knowledge_\(psychology\)_\(Дата_обращения:_09.04.2025\).](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0aacfe3c-6800fc3d-9f35b6b1-74722d776562/https/en.m.wikipedia.org/wiki/Self-knowledge_(psychology)_(Дата_обращения:_09.04.2025).)
5. Что такое социальный капитал и как его монетизировать. // Секрет Фирмы // URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-socialnyi-kapital.htm> (Дата обращения: 09.04.2025).
6. Личный бренд в социальных сетях // I am Brand // URL: <https://i-am-brand.ru/knowledge-base/prodvizhenie-lichnogo-brenda-v-socialnyh-setyah/> (Дата обращения: 15.09.2025).
7. 6 способов, как продвинуть канал в Телеграме // Яндекс.Директ // URL: <https://direct.yandex.ru/base/articles/prodvizhenie-telegram-kanala> (Дата обращения: 15.09.2025).
8. Дзен (контентная платформа) // Википедия // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B7%D0%B5%D0%BD_\(%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0\)#:~:text=%C2%AB%D0%94%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D0%BB%20](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B7%D0%B5%D0%BD_(%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0)#:~:text=%C2%AB%D0%94%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D0%BB%20) (Дата обращения: 15.09.2025).
9. Продвижение через Pinterest // VC.RU // URL: <https://vc.ru/design/619318-prodvizhenie-cherez-pinterest> (Дата обращения: 15.09.2025).

10. Instagram // РУВИКИ// URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Instagram#:~:text=Instagram%20%D1%80%D1%83%D1%81,%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%E2%80%9420Facebook%20Inc.> (Дата обращения: 15.09.2025)
11. Закон Российской Федерации «О внесении изменений в статью 12 федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и федеральный закон «О рекламе»» от 07.04.2025 № N 72-ФЗ 2025 г. Ст. 3.
12. Как выглядят известные личные бренды? 5 неочевидных выводов о продвижении // Pressfeed.журнал // URL: <https://news.pressfeed.ru/kak-vyglyadyat-izvestnye-lichnye-brendy/> (Дата обращения: 15.09.2025).
13. Как продвигать личный бренд в 2024-2025 году? Актуальные способы и инструменты. // VC.RU // URL: <https://vc.ru/marketing/1447390-kak-razvivat-lichnyi-brend-v-2024-2025-godu-aktualnye-sposoby-i-instrumenty?ysclid=m9qwl866dl923894194> (Дата обращения: 17.09.2025).
14. Что такое нетворкинг: как создавать профессиональные связи // Calltouch Blog // URL: <https://www.calltouch.ru/blog/networking-kak-zavodit-poleznye-znakomstva/> (Дата обращения: 17.04.2025).
15. Байханов И.Б. Трансформация профессиональных компетенций специалистов государственного управления в условиях цифровых трендов // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 320-327.

References

1. Reputation and Personal Brand Management // Alexander Kichaev // URL: <https://kichev.ru/consulting/upravlenie-reputatsiej-i-personal-ny-m-brandom/> (04.05.2025).
2. Tom Peters. Turn yourself into a brand! 50 surefire ways to stop being mediocre. - 2nd ed. - Moscow: MIF, 240 p.
3. Psychological aspects of creating a personal brand // Psychological newspaper // URL: <https://psy.su/feed/6697/> (04.05.2025).
4. Self-knowledge (psychology) // Wikipedia // URL: [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0aacfe3c-6800fc3d-9f35b6b1-74722d776562/https/en.m.wikipedia.org/wiki/Self-knowledge_\(psychology\)](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0aacfe3c-6800fc3d-9f35b6b1-74722d776562/https/en.m.wikipedia.org/wiki/Self-knowledge_(psychology)) (04.09.2025).
5. What is social capital and how to monetize it. // Secret of the Firm // URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-socialnyi-kapital.htm> (04.09.2025).
6. Personal brand in social networks // I am Brand // URL: <https://i-am-brand.ru/knowledge-base/prodvizhenie-lichnogo-brenda-v-socialnyh-setyah/> (09.15.2025).
7. 6 ways to promote a channel in Telegram // Yandex.Direct // URL: <https://direct.yandex.ru/bases/articles/prodvizhenie-telegram-kanala> (09.15.2025).
8. Zen (content platform) // Wikipedia // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B7%D0%B5%D0%BD_\(%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0\)#::~text=%C2%AB%D0%94%D0%B7%D0%B5%D0%BD%C2%BB%20](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B7%D0%B5%D0%BD_(%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0)#::~text=%C2%AB%D0%94%D0%B7%D0%B5%D0%BD%C2%BB%20) (15.09.2025).
9. Promotion via Pinterest // VC.RU // URL: <https://vc.ru/design/619318-prodvizhenie-cherez-pinterest> (09.15.2025).
10. Instagram // RUWIKI // URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Instagram#:~:text=Instagram%20\(%D1%80%D1%83%D1%81,_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%E2%80%94%D0%20Facebook%20Inc.\(%D1.2025\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Instagram#:~:text=Instagram%20(%D1%80%D1%83%D1%81,_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%E2%80%94%D0%20Facebook%20Inc.(%D1.2025))
11. Law of the Russian Federation “On Amendments to Article 12 of the Federal Law” On Combating Extremist Activity “and the Federal Law” On Advertising “dated 04/07/2025 No. N 72-FZ 2025 Art. 3.
12. What Do Famous Personal Brands Look Like? 5 Non-Obvious Conclusions About Promotion // Pressfeed.journal // URL: <https://news.pressfeed.ru/kak-vyglyadyat-izvestnye-lichnye-brendy/> (09.15.2025).
13. How to promote a personal brand in 2024-2025? Current methods and tools. // VC.RU // URL: <https://vc.ru/marketing/1447390-kak-razvivat-lichnyi-brend-v-2024-2025-godu-aktualnye-sposoby-i-instrumenty?ysclid=m9qwl866dl923894194> (09.17.2025).
14. What is networking: how to create professional connections // Calltouch Blog // URL: <https://www.calltouch.ru/blog/networking-kak-zavodit-poleznye-znakomstva/> (17.04.2025).
15. Baykhanov I.B. Transformation of professional competencies of public administration specialists in the context of digital trends // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 320-327.

Анисимов П.В.

Аспирант. Дипломатическая академия Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Трамп и Обамасаре: использование недостатков реформы в качестве стратегии на президентских выборах*

Аннотация. В статье исследованы причины выдвижения реформы медицинского страхования в США на первое место в рамках предвыборной стратегии Дональда Трампа на выборах президента в 2016 г. Показана предыстория вопроса, раскрыты мотивы и причины того, что, несмотря на успешность проведенной реформы президентом от демократов Барак-ом Обамой, недовольство избирателей системой здравоохранения было умело направлено штабом Трампа против самих же демократов.

Ключевые слова: выборы в США, Дональд Трамп, Хиллари Клинтон, медицинское страхование, Обамакейр, Барак Обама, праймериз, выборы 2016 г., Медикейд, реформа здравоохранения.

Anisimov P.V.

Postgraduate Student. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Trump and Obamacare: using the shortcomings of the reform as a strategy in the presidential election

Abstract. The article examines the reasons for putting the health insurance reform in the United States in the first place as part of Donald Trump's election strategy for the 2016 presidential election. The background of the issue is shown, the motives and reasons for the fact that, despite the success of the reform carried out by Democratic President Barack Obama, voters' dissatisfaction with the healthcare system was skillfully directed by Trump's headquarters against the Democrats themselves.

Key words: US elections, Donald Trump, Hillary Clinton, health insurance, Obamacare, Barack Obama, primaries, 2016 elections, Medicaid, healthcare reform.

* © Анисимов П.В., 2025.

Трамп и Обамасаре: использование недостатков реформы в качестве стратегии на президентских выборах

Если обратиться к вопросам, которые беспокоили избирателей США в преддверии президентских выборов 2016 г., то окажется, что медицина стояла далеко не на первом месте, а, в зависимости от убеждений респондента, на 6–7-м месте по значимости [10]. Но уже на одной из первых пресс-конференций в качестве президента Дональд Трамп устроил разнос фармацевтам [27], а его первый указ [12] был связан именно с реформой системы здравоохранения. Как представляется, не случайно именно это не самое значимое для избирателя направление было выбрано предвыборными советниками будущего 45-го президента США в качестве одного из главных таранов против кандидата от Демократической партии Хиллари Клинтон.

Для Клинтон этот вопрос был не новым: на демократических праймериз в 2008 г., куда она шла в качестве основного конкурента Барака Обамы, тема страхования была одной из ведущих. По сути, тогда и Обама, и Клинтон сделали расширение медицинского страхования одним из приоритетных предвыборных обещаний [16]. Разница была в конкретной модели. Это отражалось даже в том, что наряду с термином *Obamacare* существовал и аналогичный – *Hillarycare* [15].

Ставку на медицину подчеркивает и то, что в 2007 г., в самом начале электорального процесса, не имея еще никакой дорожной карты по реформе, Обама на встрече с избирателями в Лас-Вегасе четко заявил: «Мы должны убедиться, что в программе будет каждый» [9]. Впрочем, данное обещание было им нарушено, что вызвало впоследствии многочисленные обвинения, в том числе от демократов. Ведь почти социальный лозунг «Медицина для всех» был одним из факторов, обеспечивших победу на выборах. Не меньший укор был получен и от республиканцев, так как в 2009 г., уже будучи президентом, в преддверии запуска голосования по законопроекту в конгрессе Обама заявил в интервью, что расширение страховки не должно привести к повышению финансового бремени для обычных людей [9]. Как мы знаем, в итоге это оказалось далеким от реальности.

Сложный путь программы, изменение отношения людей к ней и накопленные неудачи за время ее существования привели к тому, что спустя 8 лет после избрания Обамы медицина вновь стала одной из горячих тем на выборах. Направить в нужное русло недовольство избирателей, безусловно, было понятной и рассчитанной стратегией, которая принесла свои плоды.

Obamacare

Система медицинского страхования в США имеет достаточно сложный многоуровневый характер. Часть обязательств обеспечивается федеральным бюджетом, часть страховых прав предоставляется на уровне

штатов. Самая известная медицинская страховка для малоимущих слоев населения *Medicaid* работает по принципу софинансирования; в зависимости от экономических показателей штатов объем участия государства (процент субсидирования) в ней составляет от 50 до 80 % расходов местных властей.

Medicaid была запущена в 1965 г. путем принятия поправок в *The Social Security Act* (закон о социальном обеспечении). Программа достаточно быстро доказала свою успешность и, несмотря на периодические политические споры, не претерпевала каких-либо критических изменений вплоть до периода президентства Барака Обамы, который и сосредоточился на главном обещании — расширении доступности медицины для малообеспеченных граждан [8].

В 2010 г. был принят *Affordable Care Act* (ACA), более известный как *Obamacare* (изменения касались в целом всей страховой системы, а не только в части *Medicaid*). Принятие закона означало расширение возможностей для страхового покрытия. Основные положения закона вступили в силу в 2014 г., но уже за 2015 г. увеличение покрытия дополнительно привлекло в *Medicaid* больше 11 миллионов человек, которые раньше просто не могли себе позволить приобрести страховку [29].

ACA предполагал по сути общеобязательное расширение *Medicaid* для всех участвующих в программе штатов без права на отказ, что сразу привело к конфликту и вылилось в судебное разбирательство, ведь рост застрахованных означал и рост финансирования непосредственно из бюджета штата. Не говоря уже о том, что вопросы социального обеспечения (его финансирования) исторически разделяют американское общество на разные политические группы, а каждое новое обсуждение каких-либо льгот за счет налоговых поступлений выливается в активные баталии в конгрессе США. В 2012 г. Верховный суд постановил, что штаты имеют право самостоятельно решать — сохранять ли старые условия *Medicaid* или присоединиться к ее расширенному варианту [2; 14].

Разочарование от *Obamacare*

Несмотря на повышение доступности медицинских услуг (по оценкам Управления конгресса США по бюджету, число незастрахованных лиц упало к 2016 г. вдвое [7]), к моменту начала избирательной кампании Трампа существенно выросло число тех, кто относится к реформе Обамы отрицательно. Основные претензии сводились, по сути, к ее реализации.

Стоимость страховки (без учета льгот) резко выросла, а размер франшизы (часть стоимости услуг, которые в любом случае должны быть оплачены) поднялся. По данным опросов 2015 и 2016 гг., высокая стоимость страховки стала основной причиной недовольства системой страхования [24]. Процент тех, кто не может позволить себе лечение, вырос

всего за год на 25 % [24]. Четыре человека из десяти указали на то, что они не смогут оплатить свое лечение по страховке в случае обнаружения заболевания [25].

Кроме того, не все клиники и доктора соглашались работать по условиям Medicaid, что резко сужало территориальные возможности по медицинской помощи, а также увеличивало сроки ожидания назначения лечения [31].

При этом бесплатные и важные медицинские программы предотвращения заболеваний и их раннего обнаружения (к примеру, маммография) часто рассматривались людьми как бессмысленные, поскольку даже при успешности диагностики у многих застрахованных просто не было возможности оплачивать лечение самого заболевания (ввиду наличия франшизы и высокой стоимости медицинских услуг) [31].

Однако важнее, что сами по себе правила Medicaid устроены таким образом, что граждане, заработок которых ниже установленного процента от черты бедности, в среднем получают больше преимуществ от страховки, чем те, кто работает и относится к нижнему среднему классу. Поскольку последние не имеют прав на льготы, страховка обходится им существенно дороже не только в стоимостном выражении, но и в процентах от дохода. Это вызывало особо острую критику несправедливости. Как показывали данные различных интервью, недовольство сводилось не к самой программе Medicaid как таковой, а к несправедливому распределению социальных благ [31].

В итоге, несмотря на практически революционность реформы, спустя несколько лет после ее проведения у большинства американцев было отрицательное отношение к программе страхования, носившей неофициальное имя президента Обамы, представителя Демократической партии США [13].

К моменту выборов 2016 г. сформировались две группы недовольных реформой Барака Обамы. В первую входил низ среднего класса, который тяжелее всего почувствовал на себе финансовую часть расходов из-за роста стоимости страховки. Поскольку на большие льготы эта прослойка граждан претендовать не могла, фактически Обамасаре сделала их беднее. Вторая группа состояла из главных благополучателей программы расширения страховки, которые считали, что им недостает финансирования из-за распределения льгот в том числе и на средний класс. При этом большое количество ошибок в первые годы реформы приводило к тому, что нередко малообеспеченным из-за бюрократических особенностей системы отказывали в применении льгот.

Ставка на критику реформы

Еще на стадии праймериз Трамп на дебатах неизменно возвращался

к теме страхования. К примеру, в таких ключевых для него штатах, как Нью-Гэмпшир [20; 23] и Нью-Йорк [4; 21], заключительные слова Трампа были о том, что Обамасаре — это катастрофа для системы здравоохранения страны и ее необходимо полностью отменить.

В штате Невада [19; 22] дебаты были особенно характерны тем, что на всем их протяжении затрагивались исключительно вопросы внешней политики США. Кандидаты практически не касались каких-либо внутренних проблем, но в заключительном слове Трамп опять сделал существенный акцент именно на бедственном положении медицины.

В целом республиканцы традиционно отрицательно относились к Обамасаре. Может показаться, что это была исключительно стратегия для победы на праймериз. Логично предположить, что штаты, которые приняли решение расширить программу страхования, воспользовавшись возможностями АСА, должны были голосовать против Трампа, особенно бедные слои населения (основные выгодоприобретатели Обамасаре). Однако статистика показывает, что в таких штатах Трамп как раз таки переиграл демократов и поддержка среди малоимущих у него была ничуть не меньше, чем в остальной части страны [28].

Именно сложившаяся репутация программы была одним из неизбежных факторов обращения к проблемам медицины в предвыборной гонке. Само название Обамасаре вызывало у американцев негативное восприятие, поэтому представители власти иногда предпочитали использовать другое название или же обращались к более нейтрально окрашенным терминам вроде «государственная программа страхования» [31]. Такой пиар привел к тому, что, хотя часть электората Трампа получала льготы по программе Обамасаре, многие из них, как показывают опросы, даже не знали, что страховка, доступ к которой им был гарантирован, — прямая заслуга именно Обамы [30].

Одной из главных претензий Трампа также стало то, что Medicaid по факту вышла далеко за пределы покрытия защиты бедных. По статистике, программа покрывала каждого четвертого (62 миллиона человек) [11], и ее благами пользовался в том числе и средний класс [6]. Подобные заявления относились уже к культурным идеалам среднестатистического американца, который верил, что каждый должен сделать себя сам. Трамп апеллировал к тому, что налоги тратятся не на бедных, поэтому на самые незащищенные слои населения финансов часто уже не остается. Именно отсюда и проистекают его лозунги типа «Я позабочусь о каждом» [5].

Дополнительным раздражающим фактором, который играл на руку Трампу, было финансирование фармацевтическими гигантами избирательной кампании Хиллари Клинтон [3]. Одним из предвыборных популистских заявлений Трампа было пустить на американский рынок иностранных производителей лекарств. С учетом многократной разницы в

стоимости американских и зарубежных препаратов избирателями это воспринималось как очевидный способ снизить стоимость страховки и лечения. На фоне заявлений Хиллари о необходимости всего лишь совместных консультаций правительства и фармпроизводителей это выглядело особенно контрастно [1].

Трампа неоднократно заявлял, что будет первым президентом от республиканцев, который не потребует сокращения расходов на здравоохранение (но нарушит обещание, чем его не раз впоследствии будут попрекать [18; 26]), это создавало впечатление, что в качестве президента он не ухудшит положение малоимущих, а только улучшит.

Выводы

В своей прощальной речи президент Обама одним из главных достижений своего нахождения в должности назвал именно реформу системы медицинского страхования [17]. Этот акцент при подведении итогов подчеркивал не просто актуальность вопроса, но и его важность при выборе политической стратегии противников. В глазах избирателя, который помнил Хиллари еще по дебатам 2007–2008 гг., это была часть единой истории. По сути, успехи Обамы мягко передавались Хиллари, создавая общее впечатление непрерывной реформы, намекая избирателю, что необходимо сохранить завоевания демократов.

В таких условиях для республиканцев важнейшей частью стратегии было опрокидывание заслуг текущего правительства. Демократический штаб не мог не понимать, что, вынося на первое место именно медицину в качестве неоспоримого успеха, это и будет главной мишенью для нападок со стороны республиканцев. Возможно, результаты программы были переоценены. Впрочем, более вероятная причина — непонимание истинных настрояний простого избирателя. Если бы правительство проводило разъяснительную работу о взаимосвязи реформы системы страхования и улучшений повседневной жизни простого гражданина, это бы существенно улучшило позиции Обамы.

Безусловно, предвыборная стратегия Трампа прошла по многим сферам жизни обычного американца. Однако нельзя отрицать того, что выбор темы состояния медицины в стране оказался настоящей находкой в борьбе с противоположным политическим лагерем. Раздражение людей от важнейшего социального вопроса, слабая работа правительства по информированию и медленное реагирование на исправление недостатков позволили Трампу трансформировать недовольство избирателей в свою поддержку.

В данном случае «фирменное» наименование Obamacare достаточно легко было использовано как способ поставить вотум недоверия восьми годам правления демократов. Наследие Обамы сыграло в этом вопросе

плохую шутку Хиллари Клинтон, поскольку избиратель Трампа поверил, что все плохое, что связано с медициной, связано именно с медицинской реформой — реформой президента от Демократической партии. И избиратель выбрал красный цвет.

Библиографический список / References

1. A Closer Look at Hillary Clinton's Pharmaceutical Policy Proposals // pharmacytimes.com. — 09.09.2016. // URL: <https://www.pharmacytimes.com/view/a-closer-look-at-hillary-clintons-pharmaceutical-policy-proposals> (Дата обращения: 18.10.23).
2. A Guide to the Supreme Court's Decision on the ACA's Medicaid Expansion // kff.org. — 01.08.2012. // URL: <https://www.kff.org/health-reform/issue-brief/a-guide-to-the-supreme-courts-decision/> (Дата обращения: 18.10.23).
3. Clinton tops 2016 field in drug industry donations // thehill.com. — 17.10.2015. // URL: <https://thehill.com/policy/healthcare/257234-clinton-brings-in-most-big-pharma-money-of-2016-field/> (Дата обращения: 18.10.23).
4. CNN Live event/Special // edition.cnn.com. — 19.04.2016. // URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1604/19/se.02.html> (Дата обращения: 18.10.23).
5. Donald Trump on health care: 'We want to take care of everybody' // washingtontimes.com. — 18.01.2017. // URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2017/jan/18/donald-trump-health-care-we-want-take-care-everybo/> (Дата обращения: 18.10.23).
6. Donald Trump Wants to Radically Change Medicaid. Here's What the Program Actually Does // money.com. — 26.01.2017. // URL: <https://money.com/donald-trump-wants-to-cut-medicaid-heres-what-the-program-actually-does/> (Дата обращения: 18.10.23).
7. Federal Subsidies for Health Insurance Coverage for People Under Age 65: 2016 to 2026 // cbo.gov. — 24.03.2016. // URL: <https://www.cbo.gov/publication/51385/> (Дата обращения: 18.10.23).
8. Health Plan From Obama Spurs Debate // nytimes.com. — 23.07.2008. // URL: <https://www.nytimes.com/2008/07/23/us/23health.html> (Дата обращения: 18.10.23).
9. How Obama Broke His Promise on Individual Mandates // theatlantic.com. — 29.06.2012. // URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2012/06/how-obama-broke-his-promise-on-individual-mandates/259183/> (Дата обращения: 18.10.23).
10. Kaiser Health Tracking Poll: February 2016 // kff.org. — 25.02.2016. // URL: <https://www.kff.org/health-reform/poll-finding/kaiser-health-tracking-poll-february-2016/> (Дата обращения: 18.10.23).
11. Medicaid: A Primer – Key Information on the Nation's Health Coverage Program for Low-Income People // kff.org. — 01.03.2013. // URL: <https://www.kff.org/medicaid/issue-brief/medicaid-a-primer/> (Дата обращения: 18.10.23).
12. Minimizing the Economic Burden of the Patient Protection and Affordable Care Act Pending Repeal // federalregister.gov. — 24.01.2017. // URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2017/01/24/2017-01799/minimizing-the-economic-burden-of-the-patient-protection-and-affordable-care-act-pending-repeal> (Дата обращения: 18.10.23).
13. More Americans Negative Than Positive About ACA // news.gallup.com. — 08.09.2016. // URL: https://news.gallup.com/poll/195383/americans-negative-positive-aca.aspx?g_source=CATEGORY_HEALTHCARE&g_medium=topic&g_campaign=tiles (Дата обращения: 18.10.23).
14. National federation of independent business v. Sebelius // law.cornell.edu. — 28.06.2012. // URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/11-393> (Дата обращения: 18.10.23).
15. Obamacare: The word that defined the health care debate // edition.cnn.com. — 25.06.2012. // URL: <https://edition.cnn.com/2012/06/25/politics/obamacare-word-debate/> (Дата обращения: 18.10.23).
16. Part 2 of CNN Democratic presidential debate // edition.cnn.com. — 21.01.2008. // URL: <http://edition.cnn.com/2008/POLITICS/01/21/debate.transcript2/> (Дата обращения: 18.10.23).
17. President Obama delivered his Farewell Address in Chicago on January 10, 2017 // obamawhitehouse.archives.gov. — 10.01.2017. // URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/farewell> (Дата обращения: 18.10.23).

18. President Trump Promised He Wouldn't Touch Medicaid. The Senate Bill Includes Billions in Cuts // time.com. — 22.06.2017. // URL: <https://time.com/4828769/health-care-bill-medicaid-trump-cuts/> (Дата обращения: 18.10.23).
19. Presidential election in Nevada, 2016 // ballotpedia.org. // URL: https://ballotpedia.org/Presidential_election_in_Nevada_2016 (Дата обращения: 18.10.23).
20. Presidential election in New Hampshire, 2016 // ballotpedia.org. // URL: https://ballotpedia.org/Presidential_election_in_New_Hampshire_2016#cite_note-26 (Дата обращения: 18.10.23).
21. Presidential election in New York, 2016 // ballotpedia.org. // URL: https://ballotpedia.org/Presidential_election_in_New_York_2016 (Дата обращения: 18.10.23).
22. Republican Candidates Debate in Las Vegas, Nevada // presidency.ucsb.edu. // URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-candidates-debate-las-vegas-nevada-0> (Дата обращения: 18.10.23).
23. Republican Candidates Debate in Manchester, New Hampshire // presidency.ucsb.edu. // URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-candidates-debate-manchester-new-hampshire-0> (Дата обращения: 18.10.23).
24. Survey of Non-Group Health Insurance Enrollees, Wave 3 // kff.org. — 20.05.2016. // URL: <https://www.kff.org/health-reform/poll-finding/survey-of-non-group-health-insurance-enrollees-wave-3/> (Дата обращения: 18.10.23).
25. Survey, Americans' Experiences with ACA Marketplace Coverage: Affordability and Provider Network Satisfaction // commonwealthfund.org. — 20.05.2016. — URL <http://www.commonwealthfund.org/publications/issue-briefs/2016/jul/affordability-and-network-satisfaction> (Дата обращения: 18.10.23).
26. Trump said he wouldn't cut Medicaid, Social Security, and Medicare. His 2020 budget cuts all 3 // vox.com. — 12.03.2019. // URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2019/3/12/18260271/trump-medicaid-social-security-medicare-budget-cuts> (Дата обращения: 18.10.23).
27. Trump Tells Pharmaceutical CEOs He Wants Prices Down // wsj.com. — 31.01.2017. // URL: <https://www.wsj.com/articles/trump-tells-pharmaceutical-ceos-he-wants-prices-down-1485875553> (Дата обращения: 18.10.23).
28. Trump's plan to roll back Medicaid will especially affect his voters // washingtonpost.com. — 27.01.2017. // URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/01/27/trumps-plan-to-roll-back-medicaid-will-especially-affect-his-voters/> (Дата обращения: 18.10.23).
29. What Coverage and Financing is at Risk Under a Repeal of the ACA Medicaid Expansion? // kff.org. — 06.12.2016. // URL: <https://www.kff.org/medicaid/issue-brief/what-coverage-and-financing-at-risk-under-repeal-of-aca-medicaid-expansion/> (Дата обращения: 18.10.23).
30. Why Did People on Medicaid Vote for Trump? // theatlantic.com. — 23.02.2017. // URL: <https://www.theatlantic.com/health/archive/2017/02/why-did-medicaid-beneficiaries-vote-for-trump/517584/> (Дата обращения: 18.10.23).
31. Why Obamacare enrollees voted for Trump // vox.com. — 13.12.2016. // URL: <https://www.vox.com/science-and-health/2016/12/13/13848794/kentucky-obamacare-trump> (Дата обращения: 18.10.23).

Culturology

Культурология

Чебодаева М.П.

Кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, член АИС, г. Абакан.

Ултургашева Н.Д.

Доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

Алексеева А.Г.

Кандидат культурологии, заведующая кабинетом кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Санкт-Петербургского университета МВД России.

Коллекции С.Д. Майнагашева в фондах музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (кунсткамера)*

Аннотация. В статье рассматриваются коллекции С.Д. Майнагашева, собранные исследователем во время этнографических экспедиций в Минусинский и Ачинский уезды в 1913-1914-х годах. В настоящее время коллекции хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге и насчитывают 3 вещевых и 4 фото-негативных коллекций. Этнографические предметы С.Д. Майнагашева до настоящего времени мало изучались и публиковались и требуют полной публикации, которые характеризуют традиционный костюм, верования, обряды этнических групп хакасов, каинцев, сагайцев и кызыльцев.

Ключевые слова: С.Д. Майнагашев, этнографическая поездка, минусинские и ачинские инородцы.

Chebodaeva M.P.

PhD in Art History, Research Fellow, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, AIS member, Abakan.

Ulturgasheva N.D.

Doctor of Cultural Studies, professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

* © Фидарова К.К., Калабекова С.В., Бережнова О.В., 2025.

Alekseeva A.G.

Candidate of Cultural Studies, Head of the Department of the Activities of Internal Affairs Bodies in Special Conditions of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The collections of S.D. Mainagashev in the funds of the Peter the Great museum of anthropology and ethnography (kunstkamera)

Abstract. The article examines the collections of S.D. Mainagashev, collected by the researcher during ethnographic expeditions to the Minusinsk and Achinsk counties in 1913-1914. Currently, the collections are kept in the Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) in St. Petersburg and there are 3 clothing and 4 photo-negative collections. The ethnographic subjects of S.D. Mainagashev have so far been little studied and published and require full publication, which characterize the traditional costume, beliefs, rituals of the ethnic groups of Khakass, Kachin, Sagai and Kyzyl.

Key words: S.D. Mainagashev, ethnographic trip, Minusinsk and Achinsk foreigners.

Летом 2023 года исполнилось 110 лет со дня первой поездки этнографа Степана Дмитриевича Майнагашева (1886-1920 гг.) в Минусинский уезд по заданию организации «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении». Но столь важное и значимое событие прошло незаметно как в культурной, так и в научной среде Республики Хакасия, и не получило освещение в местной печати. Пользуясь предоставленной мне возможностью, хотелось бы в данной научной публикации рассказать о поездках С.Д. Майнагашева в 1913-1914-х годах, совершенных в Хакасию.

В последние годы в публикациях ученых республики А.Н. Гладышевского, Е.П. Мамышевой, А.П. Шекшеева, С.П. Ултургашева и Н.Я. Артамоновой, посвященных общественному деятелю Степану Дмитриевичу Майнагашеву, было уделено значительное количество публикаций как общественному деятелю, но совсем не получило освещение о С.Д. Майнагашеве как об ученом-этнографе. И цель данной научной публикации, это желание восполнить пробел в жизни человека, которого все называют «первым хакасским этнографом».

Как известно, летом 1913 года студент Московского городского университета им. Шанявского С.Д. Майнагашев был направлен в Минусинский уезд для этнографических исследований по рекомендации председателя общества «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении».

Данное общество – это востоковедческая организация. была создана

в 1902 году в Санкт-Петербурге по постановлению XII международного конгресса ориенталистов в Риме и просуществовала до 1914 года. Комитет состоял из самостоятельных комитетов в разных странах, центральным из которых являлся Санкт-Петербургский в Российской империи. Целью создания общества являлось осуществление практических мероприятий по охране памятников древности и изучению Азии в историческом, лингвистическом, археологическом и этнографическом отношениях.

Участниками общества Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии были известные русские ученые: В.В. Радлов – председатель, С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, – секретарь, А.А. Бобринский, Н.И. Веселовский, А.А. Васильев, В.А. Жуковский, К.Г. Залеман, И.Я. Коростовец, Д.А. Клеменц, П.М. Мелиоранский, П.С. Попов, Э.Э. Ухтомский, Л.Я. Штернберг – секретарь, Г.А. Эзов.

От общества «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении» С.Д. Майнагашев совершил две экспедиции в 1913, 1914-х годах, в которых он изучал религию, фольклор, лингвистику и этнографию минусинских и ачинских инородцев, а также собирал вещевые коллекции и сделал значительное количество негативов и фотографий.

В настоящее время собранные музейные предметы хранятся в Музее Антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге. Всего за время экспедиций С.Д. Майнагашевым было собрано семь коллекций № 2164 (17 ед. хранения), № 2199 (145 ед. хранения), № 2287 (145 ед. хранения), № 2390 (37 ед. хранения), № 2408 (109 ед. хранения), № 2409 (214 ед. хранения), № 2410 (214 ед. хранения), № 2568 (43 ед. хранения) по этническим группам хакасов (качинцы, сагайцы, койбалы и кызыльцы). Три коллекции из них вещевые, а 4 коллекции негативы и фотографии.

В начале мая 1913 года С.Д. Майнагашев выехал из Петрограда в Сибирь. 28 мая 1913 года он прибыл в улус Иресов Аскизской инородной управы, где обустроил главную базу для своих полевых исследований. В родных местах Майнагашев не был два года, после поступления в Московский городской университет им. Шанявского. В 1913 году он посетил свою малую Родину и встретился со своими ближайшими родственниками мамой, братьями и сестрами. Его отец Дмитрий Александрович умер в 1902 году, когда Степану было 14 лет. В улусе Иресов проживала его мать Варвара Александровна и сестры Александра и Ксения, а в селе Аскизское старшие братья Терентий (1879-1920 гг.) и Василий (1883-1920 гг.).

Что касаясь цели научной экспедиции 1913 года, то С.Д. Майнагашев написал об этом следующее: «В течении лета 1913 года предполагалось объехать район, заселенный сагаями, бельтирами, койбалами, качинцами и др., т. е. начиная с реки Матур на юг, долину р. Абакан и левую сторону

Енисея, на север, насколько позволит время. Задача командировки состояла в исследовании означенных племен в лингвистическом и этнографическом отношениях» [Майнагашев 1914: 107].

Во время экспедиции С.Д. Майнагашев посетил улусы Минусинского и Кузнецкого уездов Енисейской губернии Усть-Есь, село Аскизское, Бутрахты, Джиланское, Большие Арбаты, Табат, Матур и др., где занимался сбором лингвистического материала о сагайском, шорском, койбальском и бельтирском диалектах с целью выявления, как он писал, как «постепенно меняются наречия минусинских татар с юга на север».

В этнографическом отношении С.Д. Майнагашева интересовала традиционная религия и верования, и он поставил себе задачу выяснить «каковы религиозные понятия народа и в каких внешних обрядах эти понятия проявляются». Исследователь отметил, что, хотя официально минусинские инородцы являются христианами, но они придерживаются «духом старой религии». По данному поводу он писал: «Рождается ребенок он отдается под покровительство духа, которого нужно регулярно кормить и улаживать. Взрослый человек все житейские дела ведет по милости духов: дух Тобингэ, умиловителен жертвою, дает ему добычу на охоту, дух соседней горы устами шамана провозглашает, что у него родится нынче такое-то животное, с такими-то приметами. Умрет человек, нужно снабдить его всем необходимым для путешествия в мир душ, а шаман позаботится о том, чтобы прогнать душу, которая заживется среди живых» [Майнагашев 1914: 114].

Находясь в Матуре Кузнецкого уезда С.Д. Майнагашев обратил внимание, что в данном районе проживает мало шаманов и появляются люди, так называемые вырождающиеся шаманы, которых называют «чулут тутчан» или «тукурукчи». Они не имеют шаманских атрибутов (костюм, бубен и колотушку – прим. автора), но знают, как обратиться к известным духам.

Как известно, село Матурское стало миссионерским центром в XIX веке и входило в состав Кузнецкого уезда, куда постоянно приезжали представители Алтайской духовной миссии. Жители села Матурское также пожаловались С.Д. Майнагашеву на священника Ивана Штыгашева, который рьяно занимался искоренением шаманских культов, и он выразил свое негативное отношение к нему следующим образом: «Мне рассказывали, что священник с. Матурского, отец Иоанн Штыгашев, очень ретиво искоренял там шаманство. Насильственно отбирал бубны, одежды шаманов, изображения духов и сжигал их, шаманов привязывал к столбу и подвергал даже порке. Инородцы эти не оставили свою религию, но стали бояться открыто ее исповедовать. Теперь у них чувствуется какая-то надломленность. Мне слепой старик рассказал, что к нему привязался дух «Чик Кормэс», посылающий болезни на глаза; прежде его избавляли от него шаманы; когда, умиловителен слепой. Так, священник в народном сознании представ-

лся виновником бедствий» [Майнагашев 1914: 111].

Большое внимание исследователь С.Д. Майнагашев в экспедиции уделил сбору информации о традиционных верованиях хакасов. Им было собрано 27 рассказов на различные темы религиозного характера, 30 рассказов о духах, записаны тексты камланий шаманов на реке Аскиз, Есь и Тея, записаны объяснения шамана по поводу шаманского костюма и бубна, а также записаны тексты обращений на жертвоприношение горе «Таг тайј» на реке Аскиз и на жертвоприношение Небу «Тігір тайј» на реке Тея.

Так же С.Д. Майнагашев отметил, что среди минусинских инородцев существовали отдельные люди «гадатели», которые были избраны в служение каким-нибудь духом и обычно во сне духи рассказывали им свою волю. Гадание минусинские инородцы производили по следующим поводам по потере скота, по причине болезни и т. д. Исследователем было также записано 4 способа гадания, а 2 приема гаданий были им сфотографированы.

В начале сентября 1913 года экспедиция С.Д. Майнагашева, которая продолжалась около 3-х месяцев закончилась, после чего исследователь 10 сентября выехал в Петроград. За время экспедиции исследователь объехал долину Абакана, начиная с Матура на юге и заканчивая р. Аскиз на севере и его притоком База, и левым берегом реки Абакан.

В Петроград из данной научной экспедиции кроме научных материалов по фольклору и верованиям этнограф привёз также предметы, негативы и фотографии, собранные им в Минусинском и Кузнецком уездах, которые поступили в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).

В коллекцию предметов шаманского культа № 2164, собранную С.Д. Майнагашевым экспедиции 1913 года вошло 17 предметов шаманского культа 2 бубна, костюм, колотушка и 10 хакасских тесов. Предметы были приобретены С.Д. Майнагашевым на сумму 88 руб., которые были выделены «Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении».

Вторая коллекция № 2199, собранная в 1913 году, состоит из 145 фотонегативов на стекле с которых позднее были сделаны фотоотпечатки, но они уже вошли в другую коллекцию № 2287. Все фотографии были сделаны самим этнографом, которому «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении» предоставил фотоаппарат. Коллекция фотонегативов была сделана в улусах Кызласов, Кичиг Бар, Ирессов, Бай, Ефимов, Анжуй, Керинов, Сескин, Сарычол и село Арбаты, где он запечатлел традиционную похоронную обрядность, горное жертвоприношение, гадание на воде и гадание с шилом, заклинание духа грозы, лечение больного шаманом, изображения тесов, свадебный обряд, выкуривание вина и повседневную жизнь сагайцев, шорцев, койбалов и бельтиров.

11 октября 1913 года в Петрограде состоялось заседание в Императорском Русском географическом обществе, где было заслушано сообщение С.Д. Майнагашева по теме «Из материалов по шаманству у сагайцев и соседних племен». В докладе исследователь рассказал о быте сагайцев, современном положении шаманства у сагайцев, личности шамана, шаманском костюме и бубне и связанных специальных духов шамана, камлании и шаманском жертвоприношении, а также продемонстрировал шаманские песнопения на фонографе.

Научное заседание проходило оживленно и в прениях по поводу сообщения С.Д. Майнагашева приняли участие известные ученые: Л.Я. Штернберг, Иохельсон, В.М. Ионов, Макаренко, Н.П. Евстафьев, Д.К. Зеленин и Васильев. Майнагашеву были заданы вопросы В.М. Ионовым по поводу деления духов у сагайцев на добрых и злых, ученого Н.П. Евстифьева интересовало сколько шаманов знал лично С.Д. Майнагашев, а известного этнографа Д.К. Зеленина интересовало, каким способом хоронят шамана минусинские инородцы.

Следующая этнографическая поездка С.Д. Майнагашева в Минусинский и Ачинский уезды состоялась летом 1914 года. Что касаясь цели научной экспедиции летом 1914 года, то С.Д. Майнагашев написал об этом следующее: «Из Ирсова улуса, моего постоянного местопребывания, я совершил две поездки вниз по Абакану, по левой и правой стороне. Последняя, третья крупная поездка была совершена через Камышту и Уйбат к июсинским качинцам и кызыльцам. Кроме того, были предприняты мелкие поездки в ближайшие улусы, между прочим на р. Есь к шаману Пыска, запись камланий которого производилась мною в прошлом году» [Майнагашев 1914: 118].

Большое внимание исследователь С.Д. Майнагашев в экспедиции 1914 года уделил сбору информации о традиционных верованиях качинцев и кызыльцев. Этнограф нашел общее и различное в верованиях качинцев и сагайцев, отметил, что православие к качинцам проникло значительно раньше, чем к сагайцам. Он написал: «Однако живы еще и бывшие шаманские воззрения, только они более сбивчивы, чем у сагайцев. Шаманов у них очень мало и к тем, какие есть, они относятся с меньшим уважением. По-видимому, дело подвигается к полному их исчезновению. Рядовой качинец мало интересуется существованием духов и в большинстве случаев их не знает, тогда, как почти каждый взрослый сагаец знает главных духов и знает даже какими словами их призывать» [Майнагашев 1914: 123].

Отметил этнограф С.Д. Майнагашев общее в религиозных воззрениях качинцев и сагайцев: общие духи, почитание духов гор, общий дух – покровитель детей (богиня Умай – прим. автора), дух реки, качинцы и сагайцы совершали жертвоприношение Небу «Тигир тайх», но сагайцы в отличие от качинцев не совершали жертвоприношение духу «Сут Ээзи».

Различия между качинцами и сагайцами по мнению С.Д. Майнагашева заключались в том, что «...воззрения сагайцев более стройны. Духи их представляются уже организованную иерархию с духами во главе. У качинцев, помимо этой категории духов, сохранились духи, разрозненные между собой, не находящиеся ни в каких отношениях соподчинения. Изображения их стоят на правой стороне, женской стороне юрты и сами они более относятся к компетенции, женщины, главным образом старух. Наиболее популярные среди качинцев «Белый дух» есть также существо одинокое и самостоятельное» [Майнагашев 1914: 124].

В отношении кызыльцев, проживающих в Ачинском уезде Енисейской губернии С.Д. Майнагашев отметил, что они не были ими исследованы, но ему передавали, что кызыльцы устраивают те же жертвоприношения, что и качинцы, и кроме того, совершают особое жертвоприношение Земле «Чир Су».

Во время экспедиции 1914 года С. Д. Майнагашев посетил 6 разных жертвоприношений, где производил записи и фотографирование, посетил поминки у сагайцев и произвел записи и фотографирование, а также собрал 30 сказаний и рассказов религиозного характера и 17 призываний духов записал на валики фонографа.

Этнографом были собраны сведения о свадебном обряде качинцев в улусе Вершина Биджа – это форма заключения брака, умыкание невесты, сватание, калым, приданое невесты, свадебный кортеж, свадебный костюм. Он нашел различия в свадебных обрядах у качинцев и сагайцев, им произведены записи обрядов и сделано фотографирование с большими трудностями, которые как он пишет «потому что большинство обрядов протекает в тесной и темной юрте, да еще набивается туда масса гостей и любопытных».

В 1914 году в Петроград из данной научной экспедиции С.Д. Майнагашев кроме научных материалов по фольклору и народным верованиям привёз также музейные предметы, негативы и фотографии, собранные в Минусинском и Ачинских уездах, которые также поступили в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).

В коллекцию МАЭ № 2390 вошло 37 предметов, из них 10 предметов шаманского культа – 1 бубен, костюм (кафтан и шапка), колотушка и 6 хакасских тесов и 17 предметов традиционного костюма хакасов (шубы, сигидек, халат-сикпен, платье, платок, шапка свахи «тулгу пурек», шапка «тагаях», нагрудное украшение «пого», сумочка «нанджик», зимняя и летняя обувь, рукавицы), настенный войлочный ковер, чепрак из войлока, принадлежности женского седла и др. Предметы были приобретены С.Д. Майнагашевым на сумму 141 руб. 60 коп., которые были выделены «Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении».

Вторая коллекция МАЭ № 2408 состоит из 109 фотонегативов на стекле. Все фотографии были сделаны самим этнографом. Коллекция фотонегативов была сделана в улусах Тастар, Тадар Сон, Усть-База, Тайырга, Ире-сов, Сескин, Чаптыков, где на фотографиях он запечатлел повседневную жизнь сагайцев, кызыльцев и качинцев – жилище, рыболовство, а также традиционные верования жертвоприношения горе, лошади «ызых», реке и традиционные свадебные обряды.

Третья № 2409 и четвертая № 2410 коллекции включают фотоотпечатки и негативы в количестве 214 единиц хранения, выполнение в местах проживания сагайцев, качинцев и кызыльцев на левом берегу рек Абакан, Аскиз, Бирь, Биджа, Карыш, Белый Июс и в улусах Тадар Сон, Ире-сов, Усть-База, Чаптыков, Окунев, Базинская Бея, Харасут, Усть-Фыркал, Шоев, Чертыков, Сескин, Усть-Уйбат, Вершина Биджи и Усть-Камышта. В фотографиях этнограф снял местные пейзажи, антропологические типы минусинских и ачинских инородцев, жилище, внутреннее убранство юрты, жертвоприношение горе, небу и воде, камлание шамана, свадебные и похоронные обряды.

Таким образом, этнографические экспедиции, совершенные летом 1913-1914-х годов С.Д. Майнагашевым по Минусинскому и Ачинскому уездам были важными и плодотворными для становления молодого исследователя. Во время путешествия этнограф собрал значительные материалы по народному искусству хакасов, музыкальной культуре, фольклору и этнографии этнических групп хакасов сагайцев, качинцев, койбалов и кызыльцев, которые требуют серьезного и внимательного изучения и публикации.

Библиографический список

1. Отчет по поездкам к турецким племенам долины р. Абакана летом 1913 года С.Д. Майнагашева // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Петроград. 1914. Серия II. № 3. С. 107-116.
2. Отчет по поездкам к турецким племенам долины р. Абакана летом 1914 года С.Д. Майнагашева // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Петроград. 1914. Серия II. № 3. С. 117-128.

References

1. Report on trips to the Turkish tribes of the Abakan River valley in the summer of 1913 by S.D. Mainagasheva // News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological, Linguistic and Ethnographic Respects. Petrograd. 1914. Series II. № 3. P. 107-116.
2. Report on trips to the Turkish tribes of the Abakan River valley in the summer of 1914 by S.D. Mainagasheva // News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological, Linguistic and Ethnographic Respects. Petrograd. 1914. Series II. № 3. P. 117-128.

Мальцева Л.В.

Профессор, доктор педагогических наук, доцент. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Полонникова А.А.

Старший преподаватель. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Сохранение и укрепление культуры (подворье кубанских казаков)*

Аннотация. Необходимо возрождать народные традиции, промыслы, что позволит сохранить это для потомков. Это культура, традиции, обычаи, ремесла, которые осознаются современным обществом как фактор преемственности поколений, приобщения к национальным жизненным истокам. Функции традиционной культуры в развитии и воспитании молодежи высоки и неоднозначны.

Культура Кубани является уникальной. Есть места в силу своей эмоциональности воздействия, благодатности притягивали, концентрировали народы и государства.

Этнохудожественная культура кубанских казаков как активный творческий феномен обладает громадными возможностями культурного творчества, он способен опережать различные состояния сознания, оказывать обратное влияние на жизненный, цивилизационный процесс. В связи с этим особую важность сегодня приобретает разработка новых подходов в процессе изучения той или иной культуры.

Ключевые слова: культура, жилище, усадьба, хата, убранство, подворье, традиции, казаки.

Maltseva L.V.

Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Kuban State University, Krasnodar.

Polonnikova A.A.

Senior Lecturer. Kuban State University, Krasnodar.

Preservation and strengthening of culture (courtyard of Kuban Cossacks)

Abstract. It is necessary to revive folk traditions, crafts, which will allow preserving it for descendants. This is a culture, traditions, customs, crafts, which are recognized by modern society as a factor in the continuity of generations, familiarization with national life sources. The functions of traditional culture in the development and education of youth are high and ambiguous.

* © Мальцева Л.В., Полонникова А.А., 2025.

The culture of Kuban is unique. There are places due to their emotional impact, grace attracted, concentrated peoples and states.

The ethno-artistic culture of the Kuban Cossacks as an active creative phenomenon has enormous potential for cultural creativity, it is able to outpace the current states of consciousness, have a reverse effect on the life, civilization process. In this regard, the development of new approaches in the process of studying a particular culture is of particular importance today.

Key words: culture, home, estate, hut, decoration, farmstead, traditions, Cossacks.

Изучение истории, культурного наследия родного края – Кубани способствует обогащению у школьников знаниями региона, в котором они живут, воспитывает любовь к Отчизне, формирует гражданские понятия, помогает уяснить неразрывную связь и единство истории отдельного города, станицы, аула с историей своего края, жизнью страны в целом.

Для поселений кубанские казаки выбирали выгодные в стратегическом отношении места: крутые берега рек, возвышенные участки, защищенные оврагами и болотами. Селения окружались глубоким ровом и земляным валом [5].

Основными типами поселений были станицы, крепости, форпосты, реданки и пикеты (небольшие сторожевые посты). В центре казачьей станицы обязательно должна была находиться церковь, станичное правление, школа, торговые лавки. Большинство казачьих станиц располагалось вдоль рек, иногда растягиваясь на 15-20 километров. Усадьбы казаков обычно огораживались глухими высокими заборами с плотно закрытыми воротами, что подчеркивало замкнутость казачьего быта. Нередко дом размещался в глубине двора или был повернут к улице глухой стороной (в связи с военной опасностью) [4].

Усадьбы средних и богатых казаков отличались сравнительно большими размерами, обычно, кроме переднего (чистого) двора, несколько задних (хозяйственных) дворов. Хозяйственные постройки (базы, сараи, ледники, навесы, загородки для скота и др.) чаще всего сооружались из местных строительных материалов. В казачьей усадьбе всегда строилась летняя кухня, в которую семья переезжала в теплое время года.

Домостроение – важный элемент традиционной народной культуры. Это большое событие в жизни каждой казачьей семьи, дело коллективное. В нем обычно принимали участие, если не все, то большая часть жителей «края», «кутка», станицы [8].

У казаков существовали обряды при закладке хаты. На место строительства бросали клочки шерсти домашних животных, перья – «чтобы все водилось». Матку-сволок (деревянные брусья, на которые настился потолок) поднимали на полотенцах или цепях, «чтобы в доме не было пусто». В передний угол, в стену вмуровывали деревянный крест, призывая этим

Божье благословение на обитателей дома. После окончания строительных работ хозяева устраивали угощение вместо платы (ее не полагалось брать за помощь). Большинство участников приглашалось и на новоселье.

Для постройки жилищ использовались различные материалы в зависимости от местных ресурсов и экономических возможностей казачьей семьи. Преобладала каркасная техника, при которой минимально использовалось дерево и максимально лоза, хворост (турлук), камыш с глиной (хата «мазанка»).

Стены каркасных жилищ делались: вкапывали угловые дубовые столбы (стойки) в землю или ставили деревянную основу строения на деревянные или каменные стулья. К поперечным жердям вертикально с двух сторон шпагатом или волокнами конопли привязывали тонкие пучки камыша или заплетали их мелким хворостом (турлучком). Стены с двух сторон обмазывались глиной.

Внутри и снаружи стены бели мелом. На потолочные балки – матицы (сволоки, переводины) укладывали настил из дубовых жердей или досок (обаполов, шелевок), камыша, турлука и с двух сторон также обмазывали глиной. Крыши покрывали камышом или соломой. По коньку соломенных и камышовых крыш делали гребень [3].

Казачье жилище совмещало в себе место обитания, оборонное сооружение. Первые поселения возникли в плавнях – речных камышовых зарослях, где землянку не выкопаешь – вода близко. Поэтому жилища делали турлучные. Стены плели из двух рядов прутьев или камыша, а пространство между ними для тепла и прочности заполняли землей. Крыша была, безусловна, камышовая, с отверстием для выхода дыма.

На значительной части степной территории Кубани были невысокие турлучные или глинобитные, обмазанные глиной и побеленные снаружи жилые постройки, вытянутые в плане, покрытые четырехскатными соломенными или камышовыми крышами.

В хате выкладывалась печь. Из грубо остроганных досок делались двери. Более тщательно изготавливались окна в две рамы. Полы были из досок только в зажиточных семьях. Более бедные избы обходились земляными набивными полами, которые регулярно смазывались коровьяком (коровий помет). Ежегодно хата белилась изнутри и снаружи мелом или известью. Летом топить печь в хате было не принято (много грязи и пыли). В каждом дворе была летняя кухня с плитой, которая топилась растительным мусором: мелкий хворост, сухая трава, кизяки, солома и др. Для печи в хате на зиму заготавливались дрова.

Местом для отдыха обычно служит лавочка перед куреном, у забора, или оплетенная виноградная беседка между домом и летней кухней. Особо нужно сказать о летних кухнях (летницы). Летницы – чисто казачья постройка, и, надо сказать, разумная. В летнице с весны до глубокой осени

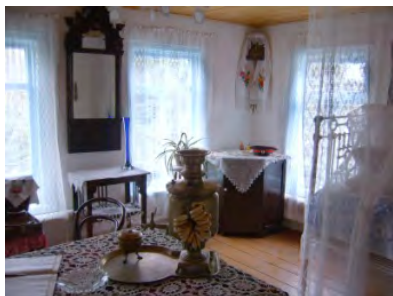

готовилась еда, и здесь же семья часто и кушала, что освобождало дом от кухонной толчеи и утвари. Но строительство летницы обеспечивало не только удобство в приготовлении пищи, но и уберегало курень от пожара.

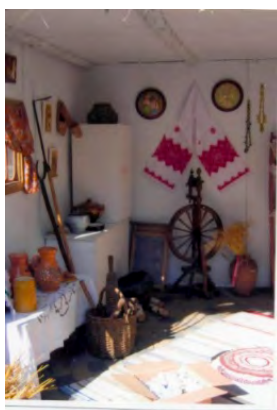
Часто рядом с летней кухней можно увидеть небольшую примитивную печку-горнушку (горн) из кирпича под небольшим навесом. Для удобства около печи ставили стол и лавки, за которыми летом обедала семья.

Казаки принимали чрезвычайные меры предосторожности, на лето все печи в домах опечатывались, и готовить можно было только в летницах. Это обеспечивало не только удобство в приготовлении пищи, но и уберегало курень от пожара. Старые станицы очень часто горели. Это было связано с тем, что вся застройка была деревянной, и дома располагались на расстоянии вытянутой руки. Поэтому, стоило загореться одному дому, как от возникшего пожара выгорала целая улица, а иногда и весь населенный пункт.

Жилище казаков делилось на левую, женскую, и правую, мужскую, половины. Прямо за сениями была большая комната, где принимали гостей. Здесь стояла лучшая мебель и была лучшая посуда. Внутреннее убранству казачьей хаты и интерьер кубанского жилища был в основном одинаков для всех районов Кубани. В доме обычно было две комнаты: великая (вылыка) и малая хата. В малой хате находились печь (грубка), от нее направо располагалась кунацкая, где в казарменной простоте жили неженатые сыновья хозяина – главы семьи. Налево – девичья, детская и кухня. В большом помещении богатого казака все комнаты были строго разделены. Женщины и маленькие дети никогда не заходили в кунацкую: там было оружие – могли покалечиться. Дети без разрешения родителей не входили в комнату [5].

Внутреннее убранство кубанской хаты казака.

Внутреннее убранство хаты Колодец на подворье.

Интерьер хаты кубанских обеспеченных казаков отличался подчеркнутой декоративностью. Стены казачьей избы украшали оружием и конской сбруей, картинами с изображением военных сюжетов, семейными портретами, портретами казачьих атаманов и членов царской семьи.

Центральным местом в хате казака был «Красный угол» – «божница». «Божница» оформлялась в форме большого киота, состоящего из одной или нескольких икон, украшенных рушниками, и стола – угольника. Часто иконы и рушники украшались бумажными цветами. В «божнице» сохраняли предметы, имеющие священное или обрядовое значение: венчальные свечи, «паски», как их называют у нас на Кубани, пасхальные яйца, просвирки, записи молитв, поминальные книжки» [2].

Отличительной особенностью кухни и всего казачьего жилья была чистота. Скота держали много, и при отсутствии чистоты жизнь в доме и на базу была не возможна. Печь подбеливали после каждой стряпни – ведро с белилами и квачом всегда стояло под печкой.

На Кубани, была «белая неделя» – за неделю до пасхи все хаты белились, как снаружи, так и внутри. Кубанская усадьба огораживалась со стороны улицы – «камышовой изгородью», или плетёной изгородью – плетень.

Не менее важной особенностью казачьего курения являлся колодец. Во время рытья колодца копатель не прикасался ни к вину, ни к деньгам, некоторые давали обет молчания. Станичники вскладчину нанимали музыкантов, которые играли постоянно, пока шла работа. Иногда колодезник требовал, чтобы во время работы непрерывно читался Псалтырь. Колодцы увенчивали надписи: «Люди добрые, испейте водицы и казаков, бедных пожалейте, грехи им простить и в молитвах помянуть». Ближе ста сажень от колодца запрещалось поить коней и прогонять скотину, дорогу можно было проложить только в 300 сажнях от колодца [9]. Появление воды в колодце означало, что обет исполнен и Бог простил грех дававшего обет. Но вода могла быть соленой или горькой. Поэтому каждый степной колодец был бережно хранимым чудом.

Становления и возрождения национального самосознания через приобщение их к культурному наследию своего народа. Необходимо комплексно включать в воспитательные процессы проблемы изучения народного искусства во всем его этнохудожественном многообразии в культуре России. Приобщение к народной культуре к народному искусству, традициям, обычаям, очень важно в период духовного возрождения и обновления всех структур общества.

Все это можно увидеть если приехать в станицу Атамань.

Кубанский стиль служит не только источником культурной гордости для местного населения, но также привлекает внимание и интерес со стороны искусствоведов, коллекционеров и туристов. Этот стиль способствует сохранению и продвижению богатого культурного наследия Кубани.

Вход в станицу Общий вид станицы.

Библиографический список

1. Бондарь Н.И. Традиционная духовная культура Кубанского казачества. – Краснодар: Традиция, 1994.
2. Вакуленко Е.Г. Народная культура Кубанский казаков. – Краснодар: Традиция, 2014.
3. Гордеев А.А. История казачества. – Москва: Просвещение, 2007.
4. ГАКК. Ф. 449. Оп. 6. Д. 156 а. Л. 2-4.
5. История Кубани / Под. ред. Куб. ГУ Щетнева В.Е. – Краснодар.: Кубанское книжное издательство, 2004.
6. Мальцева Л.В. Кубановедение на уроках изобразительного искусства в общеобразовательной школе. – Краснодар: Традиция, 2010.
7. Мальцева Л.В. Развитие художественно-творческих способностей школьников средствами изобразительного искусства (на материале этнохудожественной культуры Краснодарского края). – Краснодар: Экоинвест, 2009.
8. Манукало А.Н. История Кубани. – Краснодар: Кубанское книжное издательство, 2004.
9. Чистов К.В. Кубанские станицы / К.В. Чистов. – Москва: Наука, 1967.
10. Терновоя Л.О. Трансляция идеи сакральности власти государства на межгосударственные отношения // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 345-352.
11. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. – М.: 1967. С. 116.
12. Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. – Москва-Краснодар, 2002. С. 443.

References

1. Bondar N.I. Traditional spiritual culture of the Kuban Cossacks. – Krasnodar: Tradition, 1994.
2. Vakulenko E.G. Folk culture of the Kuban Cossacks. – Krasnodar: Tradition, 2014.
3. Gordeev A.A. History of the Cossacks. – Moscow: Education, 2007.
4. GAKK. F. 449. Op. 6. D. 156 a. L. 2-4.
5. History of Kuban / Ed. Kuban State University Shchetnev V.E. – Krasnodar.: Kuban Book Publishing House, 2004.
6. Maltseva L.V. Kuban studies in fine arts lessons in comprehensive schools. – Krasnodar: Tradition, 2010.
7. Maltseva L.V. Development of artistic and creative abilities of schoolchildren by means of fine arts (based on the ethno-artistic culture of Krasnodar Krai). – Krasnodar: Eco-invest, 2009.
8. Manukalo A.N. History of Kuban. – Krasnodar: Kuban Book Publishing House, 2004.
9. Chistov K.V. Kuban villages / K.V. Chistov. – Moscow: Nauka, 1967.
10. Ternovaya L.O. Translation of the idea of the sacred power of the state into interstate relations // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 345-352.
11. Kuban villages. Ethnic and cultural-everyday processes in Kuban. – M.: 1967. P. 116.
12. Essays on the traditional culture of the Cossacks of Russia. Vol. 1. – Moscow-Krasnodar, 2002. P. 443.

Лыкова Н.Н.

Кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский филиал Российского Государственного Университета Правосудия имени В.М. Лебедева.

Гасанова В.Т.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский филиал Российского Государственного Университета Правосудия имени В.М. Лебедева.

Андрейченко О.И.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский филиал Российского Государственного Университета Правосудия имени В.М. Лебедева.

Социокультурная православная традиция как фактор духовно-нравственного воспитания молодежи (культурологический аспект)*

Аннотация. В трансформирующемся обществе отмечается усиление негативных явлений в молодёжной среде. К их числу относятся «двойная мораль», разрушение ценностных абсолютов как в этической, так и в эстетической сферах. В новой реальности, в которой оказалось наше общество после завершения «лихих 90-х», возвращение к истокам, актуализация нравственно-эстетических ценностей, норм и регулятивов, содержащихся в Писании, представляются чрезвычайно важными и актуальными. Социокультурный православный фактор, наряду с другими, предопределяет сложную, синкретическую структуру российской культуры с многообразием составляющих ее идеалов и нравственных ценностей. Особым предметом внимания являются духовно-нравственные идеалы самой молодежи, а также вопросы соотношения традиций и современности. Для этого необходимо творчески переработать опыт отечественных богословов и представителей религиозно-идеалистической философии, адаптировав его к трансформационному постсоветскому обществу, существующему во внешней среде постмодернистского, секуляризованного, нравственно и эстетически релятивистского мира. В данной статье представляется возможным осветить новый качественный - уровень понимания молодежью православной традиции как фактора духовно-нравственного воспитания через переосмысление религиозно традиционного прошлого в современном социокультурном контексте. Т.О. авторы данного материала определяют новые возможности в духовном развитии юношества. Особенно важным, считают авторы, найти конкретные формы и методы трансляции православных нравственно-эстетических ценностей современной молодёжи, оказавшейся на духовном распутье.

Ключевые слова: трансформирующееся общество, негативные явления, ценностные

* © Лыкова Н.Н., Гасанова В.Т., Андрейченко О.И., 2025.

Социокультурная православная традиция как фактор духовно-нравственного воспитания молодежи (культурологический аспект)

абсолюты, духовно-нравственное воспитание, библейские ценности, религиозное просвещение, молодёжная среда, возвращение к истокам, активная жизненная позиция.

Lykova N.N.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Crimean branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Gasanova V.T.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Crimean branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Andreychenko O.I.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Crimean branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Sociocultural Orthodox tradition as a factor in spiritual and moral education of youth (cultural aspect)

Abstract. In a transforming society, there is an increase in negative phenomena among young people. These include “double standards”, the destruction of absolute values in both the ethical and aesthetic spheres. In the new reality in which our society found itself after the end of the “dashing 90s”, a return to the roots, the actualization of moral and aesthetic values, norms and regulations contained in the Scriptures seem extremely important and relevant. The socio-cultural Orthodox factor, along with others, predetermines the complex, syncretic structure of Russian culture with a variety of ideals and moral values that make it up. A special focus is on the spiritual and moral ideals of the youth themselves, as well as issues of the relationship between tradition and modernity. To achieve this, it is necessary to creatively rework the experience of domestic theologians and representatives of religious-idealistic philosophy, adapting it to the transformational post-Soviet society existing in the external environment of a postmodern, secularized, morally and aesthetically relativistic world. In this article, it seems possible to highlight a new qualitative level of understanding by young people of the Orthodox tradition as a factor in spiritual and moral education through rethinking the religiously traditional past in the modern socio-cultural context. Thus, the authors of this material determine new opportunities in the spiritual development of youth. The authors believe that it is especially important to find specific forms and methods of transmitting Orthodox moral and aesthetic values to modern youth who have found themselves at a spiritual crossroads.

Key words: transforming society, negative phenomena, value absolutes, spiritual and moral education, biblical values, religious education, youth environment, return to roots, active life position.

Анализ научной проблемы: Сегодня формирование духовно-нравственной культуры у молодежи приобретает особое значение. Духовное и нравственное воспитание – это одна из форм развития личности, направленная на повышение общей культуры. Проблема духовного воспитания – одна из самых актуальных в процессе формирования менталитета. Выросло поколение, для которого формальное следование канонам и традициям общества имеет большее значение, чем состояние души. Тем не менее, ценностно-смысловые ориентиры воспитания «человеческого в человеке» сохраняют актуальность в духовном самосовершенствовании, формировании чувства ответственности. Достаточное внимание многие авторы прошлого и современности уделяли поиску конкретных механизмов социализации и инкультурации молодёжи в духе новозаветных нравственно-эстетических ценностей. Думается, настала пора предпринять попытку заполнить соответствующие лакуны.

Научная новизна нашей работы заключается в следующем:

Впервые осуществлён комплексный текстологический анализ Священного Писания, Священного Предания (решений соборов Церкви), трудов христианских богословов и представителей религиозно-идеалистической философии, комментировавших Писание и Предание. Одновременно с этим проведено исследование творческого наследия представителей светской философской, культурологической, этической и эстетической мысли и подвергнуты критическому анализу их взгляды на морально-эстетическое воспитание молодёжи. Предложены конкретные механизмы передачи новым поколениям религиозных нравственных и эстетических ценностей через взаимодействие Православной Церкви, государства и институтов гражданского общества (семья, негосударственные образовательные учреждения, общественные организации и др.).

Цель настоящей работы – определить место и роль духовно-нравственных ценностей в воспитании эстетических идеалов современной молодёжи.

На основе данной цели нами определяются следующие задачи работы:

- Установить механизмы взаимодействия православной Церкви, других институтов гражданского общества и государства в укоренении религиозных нравственно-эстетических ценностей в молодёжной среде;
- Предложить конкретные рекомендации по повышению эффективности воспитания молодёжи в духе нравственно-эстетических аспектов.

Религиозные ценности стали доминировать в европейском обществе в Средние века. Это связано с радикальным пересмотром мировоззренческой парадигмы и превращением религии в господствующую форму общественного сознания, а церкви – в доминирующий социальный институт.

В эту эпоху ценности связывались с божественной сущностью, поскольку предполагалось, что человек существует во имя Бога. Последний

представлялся антропоморфным существом, воплощающим идеальное представление о родовой сущности человека. Таким образом, на смену космоцентрической парадигме универсума, свойственной античной эпохе, пришла новая, теоцентрическая. В отличие от древнегреческого космоса, Бог стал не просто воплощением мира, но его творцом, создателем, Демиургом. В материальном мире, созданной Им, человек, созданный по образу и подобию Божьему, занимает центральное место.

Именно христианство позволило мыслителям поместить внутреннюю жизнь человека в «зону особого внимания» культуры и придать ей перво-степенную религиозную ценность. Житель античного полиса считал, что душа человека соотнесена с душой Космоса, а христианская философия Средневековья открыла «внутреннего человека», не имеющего соответствий в универсуме и полностью обращённого к сверхприродному Демиургу [7, с. 354].

С точки зрения христианского мировоззрения, приобретшего относительно законченные формы именно в Средние века, Бог, сотворив человека, дал ему свободу воли, дающую возможность проявления человеческой сущности. Однако свобода предполагает и ответственность пред лицом Господа [7, с. 51].

Одним из наиболее последовательных мыслителей Средневековья, разрабатывавших эту концепцию, был Аврелий Августин Блаженный, автор трактата «О Граде Божием» [4] и ряда других произведений [4].

В названном трактате и была предпринята попытка дать ответ на вопрос о причинах человеческих страданий в обществе. Нельзя обойти стороной то, что Августин Блаженный выработал новую, принципиально иную концепцию места человека в универсуме [4]. По Аврелию Августину, существует некий «естественный порядок вещей», установленный «Все-совершеннейшим» (один из атрибутов Бога в его терминосистеме) [4]. В рамках этого порядка человек занимает высокое положение в иерархии сущностей [4].

Но есть и иная ценностная иерархия. Она внедрена в массовое сознание мирскими институтами, прежде всего, государством – «Градом земным». Она подвергается критике средневековым отцом Церкви вследствие того, что её основной критерий, утилитарная полезность, нередко противоречит божественному порядку и приводит к тому, что низшие ценности кажутся индивиду более значимыми, нежели высшее [4, с. 535].

Тем не менее, на наш взгляд, кризис веры, начавшийся ещё в эпоху Возрождения, имеет и позитивный аспект. Человек в попытках преодолеть своё экзистенциальное одиночество неизбежно обратится к высшим силам, то есть, в конечном счёте, к Богу.

Большую роль в этом повороте может сыграть использование отечественной духовной традиции. Русская культура XI – XVI вв. развивалась

несколько иначе, нежели западноевропейская. Она в меньшей степени испытала античное влияние, чем культура Запада, что, помимо прочего, привело к тому, что в России фактически не было «полноценного», «развёрнутого» Ренессанса с его антропоцентризмом и чрезмерным культом личности.

В XI – XIII вв. в российской, как и в европейской аксиологической системе, доминирующей была теоцентрическая парадигма, главной целью жизни человека, считавшая достижение спасения души для её жизни вечной. Это изначально заложило мировоззренческую иерархию, в которой этика преобладала над онтологией, а аксеология над гносеологией. Эстетика же ставилась в подчинение к этике.

На этой основе выстраивалась иерархия ценностей, среди которых немалое место отводилось идеалам духовной свободы и своеобразного, христианского гуманизма, лишённого тех деструктивных, антропоцентристских наслоений, которые он приобрёл в русле традиции западного Ренессанса. Здесь нельзя обойти вниманием такие произведения, как «Поучение Владимира Мономаха» и «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона.

Владимир Мономах одним из первых на Руси поставил вопрос об уникальности и неповторимости человеческой личности: «Если весь мир собрать вместе, никто не окажется в один образ, но каждый со своим образом, по мудрости божьей» [Цит. по: 10, с. 166].

Однако при этом князь отвергал гордыню и утверждал идеалы смирения, морального и интеллектуального самосовершенствования.

Христианская же картина мира Средних веков на Западе была пронизана эсхатологическим духом хилиастической утопии и в то же время по-своему демократична. Представители патристики и схоластики, такие, как Аврелий Августин Блаженный. Бозций, Николай Орезмский, Фома Аквинский, из всех видов искусства отдавали предпочтение музыке. Она, входя в число «семи свободных искусств», ставилась выше искусств «механических», включая изобразительное, так как последние привязывали человека к вещам и отделяли от Творца.

Тогдашняя теория нравственно-эстетического воспитания выстраивалась вокруг религиозного, христианского идеала. Вот почему самые важные свидетельства о том, как в средние века «воспитывались чувства», современные исследователи ищут не в отсутствовавших в то время трактатах по эстетике как таковой и не в работах по педагогике. Их находят в поучениях монахов и других служителей христианской Церкви, непосредственно относившихся к проблемам нравственно-эстетического воспитания молодёжи.

На последующем этапе истории отечественной культуры важную роль сыграл спор «иосифлян» и «несвяжателей». По мнению исследователя

Э.С. Кульпина, духовное течение «нестяжателей» внутри Русской Православной Церкви, возглавляемое Нилом Сорским, призывавшее «кормиться рукоделием» [13, с. 98], в известной степени привлекало внимание к такой нравственной ценности, как труд [13, с. 98]. Хотя это течение и проиграло общественную дискуссию с оппонировавшим ему течением Иосифа Волоцкого, она оказало сильное влияние на эволюцию русской христианской аксиологии [13, с. 98].

В XVIII столетии относительно изолированное существование России как самодостаточной Ойкумены исчерпало свой потенциал, и она, после Петровских реформ, вступила в плодотворный кросс-культурный диалог с Западной Европой, которая не столько опережала Русь в своём культурном развитии, сколько следовала по несколько отличной траектории.

В начале XIX века в России начался исторический спор двух направлений интеллигентской публицистики – «западников» и «славянофилов». Сходясь в стратегических целях – утверждении целей освобождения личности, осознающей свою ответственность, что полностью лежало в русле новозаветных ценностей «благодати», они по-разному расставляли акценты в своих нравственных исканиях.

В конце XIX – начале XX века идеи «западничества» и «славянофильства» были синтезированы в рамках «русского религиозно-философского Ренессанса», породившего к жизни такое сложное и неоднозначное явление, как «философия Всеединства». У истоков её стоял В.С. Соловьёв, а наиболее яркими представителями были Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др. Они предприняли попытку освободить гуманистические ценности Запада от антропоцентристского крена. Так, В.С. Соловьёв стремился избежать абсолютизации ценности свободы, рассматривая её как «только один из видов необходимости» [17].

Однако, по мнению исследователя Л.В. Баевой, недостатком представителей философии «русского Всеединства» был созерцательный характер их мировоззрения, а также и их жизненной тактики [5, с. 222].

Это привело к тому, что временную победу одержали их оппоненты, adeпты «философии действия» - марксисты. Они стигматизировали и маргинализировали отечественную религиозно-идеологическую философию, а её носители подвергались репрессиям и оказались в вынужденной эмиграции, где продолжили прерванный путь духовных исканий. Лишь после 1991 года их наработки оказались востребованными в полной мере и на Родине.

Для правильного воспитания современной молодёжи, как никогда, необходимо ясное и чёткое представление о нравственно-эстетическом идеале как цели, на достижение которой должна быть направлена вся деятельность человека.

Существует много видов воспитания молодёжи (трудовое, умствен-

ное, военно-патриотическое и др.). Однако наиболее сложным является воспитание нравственное, находящееся в неразрывном единстве с эстетическим. Оно, как никакое другое, важно не только для земного существования индивида, но и – главное – для вечной жизни его души в Царстве Божиим.

Основная проблема на сегодняшний день – отсутствие консолидированной позиции различных акторов педагогического процесса по отношению к проблеме нравственно-эстетического воспитания. Вот почему так важно обращение к многовековому опыту православной (восточно-христианской) традиции такого воспитания.

Слово «традиция» известный филолог В. И. Даль определял как «предание, передачу жизненного опыта от старших к младшим, от предков к потомкам, всё, что устно перешло от одного поколения на другое» [8, с. 425].

На традиции строится любая система воспитания, в том числе и православная. Теперь обратимся непосредственно к тексту Священного Писания. Согласно положениям Библии, существует Божие призвание о преемственном воспитании детей в вере. В соответствии с этими положениями, веру и Божии заповеди, которые определяют жизнь человека, необходимо передавать как самое ценное достояние: «Передайте об этом детям вашим; а дети ваши пусть скажут своим детям, а их дети следующему роду» [Иоиш. 1: 3].

Нравственно-эстетическое воспитание молодёжи должно осуществляться в соответствии со сложившимися православными традициями. Говоря более конкретно, нравственное воспитание в духе Православия в содержательном аспекте должно руководствоваться словами Спасителя: «По плодам их, узнаете их» [Мф. 7:16, 20], ибо «от худого дерева и плод худой, а от дерева доброго и плоды добрые» [Мф. 7:17].

Теперь рассмотрим истинный смысл и направленность воспитания – любого, а не только нравственно-эстетического – в православной традиции.

Обратимся к самой этимологии слова «воспитание». Исходное его значение обусловлено корневой частью. Под «воспитанием» изначально понимали вскармливание, питание ребёнка, не приспособленного к самостоятельной жизни. Первоначально в русском языке оно сохраняло исконное значение, но затем смысл его расширился. Под воспитанием стали понимать «вскармливание» подрастающего члена общества системой знаний, умений и навыков, наработанных социумом.

Протоиерей Александр Зелененко особое место отводит «словесно-звуковым впечатлениям, питающим душу, тому, что по содержанию и по форме говорится при человеческих взаимоотношениях; что по содержанию читается, поется и какая музыка звучит, и что из всего этого сильнее влияет на человека» [9, с. 16].

Следовательно, с православной точки зрения классическое определение воспитания должно быть скорректировано. Оно может быть определено как планомерное содействие развитию и укреплению духовных, душевных, физических сил и способностей человека на пути к христианскому совершенствованию. Совокупностью всех совершенств христиане считают любовь [см.: Кол. 3:14]. Путь к ней лежит через веру и жизнь по Божьим заповедям, в единстве с Церковью [9, с. 25].

Рассмотрим то, как православная традиция оценивает соотношение категорий «духовность» и «нравственность».

Слово «духовность» - производное от понятия «дух». Последнее в науке может интерпретироваться по-разному, но в Православии эта категория в предельном значении является синонимом слова «Бог»: «Бог есть дух...» [Ин. 4: 24]. Следовательно, в абсолютном значении духом является Бог, а духовным – тот человек, который в своей добродетели стал максимально подобным Богу.

Что же касается духовности, то она предполагает наличие определённых внутренних ценностей, например, названных в Новом Завете ценностей любви и милосердия. Однако человек, преисполненный любви и милосердия, не обязательно манифестирует их во внешних проявлениях.

Социальными институтами, определяющее нравственно-эстетическое становление человека, православная традиция считает в первую очередь церковь, семью и школу. Создание необходимых условий для такого становления определяет сущность воспитательного процесса в православной педагогике. Одним из таких условий является воцерковление представителей подрастающего поколения.

Вот как характеризует значение воцерковления игумен Георгий Шестун: «Воцерковить – значит осветить светом веры весь круг понятий и практической жизни человека, положить в основу жизни не цель развития личности, а цель спасения человеческой души от греха и его последствий – страданий, как временных, так и вечных <...> в формах бескорыстного благотворения и жертвенного служения» [18, с. 10].

На первый взгляд может показаться, что нравственное и эстетическое воспитание являются относительно автономными направлениями педагогической работы в силу принципиально разной природы нравственных и эстетических ценностей. Без сомнения, нравственное и эстетическое воспитание решают собственные задачи, применяют собственные средства и методы.

В то же время с точки зрения новозаветного мировоззрения категории «нравственное» и «эстетическое» тесно связаны друг с другом. Оба направления воспитания ориентированы на формирование личности христианина и, в конечном счёте, на спасение его души. Достижению этой цели служит сочетание факторов нравственного и эстетического воспитания. На

формирование православной морали большое влияние оказывают такие категории эстетики, как «эстетическое восприятие», «эстетический вкус», «эстетический идеал». В эстетической сфере категория «эстетическое восприятие» коррелирует с этической категорией «нравственная оценка». Это же может быть сказано и о связи категорий «нравственная норма» и «эстетический вкус». Эстетические вкусы роднит с нравственными нормами их нормативный характер. Подобно этическим нормам, они являются критериями оценки значимости каких-либо новых явлений, но уже не в моральном, а в эстетическом аспекте.

Одной из задач нравственного воспитания является активизация нравственной деятельности молодёжи. Под нравственной деятельностью понимают специфический аспект, который проявляется во всех видах деятельности человека. Здесь большое значение имеет осознание личностью во время совершения им тех или иных поступков их ценности. Эстетическая деятельность также сопровождает все формы активности человека, но в отличие от нравственной деятельности имеет особую форму своего проявления – искусство.

Поэтому влияние эстетической деятельности на нравственное сознание личности может носить двоякий характер. Это и отдельные эстетические моменты трудовой и иной деятельности, и непосредственное влияние специфически эстетического вида деятельности – искусства (в православии, например, иконописной живописи, песнопений и т. п.).

Таким образом, человек, находящийся на низком уровне нравственной культуры, стоит на низком уровне и культуры эстетической.

Если же мы поведём речь о людях более высокого культурного уровня, специализирующихся на трансляции и производстве духовных ценностей, противоречия между нравственными и эстетическими императивами могут усугубляться. Это происходит в том случае, если деятель культуры не усвоил в полном объёме новозаветную систему ценностей и его душа не уврачевана духом Христианства. У таких людей возникает соблазн резкого противопоставления нравственных ценностей эстетическим. При этом первые абсолютизируются, что проявляется в элементах морального ригоризма, а вторые трактуются как нечто второстепенное или даже вредное духу морального совершенствования. При этом открыто декларируется подозрительное или прямо негативное отношение к эстетическим, художественным явлениям. Провозглашается, будто красота не важна в жизни, а служит лишь для развлечения чувств. Это допустимо только до тех пор, пока не мешает добропорядочности.

Ситуация, в которой в настоящее время оказалось наше общество, сложные и противоречивые процессы, протекающие в его духовной, экономической и социально-политической сферах, вынуждают акторов воспитательного процесса радикально трансформировать саму парадигму

формирования полноценного члена общества, развития его морального, интеллектуального и творческого потенциала. В особой степени сказанное относится к воспитанию религиозному, базирующемуся на трансляции нравственно-эстетических ценностей, основанных на положениях Нового Завета. Актуальность религиозного просвещения именно в молодёжной среде обусловлена самой спецификой этой социальной группы. Её всегда отличают высокая целеустремлённость, активная жизненная позиция. Поэтому как раз молодёжь может стать самым надёжным помощником Православной Церкви в деле христианского просвещения и воцерковления граждан.

Прежде чем охарактеризовать формы и методы воспитательной работы с молодёжью, направленной на трансляцию новозаветных нравственно-эстетических ценностей, необходимо, во-первых, раскрыть содержание и сущность категории «воспитательная работа», во-вторых, определить, какие же слои населения включаются в само понятие «молодёжь».

В современной педагогической науке ещё не выработана единая, общепризнанная классификация форм воспитательной работы. Более того, разные учёные используют различные дефиниции этого понятия.

Н.В. Самусева даёт следующее определение термина: «Форма воспитательной работы – это устанавливаемый порядок организации конкретных актов, ситуаций, процедур взаимодействия участников воспитательного процесса, направленных на решение определенных педагогических задач (воспитательных и организационно-практических), совокупность организаторских приемов и воспитательных средств, обеспечивающих внешнее выражение содержания воспитательной работы» [16, с. 98].

Теперь рассмотрим основные методы нравственно-эстетического воспитания молодёжи в духе новозаветных ценностей. Для начала рассмотрим, что же такое «метод». Это понятие, происходящего от греческого слова *méthodos* — *путь исследования или познания, теория, учение, и означающее совокупность приёмов или операций практического или теоретического освоения действительности, подчинённых решению конкретной задачи* [14].

Большинство исследователей выделяет пять методов воспитания: убеждение, упражнение, пример, поощрение и наказание. Они, в свою очередь, делятся на более частные варианты, или разновидности.

Нередко, впрочем, в основу классификации метода воспитания кладётся направленность её на определённую сферу личности: сознание, поведение, эмоционально-волевая направленность. Такие методы именуются методами формирования сознания, или убеждений. Другие же методы, часто называемые вспомогательными, используются для коррекции и стимулирования поведения воспитуемых. К их числу относят соревнование, игру, поощрение, наказание. Как видим, в этом случае ряд методов обуче-

ния (например, игра) отождествляется с его формами.

При выборе конкретных форм и методов нравственно-эстетического воспитания молодёжи на базе новозаветных ценностей следует чётко определить конкретную целевую группу, на которую конкретные формы и методы должны быть направлены, иными словами, определить, какие же группы населения относятся к категории «молодёжь».

Исследователи Ю.А. Зубок и В.И. Чупров определяют молодёжь как группу [11, с. 94], находящуюся в определённом состоянии в системе общества, которое является «фазой поведения человека, в которой он больше не играет роли ребенка <...> и в то же время еще не исполняет роли взрослого как действительного носителя социальных институтов, например, семьи, общественности, политического строя, правового и экономического порядка и т. д.» [11, с. 94].

По мнению современного отечественного исследователя О.И. Белого, внутри целевой группы «молодёжь» следует выделять три подгруппы: 14 – 18; 18 – 25; 25 – 30 лет. Эта периодизация соответствует и изменению социальных позиций индивида: получению им паспорта, законодательному оформлению его прав и обязанностей, получению избирательного права, профессионального образования и т. п. [6, с. 158].

Очевидно, что основными акторами воспитательной деятельности по социализации и инкультурации молодёжи в духе новозаветных нравственно-эстетических ценностей являются Православная Церковь, государство и различные институты гражданского общества.

Рассмотрим, как же они действуют в реальности и должны действовать в идеале между собой.

Понятно, что, несмотря на то что конституционно Церковь в нашей стране отделена от государства, взаимодействие этих двух социальных институтов, их плодотворный диалог жизненно важны для дела нравственно-этического воспитания молодёжи в аспекте новозаветных ценностей. Сотрудничество структур Московского Патриархата (далее – МП) и государства в молодёжной политике – принципиально новый феномен, ставший возможным только после 1991 г., когда коммунисты были отстранены от власти, распался СССР, и была свёрнута государственная атеистическая пропаганда, непрерывно ведшаяся с 1917 года.

Необходимость привлечения государственных ресурсов к воспитанию молодёжи очевидно. Как отмечает современная исследовательница Л.М. Эррера, «мир жаждет новой модели общественного устройства, молодёжь в этом плане представляет собой один из важнейших скрытых духовных ресурсов обновления общества», а «для реализации потенциальных возможностей молодого поколения необходима национальная молодёжная политика» [18, с. 278].

Однако общее принятие христианства и доверие к Богу ещё не означа-

ет полного принятия новозаветных нравственно-эстетических ценностей. Для его достижения требуется согласованная работа различных социальных институтов. Между тем, воспитательный потенциал тех из них, которые традиционно занимались социализацией и инкультурацией подрастающего поколения (семьи, учреждений образования и культуры и др.) снижается. Имеет место межконфессиональная и межэтническая нетерпимость, недостаточно укоренены ценности толерантности и установки на поликультурный диалог. Высок уровень криминализации в молодёжной среде, имеют место проявления политического экстремизма и вовлечённости в террористические сообщества. Это требует нахождения новых форм взаимодействия между Церковью и государством.

В первую очередь Православная Церковь МП в целом, занимаясь воспитательной работой, взаимодействует с таким ведомством, как Министерство образования и науки РФ (Минобрнауки), а Крымская епархия – соответственно, с республиканским профильным министерством. Начало такому взаимодействию было положено ещё в середине 2000-х годов.

Не секрет, что в 1990-е годы государство фактически ушло из сферы предоставления образовательных услуг. Оно минимизировало свою экономическую поддержку учебных заведений и стремилось избегать активной роли в формировании образовательной политики. Лишь приблизительно в 2006 – 2007 гг. ситуация стала кардинально меняться в лучшую сторону.

Руководство Минобрнауки поняло тогда, что в самом знании истории и культуры молодёжью заложен большой воспитательный потенциал. Поэтому воспитательное значение гуманитарного знания стало закладываться в содержание разрабатывавшихся тогда ведомством государственных стандартов образования нового поколения и при этом учитывалось мнение религиозных организаций, в частности, МП. Было начато изучение в школе роли православия и других традиционных конфессий (с учётом региональной специфики), что полностью соответствовало действовавшему законодательству. Осуществлялась педагогическая экспертиза материалов, предлагаемых для изучения, и – главное – соответствующая подготовка педагогических кадров.

В течение многих лет Минобрнауки РФ осуществляло ежегодный мониторинг деятельности органов управления образованием субъектов федерации в аспекте их взаимодействия с религиозными организациями в области образования, воспитания и воплощения в жизнь социальных программ. Было установлено, что в большинстве регионов РФ изучение истории и культуры религии осуществлялось в нескольких тысячах школ, а в ряде регионов разрабатывались собственные программы и учебно-методические комплексы документов по соответствующим дисциплинам.

Для подготовки совместных инициатив по преподаванию истории и

культуры религии, в данном случае православной, в образовательной системе страны ещё в 2006 году приказом Министра образования и науки РФ от 17 марта №55 была образована совместная рабочая группа. В неё вошли представители МП, Минобрнауки, различных вузов и НИИ. Разработанные ими предложения поступили в Российскую академию образования с целью использования при разработке следующего поколения государственных образовательных стандартов [3].

Предложения Московского Патриархата учитывались властями России при разработке концепции психологического обеспечения отечественного образования, которая предусматривала совершенствование оказания комплексной медико-психологической социальной помощи представителям молодёжи, создание развёрнутой сети образовательных учреждений для лиц, нуждающихся в такой помощи.

По инициативе МП Минобрнауки РФ обратило внимание на неблагоприятную демографическую ситуацию в стране. Одной из причин её оказалось размывание духовно-нравственных ценностей в семейно-брачных отношениях, что проявилось в высоком уровне разводов, частых случаях внутрисемейного насилия и девиантного и даже делинквентного поведения представителей подрастающего поколения. Преследуя цель укрепления такого важного социального института, как семья, Минобрнауки РФ принялось за целенаправленную работу по формированию общенациональной системы профессиональной подготовки кадров в области молодёжной социальной политики. Эта система призвана расширить сферу предоставления образовательных, медико-социальных, психолого-педагогических, информационно-консультационных и иных услуг молодым семьям, в частности, для помощи им в организации семейного и детского отдыха, для увеличения числа массовых мероприятий, актором которых бы являлась семья как единое целое.

Минобрауки РФ уделяет большое внимание педагогическому образованию, тому, чтобы в учебных заведениях работали квалифицированные кадры, получающие достойное вознаграждение за свой самоотверженный труд. Это касается и религиозных образовательных учреждений, 39 из которых имеют лицензии Рособнадзора. Начиная с 2006 года Министерство проводит регулярные совещания с представителями всех традиционных для России конфессий, на которых обсуждается вопрос реализации в духовных учебных заведениях образовательных программ на основе существующих государственных стандартов профессионального образования и государственной аккредитации этих заведений [1] и в Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (статья 19) [2].

Эти предложения предусматривали то, что свидетельство о государственной аккредитации, выдаваемое религиозному учреждению профессионального образования, подтверждает уровень образовательных про-

грамм, по которым это заведение работает, и соответствие содержания и качества подготовки выпускников требованиям государственных образовательных стандартов. Это даёт право религиозным учебным заведениям выдавать своим выпускникам, успешно прошедшим курс обучения по аккредитованным образовательным программам, документа государственного образца о соответствующем образовании.

Вследствие этого произошедшая интеграция профессионального религиозного образования в единое российское образовательное пространство способствовала расширению возможностей взаимодействия Православной Церкви МП со светскими образовательными учреждениями и государственными органами управления образованием в деятельности, направленной на подготовку и повышение квалификации преподавателей дисциплин историко-культурологического цикла в области религиозной культуры. Именно такое взаимодействие и позволяет педагогам эффективнее воспитывать молодёжь в духе новозаветных нравственно-эстетических ценностей. Эта координация усилий создаёт благоприятные условия и для специалистов, работающих с проблемными семьями, с детьми, попавшими в неблагоприятные жизненные ситуации. Это позволит подготовить молодёжь к жизни в меняющихся обстоятельствах, развить у неё коммуникабельность, толерантность, готовность к межкультурному диалогу, к саморазвитию личности и формированию современного мышления.

Таким образом, взаимодействие государства в лице Минобрнауки и Православной Церкви МП имеет положительную динамику развития, оно становится всё более тесным как в центре, так и в субъектах Российской Федерации.

Выводы и перспективы дальнейших исследований: Итак, для повышения эффективности воспитания молодёжи в духе новозаветных нравственно-эстетических ценностей, на взгляд авторов, необходимы следующие меры: активизация деятельности Церкви Московского Патриархата в молодёжной среде; использование форм и методов, выработанных светской педагогикой, в частности, наработок скаутского и других патриотических движений; привлечение представителей молодёжи к совместному с Церковью служению в различных проектах, связанных с помощью детям, оставшимся без опеки, лицам с ограниченными физическими возможностями, гражданам с алкогольной и наркотической зависимостью, детям из неполных, малообеспеченных и проблемных семей; овладение информационной средой, в которой «варится» молодёжь, в первую очередь, мы говорим об Интернете, социальных сетях, однако не следует забывать и о традиционных СМИ: газеты, радио, телевидение; широкое привлечение к воспитательной работе педагогов из числа воцерковлённых мирян.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
2. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (последняя редакция) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/
3. Приказ министра образования и науки Российской Федерации «О создании рабочей группы по проблемам изучения истории и культуры религии (православия) в системе образования» от 17 марта 2006 г. № 55 // URL: <http://www.edu.ru/documents/view/21404/>
4. Августин Блаженный. О граде Божием / Августин. – Мн.: Харвест, 2000. 1296 с.
5. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. / Л.В. Баева. – Астрахань: Изд-во АГУ, 2004. 275 с.
6. Белый О.И. Определение понятия «молодёжь» // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 156-158.
7. Гайденок П.П., Петров В.В. Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / П.П. Гайденок и др. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. 880 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. – Том 4 / В.И. Даль. – СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. 710 с.
9. Зелененко А. О христианском воспитании и воцерковлении: опыт воцерковления детей дошкольного возраста и их родителей / А. Зелененко. – СПб.: Санкт-Петербургская епархия, Отд. религиозного образования и духовного просвещения, 2009. 47 с.
10. Златоструй: Древняя Русь X – XIII веков. – М.: Молодая гвардия, 1990 303 с.
11. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социология молодёжи / Ю.А. Зубок и др. – М.: МИИТ, 2009. 322 с.
12. Крившенко Л.П., Вайндорф-Сысоева М.Е. и др. Педагогика: Учебник / Л.П. Крившенко и др. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2010. 432 с.
13. Кульпин Э.С. Путь России / Э.С. Кульпин. – М. Московский лицей, 1995. 200 с.
14. Лыкова Н.Н. Взаимодействие системы образования и воспитания в формировании национально-культурной идентичности молодежи Республики Крым / Н.Н. Лыкова. – Учебно-методическое обеспечение образовательного процесса: Сб. статей IV Между-нар. науч.-метод. конф.
15. Лыкова Н.Н. Роль православных ценностей в стабилизации и гармонизации социально-культурной среды крымской молодежи / Н.Н. Лыкова. – Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 10 (124).
16. Самусева Н.В. Педагогика. Педагогические системы и технологии Н. В. Самусева. – Мн.: БНТУ, 2015. 214 с.
17. Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве // URL: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personaliaet/ru/index.php?cp=document&id=144>
18. Шестун Е.В. Православная традиция духовно-нравственного становления человека (историко-теоретический аспект): Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора педагогических наук / Е.В. Шестун. – Казань: [б. и.], 2006. 41 с.
19. Эррера Л.М. Социально-психологические доминанты образования молодёжных субкультур // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2010. С. 274-284.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «История меня оправдает!» vs «История меня оправдает?» // Власть истории – История власти. 2020. Том 6. Часть 5. № 23. С. 664-675.

References

1. Federal Law "On Education in the Russian Federation" of December 29, 2012 No. 273-FZ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
2. Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" of September 26, 1997 No. 125-FZ (latest revision) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/
3. Order of the Minister of Education and Science of the Russian Federation "On the establishment of a working group on the problems of studying the history and culture of religion (Orthodoxy) in the education system" of March 17, 2006. № 55 // URL: <http://www.edu.ru/documents/view/21404/>

4. Augustine the Blessed. About the City of God / Augustine. – Mn.: Harvest, 2000. 1296 p.
5. Baeva L.V. Values of a Changing World: Existential Axiology of History. / L.V. Baeva. – Astrakhan: Astrakhan State University Publishing House, 2004. 275 p.
6. Bely O. I. Definition of the Concept "Youth" // Theory and Practice of Social Development. 2012. № 12. P. 156-158.
7. Gaidenko P.P., Petrov V.V. Space and Soul. Teachings about the Universe and Man in Antiquity and in the Middle Ages (studies and translations) / P. P. Gaidenko et al. – M.: Progress-Tradition, 2005. 880 p.
8. Dahl V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 volumes. – Volume 4 / V.I. Dal. – SPb.; M.: Publishing House of the Bookseller and Printer M.O. Wolf, 1882. 710 p.
9. Zelenenko A. On Christian Education and Churching: The Experience of Churching Preschool Children and Their Parents / A. Zelenenko. – SPb.: St. Petersburg Diocese, Department of Religious Education and Spiritual Enlightenment, 2009. 47 p.
10. Zlatostruy: Ancient Rus' of the 10th – 13th Centuries. – M.: Molodaya Gvardiya, 1990 303 p.
11. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Sociology of Youth / Yu.A. Zubok et al. – M.: MIIT, 2009. 322 p.
12. Krivshenko L.P., Weindorf-Sysoeva M.E. et al. Pedagogy: Textbook / L.P. Krivshenko et al. – M.: TK Velbi, Prospect Publishing House, 2010. 432 p.
13. Kulpin E.S. The Path of Russia / E.S. Kulpin. – M. Moscow Lyceum, 1995. 200 p.
14. Lykova N.N. Interaction of the education and upbringing system in the formation of national and cultural identity of the youth of the Republic of Crimea / N.N. Lykova. – Educational and methodological support of the educational process: Coll. of articles of the IV Int. scientific-method. conf.
15. Lykova N.N. The Role of Orthodox Values in Stabilizing and Harmonizing the Socio-Cultural Environment of Crimean Youth / N.N. Lykova. – International Research Journal. 2022. № 10 (124).
16. Samuseva N.V. Pedagogy. Pedagogical Systems and Technologies of N.V. Samuseva. – Mn.: BNTU, 2015. 214 p.
17. Solovyov V.S. Readings on God-Manhood // URL: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/person-alitaet/ru/index.php?cp=document&id=144>
18. Shestun E. V. Orthodox Tradition of Spiritual and Moral Development of Man (Historical and Theoretical Aspect): Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Pedagogical Sciences / E.V. Shestun. – Kazan: [b. i.], 2006. 41 p.
19. Herrera L.M. Social and psychological dominants of the formation of youth subcultures // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education". 2010. P. 274-284.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. «History will justify me!» vs «Will history justify me?» // The Power Of History – The History Of Power. 2020. Volume 6. Issue 5. № 23. P. 664-675.

Барсуков Р.Р.

Преподаватель кафедры тактики и боевой работы, майор. Саратовское высшее артиллерийское командное училище, г. Саратов. ORCID: 0009-0008-1008-9471

Кармалеев Р.А.

Старший преподаватель тактики и боевой работы, подполковник. Саратовское высшее артиллерийское командное училище, г. Саратов. ORCID: 0009-0007-1646-6517

Культуры жизни и культуры смерти: попытка демаркации*

Аннотация. Во «Введении» формулируется цель исследования: выявление среди многообразия мировых культур наиболее ярких типов, ориентированных на жизнь или на смерть. Цель предполагает решение ряда задач: выявить и кратко охарактеризовать данные типы; развести современные культуры по их принадлежности к разным типам. **Теоретическая часть** содержит анализ текстуального материала по ряду конкретно-исторических типов культур. **«Выводы и заключение»:** ни одна из мировых религий, равно, как ни одна из развитых национальных религий (иудаизм, индуизм и т.д.) не проповедует смерть. Современная западная и российская культуры ориентированы на жизнь «здесь и сейчас». Страны ислама более центрированы на религиозных основах и понятии вечной жизни. Среди относительно современных культур смерти особо выделяются культуры нацистской Германии, полпотовской Кампучии и нынешней Украины. Их основные характеристики: невротическая привязанность к Матери-земле; обращение к прошлому; фантазматические сценарии будущего; установка на полное уничтожение собственного народа и созданной им культуры.

Ключевые слова: культура, жизнь, смерть, религия, Мать-земля, прошлое, самураи, нацисты, «красные кхмеры», казаки.

Barsukov R.R.

Lecturer of the Department of Tactics and Combat Work, the Major. Saratov Higher Artillery Command School, Saratov. ORCID: 0009-0008-1008-9471

Karmaleev R.A.

Senior Lecturer of the Department of Tactics and Combat Work, the Colonel. Saratov Higher Artillery Command School, Saratov. ORCID: 0009-0007-1646-6517

* © Барсуков Р.Р., Кармалеев Р.А., 2025.

Life culture and death culture: an afford to demarcate

Abstract. In the «Introduction» the formulated goal of research is to identify the most vivid culture types oriented towards life or death among the diverse world ones. The aim there is to solve a number of tasks: to identify and briefly characterize these types and to divide modern cultures according to their belonging to different types. The «theoretical part» contains an analysis of textual material on a number of specific - historical types of cultures. The part «Findings and conclusion» argues that none of the world's religions nor any of the developed national ones (Judaism, Hinduism, etc.) preaches death. Modern Western and Russian culture is oriented to life «here and now». Islamic countries are more centered on religious foundations and the notion of the eternal life. Among the relatively modern death cultures, the culture of Nazi Germany, Poltrotsky Kampuchea and present - day Ukraine stand out. Their main characteristics are neurotic attachment to the Mother Earth; reference to the past; fantasmatic scenarios of the future and setting for the complete destruction of their own people and their own created culture.

Key words: culture, life, death, religion, Mother Earth, past, samurai, Nazis, «red Khmer», Cosacks.

Введение

Анализируя основные интенции (заложенные и/или сформированные воспитанием) человеческого характера, Э. Фромм разделил всех людей на биофилов и некрофилов. Как бы ни была условна эта демаркация, она имеет право на существование и подтверждается многочисленными наблюдениями, сделанными даже в течение одной человеческой жизни. Исходя из воззрений Фромма на человека, возникла **авторская гипотеза** о возможности разделения по тому же принципу культур прошлого и настоящего.

В этой связи **целью** данной работы является отнюдь не исторический экскурс, но попытка выявить в многообразии мировых культур наиболее яркие образцы культур, ориентированных на жизнь или на смерть.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующего ряда задач:

1. Выявить в пространстве мировой культуры наиболее яркие примеры указанных типов.
2. Кратко описать их основные характеристики.
3. Провести анализ некоторых современных культур на предмет их принадлежности к тому или иному типу.

Здесь мы наблюдаем **ряд методологических трудностей**, порожденных исходной условностью всякого разделения. Поясним: даже в характере отдельного человека наблюдается смешение биофильной и некрофильной ориентаций. «Чистые» типы встречаются не настолько часто и, как правило, служат материалом для клинических исследований. В этой связи относительно классификации культур возникли следующие вопросы:

Во-первых, включать ли в классификацию древние культуры, напри-

мер, культуры месоамерики? Интуитивно можно предположить, что, по крайней мере, некоторые из них были культурами смерти. Доказательством того являются следы бесконечных жертвоприношений, обнаруженные археологами. Однако текстуальных подтверждений или опровержений некрофильной ориентации мировоззрения индейцев нет¹. Далее, причислять ли к ряду культур смерти культуру Древнего Египта? Да, текстуальные подтверждения существуют (например, переведенная У. Баджем, «Книга мертвых»). Более того, мы знаем, что древние египтяне готовились к смерти едва ли не с самого детства. Но является ли египетская смерть как таковой смертью? Вероятнее всего, нет: она представляется своеобразным коридором, в конце которого сияет возможность вечной жизни на «полях Осириса».

Во-вторых, не вполне понятно, по каким критериям осуществлять селекцию материала? Авторы решили остановиться не на репрезентации целостного процесса истории культуры (что привело бы к появлению монографии), а, скорее на некоем штрихпунктирном описании. А именно на «выхватывании» из истории культуры наиболее очевидных образчиков двух типов. При этом акцент в статье будет сделан на анализе культур относительно близких по времени к современности, или же совсем современных.

В-третьих, о культуре какой социальной общности будет идти речь? В пространстве любой культуры исторически всегда сосуществуют, как минимум, две культуры: культура массы и культура элиты. Масса всегда жизнелюбива. Удел массового человека – пахать, сеять приумножать стада, плодить детей и лепить горшки. Иное дело – элита, сознание которой может приобретать различные характеристики (ориентации). И мы прекрасно осознаем, что, повествуя о прошлом, мы будем говорить именно об элитарной культуре. Впрочем, здесь есть одна тонкость, состоящая в том, что в XX-XXI веках появилась возможность «прививать» любые характеристики и массовому сознанию.

Теоретическая часть.

Поскольку историю Европы традиционно принято начинать с Греции, пойдем по уже проторенному пути. Боясь смерти или, лучше сказать, не имея позитивных представлений о загробном мире, гомеровские греки отнюдь в него не стремились. Понятия греха, пришедшего вместе с христианством, для них также не существовало, так что ревностно взвешивать грехи и добродетели в надежде на лучшую участь они не умели. Вообще, потустороннее существование выглядит у них как-то блекло. Приведем хрестоматийные слова Ахиллеса, сказанные Одиссеею, спустившемуся в Аид: «О, Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся; Лучше б хотел

1 Несмотря на яркость и убедительность, фильм М. Гибсона «Апокалипсис» не может быть подтверждающим или опровергающим аргументом по данному вопросу.

я живой, как поденщик, работая в поле, Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный, Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый» [2].

В этом аспекте прав Ф. Ницше, писавший о том, что: «Существование под яркими солнечными лучами таких (олимпийских – прим. авт. ст.) богов ощущается как нечто само по себе достойное стремления, и действительное страдание гомеровского человека связано с уходом от жизни [...]; так что теперь можно было бы сказать об этом человеке обратное изречению силеновской мудрости: «Наихудшее для него – скоро умереть, второе по тяжести – быть вообще подверженным смерти» [12, с. 61]. Впрочем, смерть смерти рознь, и смерть в бою, особенно в молодом возрасте, считалась почетной: «Жив если юноша, дорог мужам он и сладостен женам, // Сгибнет он в первых рядах – смерть красоты не возьмет!» [17, с. 32].

Еще дальше в сторону жизнелюбия продвинулись римляне, вследствие чего на излете Империя потонула в чревоугодии и разврате. Ситуация объяснима: удовольствие стало быстро пониматься не в эпикурейском смысле – как отсутствие страдания, но именно как наслаждение всеми доступными благами, даваемыми цивилизацией. И стоики, и ранние христиане не смогли выправить создавшееся положение...

Ни одну из более поздних европейских христианских культур также нельзя назвать культурой смерти, скорее, здесь перед нами «египетский» вариант, в котором смерть представляется дорогой в иной мир. Для рыцарства была важна и другая мотивация, с которой мы еще встретимся: здесь было необходимо (как и в Греции) умереть «достойно», т.е. так, чтобы покрыть свое имя неувыдающей славой. В эпоху Возрождения европейцы возвращаются к античной традиции осмысления смерти как чего-то устрашающего. Любопытно, что в посвященной смерти главе «Опытов» (глава 20), М. де Монтень в большей степени говорит о наслаждении и добродетели как его основе: «Блаженство и счастье, которыми светится добродетель, заливают ярким сиянием все, имеющее к ней отношение, начиная с преддверия и кончая последним ее пределом. И одно из главнейших благодеяний ее – презрение к смерти; оно придает нашей жизни спокойствие и безмятежность, оно позволяет вкушать ее чистые и мирные радости; когда же этого нет – отравлены и все прочие наслаждения» [11, с. 65]. Остальной материал главы сводится к тому, как посредством философских размышлений научиться не бояться смерти. Очевидно, что сама эта боязнь возникла в эпоху Возрождения, поскольку именно в этот период в культуре Европы начинают доминировать научные представления об устройстве мира и о смерти как тотальном распаде.

В России, как христианской стране, отношение к смерти традиционно было «спокойным». Интерес здесь представляют воззрения В. Соловьева. Логика, прослеживаемая в ряде сочинений философа достаточно «про-

зрачна» для понимания, по меньшей мере, если рассматривать интересующий нас аспект. Согласно Соловьеву, и это совершенно верно, синонимом понятия «человек» является слово «смертный». Смерть понимается здесь не в моральных терминах (как зло), но как нечто несоответствующее истинной человеческой природе. При этом если мусульманский Восток, с точки зрения философа, в своем развитии утверждает идею бесчеловечного бога, а запад – безбожного человека, то культура России обращается вокруг идеи богочеловека, т.е. того, кто реально победил смерть, «смертию смерть поправ» – Иисуса Христа. Вспомним Евангелие от Матфея: «Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищите Иисуса распятого; Его нет здесь: Он воскрес, как сказал; подойдите, посмотрите место, где лежал Господь» [9].

Из констатации противоположности восточной и западной культур Соловьев делает вывод о том, что основная миссия России заключается в приведении всего остального мира на путь, указанный Христом: «Если бы даже и не вставал в нашем воспоминании образ подлинного «сверхчеловека», действительного победителя смерти и «первенца из мертвых» [...], и если бы даже этот образ был так затемнен и запутан разными наслонениями, что уже не мог бы ничего сказать нашему сознанию о своем значении для нашей жизненной задачи [...], - если бы и не было перед нами действительного «сверхчеловека», то во всяком случае есть сверхчеловеческий путь [...]» [15, с. 229]. С точки зрения философа одной из важнейших жизненных задач является, чтобы как можно больше людей встало на этот путь и прошло по нему как можно более далеко, поскольку в его конце наступит полная и безоговорочная победа над смертью. Можно было бы привести идеи других русских религиозных философов, но данная работа предполагает существенное расширение объема текста. В целом же на основании сказанного, а также учитывая, насколько глубоко христианство с его идей вечной жизни вошло в российскую культуру, можно утверждать, что она представляет собой культуру (вечной) жизни.

То же можно сказать и относительно исламских стран, основное «культурообразующее» произведение которых – Коран – описывает вечную жизнь праведников в загробном (лучше сказать: небесном) мире как существование, преисполненное чувственных удовольствий. В райском мире можно даже то, чего нельзя делать в земном мире: «Напоят их кубком вина, куда имбирь подмешали, с водой из источника райского Сальсабиля. [...] И увидев тот сад, узришь царство великое, богатство и изобилие. На них одежды зеленого атласа, парчой подбитые, украшены они серебряными браслетами, и чистейшим напитком от Господа их напоили. Поистине это вам воздаяние, и за усердие свое благодарность вы получили» [8]. В противоположность жизни праведников, загробная жизнь грешников включает в себя железные ошейники, огонь и т.п. Впрочем, для нашего ис-

следования важно то, что вечная блаженная жизнь существует и в мире ислама, и это тоже говорит нам о том, что перед нами ярко выраженная культура жизни.

В любой культуре при наступлении времени перемен традиции в более или менее «нетронутым» виде сохраняются у самых низших и самых высших сословий: у крестьянства и аристократии. Как известно, наивысшим сословием в Японии было самурайство. Конец XVII- начало XVIII веков, время создания дошедших до нас версий трактатов «Будосесинсю» и «Хагакурэ», для Японии является периодом прекращения междоусобных войн (благодаря продуманной политике династии Токугава): «В течение двух с лишним столетий (начиная с 1615 г. – прим. авт. ст.), вплоть до 50-60-х годов XIX века, в Японии больше не было таких войн. Токугава добились подчинения всех крупных даймё»² [1, с. 358]. Оказав положительное воздействие на экономику Японии, отсутствие войн однако способствовало снижению социального статуса самураев и, что самое главное, потере их «боевого духа». Восстановлению последнего и должны были способствовать указанные трактаты.

И первое, о чем в них говорится – это смерть: «Самурай должен прежде всего постоянно помнить – помнить днем и ночью, с того утра, когда он берет в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, до последней ночи старого года, когда он платит свои долги – что он должен умереть» [3, с. 14]. При этом умирать следует достойно, чтобы не опозорить свое имя: «Если случается худшее, и ему суждено расстаться с жизнью, то, когда его противник спрашивает его имя, он должен громко и четко ответить и протереться с жизнью с улыбкой на губах, не выказывая ни малейшего признака страха» [3, с. 50]. Если же ты опозорился и опозорил свою семью, то тебе следует совершить ритуальное самоубийство – «сэппуку». То же касалось и женщин высших сословий, с этой целью носивших при себе короткий меч (по размеру больше напоминающий нож) и готовых пустить его в ход в случае опасности быть подвергнутыми насилию.

В «Хагакурэ» требования становятся гораздо более радикальными: «Я постиг, что Путь Самурая – это смерть. В ситуации «или-или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно» [19, с. 75]. Не смотря на непривычность подобных взглядов, они имеют свое основание: «Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твое тело уже умерло, ты станешь подлинным самураем. Тогда вся твоя жизнь будет безупречной, и ты преуспеешь на своем поприще» [19, с. 75]. Парадокс заключается в том, что европеец, чувствуя близость смерти, пускается «во все тяжкие»; самурай перестает делать лишние движения (общаться с дурными людьми, вести пустые разговоры и т.п.) и, таким образом, становится безупречным.

2 Даймё – феодалы.

При всей разнице мировоззрений³ не отставали от самураев и дзэн-буддисты:

«Ты должен трупом стать живым,
Ты должен умереть живя,
Тогда ты можешь делать все, -
Все будет верным для тебя» [16, с. 74].

Конечно, речь здесь идет не о физической смерти, но о своеобразном духовном «угасании», которое и есть Нирвана (данное слово дословно переводится как «угасание»). Безусловно, культуру самурайского сословия можно назвать культурой смерти. Она служила регулятором повседневной жизни, способствовала понижению, сохранению или повышению социального статуса конкретного субъекта и его семьи, а также служила понятным и четким ориентиром духовных практик.

Размышляя о феномене эдипова комплекса, Э. Фромм пишет о том, что в случаях, когда дети имеют ярко выраженные черты аутизма, они не испытывают привязанности к матери как к объекту любви: «Мать для них остается просто символом, призраком, а не реальным человеком. Это символ земли, дома, крови, расы, нации и той почвы, из которой все живое выходит и в которую возвращается назад после смерти. [...] Это не мать, дающая жизнь, но – мать, дающая смерть. Ее объятия – объятия смерти. Ее лоно – могила» [18, с. 73-74]. С этих слов мы начнем повествование о еще одной культуре смерти – культуре нацистской Германии.

Согласно психоаналитику, Гитлер, несмотря на демонстрируемую привязанность, оставался холоден к матери: «Основным материнским символом для него стала Германия. Фиксация на матери - Германии была основной его ненависти к порче (сифилис, евреи), от которой он должен ее спасти, но на более глубоком уровне он был движим желанием разрушить Германию - мать» [18, с. 98]. Полное, тотальное разрушение Германии, уничтожение не только других народов, но и своего собственного – по мнению теоретиков это и есть действительные, а не декларируемые) цели, которых стремился достигнуть фюрер. Осмысливая этот факт, Э. Канетти пишет: «Ощущение массы мертвецов для Гитлера – решающее. Это и есть его истинная масса. Без этого ощущения его не понять вообще, не понять ни его начала, ни его власти, ни того, что он с этой властью предпринял, ни к чему его предприятия вели. Его одержимость, проявлявшая себя с жуткой активностью, и есть эти мертвецы» [7, с.74]. И далее: «Они (мертвые – прим. авт. ст.) стали самой большой массой, какой он располагает, и они – его тайна. Как всякая масса, они напирают, требуя умножения. Так как он больше не может прибавить к ним врагов, ибо те взяли верх, он испытывает необходимость умножить эту массу за счет своего народа» [7, с. 77].

В заключении Э. Фромм формулирует следующий вывод: «Конечно,

3 Буддистам категорически запрещено убийство любых живых существ.

не всякий разрушитель способен стать Гитлером, если у него нет соответствующих талантов. Но он может стать эффективным эсэсовцем. [...] Не исключено, что среди нас живут сотни потенциальных фюреров, которые смогут прийти к власти, если пробьет их исторический час» [18, с. 199]. И исторический час пробил. Но прежде чем перейти к описанию одной из современных культур смерти, вернемся к Гитлеру, точнее, к его характеру, как его описал Э. Фромм: «Он брал факты, подтверждавшие его тезисы, грубо лепил их один к другому и получал текст, вполне убедительный, по крайней мере для людей, не отягощенных критической способностью разума. Кроме того, он был блестящим актером и умел, например, очень точно передавать мимику и интонации различных типов» (курсив авт. ст.)» [18, с. 167]. И еще одна характеристика, которая пригодится нам впоследствии: «Гитлер был игроком. Он играл жизнью всех немцев, играл и своей собственной жизнью» (курсив авт. ст.). Когда все было потеряно, и он проиграл, у него не было особых причин сожалеть о случившемся. Он получил то, к чему всегда стремился: власть и удовлетворение своей ненависти и своей любви к разрушению» [18, с. 196]. Фюрер любил выступать перед немецким народом, и к тому времени уже повсеместно распространившееся радио без устали транслировало его выступления. Так постепенно нацистская идеология овладевала сознанием масс и особенно сознанием молодых людей. Массовый характер, массовое помешательство, приводящие к массовым действиям – это качество отличает современные культуры смерти от предыдущих.

Следующим в очереди культур смерти стоит режим Пол Пота (и Иенга Сари) в Камбодже – краткий по времени, но жуткий по насыщенности период, о котором, к сожалению, в настоящее время забыли. Фактически Пол Пот пришел к власти в 1973 году, но, вероятно, корректнее было бы назвать 1975 год, когда «красные кхмеры» осуществили бескровное свержение проамериканского правительства генерала Лон Нола.

Лозунгом Пол Пота (настоящее имя Салот Сар) и его руководством к действиям было следующее высказывание: «Из восьми миллионов жителей Кампучии нам нужен только один». Результатом стали массовые репрессии мирных, поначалу в основном городских, а после и сельских жителей. Прежде всего, к убийствам привлекались подростки: «Полпотовцы готовили убийц, вербуй 14-17 летних подростков, которым внушалось, что если они не согласятся убивать, то после мучительных пыток будут убиты сами. Кроме того, отобранных подростков заведомо растлевали, приучая к убийствам, спаивая смесью пальмового самогона с человеческой кровью» [6, с. 497].

Все началось с выселения жителей городов в сельскую местность отдаленных районов. Пол Пот был убежден в том, что города в самой своей сути порочны, и люди, живущие в них должны заниматься сельским

хозяйством, навсегда забыв о благах цивилизации. То есть диктатор (теоретически) хотел построить своеобразный вариант «крестьянского социализма», однако «технологии» строительства без преувеличения можно определить понятием геноцида.

Убийства осуществлялись предельно просто и экономно: человека закапывали по шею в землю, а после лишали жизни ударами мотыги или топора по голове. Было множество случаев массовых погребений заживо (в том числе детей), были случаи, когда людей обливали бензином и заживо сжигали. Мы не будем приводить ужасающие свидетельства ⁴, скажем лишь, что при режиме Пол Пота смерть в Кампучии была буквально повсюду ⁵.

Не обошла она стороной и служителей традиционной для Кампучии религии – буддизма: «В Кампучии около 90 процентов населения исповедует буддизм. Для подавляющей части населения, в первую очередь для крестьянства, это не только религия, но и культура. В связи с этим уничтожение буддизма имело особый смысл: оно было направлено против культуры народа, его традиций» [6, с. 522]. Здесь «красные кхмеры» также приложили серьезные усилия и уничтожили буддийское монашество практически поголовно. Та же участь постигла учителей, преподавателей, деятелей искусства и ученых, врачей и просто грамотных людей. Буддийские пагоды, научные, культурные и медицинские учреждения разрушались, сжигались религиозные свитки и светские книги. Людей насильно выгоняли из городов на рисовые поля, по усеянным трупами дорогам брели колонны беженцев: стариков, чудом уцелевших мужчин, женщин, детей. Кампучия погрузилась в первобытный кровавый хаос.

В итоге кроме массовых смертей и полной разрухи не получилось ничего. «Крестьянский социализм» (часть исследователей называют его «казарменным») построен вопреки ожиданиям не был. Сельское хозяйство так и не возродилось, а страна не стала богаче. А вот смерть затронула буквально все этнические, классовые и религиозные общности Кампучии: «В протоколе Комиссии по расследованию преступлений режима Пол Пота от 25 июля 1983 года говорилось, что за период между 1975 и 1978 годами погибли 2 746 105 человек, из которых 1 927 061 – крестьяне, 305 417 – рабочие, служащие и представители иных профессий, 48 359 – представители национальных меньшинств, 25 168 – монахи, около 100 писателей и журналистов, а также несколько иностранцев» [10]. Кровавый след «красные кхмеры» успели оставить и на территории Вьетнама: «Крупнейшая трагедия произошла в апреле 1978 года в селении Батюк,

4 Их можно найти в цитируемом авторами статьи издании.

5 Сходную картину можно обнаружить в фильме Ф.Ф. Копполы «Апокалипсис сегодня» («Apocalypses today»). Отличие лишь в том, что в фильме кровавый геноцид устроил сошедший с ума полковник американской армии.

провинция Анзянг (юг Вьетнама), в результате нападения были убиты 3157 жителей деревни, и только несколько смогли спастись от убийц. Большинство жертв (в том числе женщины и дети) были расстреляны или жестоко казнены» [13].

Логика Пол Пота не вполне понятна, поскольку страна с уничтоженным людским ресурсом не имеет будущего. Это касается не только представителей интеллигенции, но всех, кто способен к производительному труду и крестьянства как опоры экономики аграрной страны. А убивали, согласно показаниям выживших свидетелей, буквально за все: за то, что чего-то не было (не было сил идти в общей колонне), за то, что что-то было (любого рода «роскошь») и просто ради удовольствия. Последнее, вероятно, является наиболее веской причиной расправ: *упоеание властью как правом распоряжаться жизнью других*.

Одной из самых современных культур смерти, без всякого сомнения, является культура Украины, берущая начало в образе жизни, обычаях и нравах казачества. Самая, наверное, известная исследовательница казачества - М.А. Рыблова - выделяет четыре последовательных этапа изменений его социокультурной модели. Это этапы:

- 1) «вольных братств» (мужских военизированных сообществ);
- 2) «военно-служилый» (формирование этносословия);
- 3) краха сословности и формирования этничности;
- 4) «казачьего возрождения» (этничность или сословность?) [14, с. 161].

Первый этап представляется наиболее интересным для нашего исследования, поскольку он включает в себя процессы постепенного обживания Дикого Поля. Это происходило посредством устройства небольших поселений (городков), окруженных деревянной стеной и валом. Не смотря на очевидные достоинства, например, относительную безопасность, эти поселения не являлись местами постоянного проживания: «Городки казаки иногда забрасывали, уходя в длительные походы, в них и жили чаще всего зимой (в антивремя), жильем здесь, как правило, служили землянки, ямы - шиши (антижилье). На этом историческом этапе в мужских казачьих союзах твердо сохранялся принцип безбрачия⁶ и, соответственно, было характерным отсутствие семейного очага как главного символа культурной жизни. Казаки в это время – «люди в лодках», то есть люди воды, природной стихии (не сеют, не пашут), они люди разбойной (то есть аномальной) жизни» [20, с. 30-31]. Заметим, что все перечисленные признаки, особенно отсутствие семьи, креативной и прокреативной деятельности,

6 Об отношении казаков к женщинам следовало бы сказать подробнее, но эта тема выходит за рамки нашего исследования. Отметим лишь, что женщины для казаков – это либо объект насилия, либо товар. Вспомним народную и в недавнем прошлом «перепетую» песню «Пидманилы Галю, забрали з собою», по сюжету которой молодую девушку похищают, увозят в лес и в результате заживо сжигают, привязав косами к сосне.

характерны для маргинального, «волчьего» образа жизни.

В центре городка, как и в настоящее время, находился «майдан» – место, предназначенное для проведения общих собраний и принятия коллективных решений. Само слово «майдан» по В. Далю, имеет множество значений, но мы приведем лишь те из них, которые актуальны для данной работы. Итак, «майдан» – это: «площадь, место, поприще // [...] // сборное место // [...] // торг, базар или место на нем, где собираются мошенники, для игры в кости, в зернь, орлянку, карты // [...] // юж. курган, древняя могила [...]» [4, с. 753-754]. Понятия, производные от указанного слова, немного расширяют его семантическое поле. Это: «Майданный курган [...] – разрытый, раскопанный сверху, с котловиною. [...] Майданить, майданить, мошенничать, промышлять игрою // мотать, прогуливать и проигрывать свое. Майданник, майданщик – мошенник, шатающийся по базарам, обыгрывающий людей в кости, зернь, наперсточную, в орлянку, в карты» [4, с. 754]. Могила древнего «заложного» покойника в центре города, где собираются разного рода мошенники и при этом принимаются важные решения – все это выглядит, как минимум странно. Не будем забывать и о том, что это могила часто раскопанная, то есть гарантированно разграбленная. Остановимся на этом чуть подробнее.

Можно предположить, что майданную могилу, вокруг которой формировалось поселение, не грабили и делали это с определенной, вполне практической целью. Согласно архаическим представлениям курган – это холм, в котором, помимо останков усопшего хранится его воинская удача (в материальном воплощении это золото). Эта удача может быть унаследована потомками, не важно, реальные это потомки или самостоятельно придумавшие себе удобное во всех отношениях прошлое. Мотив кургана отчетливо слышен и в наши дни: «В девяностых годах в дни празднования Дня Независимости Украины во многих местах, местечках, селах были насыпаны “курганы памяти”. Эти курганы высотой 6-8 метров увенчаны крестами, а в праздничные дни их украшают пышными венками и проводят возле них митинги. Воистину, в лихую годину народ ищет помощи предков! [...]» [5]. *Поскольку же древних предков украинцев на Украине никогда не было, ими становятся чужие предки – «заложные» покойники в курганах. Важно отметить также, что придумав себе прошлое, которого также никогда не было, современные украинцы продолжают принимать ответственные решения не на уровне государственных институтов, а именно на майдане: по совместительству месте шулерской игры и обмана.*

Анализируя специфику украинской культуры, С. Дамберг и М. Рабжаева описывают ее именно как могилу, из которой периодически выходит архаическая нечисть: «Культура гоголевской Малороссии — культура архаики, недаром населена она чертями и бесами, ведьмами и русалками,

утопленницами, мертвецами и упырями [...]. Нечисть эта активно вмешивается в дела людей, оказывая на них свое мертвящее действие (подарки Басаврюка, проделки ведьм, и прочее, и без конца). В малороссийском цикле Гоголя постоянно просматривается метафора могилы: из могил и гробов выходят мертвецы и нечисть и множатся во времени и в пространстве, угрожая, кривляясь, кощунствуя — или, кто знает, священнодействуя...» [5]. В свою очередь обратный процесс, т.е. процесс вхождения нацистской нечисти в гробы, принимается и всецело приветствуется официальной властью как священная война «до последнего украинца». *Это как нельзя более соответствует реалиям, развернувшимся в нацистской Германии середины XX века. Цитируем слова Гитлера, по тексту Э. Фромма: «Если немецкий народ не готов сражаться для своего выживания, что ж, тогда он должен исчезнуть»* [18, с. 140].

На основании проведенного анализа С. Дамберг и М. Рабжаева делают следующий вывод: «Украинская культура, чья тропика увенчана метафорой могилы, заявляет о своем антиперспективизме, что она не имеет перспективы, что она всем своим существом обращена назад, в прошлое, «богатое культурными традициями» [5]. Именно отсутствие реальной перспективы развития при наличии развернутых теоретических сценариев является отличительной чертой современных культур смерти, т.е. нацистской Германии, режима Пол Пота и Владимира Зеленского. Не будем ставить в один ряд с ними самурайское стремление к смерти, поскольку оно было направлено на самого субъекта, а отнюдь не на его окружение, и также имело причиной сохранение его собственного имени и репутации его семьи и/или клана.

Заключение и выводы.

Очевидно, что современная американская, европейская и российская культуры, по большей части, ориентированы на жизнь «здесь и сейчас». С мусульманским Востоком дело обстоит несколько иначе, поскольку ислам является на настоящее время очень влиятельной религией, для представителей которой земная жизнь есть ничто в сравнении с жизнью вечной. Важно отметить, что ни одна из мировых религий и ни одна из развитых национальных религий (например, иудаизм или индуизм) не проповедует смерть. Среди *субкультур* исключение представляет, пожалуй, только сатанизм, но число его адептов сравнительно невелико⁷.

В ряду относительно современных культур смерти следует особо выделить культуры нацистской Германии, полпотовской Кампучии и нынешней Украины. Данные культуры имеют различные исторические корни и, отчасти, идеологические основы. Например, «красные кхмеры» опирались

⁷ Основные центры «Церкви Сатаны» базируются в США (Сан-Франциско) и Великобритании (Манчестер).

на весьма своеобразно интерпретированные идеалы марксизма-ленинизма (даже, сталинизма). Сходными характеристиками являются, во-первых, невротическая привязанность к Матери-земле, способной как рождать, так и уничтожать (поглощать) рожденное. Для немцев в этой связи ориентирами являлись «почва и кровь»; для кампучийцев – политые кровью рисовые поля; для современных украинцев – знаменитые украинские черномоземы. Во-вторых, значимым является обращение представителей данных культур не к будущему, а к прошлому. Уточним: даже камбоджийские прокоммунистические идеологи стремились уничтожить любые проявления цивилизации (города, архитектуру, технику), столкнуть страну в первобытное аграрное состояние. В-третьих, имея слабые, часто вымышленные представления о прошлом (это касается и идеологов Третьего Рейха, и современных украинских «историков»), культуры смерти отворачиваются от будущего, продуцируя его откровенно фантазматические сценарии. Наконец, в-четвертых, несмотря на декларативные утверждения о скором наступлении эпохи всеобщего процветания, истинной целью указанных политических режимов оказывается полное уничтожение собственного народа и созданной им культуры.

Библиографический список

1. Всемирная история. В 24 т. Т. 12. Начало колониальных империй. – Мн.: Литература, 1998. 592 с.
2. Гомер. Одиссея. XI. 485-490.
3. Дайдодзи Ю. Будосесинсю // Книга самурая: Юдзан Дайдодзи. Будосесинсю. Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. Юкио Мисима. Хагакурэ Ньюмон. – СПб: «Евразия». 2001. 320 с.
4. Даль В.И. Майдан // Толковый словарь живого великорусского языка: В. 4 т. Т. 2: И - О. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб. 1998. 1024 с.
5. Дамберг С. Могила как метафора и метонимия: случай Украины / С. Дамберг, М. Рабжаева // Новое литературное обозрение. 2000. № 44 // URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/4>
6. Кампучия // Геноцид и массовые репрессии: Истребление по национальным и религиозным мотивам. (Энциклопедия преступлений и катастроф). – Мн.: Литература, 1996. 576 с.
7. Канетти Э. Гитлер по Шпееру/ Э. Канетти/ Человек нашего столетия. – М.: Прогресс. 1990. 174с.
8. Коран. Сура 76 (Аль-Инсан). 17-22.
9. Матф. 28. 5-6.
10. Можухин А. Биография Пол Пота. Как крестьянский сын заставил содрогнуться весь мир. // URL: <https://lenta.ru/articles/2024/08/06/biografiya-pol-pota/>
11. Монтень М. Опыты: Избранные главы. – М.: «Правда», 1991. 656 с.
12. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2022. 224 с.
13. Пол Пот / Википедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB_%D0%9F%D0%BE%D1%82
14. Рыблова М.А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158-174.
15. Соловьев Вл. Идея сверхчеловека // Избранное. – М.: Советская Россия. 1990. 496 с.
16. Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма // Дзэн-Буддизм. Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма. Кацуки С. Практика Дзэн. – Бишкек: МП «Одиссей». 1993. 672 с.
17. Тиртей. Фрагменты других элегий/ Парнас: Антология античной лирики. – М.: Моск. рабочий, 1980. 512 с.
18. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии – М.: Издательская группа

«Прогресс»-VIA. 1992. 256 с.

19. Цунэтомо Я. Хагакурэ // Книга самурая: Юзан Дайдодзи. Будосешинсю. Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. Юкио Мисима. Хагакурэ Нюмон. – СПб: «Евразия». 2001. 320 с.

20. Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. университета. 2002. 242 с.

References

1. World History. In 24 volumes. Volume 12. The Beginning of Colonial Empires. – Minsk: Literature, 1998. 592 p.
2. Homer. Odyssey. XI. 485-490.
3. Daidoji Yu. Budoseshinshu // The Book of the Samurai: Yuzan Daidoji. Budoseshinshu. Yamamoto Tsunetomo. Hagakure. Yukio Mishima. Hagakure Nyumon. – St. Petersburg: "Eurasia". 2001. 320 p.
4. Dahl V.I. Maidan // Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: V. 4 volumes. Volume 2: I - O. – Moscow: TERRA - Book Club. 1998. 1024 p.
5. Damberg S. The Grave as Metaphor and Metonymy: The Case of Ukraine / S. Damberg, M. Razbhaeva // New Literary Review. 2000. No. 44 // URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/4>
6. Kampuchea // Genocide and Mass Repressions: Extermination on National and Religious Motives. (Encyclopedia of Crimes and Disasters). – Mn.: Literaptura, 1996. 576 p.
7. Canetti E. Hitler according to Speer / E. Canetti / Man of Our Century. – M.: Progress. 1990. 174 p.
8. Koran. Surah 76 (Al-Insan). 17-22.
9. Matt. 28. 5-6.
10. Mozzhukhin A. Biography of Pol Pot. How a peasant's son made the whole world tremble. // URL: <https://lenta.ru/articles/2024/08/06/biografiya-pol-pota/>
11. Montaigne M. Experiments: Selected chapters. – M.: "Pravda", 1991. 656 p.
12. Nietzsche F. The birth of tragedy from the spirit of music. – St. Petersburg.: Azbuka, Azbuka-Atticus. 2022. 224 p.
13. Pol Pot / Wikipedia // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B%D0%9F%D0%BE%D1%82>
14. Ryblova M.A. Don Cossacks: on the issue of "origins" and socio-cultural transformations // Ethnographic Review. 2010. № 6. P. 158-174.
15. Soloviev V.I. The idea of the superman // Selected. – M.: Sovetskaya Rossiya. 1990. 496 p.
16. Suzuki D. Fundamentals of Zen Buddhism // Zen Buddhism. Suzuki D. Fundamentals of Zen Buddhism. Katsuki S. Zen Practice. – Bishkek: MP "Odyssey". 1993. 672 p.
17. Tirtaeus. Fragments of other elegies / Parnassus: Anthology of ancient lyrics. – M.: Mosk. rabochy, 1980. 512 p.
18. Fromm E. Adolf Hitler: A Clinical Case of Necrophilia – Moscow: Progress Publishing Group-VIA. 1992. 256 p.
19. Tsunetomo Ya. Hagakure // The Book of the Samurai: Yuzan Daidoji. Budoseshinshu. Yamamoto Tsunetomo. Hagakure. Yukio Mishima. Hagakure Nyumon. – St. Petersburg: Eurasia. 2001. 320 p.
20. Ryblova M.A. Traditional Settlements and Dwellings of the Don Cossacks. – Volgograd: Volgograd State University Publishing House. 2002. 242 p.

Бянь Мэнлэй*Бакалавр, Нэйцзянский педагогический институт.***Фортепианные этюды Ф. Шопена как синтез виртуозности и поэтики***

Аннотация. Цель данной работы — проанализировать особенности фортепианных этюдов Шопена как синтеза технического мастерства и художественной поэтики. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть:

- историко-стилистический анализ создания этюдов;
- их роль в системе фортепианного жанра;
- выразительные и технические приёмы, применённые в отдельных произведениях;
- специфику исполнительского подхода к этим сочинениям.

Актуальность темы заключается в неизменном интересе как со стороны музыкантов-профессионалов, так и со стороны исследователей к творчеству Шопена, к его новаторскому подходу в области фортепианного письма и к тонкому психологизму, скрытому даже в чисто технических задачах.

Ключевые слова: Шопен, этюд, тема, музыкальное произведение, техническая задача.

Bian Menglei*Bachelor, Neijiang Normal University.***Piano etudes by F. Chopin as a synthesis of virtuosity and poetics**

Abstract. The aim of this paper is to analyze the characteristics of Chopin's piano études as a synthesis of technical mastery and artistic poetics. To achieve this aim, it is necessary to consider the following aspects:

- a historical and stylistic analysis of the études' creation;
- their role within the system of piano genres;
- the expressive and technical devices used in selected works;
- the specifics of interpretative and performance approaches to these compositions.

The relevance of the topic lies in the enduring interest from both professional musicians and researchers in Chopin's work, in his innovative approach to piano writing, and in the subtle psychological depth embedded even in études that serve seemingly technical purposes.

Key words: Chopin, etude, theme, musical piece, technical task.

* © Бянь Мэнлэй, 2025.

Введение

Фортепианное искусство XIX века переживает бурное развитие, обусловленное стремительным ростом технических возможностей инструмента и появлением ярких индивидуальностей в исполнительской и композиторской практике. Одной из центральных фигур романтической эпохи становится Фредерик Шопен — композитор, чьё творчество оказало исключительное влияние на формирование художественной эстетики фортепианной музыки.

Особое место в его наследии занимают этюды — жанр, традиционно связанный с задачами исполнительской техники. Однако в сочинениях Шопена этюд приобретает новое, гораздо более глубокое значение: он становится полноценным художественным произведением, в котором синтезируются виртуозность и лиризм, строгая структура и эмоциональная выразительность. Шопен не просто развивает технику пианиста — он создаёт образный мир, насыщенный драматизмом и философскими размышлениями.

1. Историко-стилистический анализ

Первая половина XIX века — время интенсивных изменений в музыкальной культуре Европы. Эпоха романтизма принесла в искусство новую систему художественных ценностей, сместив акценты с объективного на субъективное, с рационального — на чувственное, с классических формальных идеалов — на индивидуальность выражения. Музыка, как и другие виды искусства того времени, стала средством тончайшего выражения внутреннего мира, личных переживаний, мечтаний и страстей. В этом контексте возникновение новых жанров и переосмысление старых стали закономерными этапами художественного развития.

Одним из наиболее показательных жанров, трансформированных эпохой, стал этюд. Первоначально этюд (от французского *étude* — «изучение») рассматривался как исключительно педагогический жанр, призванный развивать технические навыки пианиста: беглость, силу пальцев, независимость рук и тд. Такие этюды встречаются у Клементи, Черни, Крамера и других композиторов, писавших в педагогических целях. Эти сочинения обычно имели стандартную форму, были лишены художественной выразительности, и не предназначались для исполнения на сцене.

Однако с развитием исполнительского искусства этюд начал выходить за рамки учебного материала. Сложность фортепианной техники уже не могла быть самоцелью — она становилась средством выражения. В этом контексте ключевую роль сыграл Фредерик Шопен. Его два цикла этюдов — Op. 10 (1833) и Op. 25 (1837) — стали первой в истории попыткой придать техническому жанру художественное значение. Шопен создал новый тип этюда: технически сложный, но при этом насыщенный эмоциями, по-

этикой, музыкальным мышлением. Каждый из его этюдов представляет собой миниатюрную музыкальную драму, в которой техника подчинена образу, а не наоборот. Это были первые художественные этюды, прочно получившие повсеместное распространение и в концертном репертуаре пианистов. Помимо высокого музыкального значения, они ценятся как уникальное руководство по развитию исключительного пианистического мастерства, раскрывающего всю виртуозность Шопена [1].

Исторический контекст создания этих произведений неразрывно связан с судьбой самого Шопена. Польша в это время переживала политические потрясения: восстание 1830 года, жёсткие репрессии, эмиграция значительной части интеллигенции. Шопен, покинувший родину в 1830 году, оказался в Париже — столице европейского искусства, где пересекались разнообразные культурные влияния. В этой среде он формирует свою творческую позицию: отказывается от громкой театральности, присущей музыке Листа или Берлиоза, и создаёт мир камерной лирики, погружённой в размышление и тонкие душевные движения.

Музыкальный язык Шопена в этюдах формируется на пересечении разных традиций. Во-первых, ощутимо влияние венской классики — прежде всего в строгости формы, логике развития материала, в стремлении к структурной уравновешенности. Шопен уважительно относился к Баху, Гайдну, Моцарту, и элементы их стиля прослеживаются в его музыкальном мышлении. Во-вторых, присутствует влияние итальянской оперы — прежде всего, в мелодике и фразировке. Многие этюды Шопена можно воспринимать как вокальные арии для фортепиано: они дышат, поют, интонируют. Этюд Op. 10 №3 («Tristesse») или Op. 25 №7 — яркие тому примеры. И, наконец, третье и глубоко личное измерение — польская национальная интонационность. Шопен не использует фольклор буквально, но дух польских песен, танцев, ритмов пронизывает его музыку — иногда в энергичных ритмических фигурах, иногда в меланхолической интонации. На него оказали большое влияние польские народные танцы: мазур, куявяк, оберек, полонез и тд. [2].

Таким образом, этюды Шопена становятся символом новой романтической концепции жанра. Они сохраняют свою техническую направленность, но при этом наполнены богатейшей художественной палитрой.

Этот синтез — технической строгости и художественной поэтики — стал революционным для своего времени и оказал огромное влияние на дальнейшее развитие фортепианного искусства.

Кроме того, нельзя не отметить влияние, которое этюды Шопена оказали на последующие поколения композиторов и исполнителей. Клод Дебюсси, Александр Скрябин, Сергей Рахманинов — все они по-своему продолжили путь, начатый Шопеном. Каждый из них разрабатывал жанр этюда как форму художественного высказывания, но первооснова

— именно у Шопена. Его этюды стали каноническими произведениями в репертуаре пианистов и остаются актуальными как в педагогике, так и на концертной сцене [3].

Историко-стилистическая значимость этюдов Шопена заключается не только в новаторстве формы, но и в глубинной связи с духом времени. В них отразилась романтическая идея индивидуальности, исповедальности, а также вера в силу искусства как выражения личного и национального начала. Этюды Шопена — не просто упражнение или художественное произведение. Это образ мышления, музыкальная философия, отражение эпохи и личности, соединённые в непревзойдённой форме.

2. Фортепианное искусство Фредерика Шопена

Творчество Фредерика Шопена занимает исключительное место в истории фортепианной музыки. Он стал одним из немногих композиторов, посвятивших практически всё своё творчество одному инструменту — фортепиано. Именно через фортепианную текстуру, звучание, артикуляцию, он выразил свои философские, поэтические и национальные идеи. Искусство Шопена — это не просто стиль, это особый художественный мир, в котором органично сплетаются техническая изощрённость и интимная лирика, академическая строгость формы и тонкость импровизационного мышления. В искусстве Шопена органически слились элементы всех важнейших стилевых направлений первой половины XIX века. В основных сочинениях композитора преобладает романтическое воплощение образов действительности, отличающееся высокой правдой чувств и организованностью мышления. Эти же черты свойственны и исполнительскому искусству Шопена [1].

Фортепианный стиль Шопена формировался под влиянием множества факторов — музыкальной традиции венской классики, романтической лирики, национальных интонаций Польши и эстетики эпохи. Важнейшее качество его фортепианного письма — «певучесть», вокальность звучания. Он говорил своим ученикам: «Пойте! Всегда пойте на фортепиано!» Шопену удалось перевести вокальную интонацию на язык клавишного инструмента, что стало важнейшим достижением в его стиле. Это проявляется в плавности фразировки, в умении вести мелодию внутри плотной фактуры, в тонкой работе с педалью и оттенками звука. Шопен считал крайне важным освобождение пианистического аппарата от скованности. Его педагогические принципы определили путь развития романтической фортепианной техники, акцентируя внимание на развитии пальцевой чувствительности. Наследуя лучшие черты клавесинной школы, композитор гармонично объединил их с техникой «весового» звукоизвлечения, позволяющей передавать богатство динамических оттенков [4].

В те времена еще существовали строгие правила постановки рук и вы-

бора пальцев при игре на фортепиано. Играли преимущественно кончиками пальцев, практически не двигая запястьем. По этому принципу короткий первый и пятый пальцы использовались для нажатия белых клавиш, а длинные второй, третий и четвертый — для черных.

Однако появление техники игры с движением кисти позволило расширить возможности аппликатуры. Теперь длину пальцев можно было учитывать менее строго, и короткие пальцы стали использоваться на черных клавишах чаще. Это сделало возможным возвращение старинного приема Баха — перемещение длинных пальцев поверх коротких, что ранее вышло из моды.

Такой подход вдохновил многих композиторов и исполнителей на поиски новых решений в постановке рук. Среди них Шопену принадлежит видное место. Насколько позволяют судить материалы, именно он сформулировал важный аппликатурный принцип: использование индивидуальных особенностей пальцев для достижения звука определенного качества. Хотя подобные идеи высказывались и раньше, например, у Бетховена, именно Шопен наиболее четко обозначил этот новый принцип [1].

Особенность его подхода к фортепиано заключается и в невероятной гибкости ритма. Шопен был первым композитором, систематически использовавшим рубатто как элемент живого музыкального дыхания. Благодаря этому его музыка звучит естественно и свободно.

Произведения Ф. Шопена необычайно ясны по форме, музыкальный язык их предельно четок и лаконичен, каждое сочинение свободно от излишних элементов, случайных деталей или чего-то искусственного. Композитор обладал уникальной способностью концентрированно выражать глубокие идеи, вмещая значительное содержание в лаконичные рамки.

Каждая созданная композитором музыкальная фигура имела собственное уникальное звучание, а технические пассажи были наполнены глубокой эмоцией и смысловым содержанием [5].

У Шопена трели, морденты, арпеджио, пассажи не просто технические украшения, а выразительные жесты, которые строят форму, развивают тему, подчеркивают образ. Его фактура становится многогранной: от прозрачной и утонченной до драматически насыщенной, от филигранной до аккордно-монументальной.

Особенно важно отметить, что в музыкальном мышлении Шопена неразрывно связаны техника и художественный смысл. Это ключевое положение раскрывается в жанре этюда. Шопен не просто создаёт упражнения, он «маскирует» чисто технические задачи внутри живой и образной музыкальной ткани. Например, этюд Op. 10 №1 требует от исполнителя отточенной техники широких арпеджио, но воспринимается как гимн свету, как музыкальный символ устремления вверх. Этюд рассчитан на укрепление силы пальцев, а также на развитие эластичности ладонных связок [4].

Этюд Ор. 25 №6 развивает искусство двойных нот, но звучит как фантазия, полная колеблющегося света и лирической неустойчивости.

Таким образом, этюды занимают центральное место в системе фортепианного искусства Шопена. Это не только ранние, формирующие произведения, но и зрелые творения, в которых реализована его эстетическая концепция фортепианного стиля. Этюды для Шопена — своего рода лаборатория музыкального языка: здесь он осваивает и шлифует выразительные средства, экспериментирует с фактурой, гармонией и динамикой.

Наконец, нельзя не упомянуть педагогический и исполнительский аспект. Уже в XIX веке этюды Шопена стали неотъемлемой частью программы пианистов. Их изучение требует зрелости как технической, так и музыкальной. Это — произведения, которые невозможно исполнить механически, каждый этюд требует вдумчивой интерпретации, глубокого анализа, артистической свободы. По этой причине этюды Шопена считаются не только техническим испытанием, но и школой художественного мышления для любого пианиста.

3. Поэтика и философия этюдов Ф. Шопена

Фортепианные этюды Фредерика Шопена — это не только шедевры пианистической виртуозности, но и глубокие поэтические и философские высказывания. Композитор поднял жанр этюда на принципиально новый уровень, превратив его из сухого упражнения в форму художественного самовыражения. Его этюды стали живыми миниатюрами, в которых переплетаются эмоции, драматургия и идея. Здесь техника и выразительность не существуют порознь — они органично слиты в единое целое, в котором каждое техническое движение становится частью большого музыкального смысла.

Шопен искал в каждом этюде идеальное соотношение между фактурно-тематической идеей, тонально-клавиатурной топографией (соотношением черных и белых клавиш), пластически формирующей позиции рук и двигательные стратегии, а также, что не менее важно, выразительно-красочной спецификой тональности. Это позволяет установить некоторые логические связи между этюдами [6].

Поэтика шопеновских этюдов строится на тончайших оттенках настроений. В них нет программных названий или словесных комментариев, как например в «Картинках с выставки» Мусоргского или в «Грезах любви» Листа. Но каждый этюд у Шопена звучит как миниатюрная поэма. Их образы читаются через особую гармонию, интонации, ритмику, динамику. Это поэзия намек и интуиции, где многое остаётся на уровне ощущений и ассоциаций. Поэтому каждый слушатель может услышать в этих произведениях своё — они открыты к личностной интерпретации.

Шопен с негодованием говорил о музыке пустой и поверхностной, не-

способной передать внутренние переживания человека. Его сочинения обладают удивительной живостью и восприимчивостью. Композитор искренне раскрывал свою душу посредством музыки, стремясь лишь к одному: быть правдивым в музыкальном изображении своих воздушных мечт и эмоций [7].

Например, этюд Op. 10 №3 («Tristesse») наполнен светлой грустью и глубокой ностальгией. Его мелодия напоминает интимное воспоминание о чём-то утраченном и дорогом. Этюд Op. 25 №1 («Aeolian Harp») – лёгкий, мерцающий, почти нереальный. «Революционный» этюд Op. 10 №12, наоборот, поражает эмоциональным накалом и внутренней силой, превращаясь в страстный порыв, протест и боль. Эти произведения — разные по характеру, по технике, по задачам их объединяет одно: в каждом из них живёт глубокий, выразительный образ, наполненный философским подтекстом.

Музыка Шопена требует от исполнителя не только технического мастерства, но и духовной зрелости. Её нельзя просто «сыграть», её можно только прожить. В этом отношении шопеновские этюды роднятся с поздними сонатами Бетховена, прелюдиями и фугами Баха, в которых техника сливается с философским поиском, с высшей формой внутренней правды.

Таким образом, поэтика и философия этюдов Шопена — это неотъемлемая часть их художественной наполненности. Они раскрывают глубину человеческой души, показывают богатство эмоционального мира и вместе с тем демонстрируют высочайший уровень мастерства и мышления. Эти произведения живут за пределами времени — они остаются современными, трогательными и волнующими, потому что обращены не к эпохе, а к человеку как таковому. Этюды Шопена — это музыка, в которой техника становится поэзией, а поэзия — философией жизни.

4. Значение этюдов Ф. Шопена в истории музыкальной культуры

Этюды Фредерика Шопена стали переломным моментом в развитии как фортепианного искусства, так и музыкальной культуры в целом. До появления его произведений этот жанр рассматривался исключительно как педагогический: этюды Черни, Крамера или Климента были направлены на отработку моторики, штрихов, беглости, и редко несли в себе художественную ценность. Шопен же совершил настоящий прорыв, впервые в истории наделив этюд полноценным художественным смыслом. Он преобразил жанр, сделав его равноправным элементом концертного репертуара, и тем самым оказал огромное влияние на развитие композиторского и исполнительского мышления.

Одним из важнейших вкладов Шопена стало расширение выразительных возможностей фортепиано. Его этюды открыли новые горизонты в передаче настроений, тончайших эмоциональных оттенков, в создании

звучащих образов. Он освоил ранее не использовавшиеся регистровые сочетания, специфические педальные приёмы, необычные фактурные модели. Благодаря Шопену фортепиано стало восприниматься как поэтический, глубоко выразительный инструмент, способный к чувственности, сентиментальности и некой интимности.

Антон Рубинштейн назвал Шопена «бардом, рапсодом, духом, душой фортепиано». Все самое неповторимое в музыке Шопена – ее трепетность, утонченность, «пение» всей фактуры и гармонии – связано с фортепиано. Музыка, созданная Шопеном для иных инструментов, вокала или оркестрового сопровождения, встречается крайне редко [8].

Этюды Шопена стали фундаментом новой фортепианной школы. Композиторы-романтики опирались на шопеновский этюд как на образец жанровой трансформации: они создавали собственные циклы, в которых, подобно Шопену, соединяли технические задачи с глубоким художественным содержанием. Особенно это заметно в этюдах Скрябина, где философская направленность стала доминирующей.

Кроме того, этюды Шопена сыграли важную роль в демократизации искусства: будучи исполняемыми на концертах и активно изучаемыми в консерваториях и музыкальных школах, они открыли многим поколениям музыкантов путь к серьёзному искусству. Они сделали романтическую поэзию доступной, понятной, эмоционально близкой широкому кругу слушателей.

Создавая музыку в основном для одного инструмента - фортепиано, Шопен оказал воздействие на судьбы всей музыкальной литературы. Большое значение для последующих композиторов имело смелое решение им некоторых важных творческих задач, которые были связаны с национальной проблематикой, — воплощение образов освободительной борьбы, чувств, навеянных думами о родине, развитие национально-самобытных жанров, мелодических, ладогармонических, ритмических и иных выразительных средств музыкального языка. Важным вкладом стало создание новых оригинальных форм романтической музыки, которые позже нашли отражение в фортепианной литературе и явились подготовительным этапом для возникновения жанра симфонической поэмы [1].

Заключение

В этюдах Шопена с поразительной силой отражены чувства, мысли, душевные состояния — всё то, что делает музыку универсальным языком человеческой души. Шопен выстраивает уникальную поэтику, в которой техника служит средством постижения внутреннего мира.

Значение этих произведений выходит далеко за рамки фортепианного искусства. Они стали основой новой исполнительской школы, оказали влияние на творчество многих композиторов и сформировали

высокие художественные стандарты, по которым и сегодня оценивается истинная глубина музыкального высказывания. Этюды Шопена живут на границе логики и чувства. Они не просто учат играть — они учат слышать и чувствовать.

Произведения Шопена, созданные в форме этюдов, по-прежнему остаются неисчерпаемым источником вдохновения и для исполнителей, и для слушателей. Их эмоциональная глубина, художественная тонкость и универсальность делают их вечной частью музыкального наследия, а сам Шопен — остаётся одним из самых проникновенных «поэтов» фортепиано в истории.

Библиографический список

1. Александр Алексеев. «История фортепианного искусства». 1988. Часть II.
2. Инна Аширбекова. «Особенности фортепианной музыки Фредерика Шопена». 2022. 42 с.
3. Эльнара Кеберлинская. «Роль фортепианных этюдов Ф. Шопена в исполнительской и педагогической практике пианистов». 2018.
4. Елена Чайка. «Специфика национально-стилевых показателей в музыкально-исполнительском творчестве». 2014. С. 13-14.
5. Гузель Хайруллина. «Особенности фортепианной музыки Фредерика Шопена». 2022.
6. Августина Малинковская. «Две художественные концепции романтического пианизма (Этюд в творчестве Шопена и Листа)». 2012. 89 с.
7. Анатолий Луначарский. «Культурное значение музыки Шопена (К 100-летию юбилею)». 1910.
8. Творческий облик Шопена // URL: <http://musike.ru/index.php?id=59>
9. Никашина Н.В., Мурашко С.Ф. Исследование в русской и китайской культуре языка в межкультурной коммуникации // Власть истории – История власти. 2020. Том 6. Часть 8. № 26. С. 1166-1169.

References

1. Alexander Alekseev. "History of Piano Art". 1988. Part II.
2. Inna Ashirbekova. "Features of Frederic Chopin's Piano Music". 2022. 42 p.
3. Elnara Keberlinskaya. "The Role of F. Chopin's Piano Etudes in the Performing and Teaching Practice of Pianists". 2018.
4. Elena Chaika. "Specifics of National-Style Indicators in Musical Performance Creativity". 2014. P. 13-14.
5. Guzel Khairullina. "Features of Frederic Chopin's Piano Music". 2022.
6. Avgustina Malinkovskaya. "Two Artistic Concepts of Romantic Pianism (Etude in the Works of Chopin and Liszt)". 2012. 89 p.
7. Anatoly Lunacharsky. "The Cultural Significance of Chopin's Music (On the 100th Anniversary)". 1910.
8. Chopin's Creative Image // URL: <http://musike.ru/index.php?id=59>
9. Nikashina N.V., Murashko S.F. Research in Russian and Chinese language culture in intercultural communication // The Power Of History – The History Of Power. 2020. Volume 6. Issue 8. № 26. P. 1166-1169.

Васильева О.А.

Старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью. Государственный Университет Управления.

Пушняк К.В.

Студент. Государственный Университет Управления.

Слонова Д.Д.

Студент. Государственный Университет Управления.

Культурный код территории как ключевой фактор геобрендинга на примере Республики Карелия*

Аннотация. В статье представлен авторский взгляд на концепцию геобрендинга Республики Карелия. Анализ элементов идентичности, основанный на природно-историческом развитии территории, позволил определить культурный код и сформулировать направления потенциального развития бренда региона. Отдельное внимание уделено разработке визуальной айдентики и направлениям продвижения территориального бренда Республики Карелия среди основных целевых групп.

Ключевые слова: геобрендинг, территория, идентичность, культурный код, визуальная айдентика, Республика Карелия.

Vasilyeva O.A.

Senior Lecturer at the Department of Advertising and Public Relations at the State University of Management.

Pushnyak K.V.

Student at the State University of Management.

Slonova D.D.

Student at the State University of Management.

The cultural code of the territory as a key factor of geo-branding on the example of the Republic of Karelia

* © Васильева О.А., Пушняк К.В., Слонова Д.Д., 2025.

Abstract. The article presents the author's view on the concept of geobranding in the Republic of Karelia. The analysis of identity elements, based on the natural and historical development of the territory, made it possible to determine the cultural code and formulate directions for the potential development of the region's brand. Special attention is paid to the development of visual identity and directions of promotion of the territorial brand of the Republic of Karelia among the main target groups.

Key words: geo-branding, territory, identity, cultural code, visual identity, Republic of Karelia.

В последние годы наблюдается динамичная комплексная работа по развитию российских территорий, осуществляемая на всех уровнях государственного управления при поддержке бизнес-структур и общественных институтов. Этот стратегический вектор оформлен Указом о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [1]. Помимо системного совершенствования инфраструктурного пространства в регионах, повышения качества социально-экономических условий жизни населения, сохранения природного наследия и внедрения цифровых технологий, предусматривается повышение уровня доходности территорий и самостоятельное привлечение инвестиций за счет создания благоприятного инвестиционного климата, развития предпринимательства и туризма [2].

В этом ключе одним из инструментов стимулирования внимания целевых аудиторий к проектам по развитию российских регионов является геобрендинг. Под этим термином подразумевается процесс формирования территориального бренда, основанный на системном подходе к культурной идентичности, а также донесение до целевых аудиторий информации обо всех возможностях территории за счет создания яркого и привлекательного имиджа, состоящего из внутренних и внешних особенностей региона [3]. Геобрендинг направлен на продвижение, повышение узнаваемости и привлекательности территориального образования. При этом ключевым элементом формирования устойчивого положительного образа территории является ее идентичность, то есть культурных код, который сложился исторически, определив экономический уклад, народные традиции, местных героев и ценностные установки региона. Британский эксперт в области технологий продвижения геобрендинга К. Динни утверждает, что идентичность территории формируется благодаря таким параметрам, как история, язык, география территории, политический режим, архитектура, спорт, религия, система образования, природа, музыка, кухня и фольклор [4]. Глубокое изучение культурного кода территории позволит создать правильный фундамент для бренда территории, его последующего развития и эффективного продвижения.

В настоящей работе авторами предпринята попытка проанализировать

параметры идентичности Республики Карелии, как одной из аутентичной, культурно-самобытной и перспективной в качестве объекта брендинга территории. Также предложен авторский взгляд на визуальную айдентику региона и комплекс инструментов продвижения.

Одним из ключевых параметров идентичности территории является исторический контекст, без которого невозможно понять сформировавшийся культурный код территории. Около 8 000 лет до нашей эры территории Карелии освободилась от льда. Первые поселенцы на территории Карелии появились в послеледниковое время, примерно во втором тысячелетии до нашей эры. Об их жизни и быте помогают узнать различные археологические находки и сохранившиеся до нашего времени наскальные рисунки — петроглифы. Уникальные рисунки древних людей на скалах Белого моря и Онежского озера в Карелии, включены в список всемирного наследия ЮНЕСКО, и датируются IV—III тысячелетием до нашей эры. Древнейшие обитатели края занимались охотой, рыболовством и собирательством, освоили производство железа и металлических орудий труда, чуть позже начали заниматься земледелием и животноводством. Практически всю территорию современной Карелии в то время занимало племя «лопь» (самоназвание — «саами»), между Ладожским и Онежским озёрами расположилось племя «весь» (вепсы), а к западу и северу от Ладожского озера жили «корела» (современные название — «карелы»). В X—XI вв., когда южная часть Карелии попала в сферу влияния древнерусского государства, стали возникать славянские поселения. В тот период на территории распространилось Христианство. В XVII веке Корела отошла к Швеции и была возвращена России только в 1721 году, после поражения шведов в Северной войне. Количество монастырей в тот временной период стремительно росло, особенной силой и могуществом стал обладать Соловецкий монастырь. Северная война дала мощный толчок промышленному развитию Карелии. По указу Императрицы Екатерины II Петровская слобода была переименована в город Петрозаводск, с 1784 года он стал центром Олонецкой губернии, первым губернатором которой был назначен поэт Г.Р. Державин. В 1917–1918 годах в Карелии установилась Советская власть. С её установлением КАССР превратилось в Республику с развитой многоотраслевой промышленностью. Темпы роста промышленного производства в Карелии значительно превышали показатели других автономных республик РСФСР. В 1940 году Карелия приобретает новый статус — Карело-Финской ССР и становится шестнадцатой союзной республикой. Её территория увеличивается за счёт новых районов, отошедших СССР после войны с Финляндией. В период Великой Отечественной войны 2/3 территории Республики, на долю которых приходилось 83% промышленного производства, были оккупированы. Карельский фронт действовал 3,5 года, был самым протяженным из всех фронтов, где

погибло более 40.000 воинов, партизан и подпольщиков. Последние годы в Карелии проводилось восстановление народного хозяйства края, уже в пятидесятых годах XX века усилилось машиностроение и энергетика, вследствие чего край становится ведущим в области химической переработки древесины. За успехи, достигнутые в развитии народного хозяйства и социально-культурного строительства, республика награждена орденами: Ленина, Октябрьской революции, Дружбы народов. В 1991 году решением народных депутатов утверждено новое звание края — Республика Карелия [5]. Таким образом, история края многообразна, увлекательна и является сильным параметром для геобрендинга территории.

Говоря о культурном коде, отдельно следует упомянуть базовую визуальную айдентику, ассоциирующуюся с карельским краем. Герб Республики Карелия появился в XVI веке, когда территория принадлежала Швеции. На красном щите изображены золотая корона и две серебряные руки: правая, закованная в латы и держащая меч, и левая, защищенная кольчугой и вооруженная саблей. Герб символизирует борьбу между Швецией и Россией за Карелию. Современный герб представляет собой щит с чёрным медведем, окруженным золотым обрамлением, стилизованными елями и соснами, а также восьмиконечной звездой. Он основан на гербе Ухтинской Республики и использует цвета флага Карелии, унаследованные от карело-финской ССР. Медведь символизирует силу, а восьмиконечная звезда — стремление к идеалу и процветанию. Цвета герба имеют следующие значения: чёрный — традиционный для бурового медведя, золотой — богатство и величие, красный — символ победы, а голубой — водные ресурсы региона. Современный флаг Республики Карелия, предложенный А.И. Кинером, перекликается с гербом и имеет три горизонтальные полосы: красную, голубую и зелёную, символизируя природу, красоту и силу карельского народа [6]. Таким образом, визуальная айдентика выстраивает ассоциативный ряд с ключевыми ценностями края.

В рамках анализа параметров идентичности территории стоит отметить персоналий, прочно связанных с краем. Так, в Карелии проживали и вели активную деятельность личности, внёсшие значимый вклад в раз-

Рисунок 1. Изначальный и современный варианты герба Республики Карелия.

витие региона и нашей страны в целом. Одним из них был Г. Державин, назначенный в 1784 году первым гражданским губернатором Олонецкой губернии. Он создал административные и финансовые учреждения, занимался установлением границ со Швецией и составлением карт. Г. Державин открыл первую городскую больницу и аптеку в Петрозаводске, а также инициировал создание народного училища и музыкальной школы. В 1785 году он объехал губернию, собирая статистические и исторические данные, которые отразились в его творчестве, включая известную оду «Водопад», признанную А.С. Пушкиным одним из лучших произведений Г. Державина. Ещё одной выдающейся личностью, связанной с карельским краем, является В.Д. Поленов, русский живописец и деятель пореформенной эпохи. Он учился в Олонецкой губернии мужской гимназии, ныне ставшей музеем изобразительных искусств, где установлена мемориальная доска в его честь. Среди известных работ — «Московские дворы», «Золотая осень» и «Христос и грешница». Все произведения хранятся в государственном мемориальном историко-художественном и природном музее-заповеднике В.Поленова и выставляются крайне редко. Так, к примеру, последняя выставка прошла в 2019 году в Новой Третьяковке — первая за последние 130 лет в Москве [7]. Популяризация жизнедеятельности вышеупомянутых личностей может стимулировать представителей целевых групп посещать карельский край и способствовать развитию бренда региона.

Знаковым местом притяжения в Республике Карелия являются Марциальные воды, открытые И. Ребевым в 1714 году. Трудясь на Кончезерском медеплавильном заводе, он обнаружил целебный источник, улучшающий здоровье при сердечной болезни. Пётр I получил информацию о водах от управляющего заводом В. Генина и отправился на лечение. В. Генин был награжден царским портретом за открытие источника, И. Ребев в 1720 году был освобождён от подневольных работ. Марциальные воды до сих пор остаются популярным туристическим местом в Республике Карелия и обеспечивают регулярный поток туристов [8]. Учитывая ограниченность курортных территорий в нашей стране, брендинг и продвижение марциальных вод в Карелии может стать уникальным проектом для инвестиций в регион.

Анализируя потенциал Республики Карелия, нельзя не отметить возможности для дальнейшего развития туризма. Помимо широко известного музея деревянного зодчества под открытым небом на острове Кижи, который включает в себя ансамбль церквей, архитектурные объекты и предметы быта XVIII века, карельский край богат и другими уникальными, но пока неизвестными широкой аудитории объектами. В качестве примера можно привести остров Дивный, где расположено древнее языческое капище. Вокруг этой неприступной крепости среди Ладожско-

го озера до сих пор ходят легенды о подземных хранителях, ревностно оберегающих свою землю. Другим примером является гора Воттоваара, так называемый русский Стоунхендж, рядом с которой наблюдаются необычные явления вроде галлюцинаций и радиационных аномалий. К малоизвестным туристическим объектам региона можно отнести и вулкан Гирвас, которому три миллиарда лет. Сейчас это остатки мощного древнего вулкана, однако место притягивает своей природной энергией, а возведенная рядом Гирвасская ГЭС создает водопад и является излюбленным местом фотографов. Еще один объект, требующий дополнительного освещения и повышения узнаваемости среди широкой общественности – водопад Кивач, который является четвёртым по величине в Европе. В свое время он восхитил губернатора Г.Державина, который приложил усилия для его популяризации в то время [9]. Приведенные примеры лишней раз подчеркивают привлекательность карельского края, его туристический потенциал и необходимость информирования широкого населения об уникальных возможностях.

Безусловно, карельский край имел опыт брендинга. Эти шаги были предприняты на региональном уровне в целях привлечения дополнительных инвестиций и развития региона в целом. На сегодняшний день можно говорить о нескольких инициативах, направленных на формирование имиджа региона. В первую очередь, это созданная в 2019 году рабочая группа под названием «бренд-совет». Инициатива принадлежала министру культуры Республики, которую поддержал Центр территориального маркетинга – организация, специализирующаяся на геобрендинге. В состав бренд-совета вошли представители основных индустрий креативной экономики: туризма, культуры и искусства, гостиничного и ресторанного бизнеса. К задачам, стоящим перед сформированным коллегиальным органом по развитию территориального бренда, относится снижение показателя оттока населения, повышение уровня интереса среди туристов и привлечение инвестиционных потоков в регион. Также бренд-советом был проведен бенчмаркинг лучших практик по формированию и продвижению территориального бренда. Было осуществлено несколько конкурсных мероприятий по разработке вариантов позиционирования и визуальной айдентики. В большинстве предложенных идей фокус внимания был направлен на богатое культурное наследие региона, включая традиционные ремесла и праздники, которые формируют в сознании потребителя образ Карелии как места для активного отдыха и культурного туризма. Также за этот период бренд-советом были осуществлены маркетинговые мероприятия по популяризации карельского края среди широкой общественности. Среди основных коммуникационных активностей можно выделить участие в выставках, использование цифровых платформ для продвижения и сотрудничества с туристическими агентствами, видеоролики и коллаборации [5].

Несмотря на создание бренд-совета и начальные шаги в разработке стратегии, в открытых источниках пока нет информации о конкретных результатах работы совета или о реализованных проектах. Это указывает на необходимость дальнейшего развития и активизации работы в сфере брендинга. Опыт брендинга Республики Карелия демонстрирует стремление региона к созданию уникального имиджа, который будет привлекать туристов и инвесторов, однако для достижения ощутимых результатов необходимы более активные действия, конкретные инициативы и системная работа коммуникационных механизмов.

В данной статье авторами предлагается идея для брендинга региона, визуальная айдентика и каналы продвижения территориального бренда. Далее будет поэтапно рассмотрен авторский подход к брендингу Карелии.

Рисунок 2. Мудборд геобренда Республики Карелия.

Опираясь на анализ параметров идентичности, отражающих уникальную природу и богатое культурное наследие, выявлено, что карельский край является источником вдохновения для творческих личностей. Среди величественных озер и дарственных лесов художники, музыканты, мастера ручной работы находят идеальные условия для самовыражения. При этом Карелия не только привлекает мастеров, но и сама по себе является носителем культурных традиций, что делает её идеальным местом для развития новых местных брендов и инициатив малого и среднего бизнеса. Территориальный бренд Карелии целесообразно выстроить вокруг творческих личностей, которые будут приезжать в дивный край в целях созидания или оставаться ради поиска вдохновения. Здесь смена времён года создает удивительный калейдоскоп цветов и оттенков — от ярких осенних лесов до вечной заснеженной красоты зимой. Удивительные культурные и исторические достопримечательности карельского края добавляют красок и глубины этому удивительному месту, создают опыт прикосновения к природе.

Авторская концепция заключается в развитии территориального бренда Карелии через изделия ручной работы, такие как глиняные изделия, украшения из бисера и драгоценных камней, деревянные изделия, кружева и пр. Создание крупных ярмарок, например на острове Кижи, поможет привлечь не только самих мастеров, но и туристов — ценителей ручной работы. Согласно исследованиям 2024 года, прирост покупок изделий ручной работы составляет 11%, а средний чек в данной категории вырос на 55%, что свидетельствует о спросе на авторские изделия ручной работы [10]. Данный подход закрепляет культурные традиции карельского края, отражая и уникальное зодчество коренного народа региона, и современные ремесленные тенденции, призванные заинтересовать молодое поколение. Стоит отметить тот факт, что в Карелии существуют торговый знак «Сделано в Карелии» для производителя любого типа продукции, прошедших добровольную сертификацию. Однако по отзывам покупателей сертифицированная продукция не пользуется спросом, так как для местных жителей она слишком дорогая, а для туристов большая ее часть является низкакачественной и непривлекательной. Авторы считают, что целесообразно усилить контроль за качеством сертифицируемой продукции, а также тщательнее отбирать бренды, представляющие карельский край и формирующие имидж региона в восприятии целевых групп. Уникальным региональным товарам необходима грантовая поддержка для дальнейшего развития и продвижения.

Возвращаясь к визуальной айдентике, в качестве основы для логотипа авторами были предложены украшения из бисера, выполненные в аутентичном стиле. Для надписей был выбран шрифт засечками с отсылкой к уникальной ремесленной продукции.

Рисунок 3. Авторский логотип Республики Карелия.

карельского края, а золотой (#C8B273) в свою очередь, как и на существующем гербе, означает богатство и величие.

Разработка фирменного стиля начинается с понимания того, что уже есть особенного в регионе: зодчество и земли, богатые природными ресурсами. Именно эти цвета необходимо отразить логотипе. Коричневый (#6D4F47) и бежевый (#D4B59E) — возвращают природе, а также обозначают древесные ресурсы. Синий (#464E7E) символизирует водные ресурсы

Рисунок 4. Цветовые решения авторского логотипа Республики Карелия.

Важно понимать, как разработанный логотип будет выглядеть в городской среде. Он должен сочетаться с образом, который уже существует и образом, который будет продвигаться в Карелии. Для этого необходимо рассмотреть малые городские формы, например навигационные знаки, скамейки, фотозоны.

Особое внимание стоит уделить комплексному продвижению авторской концепции геобрендинга карельского края. Для этого необходимо увеличить осведомленность о карельских мастерах и их изделиях. Эту активность целесообразно осуществлять через создание и продвижение тематического контента, размещенного в социальных сетях ВКонтакте и Одноклассники. Системное «подсвечивание» культурного кода карельского края и концепции позиционирования, основанной на уникальных ремесленных традициях, в средствах массовой информации, наружной рекламе и интернет-форматах будет способствовать повышению уровня осведомленности о территории среди населения, стимулировать интерес

Рисунок 5. Внедрение варианта логотипа в городскую среду.

к краю и формировать эмоциональную связь. Дополнительный акцент стоит сделать на возможности расширения в этих условиях регионального рынка сбыта и новых поступлений в бюджет Республики Карелия.

Популяризация территории Карелии во внешней среде и улучшение социально-экономического уровня жизни способны повлечь за собой снижение оттока местных жителей. Стоит подчеркнуть необходимость работы с населением территории. Активное участие жителей в качестве амбассадоров на мероприятиях регионального и национального масштабов, таких как выставки, фестивали, ярмарки [11], а также распространение информации о культурном наследии родного края в социальных сетях может стать мощным инструментом в процессе геобрендинга.

Сотрудничество с представителями регионального бизнес-сообщества, заинтересованного в сбыте уникальных карельских ремесленных изделий, поддержит местных производителей, создаст новые рабочие места и привлечет дополнительные средства в бюджет региона. Для достижения

максимальной эффективности в продвижении территориального бренда Республики Карелия важно комплексно и системно использовать маркетинговые каналы. При этом, по мнению авторов, event-маркетинг с упором на бизнес-панели, круглые столы, нетворкинг-сессии представляется наиболее результативным коммуникационным инструментом для представителей данного целевого сегмента.

Таким образом, авторская концепция геобрендинга, основанная на выявлении культурного кода карельского края, а также создании и продвижении уникальных высококачественных изделий ручной работы, представляет собой перспективное направление, которое может не только поддержать местных мастеров, но и привлечь внимание туристов и инвесторов. Создание системы проверки качества продукции, а также разработка фирменного стиля, отражающего уникальность региона, помогут укрепить имидж Карелии, как центра творчества и мастерства. Логотип, основанный на традиционных элементах, будет гармонично вписываться в городскую среду и подчеркивать богатство природных ресурсов. В результате Республика Карелия сможет занять достойное место на культурной карте России и мира, привлекая всё больше людей, стремящихся прикоснуться к ее неповторимой красоте и творческому духу.

Библиографический список

1. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Президент России. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (Дата обращения: 05.06.2025).
2. Развитие территорий: новый национальный проект // Росконгресс. // URL: <https://roscongress.org/materials/razvitiye-territoriy-rossii-novyy-natsionalnyy-proekt-i-prostranstvennoe-planirovanie> (Дата обращения: 13.06.2025).
3. Пьянкова С.Г., Митрофанова И.В., Ергунова О.Т. Геобрендинг как драйвер развития региона в условиях нестабильности // Экономика. Информатика, № 49 (4). С. 645-660.
4. К. Динни. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
5. Официальный интернет-портал Республики Карелия. // URL: <https://gov.karelia.ru/news/27-11-2019-v-karelii-budet-sozdan-brend-sovet> (Дата обращения: 25.05.2025).
6. Карелия - гербы и флаги. // URL: <https://geraldika.ru/> (Дата обращения: 25.05.2025).
7. Золотое кольцо Карелии // Гаврила Державин - первый карельский губернатор. // URL: <https://karelia.gold/blog/gavriila-dergavin/> (Дата обращения: 29.05.2025).
8. Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник Василия Дмитриевича Поленова. // URL: <https://polenov.ru/o-muzee/vasiliiy-dmitrievich-polenov/> (Дата обращения: 30.05.2025).
9. Коллекционер // Каменный стражник в истоке Невы. Крепость «Орешек». Русский «Замок ИФ». // URL: https://kollektioner-spb.ru/article/kamennyy_strazhnik_v_istoke_nevy_krepost_oreshek_russkiy_zamok_if/ (Дата обращения: 30.05.2025).
10. KanzOboz.ru // В России отмечен спрос на товары ручной работы. // URL: https://kanzooboz.ru/article/v_rossii_otmечen_spros_na_tovary_ruchnoy_raboty/ (Дата обращения: 21.06.2025).
11. Традиционные летние карельские праздники. // URL: <https://sorola.ru/articles/tradicionnye-letnie-karelskie-prazdniki/> (Дата обращения: 02.07.2025).
12. Бирюков Н.Г., Григоренко О.Н., Дворянинова Е.И. Прагматика этнокультурных метафор в создании стереотипных изображений России в зарубежном газетном дискурсе // Межкон-

References

1. Decree on the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036 // President of Russia. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (05.06.2025).
2. Development of territories: a new national project // Roscongress. // URL: <https://roscongress.org/materials/razvitie-territoriy-rossii-novyy-natsionalnyy-proekt-i-prostranstvennoe-planirovanie> (13.06.2025).
3. Pyankova S.G., Mitrofanova I.V., Ergunova O.T. Geobranding as a driver of regional development in conditions of instability // Economy. Informatics, № 49 (4). P. 645-660.
4. K. Dinny. Territory branding. Best global practices // M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2013.
5. Official Internet portal of the Republic of Karelia. // URL: <https://gov.karelia.ru/news/27-11-2019-v-karelii-budet-sozdan-brend-sovet> (25.05.2025).
6. Karelia - coats of arms and flags. // URL: <https://geraldika.ru/> (Accessed: 25.05.2025).
7. The Golden Ring of Karelia // Gavriila Derzhavin - the first Karelian governor. // URL: <https://karelia.gold/blog/gavrila-dergavin/> (29.05.2025).
- 8 State memorial historical, artistic and natural museum-reserve of Vasily Dmitrievich Polenov. // URL: <https://polenovo.ru/o-muzee/vasily-dmitrievich-polenov/> (30.05.2025).
9. Kollektioner // Stone guard at the source of the Neva. Fortress "Oreshek". Russian "Castle IF". // URL: https://kollektioner-spb.ru/article/kamennyy_strazhnik_v_istoke_nevy_krepost_oreshek_russkiy_zamok_if/ (30.05.2025).
10. KanzOboz.ru // Demand for handmade goods noted in Russia. // URL: https://kanzoboz.ru/article/v_rossii_otmechen_spros_na_tovaryi_ruchnoy_raboty/ (21.06.2025)
11. Traditional summer Karelian holidays. // URL: <https://sorola.ru/articles/tradicionnye-letnie-karelskie-prazdniki/> (07.02.2025)
12. Biryukov N.G., Grigorenko O.N., Dvoryaninova E.I. Pragmatics of ethnocultural metaphors in creating stereotypic images of Russia in foreign newspaper discourse // Mission confessions. 2020. Volume 9. Issue 4. № 45. P. 424-430.

Гордеева Т.Ю.

Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор ВАК, профессор кафедры музыкального искусства, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный институт культуры», г. Казань.

От тайны клетки к клеточной акустике. Новаторские идеи профессора С.В. Шушарджана*

Аннотация. Одержимость научной идеей, зароненной в пытливым детский ум талантливыми школьными учителями, может стать для личности делом всей жизни и привести к впечатляющим научным результатам. Проникновение в тайны живой клетки красной нитью проходит сквозь всю исследовательскую деятельность уникального ученого: врача и оперного певца, Сергея Вагановича Шушарджана. Глубокое знание естественнонаучных законов жизнедеятельности биологической системы и последствий влияния на живой организм музыки, а также собственный опыт психофизиологического звукового воздействия позволил С.В. Шушарджану прийти к любопытным научным открытиям, находящимся на стыке музыки и медицины. Шушарджан явился достойным продолжателем дела знаменитых отечественных ученых XIX – начала XX века, изучавших процесс воздействия музыки и творчества на биологический организм (В.М. Бехтерев, И.М. Догель, И.М. Сеченов, И.Р. Тарханов и др.). Значение исследований С.В. Шушарджана состоит в том, что он, во-первых, продолжил заложенную В.М. Бехтеревым традицию междисциплинарного сотрудничества музыкантов и врачей, прерванную в 1927 году; во-вторых, представил и обосновал ее на современном научно-технологическом уровне познания. И, наконец, благодаря деятельности ученого, возникли такие новые научные направления, как научная музыкотерапия и клеточная акустика.

Ключевые слова: музыкальное искусство, научная музыкальная терапия, живая клетка, клеточная акустика, С.В. Шушарджан.

Gordeeva T.Y.

Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Musical Art, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kazan State Institute of Culture", Kazan.

From the mystery of the cell to cellular acoustics. Innovative ideas of professor S.V. Shushardzhan

Abstract. An obsession with a scientific idea instilled in the inquisitive mind of a child by talented schoolteachers can become a lifelong pursuit for a person and lead to impressive sci-

* © Гордеева Т.Ю., 2025.

От тайны клетки к клеточной акустике. Новаторские идеи профессора С.В. Шушарджана

entific results. Penetration into the secrets of a living cell runs like a red thread through the entire research activity of a unique scientist: a doctor and an opera singer, Sergei Vaganovich Shushardzhan. A deep knowledge of the natural scientific laws of the biological system and the effects of music on a living organism, as well as his own experience of psychophysiological sound effects allowed S.V. Shushardzhan came to interesting scientific discoveries located at the junction of music and medicine. Shushardzhan was a worthy follower of the work of famous Russian scientists of the XIX – early XX century, who studied the process of the influence of music and creativity on the biological organism (V.M. Bekhterev, I.M. Dogel, I.M. Sechenov, I.R. Tarkhanov, etc.). The significance of S.V. Shushardzhan's research lies in the fact that he, firstly, continued The tradition of interdisciplinary collaboration between musicians and doctors, founded by V.M. Bekhterev, was interrupted in 1927.; Secondly, he presented and substantiated it at the modern scientific and technological level of knowledge. And finally, thanks to the scientist's work, new scientific directions such as scientific music therapy and cellular acoustics have emerged.

Key words: musical art, scientific music therapy, living cell, cellular acoustics, S.V. Shushardzhan.

Введение

Исследовательский интерес гуманитариев и естественников, начиная с двадцатого столетия, направлен на изучение элементарных единиц в той или иной сфере науки. Как оказалось, простейшие элементы обладают сложной природой, хранящей множество загадок. В физике это электроны, нейтрино, кварки, в музыке – звук, в биологии – клетка. Для анализа таких объектов необходим междисциплинарный научный подход, который обозначил В.С. Библер, автор концепции диалога культур: «...чтобы понять объект во всей его неукротимой несводимости к мышлению, необходимо разглядеть его в двойном, тройном, многожды умноженном видении...» [2, с. 270].

Несмотря на процесс дифференциации наук, которым характеризуется современное научное познание, более продуктивными оказывались те исследователи, которые к широте мировоззрения могли добавить профессиональные знания и умения во многих областях науки. Подобный универсализм – явление крайне редкое, особенно когда ученый является профессионалом не только в науке, но и в искусстве.

Данная работа представляет эволюцию научных идей профессора Сергея Вагановича Шушарджана, прослеживая их развитие от юношеского увлечения тайнами живой клетки до создания новых научных направлений – клеточной акустики и научной музыкотерапии.

Материалы и методы

Материалами данного исследования послужили научные работы, статьи, монографии, презентации на научных конференциях С.В. Шушарджана. В качестве методов применялся научный анализ основных научных достижений ученого, а также и метод интервьюирования коллег профессора,

включая личные беседы с учёным.

Литературный обзор

В ходе работы были изучены труды отечественных исследователей XIX-XX вв., посвященных теме музыкальных воздействий на человеческий организм: В.М. Бехтерева, И.М. Догеля, И.М. Сеченова, И.Р. Тарханова, а также работы современных российских ученых, врачей и музыкотерапевтов: М.В. Белоусовой, Н.И. Ерёминой, А.Н. Разумова, Г.О. Самсоновой, А.В. Тереховой, С.В. Шушарджана, Р.С. Шушарджана, Э.З. Якупова и др.

Результаты и обсуждения

По счастливому стечению обстоятельств, в школьные годы, внимание Сергея Шушарджана привлекла книга «Живая клетка», подаренная родителями. Мальчик был потрясен осознанием, что такая мельчайшая субстанция является основой жизни на земле. Ее строение, функционал, мудрость наследственного механизма произвели неизгладимое впечатление на пытливого школьника и на всю жизнь заронили в его душу искру научного познания. Также в удивительный мир клеток живых организмов вовлекали юного Сергея Шушарджана замечательные уроки талантливой учительницы по биологии Елены Ивановны Ивановой, славной представительницы дружной плеяды учителей школы № 1 города Кисловодска, представлявших исключительно грамотных, влюбленных в свое дело педагогов, беззаветно любивших свои предметы и своих любознательных учеников.

Впоследствии данный интерес проявился на первых курсах Ставропольского медицинского института при исследованиях, проводимых на кафедре биологии студентами-медиками. Они изучали поведение хромосом в клетках головного мозга крыс, подвергшихся вредному химическому воздействию, а также биохимические изменения в белках мозга крыс в условиях формирования условного пищевого рефлекса.

Вторым знаковым событием в жизни молодого исследователя явилось изучение монографии по цитологии выдающегося советского ученого, ортопеда-травматолога, доктора медицинских наук, профессора М.С. Макарова, заведующего кафедрой травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии Ставропольского мединститута. Книга, посвященная способности к трансформации лейкоцитов крови в клетки любых тканей, подвигла студента уже старших курсов оборудовать в подвале частного дома собственную лабораторию, которая стала свидетелем многочисленных экспериментов.

После окончания медицинского института и нескольких лет успешной врачебной деятельности в реанимационном кардиологическом отделении, молодому медику, подающему большие надежды в медицине, было

доверено руководство серьёзным структурным подразделением областной больницы. С.В. Шушарджан с энтузиазмом взялся за работу.

Но ... судьба сделала кардинальный поворот. 26-летний врач оказался студентом II курса вокального отделения Ростовского музыкально-педагогического института, а затем солистом Ереванского оперного театра и Большого театра России, реализовав свой незаурядный музыкальный певческий талант¹ [1, с. 72].

Удивительно, но даже во время плодотворной оперной карьеры С.В. Шушарджан не оставлял своего врачебного призвания и работал с пациентами, которым приходилось считаться с гастрольной жизнью врача-вокалиста. Начало 90-х годов двадцатого века положило конец данному совмещению профессий, которое встречается в истории культуры достаточно редко. Так, любителям оперы хорошо знакомо имя Баттистини, короля баритонов, выдающего исполнителя конца XIX-го – начала XX-го века, представителя знаменитой врачебной династии. До своей триумфальной сольной карьеры он окончил медицинский институт в Риме.

С.В. Шушарджан был приглашен выступить на новогоднем голубом огоньке в числе медицинских работников, обладающих творческими талантами. Исполнение произведения известного итальянского композитора Э. Куртиса «Не плачь!» оказало сильное впечатление на присутствующих. Главный психотерапевт Москвы, пригласивший певца на передачу и рассказавший ему про активно развивающееся на западе направление музыкотерапии, уверил С.В. Шушарджана в том, что он, как уникальный человек, единый в двух лицах, и музыкант, и врачеватель, мог бы развить это направление на отечественной почве. Данное предложение заставило С.В. Шушарджана крепко задуматься и в результате принять очень непростое решение: на пике потрясающей оперной карьеры оставить театр в пользу научных исследований. Азарт ученого превзошел темперамент артиста...

Хотя период активной вокальной карьеры отвлек ученого от непосредственной научно-исследовательской деятельности, но за прошедшие годы был приобретен неоценимый личный опыт в ощущениях, которые возникают при воздействии на человека пением и музыкой. Эти наблюдения дали новый импульс научным экспериментам. В результате в 1994 году родился новый физиотерапевтический метод – вокалотерапия, основанный на классическом пении, являющийся прекрасным инструментом в реабилитации больных с бронхолегочными и другими заболеваниями [4].

1 В школьные годы Сергей Шушарджан блестяще окончил музыкальную школу по классу скрипки, а имея богатейший природный голос, активно солировал в ВИА Ставропольского мединститута вместе с другими талантливыми медиками-музыкантами. Студенческий ВИА, исполнявший эстраду и джаз, был настолько популярен, что на его выступление собирались не только студенты, но и весь профессорско-преподавательский состав вуза.

Метод был успешно апробирован в отделении больных бронхиальной астмой в одной из московских больниц, получены впечатляющие результаты, когда после 6 недель 3-х разовых занятий классическим пением у основной группы число приступов сократилось в 2,5 раза, а число применения препаратов упало до нуля. Кроме того, ученым был открыт метод интенсивной вокалотерапии, при котором используются ноты, вызывающие наибольший резонанс внутренних органов, что превышает показатели усиления кровообращения в 1,5 раза.

Метод вокалотерапии в сочетании с контактной музыкотерапией успешно показал себя в музыкалфармакологии, сочетающей лекарственные препараты и музыкально-акустическое воздействие, что усиливало суммарный лечебный эффект. «Сочетание вокалотерапии или контактной музыкотерапии с лекарственной терапией приводит к пропорциональному увеличению доставки медикаментов к больному органу за счет повышения интенсивности локального кровообращения и микроциркуляции, к более интенсивному их накоплению и к улучшенному лечебному эффекту» [6]. Контактная музыкотерапия вызывает активизацию кровотока (например, в печени, в $1,47 + 0,16$ раза большую по сравнению с кровотоком в покое), а вокалотерапия вызывает активизацию кровотока в $2,34 + 0,21$ ещё выше, чем при контактной музыкотерапии.

Исследуя музыку, ученый пришел к ряду открытий, например, что, кроме уже известного науке факта влияния музыки на слуховой орган человека, ей также присущ вибротактильный эффект воздействия на кожу (нервные окончания, тельца Паччини) и биорезонансный компонент влияния на клетки органических тканей. Открытие интегративного трехкомпонентного воздействия музыки легло в основу нейро-резонансно-гуморальной теории, которая явилась концептуальной основой нового научного направления – научной музыкотерапии (2003) [3].

В результате проведения 6 серий экспериментов на суперсовременном оборудовании в НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина исследовательская группа под руководством С.В. Шушарджана выявила яркие реакции на различные виды музыкальных воздействий у клеток меланомы BRO, которые были взяты в качестве модели изучения неспецифического акустико-биорезонансного эффекта. «Биорезонансный механизм действия музыки срабатывает при значимом по дозе резонансном воздействии на биологическую систему любого уровня, включая клеточный и субклеточный уровень» [8, с. 259].

Таким образом, к началу нулевых годов ученый подошел к созданию двух новых научных направлений: научной музыкотерапии и клеточной акустики. Был обозначен новый рубеж и начата серия экспериментов по изучению изменений, происходящих в клетках крови при музыкально-акустических воздействиях. В 2003 году была создана про-

грамма с регенеративным музыкально-акустическим алгоритмом и начаты исследования крови в акустическом поле *in Vitro*. Прямая трансляция данной программы на кровь *in Vitro* позволила за один час увеличивать общее количество лейкоцитов в 4,7 раза, нейтрофилов в 4,7 раза, лимфоцитов в 3,9 раза. Особо выраженный эффект был выявлен у незрелых гранулоцитов (ImGr), количество которых возросло в 18,3 раз ($P = 0,001$) [5]. Данный способ комплексной коррекции крови был запатентован.

В 2022 году ученым выдвигается новая идея о повышении клеточного иммунитета посредством музыкально-звуковых воздействий. Осуществленные эксперименты подтвердили, что данные интервенции действительно усиливают клеточный иммунитет, увеличивая число Т - лимфоцитов, «натуральных киллеров» и изменяя ряд других показателей в картине клеток крови, не выходя при этом за показатели нормы.

В настоящий момент С.В. Шушарджан работает над созданием инновационного метода биоакустической аутогемотерапии, что может явиться мощным инструментом иммунологической коррекции человека и основой для создания регенеративных биотехнологий нового поколения, применимых в различных областях знания. Ученый глубоко уверен, что дальнейшие исследования в данной области станут основой для разработки эффективных методов иммунологической коррекции и регенеративных биотехнологий нового поколения, с перспективой широкого применения в различных отраслях медицины, сельского хозяйства и других сферах жизнедеятельности современного общества [7].

Заключение

Благодаря уникальным идеям, оригинальным научным экспериментам и исследованиям, а также активному внедрению в медицинскую практику реабилитационных методов музыкотерапии, уже сегодня приносящих большую пользу пациентам клиник, С.В. Шушарджан стоит особняком в науке и пользуется высоким авторитетом среди ученых разных стран. Он – исследователь из плеяды «умнейших и гуманнейших врачей», которые ищут выход из «замкнутой, локализованной патологии» (А.М. Василенко).

Таким образом, исследовательская искра, зароненная талантливыми учителями в детстве, разгоревшаяся в студенческие годы, в сочетании с пытливым, острым умом ученого; его масштабным мышлением: системным подходом; широкой эрудицией; научным и художественным талантом; глубокими знаниями в различных областях науки, техники, современной западной и традиционной китайской медицины; владением тайнами музыкального искусства позволили С.В. Шушарджану неуклонно следовать своей цели, постигать загадочные механизмы жизнедеятельности живой клетки и стать основателем новых научных направлений – научной музыкальной терапии и клеточной акустики.

Библиографический список

1. Асатрян А.Г. Профессор Сергей Ваганович Шушарджан: музыкант среди врачей, врач среди музыкантов (к юбилею ученого) // Медицина и Искусство. 2024. Т. 2. № 2. С. 69-79.
2. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1991. 412 с.
3. Разумов А.Н., Шушарджан С.В. Методы музыкальной терапии. Пособие для врачей / А.Н. Разумов, С.В. Шушарджан. – М. Изд-во РНЦВМиК МЗ РФ, 2002. 27 с.
4. Шушарджан С.В. Вокалотерапия. Учебно-методическое пособие / С.В. Шушарджан. – М.: 2023. 77 с.
5. Шушарджан С.В. Клеточная акустика. Концепция, эксперименты, биотехнологии / С.В. Шушарджан. – М.: КнигИздат, 2025. 188 с.
6. Шушарджан С.В. Руководство по музыкотерапии / С.В. Шушарджан. – М.: ОАО «Издательство «Медицина», 2005. 480 с.
7. Шушарджан, С.В., Еремина, Н.И. О Влиянии музыкально-акустических воздействий на клеточный иммунитет и перспективах биоакустических технологий / С.В. Шушарджан, Н.И. Еремина // Медицина и искусство. 2023. Т. 1. №3. С. 94-107.
8. Шушарджан С.В., Шушарджан Р.С. Исследование влияния различных видов музыкальных воздействий на жизнедеятельность культивируемых клеток меланомы BRO как модель изучения биорезонансного эффекта / С.В. Шушарджан, Р.С. Шушарджан // Сборн. Докл. 5 Межд. конференции «Теорет. и клинические аспекты биорезонансной и мультирезонансной терапии». – М., 1999, С. 250-260.
9. Терновая Л.О. Традиции воспитания и формирование чувства ответственности казачьей молодежи: к созданию Союза казачьей молодежи России // Альманах Казачество. 2020. № 49. С. 27-35.

References

1. Asatryan A.G. Professor Sergei Vaganovich Shushardzhan: a musician among doctors, a doctor among musicians (on the anniversary of the scientist) // Medicine and Art. 2024. Vol. 2. № 2. P. 69-79.
2. Bibler V.S. From science teaching to the logic of culture: Two philosophical introductions to the twenty-first century / V.S. Bibler. – M.:Politizdat, 1991. 412 p.
3. Razumov A.N., Shushardzhan S.V. Methods of music therapy. A manual for doctors / A.N. Razumov, S.V. Shushardzhan. - M. Publishing house of the Russian Scientific Center for V.M.I.K. of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2002. 27 p.
4. Shushardzhan S.V. Vocalotherapy. Textbook and methodological manual / S.V. Shusharjan. – M.:2023. 77 p.
5. Shusharjan S.V. Cellular acoustics. Concept, experiments, biotechnology / S.V. Shusharjan. – M.:KnigIzdat, 2025. 188 p.
6. Shusharjan S.V. Guide to music therapy / S.V. Shusharjan. – M.:OJSC “Izdatelstvo” Medicine “, 2005. 480 p.
7. Shusharjan, S.V., Eremina, N.I. On the Influence of musical and acoustic effects on cellular immunity and the prospects of bioacoustic technologies / S.V. Shusharjan, N.I. Eremina // Medicine and Art. 2023. Vol. 1. № 3. P. 94-107.
8. Shusharjan S.V., Shusharjan R.S. Study of the influence of various types of musical influences on the vital activity of cultured melanoma cells BRO as a model for studying the bioresonance effect / S.V. Shusharjan, R.S. Shusharjan // Collected reports of the 5th Int. conference “Theoretical and clinical aspects of bioresonance and multiresonance therapy”. – M.:1999, P. 250-260.
9. Ternovaya L.O. Traditions of education and the formation of a sense of responsibility of Cossack youth: towards the creation of the Union of Cossack youth of Russia // Almanac Cossacks. 2020. № 49. P. 27-35.

Колосов Р.В.

Кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры «Музыкальные дисциплины», Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева.

Хоррор как диагностика реальности: коллективная выставка независимых художников Северного Казахстана и рождение нового культурного кода в казахстанском искусстве*

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен коллективной выставки «Хоррор», состоявшейся в августе 2025 года в Петропавловске (Северный Казахстан) как значимое событие в контексте развития современного казахстанского искусства. Анализируется отход от традиционных представлений о жанре ужасов в сторону его социально-критического и психотерапевтического осмысления. На материале работ участников проекта доказывается тезис о том, что «хоррор» был использован художниками как инструмент для рефлексии коллективных травм, социальных болезней и личных экзистенциальных страхов, актуальных для современного казахстанского общества. Выставка интерпретируется как акт художественного сопротивления клишированному позитивному дискурсу и важный шаг в формировании независимой арт-сцены регионов Казахстана.

Ключевые слова: современное искусство Казахстана, социальный хоррор, культурная травма, художественный андерграунд, визуальные исследования, искусство и терапия, региональный арт-процесс.

Kolosov R. V.

Candidate of Art History, Senior Lecturer of the Department of Musical Disciplines of Manash Kozybayev North Kazakhstan University.

Horror as a diagnostic of reality: a collective exhibition by independent artists from Northern Kazakhstan and the emergence of a new cultural code in Kazakhstani art

Abstract. This article examines the phenomenon of the collective exhibition “Horror”, held in August 2025 in Petropavl (Northern Kazakhstan), as a significant event within the context of the de-

* © Колосов Р.В., 2025.

Хоррор как диагностика реальности: коллективная выставка независимых художников Северного Казахстана и рождение нового культурного кода в казахстанском искусстве

velopment of contemporary Kazakhstani art. The analysis focuses on its departure from traditional notions of the horror genre towards its sociocritical and psychotherapeutic reinterpretation. Drawing on the works of the project's participants, the article argues that "horror" was employed by the artists as a tool for reflecting on collective traumas, social ills, and personal existential fears relevant to contemporary Kazakhstani society. The exhibition is interpreted as an act of artistic resistance to a clichéd positive discourse and an important step in the formation of an independent art scene in the regions of Kazakhstan.

Key words: contemporary art of Kazakhstan, social horror, cultural trauma, artistic underground, visual research, art and therapy, regional art process.

Введение

10 августа 2025 года в арт-кофейне «Гараж» (г. Петропавловск) состоялось событие, выходящее за рамки локального художественного жеста. Коллективная выставка на тему «Хоррор», инициированная и реализованная группой независимых художников без единого кураторского центра, представляет собой репрезентативный материал для исследования новых векторов в искусстве Северного Казахстана. Важнейшим контекстом является внеинституциональность площадки и самоорганизующийся принцип проекта, что маркирует его как authentic product андерграундной среды, свободной от давления официальных культурных институций и рыночных запросов.

Тематика ужаса и страха как художественных категорий всегда занимала особое место в культуре, однако в изобразительном искусстве Казахстана жанр «хоррор» до недавнего времени практически не осмыслялся. Между тем именно обращение к визуализации страхов и кошмаров открывает возможности для анализа внутреннего мира человека, его травм и бессознательных структур. Психоанализ Фрейда [2] и архетипическая теория Юнга [3] подчёркивают, что образы ужаса – это не случайные фантазии, а глубинные проявления человеческой психики, выражающие её скрытые механизмы.

Деконструкция жанра: от эстетики сверхъестественного к поэтике реального

Как верно отметил в своей вступительной речи художник Виталий Жуков, центральной идеей выставки стал отказ от навязанной дихотомии, где искусству отводится роль генератора исключительно «светлых» и «положительных» эмоций. Художники предприняли успешную попытку деконструкции жанра «хоррор», переместив его из области условного, готического, монструозного в плоскость повседневного, социального и психологического.

Тезис Виталия Жукова о том, что «мир существует на контрасте», стал

методологической основой всего проекта. Выставка продемонстрировала, что подлинный ужас коренится не в фиктивных чудовищах, а в *fabrice* самой реальности: в механизмах идеологии, в глубинах психики, в семейных и социальных практиках. Таким образом, «хоррор» был переосмыслен как высшая форма реализма, обнажающая болевые точки современности.

Анализ ключевых нарративов: топосы современного ужаса

В представленных на выставке работах можно выделить несколько устойчивых топосов, формирующих картографию современного «казахстанского ужаса».

Топос медийно-идеологического насилия. Серия работ Александра GerA «Бытовой ТВ-ад» является классическим примером критической социальной сатиры, выполненной в технике масляной живописи. Художник проводит визуальную параллель между пассивным потреблением телевизионного контента и процессом дегуманизации. Его метафора «человека-кресла» (*Homo Sella*) – это аллюзия на «человека массы» Ортеги-и-Гассета [1], доведенного до состояния мебели, лишенной критического мышления. Александр GerA диагностирует не внешнюю угрозу, а внутреннюю колонизацию сознания, где телевизор становится «концентратом фашизма» и «капельницей из новостных сводок». Это хоррор не вторжения, но растворения, где зло интериоризировано и принято добровольно.

Топос химической зависимости и семейной травмы. Серия Юлии Кулябиной представляет собой манифест «спиртного ужаса». В своем тексте художница проводит мощную демаркационную линию между условными, «безопасными» монстрами фольклора и кинематографа и реальным монстром – фигурой пьяного родителя, чье насилие является рутинным и легитимированным молчаливым согласием общества. Ее работы – это этнографическое исследование среды, где алкоголь выступает как ритуальный катализатор трансформации человека в «серую, липкую мразь». Этот цикл перекликается с дебютными работами Евгении Кунгурцевой, которая исследует тему *self-harm* и наркозависимости как формы бегства от реальности («Сон в маковом поле»). Обе художницы работают с темой телесности как *locus* страдания, где физическая боль становится языком для выражения боли ментальной.

Топос исторической и экологической травмы. Работы Виталия Жукова («Страна детства», «Подтопление») обращаются к коллективной памяти поколения, пережившего постсоветский переход 1990-х, и к актуальным травматическим событиям (масштабное наводнение 2024 года в Северо-Казахстанской области). Художник археологическим методом извлекает из прошлого образы заброшенных пространств, символизирующих педагогический и социальный коллапс, и переносит их на холст. В работе «Подтопление» частная история суицида, вызванного экологической ката-

строфой, становится метафорой хрупкости человеческого существования перед лицом стихии и государственного бездействия.

Топос внутреннего монстра и психологической уязвимости. Работы Александры DMPR и Кирилла Martyrer погружают зрителя в область бессознательного. Александра DMPR через сложную иконографию (зубы, когти, грибы, швы) визуализирует внутренние защитные механизмы и процесс трансформации, вызванный травмой («Травма», «Слой 7: Болотная Микота»). Серия Кирилла Martyrer «Тревожные сны» – это визуализация состояния тревоги, где привычные объекты (например, мобильный телефон) наделяются сюрреалистичными, пугающими свойствами. Работа «Потусторонний звонок» – мощная медитация на тему утраты и невозможности коммуникации с умершим, где технологический объект становится медиумом между мирами, а его материальная деградация (мобильный телефон разъедают трупные черви) символизирует распад и тлен.

Топос архетипического и ностальгического хоррора (работы Вадима Морозова). Этот топос основан на работе с узнаваемыми культурными кодами и коллективным бессознательным, сформированным массовой культурой XX-XXI веков. В отличие от других участников, которые конструировали ужас из личной или социальной реальности, Вадим Морозов апеллирует к уже готовым, «каноническим» образам монстров из кино («Франкенштейн», «Чужой», «За пределами тьмы»).

Однако простое цитирование здесь не является самоцелью. Художник осуществляет акт реинтерпретации и тактилизации мифа сквозь призму собственного восприятия. Переноса двумерные экранные образы в трехмерное пространство миниатюрной скульптуры, выполненной из гипса, пластика и акрила, он делает их осязаемыми, предметными, почти игрушечными. Это процесс, обратный сублимации страха: монстр, которого можно рассмотреть со всех сторон и даже поддержать в руках, в какой-то мере лишается своей мифической власти над зрителем, но приобретает новое – ностальгическое – измерение.

Эти работы функционируют как визуальные рифмы к основным темам выставки: «Грудолом» и «Клоун» переключаются с телесным хоррором и темой насилия над плотью у Александры DMPR. «Франкенштейн» как символ собранного из частей чудовища становится метафорой, собранной из травм идентичности. Сама форма миниатюрной фигурки отсылает к «Стране детства» Виталия Жукова, к миру, где монстры были персонажами игр и страхов, рожденных у костра на свалке.

Таким образом, топос Вадима Морозова выполняет критически важную функцию связующего звена. Он показывает, что классический кинохоррор был не просто развлечением, а современной мифологией, которая с детства формировала наш язык для описания ужаса. Художники же, работающие с «реальным» хоррором, используют этот же язык, но наполняя

ют его новым, актуальным и куда более пугающим содержанием.

Топос рефлексии и идентификации. Инсталляция ChuDaха, центром которой стало зеркало, окруженное изображениями фобий, завершает и обобщает замысел выставки. Она превращает зрителя из пассивного наблюдателя в соучастника действия, заставляя его буквально увидеть себя в центре собственных страхов. Этот жест переводит выставку из плоскости эстетического восприятия в плоскость экзистенциального вопрошания.

Заключение: терапевтический эффект и культурная значимость

Выставка «Хоррор» успешно опровергла тезис о неподготовленности казахстанского зрителя к сложным темам. Зрители узнавали в представленных работах отражение собственного опыта. Именно в этой идентификации и заключается терапевтический эффект. Совместное переживание и вербализация страха (как личного, так и коллективного) в безопасном пространстве искусства является актом катарсиса и коллективной терапии.

Данный проект важен не только своей художественной ценностью, но и как социокультурный феномен. Он демонстрирует зрелость и способность регионального художественного сообщества к самоорганизации, рефлексии и производству актуальных смыслов. Выставка знаменует отказ от периферийного комплекса и выход на прямой диалог с глобальными художественными процессами, где исследование тем травмы, памяти и социальной критики является магистральным направлением.

Северо-Казахстанский «Хоррор» доказал, что искусство ужаса может быть глубоко гуманистическим, поскольку оно бесстрашно смотрит в лицо реальности, чтобы диагностировать ее болезни и, через их осознание, предложить возможность исцеления.

Библиографический список

1. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Издательство АСТ, 2016. 256 с.
2. Фрейд, З. Художник и фантазирование (сборник работ) / З. Фрейд. – М.: Республика, 1995. 400 с.
3. Юнг К.Г. Человек и его символы / К.Г. Юнг. – М.: Серебряные нити, 2017. 448 с.

References

1. Ortega y Gasset, J. The Revolt of the Masses / J. Ortega y Gasset. – M.: AST Publishing, 2016. 256 p.
2. Freud S. Art and Psychoanalysis: Writings on Art and Artists / S. Freud. – M.: Republic, 1995. 400 p.
3. Jung C.G. Man and His Symbols / C. G. Jung. – M.: Serebryanye Niti, 2017. 448 p.

Кудозов А.Т.

Магистр культурологии. Российский государственный гуманитарный университет. ORCID: 0009-0003-4951-1258

Интермедиаальная эстетика дадаизма: звук и голос через визуальные образы в фотомонтаже Р. Хаусмана “ABCD”*

Аннотация. В статье рассматриваются произведения искусства берлинского дадаиста и одного из самых влиятельных теоретиков мирового авангарда Рауля Хаусмана с точки зрения интермедиаальности предлагаемого им художественного опыта. Берлинский дадаизм делал акцент на своей заинтересованности в политической жизни страны, а также выступал за революцию в культуре, как Германии, так и всего мира. Так, дадаистские произведения стали политическим высказыванием, которые должны были ускорить желаемые ими перемены. То, каким образом устроены эти произведения, какой принципиально новый опыт предложили дадаисты по сравнению с прежним каноном искусства – тема дискуссионная и только в последние несколько лет получает необходимую рефлексию учеными из разных концов планеты. Автор статьи обращается к фотомонтажу Р. Хаусмана с целью проследить специфику его устройства с точки зрения медиа. Так как для дадаистов было важно восстановить целостность человека и его восприятие мира, которые, по убеждению дадаистов, были разрушены Первой Мировой войной, их художественная концепция предполагала отказ от канонов академизма и пересборку идеи синтеза искусств. Поэтому методами работы с источником в статье выступают мультимодальный анализ (Б. Дикс), визуальный анализ (Дж. Роуз), а также исследования интермедиаальности (О. Ханзен-Лёве, И. Кондаков). Так как дадаизм одно из первых течений в мировой художественной культуре, которое использовало интермедиаальность, как основу своего творческого метода. Как следствие, автор статьи разбирает специфику функционирования дадаистского произведения искусства и медиумов внутри него, актуализирует проблемность восприятия художественного опыта искусства авангарда для современности.

Ключевые слова: дадаизм, интермедиаальность, звук, голос, авангард, Рауль Хаусман.

Kudozov A.T.

Master of culturelogy. Russian state university for the humanities. ORCID: 0009-0003-4951-1258

The intermedial aesthetics of Dadaism: sound and voice through visual images in R. Hausmann's photo-montage “ABCD”

* © Кудозов А.Т., 2025.

Интермедиаальная эстетика дадаизма: звук и голос через визуальные образы в фотомонтаже Р. Хаусмана “ABCD”

Abstract. The article examines the works of art by the Berlin Dadaist R. Hausmann from the point of view of the intermediality of the artistic experience he offers. Berlin Dadaism emphasized its interest in the political life of the country, and also advocated a revolution in culture. Thus, Dadaist works became political statements that were supposed to accelerate the changes desired by Dadaists. The way these works are arranged, what fundamentally new experience the Dadaists have proposed compared to the previous canon of art, is a controversial topic and has only been receiving the necessary reflection in the last few years. The author of the article refers to R. Housman's photomontage in order to trace the specifics of its machinery from the point of view of media. Since it was important for Dadaists to restore the integrity of man and his perception of the world, which, according to Dadaists, was destroyed by the First World War, their artistic concept presupposed a reassembly of the idea of art synthesis. Therefore, the methods of working with the source in the article are multimodal analysis (B. Dicks), sound semiotics (A. Ryasov), visual analysis (J. Rose), as well as research on intermediality (O. Hansen-Lowe, I. Kondakov). As a result, the author analyzes the specifics of the functioning of the Dadaist work of art and the mediums inside it, actualizes the problematic perception of his artistic experience for our times.

Key words: dadaism, intermediality, sound, voice, avant-garde, Raoul Hausmann.

Введение

В Берлине дадаизм переживает трансформацию с точки зрения того, что вообще может входить в понятие “дада”, и чем телеологически обусловлен дадаист, и тем самым закладывает принципы нового искусства для нового мира. Вместе с этим меняются художественные формы и медиальность дадаизма. Происходит своего рода синтез искусств и медиумов, которыми каждое из этих искусств функционирует. В этом синтезе нельзя точно сказать, о присутствии иерархии обусловленной тем, чтобы раскрыть какой то один медиум, который в конкретном произведении превосходит остальные. Эта тенденция нашла отражение во всех дадаистских художественных практиках, но в своей работе я хотел бы предварительно выделить две: звуковое стихотворение, фотомонтаж. Звук, как медиум, задействуется во всех этих формах, однако, так как дадаистское произведение в понимании Берлин- дада это синтез художественных форм и их медиальностей, то ему отведена лишь роль в взаимосвязи с другими медиумами. Таким образом, впервые в истории мирового искусства картина начинает “звучать” и “декламировать” звуковое стихотворение. Поэтому представляется актуальным рассмотреть эти произведения с точки зрения интермедальности. В каждом из произведений рассматриваемых в этой работе, звук занимает разные позиции, выполняет разные функции, в зависимости от художественного метода самого художника. В силу этого, усложняется медиальность самих произведений и сообщение, которое оно несёт. В своей работе я хотел бы рассмотреть, как устроена эта медиальность и какова в ней роль звука. Это будет **проблемой** в моей работе.

Актуальность исследования в том, что в работе я рассматриваю такой

важный для художественных практик немецких дадаистов медиум, как звук с точки зрения интермедиальности (О. Ханзен- Лёве, И. Кондаков) дадаистского художественного произведения, а также развивающихся в настоящее время исследований субмедиальности (Б. Гройс).

Стоит отметить, что звук в культуре авангарда это тема, которой сейчас активно интересуется научное сообщество, и звуковые эксперименты дадаистов не являются исключением. За последние несколько лет было выпущено, как минимум три крупных исследования, дисциплинарно принадлежащих к направлению Sound Studies, посвященных дадаистскому звуку, шуму и музыке. Этот интерес также проглядывается в современной выставочной деятельности. В качестве примера проектов осуществленных в последние два года в России можно привести выставку “ДК СССР” (Московский манеж) один из разделов которой полностью посвящен специфике авангардного звукоизвлечения. Также, как пример проекта полностью посвященному авангардному звуку можно привести выставку “Практика ощущения. Звук” (РОСИЗО). Однако, культурологической рефлексии этого важнейшего пласта культуры авангардных течений ещё только предстоит появиться. Эта статья- мой небольшой вклад в этот процесс, чем также определяется **новизна** исследования.

В своей работе я хотел бы показать, как устроена медиаальность, и вместе с ней зрительский(и по совместительству слушательский) опыт, который предлагает в своих художественных практиках берлинский дадаист и один из ключевых деятелей авангарда Рауль Хаусман. Звук, как медиум в этих практиках поможет расширить понимание медиаальности дадаизма, как части авангарда, и актуализировать дадаистский художественный опыт для современности. В этом **цель** моего исследования.

Обсуждение

Фотоомонтаж “ABCD” создан Р. Хаусманом в 1923 году, когда уже состоялась первая международная дада- ярмарка и берлинская группа с “трубным гласом” заявила о себе. Согласно концепции Р. Хаусмана, искусство всегда служило власти и капиталу, точно так же, как и художник, что существенно ограничивало его потенциал [10]. В таком состоянии искусство существует и по сегодняшний день. Художник заключил контракт с капиталом, чтобы обеспечить безбедное существование обеим сторонам договора. Р. Хаусман называл это “надувательством”, так как в этом нет искусства, нет самостоятельности художника, а есть только сражение “не на жизнь, а на смерть, до последней капли крови лишь за буржуазное признание во взаимном пополнении банковского счёта!” [9]. Причем “надувательство” также состоит в том, что такая позиция занимается осознанно, художник творит только то, что выгодно в финансовом плане, в силу чего страдает искусство.

Особенно, как писал Р. Хаусман, в этом преуспевают экспрессионисты [10]. И тут снова в тексте появляется общедардаистский дискурс, так как критика экспрессионистов встречается во многих дадаистских программных текстах и заявлениях.

Таким образом, дадаист - это антипод сложившимся рыночным отношениям в сфере искусства, если точнее, отношениям художника, публики и капитала. «Священность искусства», «священность творчества» можно сбывать за деньги, да что там, эти деньги сегодня и есть полный и действительный смысл искусства. Художники этого сорта знают, что они – за счёт того, что имеют рыночную стоимость, – представляют собой буржуазный фактор власти, и они трясутся за его сохранение”- пишет Р. Хаусман в одной из своих статей 1921 года [10]. Такие художники, по мнению Р. Хаусмана, ради денег обманывают всех - и публику, и капиталистов. Далее это заявление перетекает в критику экспрессионистов, которые, по Р. Хаусману, в дополнение лжи, которую он описывал выше, обманывают и сами себя, так как во многом они занимаются подражательством Пикассо и Кандинскому, однако позиционируют себя как высшее искусство [10].

Из этого Р. Хаусман выводил, что такие художники мнят себя либо властителями мира, либо коммунистами, при этом не являясь ни тем, ни другим, а являясь просто обманщиками. Дадаист же видит это, он прекрасно понимает, что все художники, пропагандирующие свою “радикальность”, только обманывают с целью получения известности и средств. И он использует против этого своё главное оружие – иронию (“единственное чистое художественное средство”), его тактикой становится “намеренное доведение этого подлога до абсурда” [10]. Таким образом, через разоблачение и иронию, дадаист возвращает искусство людям, так как сатира и карикатуры всегда были искусством для широких масс. Он вносит вклад в исчезновение лживой буржуазной культуры и в построение на ее месте пролетарской. Поэтому дадаист - более, чем художник, но он и не революционер, а скорее деятель, затрагивающий самые разные сферы, и поэтому, как подмечает Р. Хаусман, “не может называться художником в современном смысле слова” [10]. На эти нападки Р. Хаусмана, поэт- экспрессионист О. Кокошка отвечал, что “сдирание масок с мира это не моя работа, я изображаю внутренний мир индивида” [12]. Последние несколько слов фразы больше похожи на клише, уж очень часто оно возникало в текстах статей и манифестов того времени. Конечно, такой подход казался дадаистам остатками старого мира и буржуазной культуры, каноны и логику которой Р. Хаусман, равно как и другие дадаисты стремился разрушить.

В воспоминаниях Х. Хёх, одна из самых влиятельных художниц движения, писала, что из- за введенной еще во время войны и революции цензуры “в своих работах мы могли высказать то, что не могли высказать

вслух” [11]. Это означает, что фотомонтаж, как художественная форма, это сложное семиотическая структура значений, намеренно формируемая с иронией и с возможностью множественной интерпретации. При этом, оно несёт в себе несколько сообщений, как синтетическое, интермедияльное произведение, подчиненное авторскому замыслу и социокультурному контексту, в котором оно циркулирует.

Обратившись к источнику, я бы хотел для начала обозначить два модуля, за счёт которых существует этот коллаж- визуальный и звуковой.

Замысел автора “ABCD” в данном случае первостепенен- Р. Хаусман располагает объекты коллажа осознанно, в отличие от цюрихских коллег, которые отдавали замысел на волю случая и самого медиума. Таким образом, коллаж Р. Хаусмана представляет собой его собственное сообщение. В то же время объекты этого коллажа также несут за собой смыслы, так как являются памятниками эпохи, а следовательно субмедиальности произведения. Например, можно различить банкноту в пять чехословацких крон времён первой республики. Это отпечаток времени, точно так же, как и изображение средства от истерии, карта земных полушарий и фотография лица Р. Хаусмана. С одной стороны, это индексы, которые указывают на предметы, с другой стороны это знаки, которые подчинены замыслу Р. Хаусмана, включены в контекст его художественного произведения и наделенные новыми значениями, то есть, сообщение становится двойным.

Отдельно стоит уделить внимание фотографии Р. Хаусмана с открытым ртом. Эта фотография появляется на многих фотомонтажах его самого, а также ещё нескольких дадаистов начиная с 1919 года. Например, фотомонтаж «Разрез кухонным ножом дадаизма последней Веймарской эпохи потребления пива в Германии» был создан Х. Хёх в 1920 году во время ее работы в издательстве Ullstein и Berliner Illustrierte Zeitung, из выпусков продукции которых взяты образы и детали для коллажа, и тогда же представлен на первой дада-ярмарке в Берлине [8]. В фотомонтаже есть область под названием «Великий мир дада», которая подключена к «антидадаистам» через рядный двигатель с изображением Карла Маркса, который в свою очередь подключен к голове Р. Хаусмана. Что примечательно, Р. Хаусман присутствует фотомонтаже только в виде той же фотографии, которую художник использует в “ABCD”, вместо тела у него железный водолазный костюм, который вместе с двигателем придаёт Р. Хаусману механизированный вид- что также является сквозным мотивом дадаистов. В составленном К. Дудаковым- Кашуро сборнике “По мнению дадасофа” в приложении на иллюстрации восемь приведена фотография Р. Хаусмана за чтением звукового стихотворения, в визуальном оформлении которого использована та же фотография. То есть, эта фотография (фотопортрет) Р. Хаусмана служит знаком- индексом, которым

обозначается акт звукоизвлечения, зачитывания стихотворения. Таким образом, циркуляция фотообраза позволяет нам заглянуть не только в его социальную и техническую модальности, но и композиционную- как и с какой целью в неё закладываются визуальные значения [14].

Ещё одним примером расширения аффорданса может послужить вырезка из журнала, на которой написано “Рауль Хаусман в роли духа маргарина. МЕРЦ”. С одной стороны, это объявление и указание на автора, с другой же- перебрасывание смыслового мостика между берлинским и ганноверским дадаизмом, иначе называемым “Мерц- искусством” К. Швиттерса. Можно предположить, что это вырезка из афиши одной из Мерц- пьес К. Швиттерса. Помимо того, что это социальная модальность фотомонтажа, это также часть дада, как интеллектуального явления, своего рода закрытого клуба, о значениях которого можно знать и считать их только если смотрящий погружён в контекст движения и его связей. Это часть субмедиального уровня фотомонтажа Р. Хаусмана, как синтеза медиумов. Такого рода интертекстуальность проявляется и в фотографиях и вырезках из газет, книг и карточек на товары. С одной стороны, это иконические знаки, которые указывают на конкретные вещи и социокультурный контекст времени, в которое было создано произведение, с другой же это знаки- символы, которые размещены в фотомонтаже в соответствии с замыслом Р. Хаусмана.

Аффордансы, которые предоставляют материалы(фотографии; буквы; обрезки газет, бумаги и карточек на питание, иллюстраций из журналов; купюра пять чехословацких крон и т.д.) образующие визуальный модус этого коллажа сами по себе разнообразны, но расширяются за счёт того, как сам Р. Хаусман их редактирует, масштабирует и располагает на листе картона. Фотография предоставляет нам некий визуальный образ, за который цепляется наш взгляд, однако этим её аффорданс при поверхностном рассуждении, ограничен. Здесь можно вспомнить тезис У. Дж. Т. Митчелла о том, что чисто визуальных медиа не существует, и даже когда мы смотрим на фотографию, то она на нас воздействует хотя бы на уровне телесности, осязательной видимости [7]. В случае коллажа, это становится более аффектировано, так как Р. Хаусман добавляет такие детали, как фотография себя с открытым ртом, о чем я писал выше- это знак индекс, указывающий на звук. Гораздо важнее здесь присутствие таких деталей, как обрезок черной бумаги около рта постепенно расширяющийся по мере приближения к рамке фотомонтажа, а также первые несколько букв латинского алфавита помещённые в рот. Эти детали дают своего рода имплицитный намёк зрителю на то, что не только визуальное сообщение здесь закодировано. Расположенные слева от фотографии Р. Хаусмана разноразмерные буквы образуют слово “Voice”(голос), что также даёт подсказку, как воспринимать этот коллаж. Точно так же,

как у Э. Мунка в его “Крике” рот, поза, линии пейзажа, реки и моста служат для передачи крика зрителю, чтобы он почувствовал, “услышал” этот крик, Р. Хаусман с помощью знаков индексов (открытый рот, буквы в нём) и знаков икон (черная бумага) придаёт фотомонтажу звуковой, или точнее голосовой модус.

Д. Адес в своём исследовании фотомонтажа интерпретирует работу Р. Хаусмана, как фотомонтаж, который показывает рождение чего то, возможно, самого дада [1]. Я бы сказал, что такая интерпретация довольно поверхностна, однако соглашусь с мыслью о “рождении”, но более склоняюсь к тому, что рождается здесь именно звуковой медиум фотомонтажа, в этом случае- голос.

Но что воспроизводит этот голос? Какова его роль в этом синтетическом произведении искусства? Для того, чтобы ответить на этот вопрос нам нужно снова обратиться к приложению сборника “По мнению дада-софа” и посмотреть на ту же иллюстрацию восемь, а также на иллюстрацию один. Как я уже говорил, Р. Хаусман делал визуальные дополнения для своих звуковых, фонетических стихотворений, которые представляли из себя картонки, на которых он рисовал буквы и слова, которые входили в текст стихотворения и дополнял их изображениями. Точно так же он делал стихотворения- афиши, которые представляли из себя строчки из звуковых стихотворений, нарисованные или напечатанные разного размера шрифтом. Такие же буквы можно увидеть на фотомонтаже “ABCD”, порядок, в котором эти буквы расположены, определяется визуальным медиумом, как фотографии, вырезки из бумаги и т.д. Отрезок черной бумаги, который, как мы уже убедились, является знаком индексом голоса пересекается с крупным фрагментом стихотворения в правой части фотомонтажа. Так, можно предположить, что на самом деле этот голос не просто “говорит” что то или произносит помещённые в рот фотографии Р. Хаусмана буквы “ABCD”, а декламирует звуковое стихотворение.

То, что я описал выше становится точкой соприкосновения двух модусов, о которых я говорил ранее- визуального и звукового. Р. Хаусман совмещает две характерные дадаистские художественные формы- звуковое стихотворение и коллаж воедино. Если использовать термин Ж. Диди-Юбермана, то звуковой модус для нас становится “визуальным”, то есть на него нет прямого указания, но есть эффект [4]. Таким образом, можно говорить о том, что рабочая теория находит подтверждение и звуковой модус действительно присутствует в этом коллаже. Звук здесь не воспроизводится, а скорее подразумевается, он имплицитно направлен на зрителя, который должен начать воспроизводить звуковое сопровождение коллажа, например, субвокально. Так зритель уже не только зритель, так как здесь работают принципиально разные механизмы считывания семиотических знаков и их восприятия. То есть, сначала нужно посмотреть на

фотомонтаж и считать знаки, которые он видит, и тогда здесь мы больше говорим о модусе “зрителя” [6]. И только на второй фазе понимания фотомонтажа и считывания его знаков, в которой “зрителю” скорее поможет знание его субмедиального пространства, происходит понимание и восприятие звукового уровня фотомонтажа и еще один переход- “зритель” становится “звукозрителем”, так как восприятие аудиального происходит через оптическое. То есть, модус звуковой становится доступным только через модус визуальный, только после того, как зритель считывает визуальные образы, в том числе буквы и цифры, а также намёки Р. Хаусмана на звук, он воспроизводит их фонетически, и тогда коллаж транслирует интермедиальный опыт, который был предварительно в него заложен автором.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во первых, коллаж Р. Хаусмана представляет собой художественное целое, которое основано на взаимосвязи языков, как минимум, двух видов искусства(при анализе обозначенных, как “модусы”), то есть он интермедиален. Один медиум(визуальный) связан с другим(голосом) и пропускает его через себя, чтобы он воплощал художественный замысел художника- синтез основных дадаистских художественных практик декламирования звукового стихотворения и фотомонтажа. Проще говоря, фотомонтаж “звучит”, “говорит”. Медиум раскрывает другой медиум, а не только самого себя, внутри одного произведения искусства. То есть, образуется и при этом является авангардным произведением искусства. Интермедиальная эстетика и здесь обнаруживает себя в принципе коллажности и синтеза художественных форм, который, как мы обозначили ранее, является фундаментальным для движения дада. Такой опыт, который имплицитно также задействует зрителя, который должен считать семиотические знаки произведения, расшифровать их и воспроизвести его звуковой модус, используется впервые в истории мирового искусства.

Во вторых, такое произведение нового искусства, которое предлагает беспрецедентный зрительский опыт восприятия, разрушает прежний концепт искусства, традиции которого к концу XIX века превратились в рутину и готовые штампы с типовыми сюжетами. Так, произведение искусства основанное на новом принципе интермедиального синтеза, создаёт новую культуру- антипод прежней, нареченной художником “буржуазной”.

Подходы, примененные мной в исследовании, вскрывают ранее не замеченные уровни культурных текстов авангарда, поэтому представляются перспективными для будущих исследований мировой культуры этого времени.

Библиографический список

1. Адес Д. Фотомонтаж. – М.: Ad Marginem, 2023. 232 с.
2. Гройс Б. МEDIUM становится сообщением/ Под подозрением. – М.: Художественный журнал, 2006. 216 с.
3. Даян П. Живопись как музыка, музыка как поэзия, поэзия, как живопись. – СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2020. 256 с.
4. Диди-Юберман Ж. Перед образом. 2022. // URL: <https://iskusstvo-info.ru/pered-obrazom/>
5. Долар М. Голос и ничего больше. – СПб.: Издательство И. Лимбаха, 2018. 385 с.
6. Кондаков И.В. «Зритель»: новый субъект современной культуры. Обсерватория культуры. 2016. С. 516-525.
7. Митчелл У. Дж. Т. Что на самом деле хотят картинки? 2015. // URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/1/article/60>
8. Рихтер Х. Дада - искусство и антиискусство. – Москва, Гилея, 2018.
9. Ханзен-Лёве О. Интермедиальность в русской культуре. От символизма к авангарду. – М.: РГГУ, 2016. 503 с.
10. Хаусман Р. Объективное рассмотрение роли дадаизма// «По мнению дадасофа» / сост. К. Дудаков-Кашуро. - пер. с нем. Т. Набатниковой, М. Кузнецова, К. Дудакова-Кашуро. – Москва, Гилея, 2018.
11. Элгер Д. Дадаизм. – Москва, Taschen, 2006. 96 с.
12. Dickerman L. Dada. National Gallery of Art, Washington, 2005. 544 p.
13. Dicks B. Multimodal Analysis. London. SAGE Publications Ltd. 2019. 28 p.
14. Rose G. Visual Methodologies. An introduction to researching with visual materials. Los Angeles: SAGE, 2016. 455 p.
15. Бессонов Е.Г. Задачи информационного обеспечения процессов управления социокультурными трансформациями российского общества // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 4. № 45. С. 475-480.

References

1. Ades D. Photomontage. – Moscow: Ad Marginem, 2023. 232 p.
2. Groys B. Medium Becomes a Message / Under Suspicion. – Moscow: Art Magazine, 2006. 216 p.
3. Dayan P. Painting as Music, Music as Poetry, Poetry as Painting. – St. Petersburg: N.I. Novikov Publishing House, 2020. 256 p.
4. Didi-Huberman J. Before the Image. 2022. // URL: <https://iskusstvo-info.ru/pered-obrazom/>
5. Dolar M. Voice and Nothing More. – St. Petersburg: I. Limbach Publishing House, 2018. 385 p.
6. Kondakov I.V. "The Spectator": a New Subject of Contemporary Culture. Observatory of Culture. 2016. P. 516-525.
7. Mitchell W. J. T. What Do Pictures Really Want? 2015. // URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/1/article/60>
8. Richter H. Dada - Art and Anti-Art. - Moscow, Gileia, 2018.
9. Hansen-Löwe O. Intermediality in Russian Culture. From Symbolism to Avant-garde. – Moscow: RSUH, 2016. 503 p.
10. Hausman R. An Objective Consideration of the Role of Dadaism // "According to the Dadasoph" / compiled by K. Dudakov-Kashuro. - trans. from German by T. Nabatnikova, M. Kuznetsova, K. Dudakov-Kashuro. – Moscow, Gileia, 2018.
11. Elger D. Dadaism. – Moscow, Taschen, 2006. 96 p.
12. Dickerman L. Dada. National Gallery of Art, Washington, 2005. 544 p.
13. Dicks B. Multimodal Analysis. London. SAGE Publications Ltd. 2019. 28 p.
14. Rose G. Visual Methodologies. An introduction to researching with visual materials. Los Angeles: SAGE, 2016. 455 p.
15. Bessonov E.G. Tasks of information support for the management processes of sociocultural transformations of Russian society // Mission confessions. 2020. Volume 9. Issue 4. № 45. P. 424-480.

Кузнецова Я.К.*Аспирант. Ленинградский Государственный университет имени А.С. Пушкина.***«Поцелуй» и «Девушка с кольцом» Моллера: между Бидермейером и салонным искусством***

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ двух знаковых произведений русского художника немецкого происхождения Федора Антоновича Моллера: картин «Поцелуй» и «Девушка с кольцом». Эти картины, являющиеся важной частью русского искусства XIX века, исследуются с целью определения их уникального художественного стиля. В исследовании продемонстрировано, как работы Моллера искусно сочетают в себе черты двух главных направлений европейской живописи указанного периода: бидермейера и салонного искусства. Бидермейер, характеризующийся камерностью, интимным лиризмом и большим вниманием к деталям повседневной жизни, проявляется в теплоте и непосредственности изображенных сцен. В то же время влияние салонного искусства с его стремлением к академизму, повествовательности и внешней эффектности, прослеживается в выразительности рассматриваемых композиций и манере их исполнения. В статье подробно разбираются сюжетно-содержательные особенности полотен, их композиционные и колористические приемы, подчеркивающие мастерство Моллера в передаче эмоциональной глубины и внешней привлекательности образов. Особое внимание уделено истории приобретения этих работ русским императорским двором, что говорит об их высокой художественной ценности и признании при жизни живописца. Анализ позволяет лучше понять вклад Моллера в развитие жанровой живописи в России.

Ключевые слова: Моллер, Николай I, русский императорский двор, XIX век, бидермейер, салонное искусство, жанровая живопись.

Kuznetsova Y.K.*Postgraduate student. Pushkin Leningrad State University.***“The kiss” and “The girl with the ring” by Moller: between Biedermeier and Salon art**

Abstract. This article analyzes two iconic works by the Russian artist of German origin Fyodor Antonovich Moller: the paintings The Kiss and The Girl with the Ring. These paintings, which are an important part of Russian art of the 19th century, are examined in order to determine their unique artistic style. The study demonstrates how Moller's works skillfully combine features of the two main trends in European painting of this period: Biedermeier and salon art. Biedermeier, characterized by chamberness, intimate lyricism and great attention to the details of everyday life, is manifested in the warmth and spontaneity of the depicted scenes. At the same time, the influence of salon art with its

* © Кузнецова Я.К., 2025.

«Поцелуй» и «Девушка с кольцом» Моллера: между Бидермейером и салонным искусством

desire for academicism, narrative and external effectiveness can be traced in the expressiveness of the compositions under consideration and the manner of their execution. The article examines in detail the plot and content features of the canvases, their compositional and coloristic techniques, emphasizing Moller's skill in conveying the emotional depth and external attractiveness of the images. Particular attention is paid to the history of the acquisition of these works by the Russian imperial court, which speaks of their high artistic value and recognition during the artist's lifetime. The analysis allows us to better understand Moller's contribution to the development of genre painting in Russia.

Key words: Moller, Nicholas I, Russian Imperial Court, 19th century, Biedermeier, salon art, genre painting.

Введение

Европейское и русской изобразительное искусство XIX столетия было связано с интенсивным развитием жанровой живописи, что определялось требованиями эпохи. Данное направление отличалось многообразием тем, варьировавшихся от бытовых зарисовок до сентиментальных и нравучительных сцен. Жанровая живопись отличалась также широтой стилистических приемов. В данном направлении ярко проявил себя живописец – Федор Антонович Моллер (Отто Фридрих Теодор Моллер, 1812-1874). Он создавал бытовые зарисовки в духе сентименталистской эстетики, отличающиеся тонким психологизмом и вниманием к деталям. Одними из лучших творений мастера признаны две его картины – «Поцелуй» и «Девушка с кольцом». Эти работы служат образцом сложного взаимодействия двух ключевых художественных тенденций первой половины XIX века: бидермейера и салонного искусства.

Расцвет творческой деятельности Моллера пришелся на время правления Николая I, который высоко оценивал произведения живописца и приобретал его работы для собственной художественной коллекции. Стилистика картин Моллера очень соответствовала эстетическим вкусам монаршей четы.

Цель данной статьи – провести искусствоведческий анализ картин Ф.А. Моллера «Поцелуй» и «Девушка с кольцом», выявив их стилистическую принадлежность и уникальное положение на пересечении эстетики салонного искусства и бидермейера. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: изучить биографию и творческий путь мастера; проанализировать основные характеристики бидермейера и салонного искусства; выполнить подробный искусствоведческий анализ обеих картин, выявляя их содержательные и формальные нюансы; рассмотреть историю их приобретения и оценить значение произведений для понимания художественных предпочтений Николая I и Александры Федоровны.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили: архивные описи музейных

предметов дворца Коттедж, книги, посвященные Петергофу, научная и литература, статьи в сборниках и журналах.

Во время написания статьи были использованы следующие методы:

- культурно-исторический (для воссоздания исторического фона, художественных и культурных тенденций, существовавших в указанную эпоху;
- биографический (для изучения жизни и творчества Моллера);
- индукционный (для обобщения сведений, полученной из разных источников – архивных описей, публикаций);
- иконографический (для опознания, уточнения и описания сюжетов произведений);
- аналитический (для искусствоведческого анализа картин);
- сравнительный (для сопоставления в рассматриваемых произведениях особенностей бидермейера и салонного искусства).

Литературный обзор

В процессе написания работы автор использовал источники разных видов. Он проанализировал архивные описи предметов дворца Коттедж из архива ГМЗ «Петергоф» – 1856-1857 и 1938 годов [4, 9], рассмотрел общие труды по Петергофу, в которых отводится место художественной коллекции дворца Коттедж, в том числе его живописному собранию, – описания Петергофа краеведа середины XIX столетия А. Гейрота [3] и фундаментальный труд по истории петергофской коллекции историка Н. Архипова [1]. Также были использованы ряд статей, освещающих историю формирования живописной коллекции Коттеджа (О. Каяндер [5]; Л. Высочков и А. Шелаева [2], а также частной жизни императорской семьи в Александрии (Т. Хоружая) [10]. Проанализирован автореферат Лосевой, дающий глубокое представление о романтическом Петергофе эпохи Николая I [8]. Сведения о жизни и творчестве Моллера были взяты из монографии и статьи Л. Маркиной [7, 8], статей О. Каяндер [5], Л. Высочкова и А. Шелаевой [2], архивных описей [4, 9].

Результаты

Ф.А. Моллер: важные вехи биографии и творческого пути

Федор Антонович Моллер (Отто Фридрих Теодор Моллер, 1812-1874) – русский живописец и рисовальщик немецкого происхождения, представитель романтического академизма и художник широкого жанрового диапазона. Так, он работал во многих жанрах: историческом, мифологическом, религиозно-аллегорическом, бытовом, портретном. Мастер учился в Императорской Академии художеств у знаменитого Карла Брюллова и был одним из любимых и преданных его учеников [8, с. 64]. Впервые он заявил о себе в 1832, представив на академической выставке историческую картину «Битва при Остроленке». В 1835 году он получил малую золотую

медаль от Императорской Академии художеств за успехи в рисунке. В 1837 году Академия художеств наградила Моллера большой золотой медалью за групповой портрет его семьи.

В 1838 году – после окончания Академии – Моллер отправился в Италию для совершенствования художественного мастерства. Там в 1840 году он исполнил картину «Поцелуй», принесшую ему звание академика, известность и покровительство императора.

В 1847 году мастер ненадолго возвратился в Россию, но вскоре снова отправился в Рим, где увлекся идеями немецких художников-назарейцев, работавших в русле романтизма, и стилем его яркого представителя – И.Ф. Овербека. Под влиянием эстетических идей данной художественной группировки Моллер написал картину «Проповедь апостола Иоанна на острове Патмосе», за которую в 1856 году Академия присвоила ему звание профессора исторической живописи.

После возвращения из Италии Моллер обосновался в Санкт-Петербурге и стал заниматься преподаванием, руководить деятельностью пенсионеров Общества поощрения художников и выполнять заказы для русского императорского двора. Как уже было сказано, помимо картин на историческую, религиозную, мифологическую тематику, портреты, он создавал жанровые сцены романтико-сентиментального характера в духе бидермейера и салонной живописи, которому и посвящено данное исследование.

Стилистический диалог бидермейера и салонного искусства

Для понимания роли творчества Моллера в развитии изобразительного искусства XIX века важно рассмотреть два важных направления, занимавших ведущее место в художественной жизни той эпохи: бидермейер и салонное искусство. Данные стили развивались одновременно и имели некоторые точки соприкосновения. Но также они обладали значимыми различиями.

Бидермейер – культурно-художественное явление, которое преобладало в Центральной Европе – Германии и Австрии, примерно с 1815 по 1848 годы. Оно возникло как реакция на наполеоновские войны и период реставрации и характеризовалось отказом от героических и монументальных сюжетов в пользу камерности, интимности и уюта.

В центре внимания художников, относящих себя к бидермейеру, были сцены из частной жизни, портреты обычных людей, семейные интерьеры. Мастера проявляли большое внимание к повседневности: тщательно и аккуратно выписывали и прорабатывали детали одежды, быта, предметы обихода, в которых отражался уклад жизни среднего класса. Манера письма в таких полотнах была гладкой, мазки почти незаметными, а мягкий, рассеянный свет создаёт атмосферу уюта и спокойствия, подчеркивает детали.

Картинам в стиле «бидермейер» были свойственны лиризм и сентиментальность. Художники наполняли свои сцены смягченными эмоциями, ли-

шенными сильного драматизма, спокойствием, иногда ностальгией. Часто в их работах присутствовал легкий налет нравоучения и дидактичности.

Салонное искусство являлось главным направлением в официальной художественной жизни Европы, в первую очередь, Франции, на протяжении большей части XIX столетия. Расцвет его пришелся на вторую половину века.

Салонное искусство было тесно связано с академизмом и следовало строгим художественным правилам и академическим канонам. Ему были свойственными повествовательность и драматизм. В картинах, относящихся к салонному искусству, часто рассказывались подробные истории. Они имели четкий сюжет, иногда с налетом патетики и театральности.

Картины в стиле салонного искусства отличались технической виртуозностью и тщательной отделкой поверхности. Мастера, работающие в данной направленности, владели композицией, рисунком, колористической гаммой, приемами перспективы и светотени на высоком профессиональном уровне. Художники стремились к идеализации образом, к воплощению совершенной красоты даже в жанровых сценах.

Салонные картины обладали крупными размерами и внешней эффектно-стью, производящей большое впечатление на зрителя. Они предназначались для больших выставочных залов.

Часто произведения, относящиеся к салонному искусству, отличались морализаторством, содержали нравоучительный посыл, соответствующий буржуазным ценностям.

Между бидермейером и салонным искусством существовали определенные точки соприкосновения. В обоих стилях ценились повествовательность, фигуративность и интерес к эмоциям. В картинах и того, и другого направления демонстрировался высокий уровень технической виртуозности. Различия же, в первую очередь, заключались в масштабе амбиций. Бидермейер был интровертным и личным стилем. Ему была свойственна самоуглубленность, Салонное же искусство стремилось громко заявлять о себе, производить впечатление. Его главными целями были – достижение внешней эффектности и публичного признания.

Картина «Поцелуй»

Творчество Ф.А. Моллера было уникально тем, что органично соединило в себе черты обоих рассмотренных направлений. Ярким примером такого синтеза стала картина «Поцелуй», написанная в 1840 году, – одно из лучших произведений художника в данном жанре, благодаря которому он приобрел известность и обратил на себя внимание Николая I [2, с. 285]. Император увидел полотно «Поцелуй» на академической выставке в Петербурге в 1840 году и приобрел его для личных покоев своей супруги

– императрицы Александры Федоровны – в Зимнем дворце¹.

Полотно служит ярким примером тонкого баланса между камерностью бидермейера и повествовательностью, присущей салонному искусству. В композиции мастер изобразил сцену поцелуя: юноша держит девушку за плечи и, прижимая ее к себе, целует в щеку; девушка отвернула лицо в сторону и словно отталкивает его рукой. Юноша испытывает несдержанность и страсть, девушка – испуг. Бурная эмоциональная жизнь героев – особенность эстетики романтизма, с которой бидермейер часто сливался, несмотря на то, что порой стремился противопоставить себя ей [7].

В то же время в основе композиции лежит академическая традиция, которая сложилась к концу XVIII столетия. Она являлась частью обязательной программы в классах художественных академий. Учащиеся писали изображения жениха и невесты либо просто сцены с двумя лицами. Ф. Моллер обратился к такому сюжету, выбрав героями для своего полотна итальянских простолюдинов. Причем, известно, что женской моделью стала возлюбленная художника – итальянка Амалия Лаваньини [7].

В картине показана довольно интимная сцена – поцелуя. Композиция тяготеет к камерности, характерной для бидермейера. Отсутствие лишних деталей в изображении фона и укрупненность фигур позволяет зрителю сосредоточиться на главной сцене и эмоциях персонажей.

Итак, черты бидермейера в картине «Поцелуй» обнаруживаются в ряде аспектов. Во-первых, ей свойственны интимность и уютность обстановки: сцена выглядит очень личной, почти подсмотренной и лишена театральности, свойственной академическим работам. Она не является какой-либо грандиозной исторической сценой, а представляет момент из частной жизни двоих людей.

Во-вторых, полотну присущи лиризм и сентиментальность: Эмоции выражены мягко, нежно, без излишнего драматизма и бурных страстей, часто встречающегося в салонной живописи.

В-третьих, художник уделяет большое внимание элементам одежды и причёсок: художник тщательно прописывает складки тканей, локоны волос, что характерно для бидермейера, любящего точность в передаче бытовых деталей.

В-четвертых, картина отличается теплой колористической гаммой и мягким, равномерным свечением без резких контрастов, что способствует созданию домашней и уютной атмосферы.

Однако в полотне «Поцелуй», как мы уже отметили, наблюдаются и черты салонного искусства. Здесь присутствует идеализация образов: лица молодых людей прекрасны, без единого изъяна, что соответствует академическим канонам и салонной концепции эстетически совершенных образов.

1 Картина сохранилась в годы Великой Отечественной войны в эвакуации. После войны попала в Государственную Третьяковскую галерею, где находится и сейчас.

Полотну свойственна повествовательность салонной живописи. Несмотря на интимность, сцена наделена четким и понятным сюжетом. Она рассказывает историю, которую зрителю легко удастся считать.

Кроме того, в картине прослеживается некоторый элемент назидательности и морализаторства в духе эстетики салона. Сюжет, запечатленный здесь, воспринимается несколько двусмысленно – слишком настойчивый поцелуй и неконтролируемая страстность юноши и страх и нежелание совершать поцелуй со стороны девушки. Картина навеивает мысли о том, где проходит грань между добродетелью и пороком, любовью и насилием, свободой и тиранией.

Таким образом, произведение «Поцелуй» Моллера – гармоничное сочетание двух эстетических концепций. В нем камерность и теплота бидермейера облачены в форму, созданную в русле эстетики салонной живописи с ее повествовательностью и идеализацией образов.

Полотно «Девушка с кольцом»

Вторая картина, «Девушка с кольцом», написанная в 1841 году, также демонстрирует диалог между бидермейером и салонным искусством. Ее, как и полотно «Поцелуй», высоко оценили современники. В 1841 году она была прислана в Петербург из Италии. Полотно приобрела императрица Александра Федоровна для убранства дворца Коттедж в парке Александрия Петергофа [9, 4]². В сентябре 1842 года, с разрешения императрицы, произведение экспонировалось на выставке в Академии художеств [5, с. 87].

Эта картина написана не только на стыке стилей, но и жанров. Ее можно отнести и к портрету некой итальянской девушки, но все же больше к жанровой сцене, включающей в себя всего лишь одну фигуру, но при этом имеющую различные подробности и выразительные символические детали, рассказывающие историю героини.

На полотне изображена сидящая девушка, представленная в профиль. Она сосредоточенно рассматривает кольцо, которое держит в руке. Ее выражение лица и поза указывают на глубокие раздумья и эмоциональные переживания, связанное с указанным предметом.

Приемы бидермейера в работе «Девушке с кольцом» проявились в следующих моментах, которые мы рассмотрим ниже. В сцене присутствует психологизм и внимание к внутреннему миру героини: Главный персонаж здесь – душевное состояние героини. Художник мастерски передает чувства задумчивости, мечтательности или тревоги девушки, связанные с кольцом. Поза и жест девушки показаны с особой выразительностью, акцентирующей внимание на внутреннем состоянии героини и усиливающей эмоциональное воздействие [7]. Глубокое погружение в переживания

2 Картина сохранилась в годы Великой Отечественной войны в эвакуации. После войны вернулась во дворец Коттедж, где находится и сейчас.

личности является типичным для бидермейера.

Сцена отличается камерностью. Вся композиция в ней направлена на то, чтобы выделить фигуру девушки и ее эмоциональные переживания. Фон в произведении играет второстепенную роль.

В картине детально проработана фигура героини. Ее кольцо, одежда, прическа выписаны с большой тщательностью, характерной для бидермейера, стремящегося к точности в изображении материального мира.

Композиция проникнута мягким светом. Деликатное освещение подчеркивает тонкие черты лица и рук и создает атмосферу интимности и уединения.

Одновременно с приемами бидермейера в «Девушке с кольцом», как и в «Поцелуе» ощущаются черты салонного искусства. В произведении присутствует идеализация образа. Героиня представлена как воплощение юности, красоты и невинности. Ее черты лица и изящные руки написаны в соответствии с идеалами академической живописи.

Картина наделена повествовательностью и символизмом деталей. Так, кольцо служит не просто украшением, но также несет в себе некий символический посыл, который навеивает мысли о скорой свадьбе, о сомнениях в правильности принятого решения и противоречиях, связанных с этим приближающимся событием. Картина известна еще под двумя другими названиями – «Невеста» и «Предсвадебное раздумье», которые даже больше проясняют смысловое содержание сцены. Включение в полотно символических деталей и повествовательной интриги, заставляющей зрителя размышлять над сюжетом, было характерно для салонного искусства, стремящегося к диалогу со зрителем.

Картина «Девушка с кольцом» – композиция, выполненная с академической виртуозностью салонной живописи, однако наполненная интимностью и психологизмом искусства бидермейера.

Заключение

Картины Ф.А. Моллера «Поцелуй» и «Девушка с кольцом» – выдающиеся произведения XIX столетия и уникальные свидетельства эстетических поисков и художественных предпочтений своей эпохи. Произведенный анализ указанных произведений показал, что творческий метод Моллера нашел свое место в органичном диалоге между двумя ведущими стилистическими направлениями того времени – бидермейером и салонным искусством.

Обе картины имеют свой яркий, неповторимый характер. «Поцелуй» выделяется сочетанием эмоциональной тонкости и лиризма, свойственным бидермейеру, и сюжетной повествовательности и идеализации образов, характерным для салонной живописи.

«Девушка с кольцом» демонстрирует органичный синтез глубокого психологизма и камерности бидермейера и повествовательного символизма салонного искусства. Это уникальное сочетание сделало работы Молле-

ра привлекательными для императорского двора, ищущего для своей личной резиденции произведения, способные сочетать уют и глубокий смысл.

Работы «Поцелуй» и «Девушка с кольцом» Моллера были приняты русским двором с большим энтузиазмом благодаря их соответствию вкусам императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны.

Библиографический список

1. Архипов Н.И. Исследования по истории Петергофа. – СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2006. 592 с.
2. Выходков Л.В., Шелаяева А.А. «Изящные искусства достойны монаршего покровительства...»: император Николай I и русские художники // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 285-295.
3. Гейрот А. Описание Петергофа. – СПб: Типография Императорской Академии наук, 1868. 132 с.
4. Инвентарная опись музейных предметов дворца Коттедж 1938 года. Архив ГМЗ «Петергоф».
5. Каяндер О.Е. Петергоф Николая I // Императорский вкус: Петергоф Николая I / Руководитель проекта: Е.Я. Кальницкая. – СПб.: ГМЗ «Петергоф». С. 83-87.
6. Лосева А.С. Образ Петергофа эпохи романтизма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – М.: 1997. 21 с.
7. Маркина Л.А. Живописец Федор Моллер. – М.: Памятники исторической мысли», 2002. 272 с.
8. Маркина Л.А. «Художник с блестящим талантом и хорошими средствами...»: К 200-летию со дня рождения живописца Ф.А. Моллера // Журнал Третьяковской галереи. 2012. № 4 (37). С. 64-77.
9. Опись картин дворца «Коттедж» 1856-1857 годов. Архив ГМЗ «Петергоф».
10. Хоружая Т.И. Жизнь императорской семьи в Александрии. 1839 год // Жизнь дворца: публичное и приватное. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф» (Проблемы сохранения культурного наследия XXI век. IV). – СПб.: Европейский дом, 2014. С. 244-250.
11. Рябова Е.И., Терновоя Л.О. Код Арчимольдо: причины дробления социального мира и инструкция по сборке // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5 (155). С. 100-109.

References

1. Arkhipov N.I. Research on the history of Peterhof. - SPb.: State Museum-Reserve «Peterhof», 2006. 592 p.
2. Vyskochkov L.V., Shelayeva A.A. "Fine arts are worthy of royal patronage...": Emperor Nicholas I and Russian artists // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2016. № 3. P. 285-295.
3. Geyrot A. Description of Peterhof. - SPb: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1868. 132 p.
4. Inventory of museum items of the Cottage Palace of 1938. Archive of the State Museum-Reserve "Peterhof".
5. Cajander O.E. Peterhof of Nicholas I // Imperial Taste: Peterhof of Nicholas I / Project Manager: E.Ya. Kalnitskaya. - SPb.: State Museum-Reserve "Peterhof". P. 83-87.
6. Loseva A.S. The Image of Peterhof in the Romantic Era. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Art Criticism. - M.: 1997. 21 p.
7. Markina L.A. Painter Fyodor Moller. - M.: Monuments of Historical Thought, 2002. 272 p.
8. Markina L.A. "An Artist with Brilliant Talent and Good Resources...": On the 200th Anniversary of the Birth of the Painter F.A. Moller // Journal of the Tretyakov Gallery. 2012. № 4 (37). P. 64-77.
9. Inventory of paintings in the Cottage Palace, 1856-1857. Archive of the Peterhof State Museum-Reserve.
10. Khoruzhaya T.I. Life of the Imperial Family in Alexandria. 1839 // Life of the Palace: Public and Private. Collection of articles based on the materials of the scientific and practical conference of the Peterhof State Museum-Reserve (Problems of Preserving Cultural Heritage in the 21st Century. IV). - SPb.: European House, 2014. P. 244-250.
11. Ryabova E.I., Ternovaya L.O. Archimoldo's code: reasons for the fragmentation of the social world and assembly instructions // Etnosotsium and international culture. 2021. № 5 (155). P. 100-109.

Либина Р.Б.

Кандидат исторических наук, доцент. Санкт-петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Английская готика в Петербурге: причины возведения Чесменского дворца

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства, вызвавшие строительство Чесменского дворца Екатерины II. Здание принято считать путевым дворцом императрицы. Однако в таком качестве он почти не использовался, императрица перестала бывать в нём через несколько лет после постройки. Роли путевого дворца противоречат факт его поспешного строительства, великолепного убранства и единственной пьесы императрицы, посвященной именно дворцу. Можно предположить, что строительство дворцового комплекса было вызвано предстоящим совершеннолетием наследника Павла. Императрица опасалась быть отстранённой от управления и рассчитывала в таком случае сделать дворец своим домом, основной резиденцией. Однако наследник не предпринял шагов к овладению тронном, и новый дворец оказался ненужен в изначально отведённой ему роли. Этой же ситуацией можно объяснить и факт перемены названия дворца, призванный скрыть изначальные цели строительства.

Ключевые слова: Чесменский дворец, Петербургская готика, Екатерина II и Павел, английские мотивы в архитектуре Петербурге.

Libina R.B.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

English Gothic in Petersburg: the reasons for the Chesme palace appearance

Abstract. The article considers the obstacles that led to the construction of the Chesme Palace for Catherine II. The palace is usually regarded to be the empress's travel chateau. However, it was almost never used in this way; the empress stopped visiting it several years after the construction. The role of a travel chateau contradicts its hasty building, magnificent decoration and the fact that the only play by the empress, dedicated specifically to a palace, was dedicated just to this one. It can be assumed that the hasty construction of the palace complex was caused by the soon coming adulthood of Catherine's heir Paul. The empress was afraid of being removed from power and if so, hoped the palace would become her home and the main residence. However, the heir did not

* © Либина Р.Б., 2025.

take any steps to seize the throne, and the new palace turned out to be unnecessary in its originally intended role. The same situation can also explain the change of the palace name in order to hide the original purpose of its construction.

Key words: Chesme Palace, St. Petersburg Gothic, Catherine II and Paul, English models in Petersburg architecture.

In the early 1770s the palace evoking images of the English Middle Ages appeared in the southern outskirts of St. Petersburg. In ten years after the completion of its construction the palace got the name of the Chesme. The origin of the palace seems both logical and mysterious. There is no surprise why the building was designed in the English medieval style, whereas the reasons and models for its appearance remain not sufficiently clear.

The Chesme Palace is generally accepted to be built as a travel chateau for empress Catherine II in order to replace the dilapidated travel chateau of empress Elizabeth. The palace in the English pseudo-Gothic style was the part of a whole complex of buildings among a newly formed English irregular garden. [5, p. 202-203] Catherine adored this style. In the middle of the XVIII century pseudo-Gothic ruins among natural landscapes that seemed untouched, however, being designed by a skillful gardener, became the devotion of the nobility from small gentry to royal family members throughout Europe. By the 1770s, Catherine had established her definite architectural preference - "nice English manner". In 1769 the first Russian architect was sent to London to study the English "science of gardening". [2, p. 805] So, designing the travel chateau in English style was more likely a part of a trend than an exclusion. Thus, alongside the Chesme palace, its author George Felten designed some other buildings in St. Petersburg and its environs in the similar pseudo-Gothic style.

As the choice of style seems to be quite natural for the early Catherine period, a question may arise about the reasons for the palace appearance. This most English of St. Petersburg palaces was urgently and hastily built, but soon abandoned by its hostess. Catherine, who declared her devotion to the English Gothic style, neglected her most English residence. For what purpose then had the palace been constructed?

Meanwhile, a small palace was decorated magnificently and had some unique art complexes. For instance, it had a vast and splendid gallery with 56 portraits of European royalty, donated by the monarchs and painted by their court artists. The palace also had two series of bas-reliefs, depicting the members of the Rurik and Romanovs dynasties, Catherine's predecessors on the Russian throne. The bas-reliefs were created by the foremost Russian sculptor Feodor Shubin. Beyond of that, a dinner service of unprecedented scale and quality was

ordered in Britain just for the palace. It was a dinner set of 952 items, which was called the Green Frog Service. Each item depicted English architectural sites of interest, castles, palaces or mansions with none of them repeated. [1, p. 55-61] It was the most expensive order ever received by the workshop of the English porcelain maker Josiah Wedgwood, who created services for many European courts. [9, p. 29]. Yet, soon the empress soon found herself no longer needing all this splendour. Having visited the palace several times, Catherine did not visit it again. In 1782, five years after the construction the new purpose was found for the building. The palace became a seat for the naval veterans patronage organization, called Cavalier Chapter. The portrait galleries of West European and Russian monarchs and the Green Frog service had lost any sense in the Chesme Palace and were postponed to the Winter Palace. We see a paradox: the palace built by Catherine for herself in her beloved architectural style and decorated with splendour was left and neglected by her. Why?

Let's consider the possible reasons that made Catherine start building an English styled castle on the way out of St. Petersburg. It should be noted that a travel chateau had already existed not far from the newly built place. It was the travel chateau of the previous empress Elizabeth. It is known that Catherine did not like her predecessor. In spite of that Catherine stayed in the Winter Palace, which had been rebuilt by Bartolomeo Rastrelli personally for Elizabeth. Until the end of the Catherine's reign the Winter Palace had preserved the significance of her main residence. Meanwhile, merely in order to "drink coffee" on the way to her country residence, could Catherine launch a construction of a vast estate? It can be suggested that from the very beginning the palace was intended not as a travel one but for some other aim. What could it be?

Let us turn to the circumstances of 1770, when the development of the project probably began. In 1772, Paul, the only son of Catherine II, was to turn 18 years old. As memoirs show, the Petersburg nobles were concerned that Catherine should postpone the throne to her son after he would get 18 years, or at least she would make him a co-ruler. At that period it was a common practice throughout Europe. [4, p. 25] Despite similar expectations Catherine was able to keep her role of a sole ruler even after her son had come of age. Catherine charged Paul to perform only clerical duties, without his participating in important government affairs, and Paul accepted that role. Catherine's fears were dispelled. She did not share her power with anybody. Considering this situation, it may be suggested that initiating the building of the palace at the Parkersburg outskirts Catherine intended to construct it as a home for herself in case Paul or the group of courtiers removed her from power, so that her staying in the Winter Palace would become embarrassing or even impossible. The newly built palace was thought not as a pavilion for fun on the way to the country estate, but the main home and back up political residence. However, the necessity to have a back up shelter disappeared. After adulthood Paul did not claim in any way for the throne. That

is why the palace on the Parkersburg outskirts no longer made sense as a back up residence, and Catherine tried to give it other functions.

Through considering the Chesme palace a back up main residence, some apparently strange details of its decoration may be explained. Among them is a tremendous portrait gallery of all contemporary monarchs of Europe and Catherine's Russian predecessors. That was a usual way to decorate English resident castles: with the portraits of all possible ancestors. Catherine designed the main residence for herself and decorated it as a traditional English family manor.

It is also the grandiosity of the Frog service which may be explained if we consider the Chesme Palace, for which the Service was produced, as Catherine's failed home. When visiting the Chesme palace, Catherine used to drink coffee with her courtiers. But there were no coffee utensils in the Frog service, it was intended for diners, which were extremely rare in the palace. Meanwhile, it was the most expensive Service ever ordered by the Russian emperor house. It had items. It may be assumed that the Service had been assigned for the other role that it got. It should have become an adornment of the Catherine's main residence. However, the palace did not become a main residence, and ever most expensive service was found packed in boxes in the Petersgoff palace in the start of the XIXth century.

Besides, the both names of the palace, the first one *Kekerikeksinen*, and further given *Chesme*, may be considered within the suggested concept of the back up residence. In 1985 the etymology of the name *Kekerikeksinen* was firstly connected by P. Hyden with the play "Frogs" by Aristophanes, well known by the classically educated empress. In Aristophanes comedy the frog chorus repeats "brekekekeks, coax, coax" that could inspire Catherine to call her new palace, imitating this refrain. [8, 19-20] Catherine often used drama motives to express her political ideas. This situation was quite consistent with the theatrical trend of the Enlightenment and the attempts of many European monarchs to use it as a political instrument. The Aristophanes comedy "Frogs" was famous for its *parabasis* - the part of the play containing the political advice for Achenes. As the legend goes, Aristophanes got for it the laurel wreath from the city. The other chorus of "Frogs" the Eleusinian group, those who were regarded as 'seen the truth' to be able to give advice to the citizens of Athens. [7, p.457] Catherine might have connected the palace name with the play by Aristophanes, hinting for her own role of a wise adviser for her son, a young emperor Paul, in case she would have been removed from the throne.

The second name "Chesme" was assigned to the palace in the tenth anniversary of the Chesme Naval Battle. It may be assumed that Catherine herself contributed to consolidate the new name with the palace. It allowed retouching the original purpose of the palace, which had lost its relevance and could have only caused allusions to the Catherine's past fears concerning her

possible removal from the throne.

The other aspect that may be explained through the suggestion of the palace initial role as a back up residence for Catherine is the fact that her play devoted to the palace was not finished. The empress was fond of proclaiming her political and moral ideas through dramatic texts which she composed herself. Catherine wrote about thirty plays, of which seventeen have survived [3, p. 255], four of them followed the historical situations and claimed political ideas [6, 124]. Among them there was an unfinished play called “The Chesme Palace”. Written in French by the empress, unlike her other plays, it had never been staged and was translated into Russian only in 1907 within the anthology of Catherine’s dramatic works [7]. The play represents talks between the monarchs and the members of their families who came to life from the portraits of the Chesme Palace. The characters discuss dressing fashion and the methods of governance. Comparing with the other Catherine’s historical dramas, the play had the biggest number of the characters, their dialogs concerning the widest political and moral spectrum. It may be suggested that the play should have been staged in the Chesme Palace, in its round hall, which was intended to be a theatre. However, thought out as an extensive political declaration, the play was neither finished, nor staged. It is the failed purpose of the palace that may explain the fact that Catherine did not complete the play.

The Chesme Palace seems to have originated as the Catherine’s attempt to construct a reserved residence in case she could not stay any more in the Winter Palace. The fashion of the epoch and the personal empress’s addiction defined the form of the English Gothic Castle. That was possibly the way how one of the most charming and enigmatic architectural dominants of the southern Petersburg originated.

Библиографический список

1. Баторевич Н.И. Чесменский дворец и Государственный университет аэрокосмического приборостроения, – СПб.: 1998.
2. Васильев Б.Л. Архитекторы Нееловы // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII век. – СПб.: 1997.
3. Семёнова Ю.С. Екатерина II как либреттист: жанровые особенности комических опер императрицы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение, 2012.
4. Томсинов В.А. Император Павел I, – М.:2008.
5. Чекмарёв В.М. Влияние английской художественной культуры на становление и развитие русского садово-паркового искусства, – М.: 2015. Том 3.
6. Drozdek A. Catherine II and her plays // Cuadernos de Rusística Española, 2015. № 11. P. 111-128.
7. <https://tsaritsyno-museum.ru/events/exhibitions/p/ozhivshaya-pesa-imperatritsy> (12.07.2023)
8. Hyden P. British Seats on Imperial Russian Tables // Garden history, Spring 1985. Vol 13. P. 17-32.
9. Raeburn M. The Green Frog Service: Wedgwood and Bentley’s Imperial Russian Service, L., 1995.
10. Religion, theatre, and the salvation of the city: some thoughts on Aristophanes’ Frogs // Studia Philologica Valentina. 2016. Vol. 18. № 15. P. 449-468.

References

1. Batorevich N.I. Chesme Palace and the State University of Aerospace Instrumentation, – St. Petersburg: 1998.
2. Vasiliev B.L. Architects Neelov // Architects of St. Petersburg, 18th century. – St. Petersburg: 1997.
3. Semenova Yu.S. Catherine II as a librettist: genre features of the empress's comic operas // Bulletin of St. Petersburg University. Art Criticism, 2012.
4. Tomsinov V.A. Emperor Paul I, – Moscow: 2008.
5. Chekmarev V.M. The influence of English artistic culture on the formation and development of Russian landscape gardening art, – Moscow: 2015. Volume 3.
6. Drozdek A. Catherine II and her plays // Cuadernos de Rusística Española, 2015. № 11. P. 111-128.
7. <https://tsaritsyno-museum.ru/events/exhibitions/p/ozhivshaya-pesa-imperatrity> (12.07.2023)
8. Hyden P. British Seats on Imperial Russian Tables // Garden history, Spring 1985. Vol 13. P. 17-32.
9. Raeburn M. The Green Frog Service: Wedgwood and Bentley's Imperial Russian Service, L., 1995.
10. Religion, theatre, and the salvation of the city: some thoughts on Aristophanes' Frogs // Studia Philologica Valentina. 2016. Vol. 18. № 15. P. 449-468.

Тянь Жу

Аспирант. Московский государственный институт культуры.

Взаимодействие российской и китайской театральных культур на современном этапе*

Аннотация. Статья посвящена современному взаимодействию российской и китайской театральных культур. Рассматриваются исторические предпосылки сотрудничества, включая влияние системы К.С. Станиславского на китайский театр, а также современные формы театрального диалога: совместные постановки, фестивали, академические обмены и онлайн-проекты. Особое внимание уделяется вопросам межкультурной адаптации театральных методов, роли образовательных и культурных учреждений, а также возможностям для молодых актёров, режиссёров и драматургов. Делается вывод о значимости театра как формы гуманитарного диалога и перспективах дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: театр, культура, Россия, Китай, Станиславский, межкультурный диалог, актёрское мастерство, театральное образование, международное сотрудничество.

Tian Zhu

Postgraduate Student. Moscow State Institute of Culture.

Interaction of Russian and Chinese theatrical cultures at the contemporary stage

Abstract. This article focuses on the contemporary interaction between Russian and Chinese theatrical cultures. It explores the historical foundations of cooperation, including the influence of Konstantin Stanislavsky's system on Chinese theatre, and analyzes modern forms of theatrical dialogue such as co-productions, festivals, academic exchanges, and online projects. Special attention is given to the challenges of intercultural adaptation of theatrical methods, the role of educational and cultural institutions, and the opportunities available to young actors, directors, and playwrights. The article concludes by emphasizing the importance of theatre as a form of humanitarian dialogue and outlines perspectives for further research in this field.

Key words: theatre, culture, Russia, China, Stanislavsky, intercultural dialogue, acting, theatre education, international cooperation.

* © Тянь Жу, 2025.

Исторические предпосылки взаимодействия российской и китайской театральных культур формировались на протяжении всего XX века и были тесно связаны с политическими, образовательными и культурными процессами, происходившими в обеих странах. Одним из ключевых этапов стал период середины XX века, когда после установления дипломатических отношений между СССР и КНР началось активное культурное сотрудничество, включая сферу театра.

Контакты театральных школ двух стран были особенно интенсивными в 1950–1960-х годах. В это время китайские студенты направлялись на обучение в советские театральные вузы — в Москву, Ленинград и другие города. В свою очередь, советские педагоги и режиссёры работали в театральных учебных заведениях Китая, оказывая влияние на формирование новой актёрской школы, ориентированной на реализм и психологическую достоверность. Одним из главных элементов культурного трансфера стала система К.С. Станиславского, которая рассматривалась как прогрессивная альтернатива условной и ритуализированной традиционной сцене.

Система Станиславского оказала глубокое влияние на развитие современного китайского театра. Её идеи о внутренней правде, мотивации действия, логике роли и работе над собой нашли отклик у китайских реформаторов театра, стремившихся к созданию «новой драмы» (xīnjù), более приближённой к социальным реалиям и внутреннему миру человека. Это способствовало формированию реалистической сцены в Китае, что стало важным этапом в эволюции национального театра в XX веке [1, с. 83].

Русскоязычное театральное образование сыграло важную роль в подготовке поколения китайских актёров и режиссёров, многие из которых позднее заняли ведущие позиции в театрах и учебных заведениях КНР. Знание русского языка, непосредственное знакомство с российской театральной школой, участие в практике Московского художественного театра позволили этим специалистам выступить посредниками между двумя театральными традициями и обеспечить долговременное культурное влияние, которое ощущается до сих пор.

На современном этапе театральный диалог между Россией и Китаем продолжает развиваться в русле взаимного культурного обмена и сотрудничества. Одним из ярких проявлений этого взаимодействия стали совместные постановки и международные копродукции, объединяющие творческие коллективы двух стран. Такие проекты позволяют не только продемонстрировать эстетические и технические особенности национальных театров, но и найти новые формы художественного выражения, основанные на синтезе традиций.

Совместные спектакли, как правило, строятся на сочетании реалистической школы, унаследованной от Станиславского, и элементов традиционного китайского сценического искусства. Постановки нередко со-

проводятся переводом текста, адаптацией культурных кодов, работой с билингвальными труппами и зрителями. Например, участие китайских актёров в российских постановках по Чехову или Гоголю сопровождается глубоким погружением в психологическую природу роли, в то время как российские актёры, приглашённые в Китай, осваивают язык жеста, маски и ритуальной сценической выразительности.

Важную роль в укреплении театральных связей играют фестивали, арт-резиденции и программы обмена. Такие события, как Международный театральный фестиваль им. А.П. Чехова в Москве или Шанхайский международный фестиваль искусств, становятся платформами для показа спектаклей, постановочных лабораторий, лекций и мастер-классов. Они способствуют не только демонстрации лучших достижений национальных сцен, но и живому профессиональному диалогу, обмену идеями и методами обучения [2, с. 93].

Одним из устойчивых каналов театрального взаимодействия остаётся педагогика. Российские преподаватели — выпускники ГИТИСа, Школы-студии МХАТ и других вузов — приглашаются в китайские академии для преподавания актёрского мастерства и режиссуры. Их работа строится, как правило, на основе системы Станиславского, адаптированной к китайским культурным реалиям. В свою очередь, китайские педагоги и студенты приезжают в Россию для стажировок, участия в лабораториях и спектаклях. Такие контакты способствуют формированию нового поколения театральных деятелей, мыслящих в международном контексте и способных творчески интегрировать различные театральные традиции.

Особенности восприятия и адаптации театральных методов в российско-китайском культурном диалоге во многом обусловлены различиями в сценической традиции, эстетике и философии театра. Китайские театральные практики, несмотря на их глубокую связь с символизмом, ритуальностью и условностью, активно осваивают элементы российской школы — в первую очередь систему Станиславского и её позднейшие интерпретации. Это особенно заметно в образовательной среде: в китайских театральных академиях вводятся курсы по анализу роли, работе с внутренней мотивацией персонажа, основам сценической правды [3, с. 52].

Однако интеграция российских методов в китайскую театральную практику не происходит механически. Китайские педагоги и режиссёры стремятся адаптировать реалистическую традицию к собственным культурным и эстетическим установкам. Например, метод физических действий или упражнений на внимание и воображение включаются в учебные программы, но подаются с опорой на философию даосской спонтанности и конфуцианскую дисциплину. Такой синтез позволяет сохранить национальную специфику и одновременно освоить универсальные инструменты актёрской подготовки.

В обратном направлении — при восприятии китайских методов в российском контексте — наблюдается меньшая активность, но интерес к восточной телесности, техникам дыхания, пластике, символическому действию и сценическому пространству постепенно возрастает. Особенно в авангардных и экспериментальных постановках российские режиссёры заимствуют приёмы китайской сценографии, системы знаков, элементы боевых искусств и оперного вокала [4, с. 92].

Одной из главных проблем в этом культурном обмене остаётся межкультурный перевод театрального языка. То, что в одной культуре воспринимается как выразительное и убедительное, в другой может быть воспринято как неестественное или чуждое. Например, избыточная телесность или громкая эмоциональность, свойственная русской актёрской школе, может казаться китайскому зрителю излишне прямолинейной, тогда как условность и аллегоричность китайской сцены требует от российского зрителя специфической подготовки и культурной насмотренности.

Уровень рецепции спектаклей в разных культурных средах зависит от степени адаптации постановки, глубины межкультурного погружения и способности режиссёра выстроить универсальный эмоциональный и визуальный код. Наиболее успешными оказываются те проекты, которые не стремятся копировать чужую традицию, а создают пространство творческого диалога, в котором театральные методы перерабатываются и переосмысливаются с уважением к обоим культурам.

Перспективы развития театрального сотрудничества между Россией и Китаем в XXI веке всё больше связаны с освоением новых форматов взаимодействия, расширением академического партнёрства и поддержкой молодых творцов. В условиях цифровизации культуры важную роль начинают играть онлайн-проекты и цифровой театр, позволяющие преодолевать географические границы и создавать совместные постановки в гибридных и виртуальных пространствах.

Формат цифрового театра, активно развивавшийся во время пандемии, оказался не просто временной альтернативой, но полноценной формой художественного выражения. Китайские и российские театры начали реализовывать онлайн-читки, трансляции спектаклей с синхронным переводом, видеолекции, мастер-классы и лаборатории с участием режиссёров, актёров и педагогов обеих стран. Такие инициативы позволяют значительно расширить аудиторию, вовлечь студентов и молодых специалистов в международные проекты, а также апробировать новые способы сценического взаимодействия, включая motion capture, 3D-графику и виртуальные декорации.

Университеты, академии и культурные институты остаются центральными звеньями в развитии этого сотрудничества. Театральные вузы России и Китая заключают соглашения об академическом обмене, организуют совместные конференции и творческие лаборатории, что способствует не

только образовательному диалогу, но и формированию общего профессионального языка. Важную роль играют российские культурные центры при посольствах и представительства Института Конфуция в России, продвигающие театральные мероприятия, переводы пьес и поддерживающие участие национальных театров в фестивалях [5, с. 24].

Особое внимание в перспективных стратегиях сотрудничества уделяется молодым режиссёрам, актёрам и драматургам. Для них открываются возможности участия в международных конкурсах, стажировках, копродукционных проектах и обучающих резиденциях. Совместные творческие школы и лаборатории становятся площадками не только для обмена опытом, но и для экспериментального театра, в котором возможно свободное смешение стилей, техник и культурных кодов.

В заключение следует отметить, что театральное сотрудничество между Россией и Китаем на современном этапе представляет собой важный элемент гуманитарного диалога, способствующий не только культурному обмену, но и взаимному пониманию, укреплению доверия и развитию межкультурной коммуникации. Анализ форм взаимодействия — от совместных постановок до академических программ — показывает, что обе стороны заинтересованы в продолжении и углублении творческого сотрудничества, основанного на уважении к различиям и поиске точек соприкосновения.

Основной вывод заключается в том, что театр служит универсальным языком, который, несмотря на различие традиций, стилей и философских подходов, способен объединять людей вокруг общечеловеческих тем. Через театральную практику, совместное обучение и обмен опытом формируются новые формы художественного высказывания, в которых находят отражение как российские, так и китайские культурные смыслы. Интеграция системы Станиславского в китайскую сцену и интерес к восточным приёмам в российском театре подтверждают взаимное стремление к обогащению и развитию [6, с. 73].

Значение театрального сотрудничества выходит за рамки искусства: оно становится частью широкой гуманитарной стратегии, направленной на создание культурного моста между двумя странами. Театр как форма живого диалога — особенно ценен в эпоху глобальных вызовов и перемен, когда необходимость в устойчивых культурных связях возрастает.

Потенциал дальнейших исследований и практических инициатив остаётся высоким. Особое внимание заслуживают сравнительные исследования театральных школ, изучение рецепции спектаклей в разных странах, анализ успешных форм адаптации методов и техник. Кроме того, важно поддерживать инфраструктуру международных проектов, включая фестивали, резиденции, программы для молодых актёров и драматургов, а также развивать цифровые форматы сотрудничества.

Таким образом, российско-китайское театральное взаимодействие

сегодня — это не только результат исторических связей, но и динамично развивающееся направление гуманитарного партнёрства, обладающее большим творческим и дипломатическим потенциалом.

Библиографический список

1. Ван Чжунсин Театральные произведения А.П. Чехова в Китае до 1949 года // *Universum: филология и искусствоведение*. 2023. № 8 (110). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatralnye-proizvedeniya-a-p-chehova-v-kitae-do-1949-goda> (Дата обращения: 05.01.2025).
2. Дин Яо. Китайская драма юйцзюй как музыкальный феномен : звуковое пространство и практика исполнения : диссертация ... кандидата искусствоведения : 5.10.3. / Дин Яо; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Ростовская государственная консерватория им. С.В. Рахманинова»; Диссовет Д 210.016.XX (23.2.018.01)]. – Москва, 2024. 284 с.
3. Жэнь Шуай. Китайская «образцовая революционная опера»: жанрово-стилевые особенности: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Жэнь Шуай; [Место защиты: Российский институт истории искусств]. – Санкт-Петербург, 2019. 240 с.
4. Ли Айянь Отдельные аспекты русско-китайских театральных связей // *История. Культурология. Политология*. 2023. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-russko-kitayskih-teatralnyh-svyazey> (Дата обращения: 05.01.2025).
5. Ли Сян Знаковые детали чеховской драмы в русском и китайском театрах XXI века // *МНКО*. 2023. № 2 (99). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znakovye-detali-chehovskoy-dramy-v-russkom-i-kitayskom-teatrah-xxi-veka> (Дата обращения: 05.01.2025).
6. Ли Цзяньфу. Китайская национальная опера байцзюй в культуре народности бай: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Ли Цзяньфу; [Место защиты: Рос. акад. музыки им. Гнесиных]. – Москва, 2018. 254 с.
7. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // *Власть истории – История власти*. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
8. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // *Миссия конфессий*. 2019. Том 8. Часть 2. № 37. С. 133-142.

References

1. Wang Zhongxing. Theatrical Works of A.P. Chekhov in China before 1949 // *Universum: Philology and Art Criticism*. 2023. № 8 (110). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatralnye-proizvedeniya-a-p-chehova-v-kitae-do-1949-goda> (05.01.2025).
2. Ding Yao. Chinese Yuyu Drama as a Musical Phenomenon: Sound Space and Performance Practice: Dissertation ... Candidate of Art Criticism: 5.10.3. / Ding Yao; [Place of defense: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Rostov State Conservatory named after S.V. Rachmaninoff”; Dissertation Council D 210.016.XX (23.2.018.01)]. – Moscow, 2024. 284 p.
3. Ren Shuai. Chinese “Model Revolutionary Opera”: Genre and Stylistic Features: Dissertation ... Candidate of Art History: 17.00.02 / Ren Shuai; [Place of Defense: Russian Institute of Art History]. – St. Petersburg, 2019. 240 p.
4. Li Aiyan. Certain Aspects of Russian-Chinese Theatrical Relations // *History. Cultural Studies. Political Science*. 2023. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-russko-kitayskih-teatralnyh-svyazey> (05.01.2025).
5. Li Xiang. Iconic Details of Chekhov's Drama in Russian and Chinese Theaters of the 21st Century // *MNKO*. 2023. № 2 (99). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znakovye-detali-chehovskoy-dramy-v-russkom-i-kitayskom-teatrah-xxi-veka> (05.01.2025).
6. Li Jianfu. Chinese National Baiju Opera in the Culture of the Bai People: Dissertation ... Candidate of Art Criticism: 17.00.02 / Li Jianfu; [Place of protection: Gnessin Russian Academy of Music]. – Moscow, 2018. 254 p.
7. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and State Borders: History, Culture, Clash of Civilizations // *The Power of History - The History of Power*. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
8. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Connection of Times and Meanings: Sacred Trees // *Mission of Confessions*. 2019. Volume 8. Part 2. № 37. P. 133-142.

Мартынова Н.В.

К.п.н., доцент. ФГБОУ ВО ВВГУ (Владивостокского государственного университета), г. Владивосток.

Цзян Ян

Стажер кафедры дизайна и технологий ФГБОУ ВО ВВГУ (Владивостокского государственного университета), выпускающий редактор китайско-российского журнала «Партнёры», г. Владивосток.

Абдуразакова Е.Р.

Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой изобразительного искусства и дизайна. Приамурский государственный университет имени Шолом Алейхеа, г. Биробиджан.

Творческий метод Цай Кэчжэня: культура повседневности и обновление технологий китайского лакового письма*

Аннотация. Последние десятилетия XXI в. отмечены усилением внимания к уникальному наследию культуры Китая – лаковой живописи, которая несмотря на преобразования, соответствующие процессы глобализации, сохраняет традиции исторически сложившегося искусства. Исследование творчества Цай Кэчжэня, лаковые произведения которого свидетельствуют о социокультурных трансформациях художественного процесса, позволяют анализировать онтологические характеристики творческих актов, обнаруживающих так называемый «дух эпохи». Будучи одной из ключевых фигур современного этапа развития национального искусства лакового письма, художник обращается к сюжетам повседневности, фиксируя социальные практики, иллюстрирующие особенности мировосприятия народа. Элементы новаторства в творчестве Цай Кэчжэня, связанные с использованием техники «усяньци», позволяют рассматривать особенности его работ междисциплинарно, объединяя результаты познания в областях искусствознания, культурологии, истории, антропологии и социологии, расширяя представления о характере китайской культуры XX-XXI вв. Актуальность темы и теоретическая новизна данного исследования обоснованы отсутствием отечественных работ, посвященных творчеству Цай Кэчжэня, как феномена, раскрывающего особенности художественной формы репрезентации культуры повседневности Китая, позволяющей рассматривать деятельность художника как акты культурной дипломатии между Россией, Китаем и Вьетнамом.

Ключевые слова: Цай Кэчжэнь, Китай, Вьетнам, усяньци, современные технологии дальневосточного лакового письма, культура повседневности, репрезентация.

* © Мартынова Н.В., Цзян Ян, Абдуразакова Е.Р., 2025.

Martynova N. V.*PhD, Associate Professor. Vladivostok State University, Vladivostok.***Jiang Yang***Intern in the Department of Design and Technology at Vladivostok State University, editor-in-chief of the Chinese-Russian magazine "Partners," Vladivostok.***Abdurazakova E.R.***Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Fine Arts and Design. Sholem Aleichem Primorsky State University, Birobidzhan.***Cai Kezhen's creative method: culture of everyday life and the renewal of Chinese lacquer writing technologies**

Abstract. Recent decades have seen increased attention to the unique heritage of Chinese culture – lacquer painting, which, despite the transformations determined by globalization processes, preserves the traditions of historically established art. The study of the work of Cai Kezhen, whose lacquer works testify to the socio-cultural transformations of the artistic process, allows us to analyze the ontological characteristics of creative acts that reveal the so-called "spirit of the era". Being one of the key figures in the modern stage of development of the national art of lacquer painting, the artist turns to everyday scenes, recording social practices that illustrate the peculiarities of the people's worldview. Elements of innovation in the work of Cai Kezhen associated with the use of the "wuxianqi" technique allow us to consider the features of his works in an interdisciplinary manner, combining the results of knowledge in the fields of art history, cultural studies, history, anthropology and sociology, expanding our understanding of the nature of Chinese culture in the 20th-21st centuries. The relevance of the topic and theoretical novelty of this study are justified by the absence of domestic works devoted to the work of Cai Kezhen as a phenomenon that reveals the features of the artistic form of representation of the culture of everyday life in China, allowing us to consider the artist's activities as acts of cultural diplomacy between Russia, China and Vietnam.

Key words: Cai Kezhen, China, Vietnam, wuxianqi, modern technologies of Far Eastern lacquer painting, culture of everyday life, representation.

Введение.

Искусство лакового письма всегда было значимым для культурного развития Китая и по сей день отличается сложными техниками, обладающими прекрасными выразительными возможностями. История лака сопоставима по возрасту с самой китайской цивилизацией: лаковая деревянная утварь известна со времен неолита, письмо на лаке обнаружено в составе захоронений периода Воюющих Царств, династий Цинь и Хань.

Устойчивый интерес китайцев к выразительным возможностям лака обеспечивается как изучением фактур и текстур создаваемых произведений, так и пониманием эстетической ценности исторически сформировавшихся технологий, определяющих особенности восприятия художественных лаков населением. Сегодня результаты интерпретации традиционных технологий художественного производства представлены достаточно широко, что свидетельствует о потребности страны в изучении культурного наследия и возможностях отыскания смысла в современных произведениях искусства, свидетельствующего о последовательных преобразованиях лакового производства на уровне культурного явления.

Тем не менее, с появлением росписей и фарфорового производства популярность художественного лака постепенно снижалась, но уже в XX в., обрела новое развитие на фоне появления фресок и других декоративных работ, определенных влиянием японской лаковой живописи, и формирующихся технологий искусственного лака в европейских художественных производствах.

Степень изученности темы исследования невысока, поскольку в русскоязычной среде распространены в большинстве случаев исторические материалы, определяющие этапы становления традиционного лакового искусства Китая и соответствующие им выразительные приемы и средства. По отношению к процессу формирования художественного лакового производства в исследовании учтены труды: Ван Цу [1], Ин Цюхун [2], Ли Югдин [3], Лю Тун [4], Цай Кэчжэня [6], Вэнь Гу Чжисинь [7], Цяо Шигуан [8, 9, 10], У Идин [11]. Кроме того, для анализа композиционного мастерства и сложных технологий лакового письма были использованы каталоги коллекций современного китайского искусства (лаковая живопись) [5].

Все перечисленное позволяет полагать, что китайское искусство лакового письма является интегративным художественным явлением, сочетающим элементы промысла, ремесла и традиционной живописи, изменяющихся в соответствии с развитием инструментов и средств, используемых в художественном процессе сообразно времени. И по мере того, как искусство китайского лакового письма соотносит историю его становления с развитием творческого опыта художников, актуальность темы исследования, посвященного выявлению сохранности и внедрению новых элементов в технологию лакового письма в Китае, значительна. Тем более, что для достижения цели исследования, направленного на определение роли художественного метода Цая Кэчжэня в развитии лакового китайского письма на современном этапе, его соответствия задаче трансляции культуры повседневности широким массам населения в Китае и за его пределами, изучение искусства лакового письма результативно.

Объектом исследования является искусство лакового письма Китая.

Предметом - художественные особенности развития лакового искус-

ства Китая на примере творчества Цай Кэчжэня, известно инновационными технологиями обработки лаковых произведений.

Методология комплексного подхода определила методы:

- историко-культурный для определения этапов развития искусства лака,
- сравнительный для определения выразительных форм выражения в искусстве лака и перехода от промысла к производству,
- технологического анализа для определения материальной специфики предметов лакового искусства.

Анализ и описание процесса трансформации лакового письма, актуального в современном Китае до сих пор неполны. Данное обстоятельство позволяет признать теоретическую и научную новизну представляемого исследования.

Технология лакового письма.

По мере становления европейского способа обучения работы с художественными лаками сформировалось «движение за современное китайское лаковое искусство» [6]. После 1950-х гг. искусство лаковой живописи обрело былую популярность. Несмотря на то, что обновление китайского искусства лаковой живописи происходило по указанию национальных лидеров, этот процесс свидетельствует о результатах напряженной работы группы преданных своему делу художников-практиков, одним из которых является Цай Кэчжэнь.

Благодаря творческому наследию Цай Кэчжэня, можно анализировать ступени развития современной китайской лаковой живописи. Являясь авторитетным китайским художником в области лаковой живописи; педагогом, обучившим поколение молодых художников, он добывал знания на практике, исследуя технологию процесса, и экспериментируя с уникальными возможностями цветных лаков. Особо интересными представляются результаты его экспериментов, касающихся техники «усяньци» (так называемой «бесформенной» лакировки), основанной на многослойном покрытии поверхности деревянного изделия лаком и создании рисунка по покрывному слою.

Этот процесс представляет собой последовательное нанесение грунта, состоящего из каолина, лака-сырца и речного ила, на деревянное основание. Каждый слой просушивается и полируется с сохранением определенной влажности в затемненном помещении для обеспечения равномерности просушки. Соблюдение последовательности этих операций обеспечивает сохранность цветного слоя будущих картин, т.к. определенная вязкость лака усиливается в условиях открытой воздушной среды.

Слои грунтовки и лака должны быть соразмерными, поскольку добавлять слои после их схватывания нельзя. Завершив работу с цветovým слоем картины, художники заливают изображение плотным слоем непрозрачного черного лака, который после просушки полируется.

Полировка и шлифовка представляются максимально ответственными

этапами в процессе создания художественного лака, поскольку цветовой слой будущей картины становится видимым в результате частичного стирания покрывного серного слоя. Рабочая поверхность изделия шлифуется, будучи смачиваемой водой, обрабатывается пемзой, бамбуковым листом, щетинной щеткой и ладонью мастера. Постепенное снижение плотности абразивного воздействия на цветовой слой обеспечивает создание эффекта «дымки», воспринимаемого как художественно ценное решение, определяющее светотеневой объем наблюдаемых изображений. Таким образом изображения цветového слоя работы «оживают», в них становятся различимыми светотеневые моделировки, глубины и отражения [1].

Основная часть.

1. Творческий путь Цай Кэчжэня и его школа лаковой живописи.

Официальные источники [3, 6, 7, 9] свидетельствуют о том, что Цай Кэчжэнь (蔡克振) родился в 1931 г. в уезде Чжуншань (中山) провинции Гуандун (广东). В 1955 г. завершил обучение в Центрально-Южном институте изящных искусств (中南美术学院) и остался преподавать. Начиная с 1957 г. был стажером Центральной академии художеств (中央美院), обучаясь под руководством профессора Ван Шикую (王式廓) искусству масляной живописи [7].

Творческий путь художника начался в области традиционной живописи, постепенно смещаясь в сферу художественного лака. В 1950 г., обучаясь станковому изобразительному искусству в Центральном-Южном институте литературы и искусства (中南文艺学院), он работал над рисунками, произведениями масляной живописи и традиционного китайского живописного искусства (国画), акварели, что определило его опыт владения способами изображения особенностей художественной формы, светотеневого моделирования объема и работы с цветом.

Подобные квалификационные навыки естественны для любого станковиста, но именно для работы в области художественного лака могут оказаться проблемными, т.к. не учитывают сугубо декоративных технологически определяемых эффектов. Цай Кэчжэнь считает, что: «... процессы создания масляной и лаковой живописи различны. Как станковиста меня часто упрекали за нарушение порядка действий. Будучи академически ориентированным живописцем, переключившимся на лак, я часто нарушал последовательность технологического процесса и мне пришлось переучиваться» [6]. Несмотря на объективные трудности в освоении технологических нюансов лакового письма, Цай Кэчжэня преодолел все барьеры на пути перехода к лаковой живописи и анализ его поздних произведений позволяет признать, что именно сознание живописца организовало его работы, обеспечив узнаваемость авторских художественных решений.

В начале 60-х годов XX века в Пекине и Шанхае были организованы выставки, знакомящие с творчеством вьетнамских мастеров лаковых картин.

Резонанс обеспечил внимание китайской художественной общественности к особенностям технологий лакового письма и развитие опыта работы в данной сфере. Это обеспечило отказ художников от ограничений в области подбора способов и инструментов художественных решений и определило самостоятельность лакового письма как видовой классификации произведений искусства.

Министерство культуры Китая предложило Цай Кэчжэню пройти обучение по курсу лаковой живописи во Вьетнаме. В 1963 г. посетив выставку вьетнамской лаковой живописи, премьер Чжоу Эньлай (周总理) проявил интерес к возможностям использования лакового письма для отображения жизни народа так, как это делают художники Вьетнама. Чжоу Эньлай поручил Министерству культуры найти достойных кандидатов для обучения искусству лаковой живописи во Вьетнаме.

В итоге Цай Кэчжэнь, который изначально предполагал обучение искусству гравюры в Советском Союзе, отправился во Вьетнам и в октябре 1963 г. стал аспирантом отделения лаковой живописи Ханойской академии изящных искусств.

Движимый миссией, обозначенной премьером, Цай Кэчжэнь стал изучать то, как с помощью выразительных средств лакового искусства вьетнамские художники отображали культуры повседневности своей страны. Самым важным, по признанию художника, за время пребывания во Вьетнаме стала работа с ХоангТич Чу (黄积铸) в статуе его ученика, позволившая наблюдать уникальные художественные приемы создания произведений.

Профессор Хоанг Тич Чу придерживался принципа необходимости совершенствования исполнительского мастерства, вне обладания которым любые замыслы могут остаться не реализованными [6]. Также, Цай Кэчжэнь обучался искусству лакового письма у знаменитого ханойского мастера Динь Ван Куя (丁文贵), осваивая процессы приготовления и смешивание лака, лакировку, роспись, инкрустацию, наложение фольги, покрытие лаком, рельефную технику, гравировку, резьбу с заполнением, шлифовку и полировку - длительного и кропотливого труда, который может быть освоен только самостоятельно, путем индивидуальной практики, что принесло ему огромную пользу.

2. Вьетнам: практический опыт овладения технологиями.

В 60-е годы XX в. Вьетнам находился в сложной политико-экономической ситуации, условия жизни тяжелыми. Но художник был готов к работе в трудных условиях, способных закалить его дух и с 1964 г. стал изучать лаковое искусство древнего Вьетнама в храме Тэйшон (西山古寺).

С тех пор он начал свой собственный жизненный путь в области лаковой живописи, который начался с рекомендации Чжоу Эньлая. Гуманистическая концепция исследования китайской художественной культуры определила последующий творческий путь Цая Кэчжэня, ощутившего от-

ветственность за развитие национального искусства лакового письма.

В августе 1964 г. художник вернулся в Китай, где участвовал в пекинском семинаре по «реформе пекинской оперы» («京剧改革»), изучал идеи Мао Цзэдуна, касающиеся сферы развития литературы и искусства. В октябре на выставке китайского декоративно-прикладного искусства и во время визита Шэнь Фувэня (沈福文) во Вьетнам, работал переводчиком, сопровождая творческие проекты.

В период 1964–1965 гг. художник находился в сельской местности Вьетнама, создавая лаковые произведения, посвященные борьбе: «Вьетнамские женщины-ополченцы» («越南女民兵»), «Храбрая тётушка Чо, переплывающая реку Уцзян» («灼大娘勇渡乌江»), выполнил дипломную работу «Группа поддержки армии» («劳军小组»). В 1965 г. совместно с профессором Хоангом участвовал в создании монументальной лаковой работы «Мы обязательно победим» («我们一定胜利»), что позволило ему пройти все технологические этапы рождения произведения: подготовка эскиза, прорисовка контуров, заполнение цветом, лакировка, применение фольги, перламутровой инкрустации, яичной скорлупы, шлифовки и полировки. После обучения в аспирантуре в Ханое, в 1966 г. Цай Кэчжэнь вернулся на родину, поступил в Академию изящных искусств Гуанчжоу, и будучи преисполненным энтузиазма посвятил себя развитию китайской лаковой живописи. В 1970 г. вошел в руководящую группу факультета декоративно-прикладного искусства Гуандунского института народного искусства (广东人民艺术学院) и в 1971 г. основал собственную мастерскую лаковой живописи.

После 80-х годов, у художника появилась новая цель – продвижение гуандунской лаковой живописи путем организации обучения последователей, исполнения роли педагога-исследователя. Для Китая процесс поиска и открытия новых талантов был актуальным всегда, но принципиально новое понимание обрел, благодаря деятельности художников лакового письма, поскольку уникальный творческий опыт, формируемый каждым конкретным поколением, усваивался и становился платформой для интерпретаций, расширяющих представление о культурном наследии Китая.

Анализируя лаковые работы Цай Кэчжэня, можно делать вывод о трансформации стиля, основанного на использовании плоскостных цветковых блоков и коллажей, определяющих выраженные декоративные решения. Подобные работы свидетельствуют о присутствии характеристик, свойственных произведениям современного искусства, например, произведение 1989 г. «Прощай, моя наложница», в котором использованы пересечения линий и цветковых блоков для создания образа персонажа с обманчивой внешностью.

Очевидно, что используемый экспрессионистский подход передает замысел художника, желающего обогатить традицию лакового письма новыми, весьма смелыми решениями, созвучными общей идее произве-

дения. Характерным можно назвать и тот факт, что в работе 2002 г. «Свет предков лакового искусства» использованы символические приемы, свидетельствующие о бесконечном уважении к памяти тех, кто создал культуру лакового письма. Определяемые силуэтами изображенные персонажи, запечатлены в характерных танцевальных движениях, напоминающих о жертвоприношениях – такое художественное решение подчеркивает восхищение автора традиционной китайской культурой лакового письма.

3. Дух времени, запечатленный произведениями Цай Кэжэня.

Лаковая картина «Товарищ Мао Цзэдун организует Институт крестьянского движения в Гуанчжоу» («毛泽东同志主办广州农民运动讲习所») (Рис. 1), созданная в 1975 г., является реалистичным запечатлением исторически значимого события. Художник сознательно отказался от изображения самого Мао Цзэдуна, читающего лекцию, выбрав вместо этого выразительную сцену у входа в институт, фоном которой является узнаваемая архитектура объекта. Композицию создают два взаимодействующих потока: рабочие и крестьяне, входящие в здание и дети, выходящие из института. Таким образом художник показывает непрерывность традиций, определяющих интеллектуальный цвет страны, смену поколений и течение времени.

В изображении отдельных фигур художник избегает декоративной стилизации, используя реалистичную манеру письма, добиваясь исторической достоверности. Тем не менее, подобное художественное решение обладает признаками сходства с композициями, характерными для вьетнамской школы лакового письма.

В 1977 г. работа «Весть о весне» («报春») (Рис. 2) участвовала во Всекитайской выставке декоративно-прикладного искусства, экспонировалась в Токио и Осаке. По указанию посла Фу Хао (符浩) была создана копия, демонстрируемая во время китайско-японских культурных обменов (и позже приобретена корпорацией «Сэйбу»). В 1979 г. «Лилия» («百合花») (Рис. 3) стала одной из двух первых лаковых работ на Всекитайской выставке к 30-летию КНР (приобретена Китайским художественным музеем). В 1985 г. работа «Мэймэй и Сакурако» («梅梅和樱子») (Рис. 12) участвовала в 6-й Всекитайской выставке. Параллельно была опубликована статья, созданная художников «Наследовать традиции, смело внедрять инновации» («继承传统、锐意创新»), удостоенная премии Гуандуна.

Во время 6 всекитайской художественной выставки 1984 г. Министерство культуры Китая и Союз китайских художников официально признали лаковое письмо как самостоятельный вид изобразительного искусства. Сто двадцать работ на лаке были представлены в рамках экспозиции данного проекта в Галерее изобразительных искусств Китая: три получили серебряные награды, четыре – бронзовые. Это событие свидетельствовало о новых возможностях развития лакового письма.

В 1986 г. Цай Кэжэнь участвовал в организации Первой Всекитай-

ской выставки лаковой живописи (中国漆画展) в Пекине, представившей более 700 работ и его композиция «Курица среди камышей» («芦花鸡») (Рис. 11) была удостоена награды, экспонировалась в Москве и вошла в коллекцию Государственного музея искусства народов Востока. Работа «Мелодия циня» 1989 г. («琴韵») (Рис. 4) участвовала в 7-й Всекитайской выставке. В 1990 г. художник завершил «Прощание с любимой» («霸王别姬») и 16-створчатую ширму, его работа «Магнолия» («荷花玉兰») экспонировалась в Токио на выставке «Современная китайская лаковая живопись».

В 2002 г. композиция «Свет лакового предка» («漆祖之光») демонстрировалась в составе коллекции Пекинской биеннале и других выставках. В 2004 году художник судействовал, участвовал в работе жюри 10-й Всекитайской выставки, представив работу «Девушки народности Мяо» («黑白苗女»). (Рис. 5).

В 2005 году Цай Кэчжэнь руководил Второй всекитайской высшей исследовательской программой в области лакового письма (第二届全国

Рисунок 1. Курсы крестьянского движения.

Рисунок 2. Весть о весне, 90х180, 1977 в Гуанчжоу, организованные товарищем Мао Цзэдуном, 90х120, 1975.

Рисунок 3. Лилии, 60х60, 1979.

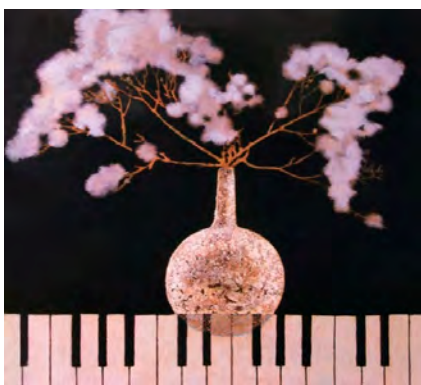

Рисунок 4. Мелодия циня, 70х70, 198

漆画高研班) в Сямыне (厦門) и преподавал там же. Он организовал Вторую выставку гуандунской лаковой живописи (第二届广东漆画展) в Янцзяне (阳江), читал по приглашению Китайского университета Гонконга (香港中文大学) лекцию «Традиционность и современность китайской лаковой живописи» («中国漆画的传统性与现代性») и курировал выставку «Китайская лаковая живопись - 2005» в Сямыне, для участия в которой представил работу «Обед шахтёров» (Рис. 6) («挖煤工的午餐»).

Деятельность художника всегда была преисполнена уважения к национальному **политическому и государственному деятелю** Чжоу Эньлаю, которому он посвятил несколько работ (например: «Он смеялся в цветущих кустах» 2008 г. (Рис. 7)).

Образовательный опыт художников поколения Цай Кэжэня показывает, что реалистические техники являются для них наиболее распространенным средством художественного решения. Также, можно видеть, что в его работах «День Бинчен Цинмин» 1976 г. (Рис. 8), и «Успех не обязательно должен быть во мне» 1978 г., прославляется личность государственного деятеля Чжоу Эньлая, как человека, способного на подвиг во имя процветания родной страны.

Таким образом, можно полагать, что творчество Цай Кэжэня не является результатом случайного выбора, - в нем очевидно отношение автора к жизни и стремление к выражению искренних эмоций, благодаря которым ощутим опыт, запечатленный в его работах.

Живописная манера Цай Кэжэня (蔡克振) разительно отличается от декоративного подхода художника Цяо Шигуана (乔十光), характерные решения которого очевидны в работах: «Новый наряд девушки народности Мяо» («苗女新妆») 1986 г. (рис. 9), «Победный март в Кайли»

Рисунок 5. Девушки народности Мяо, 90×85. 2004.

Рисунок 6. Обед шахтёров. 80×65. 2005.

(«三月凱里», 1993 г. (Рис. 10).

Таким образом, можно полагать, что созданный Цай Кэжэнем живописный стиль, обладает признаками уникальности и определяет направление в развитии современного китайского лакового письма [8], постепенно становясь определяющим в китайском лаковом искусстве наших дней и превращает творчество художника в легенду [4]. Особенной чертой работ Цай Кэжэня следует назвать использование простых цветов, скопление линий и упрощение трактовки персонажей, весьма близкой к европейским фовистическим художественным решениям, свидетельствующим о присутствии тенденций модернизма в творчестве художника.

Внедрение современных элементов в традиционное лаковое письмо не только усиливает выразительные характеристики произведений, но обнаруживает тенденцию: художники поколения Кэжэня сознательно изучают методы современного искусства, используют инновационные технологии лакового письма, обеспечивая

Рисунок 7. Он смеялся в цветущих кустах. 2008.

Рисунок 8. День Бинчен Цинмин. 1976.

Рисунок 9. Цяо Шигуан.

Рисунок 10. Цяо Шигуан. Новый наряд девушки Мяо. 70×70. 1986 Победный март в Кайли. 90×120. 1993.

Рисунок 11. Курица среди камышей.
90х90.

Рисунок 12. Мэймэй
и Сакурако». 70х90. 1985.

обновление выразительных средств лакового производства. Художник, объясняя свои действия, признает, что хочет: «...объяснить, что бесконечные возможности художественного самовыражения в лаковой живописи не устареют из-за изменений в искусстве. Это концепция того времени, и она не устареет из-за развития реальности» [6].

Развитию лаковой живописи присущи свои трудности, описывая их Цай Кэчжэнь использовал определения: холодно, медленно, горько, раздражающе.

Полагая определение «холода», как описание колористического реяния композиции, основанного на выборе цвета, можно видеть и указание на актуальное состояние художественного процесса в области лакового письма. Указание на «медленное» состояние работы свидетельствует о необходимости выдерживания технологических особенностей лакировки, подразумевающей множество связанных процессов.

Упомянутая «горечь» указывает на предупреждение ошибок над работой, вне избегания которых, результат может оказаться нулевым. Равно, как и упоминаемое «раздражение», которое следует понимать, как необходимость усердной работы, без которой невозможно овладеть технологией лакового письма сполна [6]. Осмысление критериев, описанных Цай Кэчжэнем, становится очевидным, сто лаковое письмо требует таланта, увлеченности, воли и упорства.

В рамках профессиональной деятельности и продвижения по карьерной лестнице опыт Цай Кэчжэня показателен, т.к. он занимал в разные годы должности: директора учебной части средней школы при Гуанчжоуской академии изящных искусств (广州美术学院附中); директора Института народного искусства Гуанчжоуской академии изящных искусств

Рисунок 13. Профессор Цай Кэчжэнь даёт интервью Чжу Биню перед открытием выставки в выставочном зале «Лингань» в Гуанчжоу (22.09.2023).

(广州美术学院民间美术研究所); заведующего кафедрой декоративно-прикладного искусства Гуанчжоуской академии изящных искусств (广州美术学院工艺美术系); профессора, научного руководителя магистров; заместителя председателя Ассоциации контроля качества лаковых изделий при Министерстве лёгкой промышленности КНР (中央轻工部漆器质量管理协会); художественного консультанта и члена жюри 1-3-го конкурсов на звание «Мастер декоративно-при-

кладного искусства Китая» (中国工艺美术大师); члена жюри 7-й и 10-й Всеитайских художественных выставок (全国美展), главный член жюри 11-й выставки, члена совета 6-го созыва Союза художников Китая (中国美术家协会); председателя Комитета по лаковой живописи Союза художников Китая (中国美术家协会漆画艺术委员会); председателя Комитета по лаковой живописи Союза художников Гуандуна (广东美术家协会漆画艺术委员会); члена совета Гуандунского общества содействия развитию китайской национальной культуры (广东省中华文化促进会).

Заключение. В отношении общественной деятельности Цай Кэчжэня необходимо отметить, что он являет пример молодым художникам, поскольку благодаря его работе в сфере образования можно наблюдать становление внутреннего мира художника. В 2023 г. в выставочном зале «Линнань» (Гуанчжоу, провинция Гуандун) состоялась его персональная выставка «Искусство лаковой живописи Цай Кэчжэня», означившая итог его творческого пути (Рис. 11). Куратором выставки выступила Ассоциация содействия развитию этнической культуры по поручению премьер-министра Чжоу.

Таким образом, рассматривая исторически неизбежные преобразования технологий художественных лаков и содержательного компонента этого вида искусства Китая, приведенных на примере творческого пути Цай Кэчжэня, можно сделать вывод о том, что: материалы и художественные приемы используются в современных технологиях лакового искусства, обнаруживая совершенство творческих решений; китайские лаковые росписи популярны, оригинальны на уровне национального бренда и способны совмещать веяния глобализма с утонченным профессиональным прочтением простых сюжетов художниками Китая.

Библиографический список

1. ВанХу. Краткий обзор лаковой живописи. [М]. Нанкин: Издательство изящных искусств Цзянсу. Изобразительное искусство», 1999.
2. Ин Цюхуа. Современная лаковая живопись Китая и материалы // Уси: Вестник Наньянского института, 2007. № 12.
3. Ли Юнцин. Тенденция создания современной темы лаковой живописи [J]. Журнал Нанкинской академии искусств, 2014.
4. Лю Тун. Исследование тенденций создания современной китайской лаковой живописи [D]. Пекин: Докторская диссертация Китайской академии искусств, 2016.
5. Коллекция работ первой Национальной выставки лаковой живописи. Под редакцией комиссии первой Национальной выставки лаковой живописи. [М]. Фучжоу: Фуцзяньское издательство изобразительного искусства, 2002.
6. Цай Кэчжэнь. Лаковая живопись. Лаковые слова - Избранные эссе Цай Кэчжэня [М]. Гонконг: Гонконгское изд-во «Вэньхуэй», 2010.
7. Цай Кэчжэнь, Вэнь Гу Чжисинь. Исследовательская коллекция вьетнамской лаковой живописи 1930-2006 годов [М]. Гуанчжоу: Издательство изящных искусств Линнань, 2018.
8. Цяо Шигуан. Полное собрание произведений современного китайского искусства (лаковая живопись) [М]. Новая китайская лаковая живопись. Пекин: Народное издательство изящных искусств, 1998.
9. Цяо Шигуан. Техника лаковой живописи и художественное самовыражение. Хунань: Издательство изобразительных искусств Хунани, 1997.
10. Цяо Шигуан. Краткий отчет повыващелакковой живописи в Фуцзяни: идея и концепция [J]. Изобразительное искусство, 1980.
11. У Идин. Лак обладает образами и мастерством - это говорит об образности и мастерстве исполнения современной лаковой живописи [J], 2014. № 33 (4). С. 47-51.
12. Рыбаков С.В. Между вольницей и служением: из ранней истории казачества // Альманах Казачество. 2020. № 47 (5). С. 9-19.

References

1. Wang Hu. A Brief Overview of Lacquer Painting. [M]. Nanjing: Jiangsu Fine Arts Publishing House. Fine Art, 1999.
2. Ying Qiuhua. Modern Chinese Lacquer Painting and Materials // Wuxi: Bulletin of Nanyang Institute, 2007. № 12.
3. Li Yongqing. The Creation Trend of Modern Lacquer Painting Theme [J]. Journal of Nanjing Academy of Arts, 2014.
4. Liu Tong. Research on the Creation Trend of Modern Chinese Lacquer Painting [D]. Beijing: Doctoral Dissertation of China Academy of Arts, 2016.
5. Collection of Works of the First National Lacquer Painting Exhibition. Edited by the Committee of the First National Lacquer Painting Exhibition. [M]. Fuzhou: Fujian Fine Arts Publishing House, 2002.
6. Cai Kezhen. Lacquer Painting. Lacquer Words - Selected Essays of Cai Kezhen [M]. Hong Kong: Hong Kong Wenhui Press, 2010.
7. Cai Kezhen, Wen Gu Zhixin. Research Collection of Vietnamese Lacquer Painting 1930-2006 [M]. Guangzhou: Lingnan Fine Arts Publishing House, 2018.
8. Qiao Shiguang. Complete Works of Modern Chinese Art (Lacquer Painting) [M]. New Chinese Lacquer Painting. Beijing: People's Fine Arts Publishing House, 1998.
9. Qiao Shiguang. Lacquer Painting Technique and Artistic Expression. Hunan: Hunan Fine Arts Publishing House, 1997.
10. Qiao Shiguang. Brief Report on the Fujian Lacquer Painting Exhibition: Idea and Concept [J]. Fine Arts, 1980.
11. Wu Yiding. The varnish has images and craftsmanship - this speaks of the imagery and craftsmanship of contemporary varnish painting [J], 2014. № 33 (4). P. 47-51.
12. Rybakov S.V. Between freedom and service: from the early history of the Cossacks // Almanac Cossacks. 2020. № 47 (5). P. 9-19.

Масехнович С.Е.*Аспирант. Факультет культурологии. Челябинский Государственный институт культуры.***Театр как мифологема: архетипическое пространство культурного нарратива***

Аннотация. Значимость исследования вызвана необходимостью понять театр в современности, где традиция взаимодействует с виртуальной практикой. В статье раскрывается понимание театра как мифологеми, его эволюция от ритуалов архаики до цифровых форм, представленных XXI веком. Авторская трактовка театральной мифологеми состоит в том, что этот устойчивый символический конструкт, наделён архетипическими смыслами. Процедуры анализа зарождения и эволюции театра как формы искусства применяются для обоснования его значения в качестве репрезентации бытия человека. Особое внимание автора на диалектическом процессе между традиционными мифологическими структурами и современными изменениями в театральном языке. В работе проводится анализ того, как театр в форме контркультуры (Б. Брехт, А. Арто, Т. Кантор) и виртуализация переосмысливают архетипические нарративы, при этом способствуя созданию новых форм театральности, в результате чего появляются феномены «темпоральной эластичности» и «распределённой интимности».

Методологией исследования послужил исторический подход, применены герменевтический и семиотический методы, а также сравнительно-мифологический метод, медиатеория. Результаты показывают, что театр сохраняет связь с мифом, который выступает пространством «вечного возвращения архетипов» (М. Элиаде), несмотря на то, что обнаруживаются радикальные трансформации медиасреды.

Ключевые слова: театр, мифологема, архетип, культурный нарратив, цифровизация, авторский театр, постдрама, ритуал, лиминальность, телесность.

Masekhnovitch S.E.*Graduate student of the Chelyabinsk State Institute of Culture.***Theatre as a mythologeme: the archetypal space of cultural narrative**

Abstract. This article offers a comprehensive study of theater as a mythologeme, tracing its evolution from archaic rituals to digital forms of the 21st century. Special attention is paid to the dialectic between traditional mythological structures and contemporary transformations of theatrical language. The work analyzes how auteur theater (Brecht, Artaud, Kantor) and digital technologies

* © Масехнович С.Е., 2025.

reinterpret archetypal narratives, creating new forms of theatricality. The methodological framework includes comparative historical analysis, semiotics, and media theory.

Key words: theater, mythologeme, archetype, cultural narrative, digitalization, auteur theater, postdrama, ritual, liminality, corporeality.

Театр, как одна из древнейших форм культурного выражения, изначально формировался в диалектике мифа и ритуала. Современные исследования (М. Элиаде [9], В. Тёрнер [11], Х.-Т. Леман [17]) подчеркивают его роль в конструировании коллективных смыслов через архетипические структуры. Однако в условиях цифрового общества (Р. Батаршин [3], К. Очеретяный [10]) возникает проблема адаптации театра в качестве мифологемы к новым медийным реалиям.

Современность, её театральный ландшафт сочетает в себе парадоксальным образом сосуществование архаических структур и цифровых инноваций. Как полагает Х.-Т. Леман: «постдраматический театр не отменяет миф, но переводит его в регистр визуальной и телесной коммуникации» [17, с. 87]. Такое положение дел имеет прямое отношение к авторскому театру, где режиссёр-драматург конструирует автономные мифологические системы, которые подчиняют себе внутреннюю логику спектакля. Научная новизна статьи состоит в объединении мифологического и медийного подходов, которые позволяют объяснить устойчивость театра в качестве культурной константы.

Целью авторского исследования является выявление механизмов сохранения и трансформации театральной мифологемы в условиях цифрового общества. В связи с этим ставятся следующие задачи:

1. Реконструкция мифоритуальных оснований театра.
2. Анализ контркультурных стратегий авторского театра.
3. Исследование цифровых трансформаций театральной мифологии.

Как показывает М. Элиаде, ритуальные практики архаических культур содержали в себе три ключевых элемента будущего театра:

1. сакральное пространство (топос);
2. циклическое время;
3. коллективное переживание [9, с.34].

Античный театр объединял все указанные элементы институционально, но при этом сохранял связь с мифологическим сознанием. Так структура трагедии Софокла воспроизводит схему ритуала инициации: герой проходит различные испытания через страдания к катарсису. Истоки театра уходят практики архаики, где ритуал и миф оказывались слиты в космогоническое действие (Элиаде [9]). Дж. Фрейзер полагал, что приоритетом выступает именно ритуал перед мифом, рассматривая театр как

производную составляющую от сакральных обрядов, в качестве которых служат инициации и календарные праздники [Цит. по 13, с. 79]. В античной трагедии происходит процесс трансформации сакрального в эстетическое, при этом сохраняется связь с архетипами, судьба Эдипа или Агамемнона не является исключительно индивидуальной драмой, а выступает как вневременная коллизия, где сцена – это пространство «вечного возвращения» (М. Элиаде), в котором зритель переживает катарсис, находясь в состоянии сопричастности мифу. Появляющаяся двойственность – это фиксация и мгновения, и вечности, которая отражается в структуре театрального действия. Герои в античной трагедии – это носители коллективного бессознательного, а перипетии – это трансляция экзистенциальных состояний. Роль театра заключается в том, чтобы вывести зрителя за пределы этого хронотопа, погрузив наблюдателя в пространство мифа, который существует вне времени. По В. Тёрнеру театр можно рассматривать как «лиминальный феномен», переходный ритуал, в котором разрушаются привычные социальные роли и актуализируются архаические паттерны [11, с. 112]. Например, в «Гамлете» Шекспира метатеатральные приемы («Мышеловка») раскрывают мифологему двойственности, стирая границы между реальностью и иллюзией [12, с. 56]. Этот эффект усиливается в постдраматическом театре, где нарратив уступает место полифонии визуальных и телесных кодов. Любой спектакль создаёт уникальное «переходное» пространство, где зритель, идентифицируя себя с персонажами, переживает катарсис — очищение через сопереживание. Театральная мифологема функционирует по принципу «плавающего означающего» (Леви-Стросс) [Цит. по 8, с. 121]. В классической традиции (Шекспир) она воплощалась через устойчивые сюжеты («Гамлет» как архетип мести). В авторском театре XX века (Кантор) миф деконструируется, но сохраняется на уровне телесных практик («Мертвый класс» как ритуал памяти) [7]. Этот дуализм объясняет живучесть театральных форм в меняющихся культурных контекстах.

XX век радикально переосмыслил миф: от деконструкции у Брехта и Беккета до его реабилитации в постдраматическом театре. В «В ожидании Годо» [3] реализуется архетип Сизифа, а эпический театр Брехта [4] через «отчуждение» призывает зрителя к критической рефлексии. Герои Беккета реализуют миф о Сизифе, находясь в повторяющемся цикле бессмысленных, абсурдных действий. Брехт же через эффект «отчуждения» передаёт зрителю аналитическую функцию, предлагает смотрящему деконструировать мифы самостоятельно, обращаясь к собственной рефлексии. Однако театру всё же необходим сам диалог с архетипическим, что подтверждает необходимость мифологем в театральном дискурсе.

Кросскультурный анализ (японский театр Но, индийская Катхакали [15]) подтверждает универсальность театральной мифологемы. Маски

Дзэами [7] или мудры Катхакали кодируют вневременные состояния, превращая спектакль в медитативный акт. Например, в театре Катхакали сюжеты «Махабхараты» передаются через систему жестов (мудр) и мелодий (раг), что близко архаическим ритуалам. Персонажи пьес Дзэами Мотокиё, такие как призрак-воин или страдающая женщина, не индивидуализированы — они репрезентируют состояния бытия: скорбь, гордыню, просветление; сюжеты из мифов «Махабхараты» или «Рамаяны» превращают спектакль в акт медитации и соединения зрителя с божественным.

Таким образом, авторский театр можно интерпретировать в качестве контрмифологии, где происходит деконструкция традиции и выделить три стратегии переосмысления мифа в авторском театре. Для постановок Брехта характерна рациональная демифологизация («эффект отчуждения» как разрушение иллюзии) [5]; для театра Арто - архаическая ремифологизация (возврат к дотекстовым формам выражения) [5]; для экспериментов Кантора - экзистенциальная трансформация, (где миф воплощает личный травматический опыт) [14]. Поэтому театр не просто отражает культурный код, но может и активно конструировать его, вовлекая зрителя в размышление о вечных, космогонических вопросах человечества. И даже в условиях современной, цифровой эпохи, в условиях конкуренции виртуального мира и живого присутствия, театр остаётся «храмом» мифа — местом, обладающим единым хронотопом, в котором слово, пластика, голос и художественный образ сливаются в одном ритуале переосмысления бытия.

Эти подходы создали предпосылки для современного постдраматического театра, где в котором миф существует как «горизонтальная» структура (Леман). Так в спектаклях Ромео Кастеллуччи или Яна Фабра мифологема: теряет нарративную целостность; материализуется в теле актера (перформативные практики); инкорпорирует цифровые технологии (видеопроекции, VR). Как отмечает Дж. Джаннаки, «цифровой театр не отменяет ритуал, но создает его гибридные формы» [16]. В связи с распространением цифровизации возникает новая онтология спектакля.

Цифровизация порождает:

1. Множественность присутствия (зритель одновременно в зале и в чате);
2. Нелинейное время (возможность паузы, повтора);
3. Гибридную телесность (моушен-кэпшн, аватары) [10].

Проекты типа «БДТ digital» демонстрируют, как традиционные мифологемы (например, хор) адаптируются к цифровой среде [2]. По Ж. Бодрийяру, цифровой театр существует в режиме гиперреальности, так «Виртуальный Художественный Театр» создает эффект присутствия через Zoom; иммерсивные проекты стирают границу реального/воображаемого; NFT-спектакли превращают перформанс в цифровой артефакт [3, с. 14].

Эта ситуация требует переосмысления традиционных категорий театроведения. Как отмечает Р. Батаршин, проекты типа БДТ digital сохраняют «ауру» живого присутствия, несмотря на виртуальный формат, через интерактивные элементы (например, «утренняя гимнастика» в Zoom) [2, с. 12]. Иммерсивные спектакли реанимируют миф об инициации, вовлекая зрителя в лиминальный опыт (Тёрнер), где граница между актером и наблюдателем исчезает. Современный театр (П. Брук, иммерсивные практики) интегрирует цифровые технологии, создавая гибридные мифологемы.

Резюмируя, театр продолжает выполнять мифологическую функцию даже в цифровую эпоху, но механизмы этой трансляции радикально меняются. Как показывает анализ, современные формы театральности:

1. Сохраняют связь с архетипическими структурами;
2. Трансформируют традиционные мифологемы через технологии;
3. Создают новые ритуальные практики (например, «распределенную интимность»).

Перспективы исследования связаны с изучением нейротheaterа и ИИ-перформансов, где мифологема может обрести принципиально новые формы. Театр остается мифологемой, адаптирующей архетипы к меняющимся культурным контекстам.

Библиографический список

1. Арто А. Театр и его двойник. – СПб.: Симпозиум, 2000. 202 с.
2. Батаршин Р.Р. Феномен цифровизации драматического театра как новейший опыт БДТ Г.А. Товстоногова // *Философия и культура*. 2023. № 5. С. 12-14.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2000. 96 с.
4. Беккет С.В ожидании Годо / С. Беккет; пер. с фр. М. Бент. – М.: Текст, 2004. 128 с.
5. Брехт Б. О театре. Сборник статей. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 366 с.
6. Брук П. Пустое пространство / П. Брук; пер. с англ. Ю. Смирнова. – М.: Артист. Режиссёр. Театр, 2003. 157 с.
7. Дзэами М. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн) / М. Дзэами; пер. с яп. Н.Г. Анарина. – М.: Наталис, 2009. 304 с.
8. Кастру Э. В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 404 с.
9. Мирча Э. Миф о вечном возвращении / Э. Мирча; пер. с фр. Е. Морозовой. – СПб.: Академический проект, 2000. 252 с.
10. Очеретяный К.А. Судьба телесности в цифровую эпоху // *Studia Culturae*. 2018. № 37. С. 59-66.
11. Тёрнер В. Символ и ритуал / В. Тёрнер; пер. с англ. В. Крюковой. – М.: Наука, 1983. 277 с.
12. Шекспир, У. Гамлет / У. Шекспир; пер. с англ. Б. Пастернака. – М.: АСТ, 2018. 256 с.
13. Андреева Н. С. Магия - ритуал - миф в теориях культуры (Дж. Фрэйзер и Б. Малиновский) // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2018. № 3. С. 76-83. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/magiya-ritual-mif-v-teoriyah-kultury-dzh-frezer-i-b-malinovskiy> (Дата обращения: 19.07.2025).
14. Осиньский З. Кантор и Гротовский: два взгляда на театр // *Вопросы театра*. 2008. № 1-2. С. 318-357. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kantor-i-grotovskiy-dva-vzglyada-na-teatr> (Дата обращения: 19.07.2025).
15. Byrski M.C. Kathakali: The Art of Non-Western Theatre // *Asian Theatre Journal*. 1984. Vol. 1. № 2. P. 147-160.

16. Giannachi G. *Virtual Theatres*. London: Routledge, 2004. 192 p.
17. Lehmann H.-T. *Postdramatic Theatre* / H.-T. Lehmann; trans. K. Jürs-Munby. – London: Routledge, 2006. 218 p.
18. Рыбаков С.В. О сущности веры // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 6. № 47. С. 576-582.

References

1. Artaud A. *The Theatre and Its Double*. St. Petersburg: Symposium, 2000. 202 p.
2. Batarshin, R.R. The Phenomenon of Digitalization of Drama Theatre as the Latest Experience of G.A. Tovstonogov's Bolshoi Drama Theatre // *Philosophy and Culture*. 2023. № 5. P. 12-14.
3. Baudrillard, J. In the Shadow of the Silent Majority, or The End of the Social. Yekaterinburg: Ural University Press, 2000. 96 p.
4. Beckett, S. *Waiting for Godot* / S. Beckett; trans. from French by M. Bent. – Moscow: Text, 2004. 128 p.
5. Brecht, B. *On the Theatre. A Collection of Articles*. – M.: Izdatelstvo otdelnoy literatury, 1960. 366 p.
6. Brook P. *Empty Space* / P. Brook; translated from English by Yu. Smirnova. – M.: Artist. Director. Theater, 2003. 157 p.
7. Zeami M. *The Legend of the Flower of Style (Fushi kaden)* / M. Zeami; translated from Japanese by N.G. Anarina. – M.: Natalis, 2009. 304 p.
8. Castro E. V. de. *Cannibal Metaphysics. Frontiers of Poststructural Anthropology*. – M.: Ad Marginem Press, 2017. 404 p.
9. Mircea, E. *The Myth of Eternal Return* / E. Mircea; translated from French by E. Morozova. – St. Petersburg: Academicheskyy proekt, 2000. 252 p.
10. Ocheretyany K.A. *The Fate of Corporeality in the Digital Age* / K.A. Ocheretyany // *Studia Culturae*. 2018. № 37. P. 59-66.
11. Turner V. *Symbol and Ritual* / V. Turner; trans. from English by V. Kryukova. – Moscow: Nauka, 1983. 277 p.
12. Shakespeare, W. *Hamlet* / W. Shakespeare; trans. from English by B. Pasternak. – Moscow: AST, 2018. 256 p.
13. Andreeva N.S. Magic - Ritual - Myth in Cultural Theories (J. Frazer and B. Malinovsky) // *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2018. № 3. P. 76-83. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/magiya-ritual-mif-v-teoriyah-kultury-dzh-frezer-i-b-malinovskiy> (19.07.2025).
14. Osinsky Z. Kantor and Grotowski: Two Views on Theater // *Voprosy teatra*. 2008. № 1-2. P. 318-357. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kantor-i-grotovskiy-dva-vzglyada-na-teatr> (19.07.2025).
15. Byrski M.C. *Kathakali: The Art of Non-Western Theatre* // *Asian Theatre Journal*. 1984. Vol. 1. № 2. P. 147-160.
16. Giannachi G. *Virtual Theatres*. London: Routledge, 2004. 192 p.
17. Lehmann H.-T. *Postdramatic Theatre* / H.-T. Lehmann; trans. K. Jürs-Munby. – London: Routledge, 2006. 218 p.
18. Rybakov S.V. About the essence of faith // *Mission confessions*. 2020. Volume 9. Issue 6. № 47. P. 576-582.

Мирошниченко Е.В.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород.

Ефремова П.И.

Старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород.

Шеметова Е.А.

Старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород.

Щербаев А.А.

Аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения. Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород.

Культурно-досуговые программы патриотической направленности как компонент креативных индустрий в развитии гражданской и творческой активности молодежи*

Аннотация. Развитие гражданской активности современной молодежи представляет собой важную социокультурную проблему, которая находится в поле научного внимания и практики работы с этой возрастной группой. Развитие гражданской активности молодежи можно рассматривать как условие успешного и эффективного развития общества. Особое значение для развития гражданской активности имеют культурно-досуговые программы патриотической направленности для молодежи, потенциал которых обосновывается в настоящей статье. Авторы обращаются к феномену культурно-досуговых программ в аспекте воспитания и формирования личности, показывают их комплексное воздействие на эмоциональную сферу молодых людей с последующим положительным влиянием на формирование активной гражданской позиции. Сделан вывод о том, что в практике работы с молодежью в сфере свободного времени целесообразно активизировать культурно-досуговые программы патриотической направленности, которые формируют целый комплекс ценностно-ориентационных качеств активного гражданина общества и равнодушной личности, готовой к преобразовательной деятельности во имя этого общества.

Ключевые слова: молодежь, культурно-досуговые программы патриотической направленности, досуговое время, гражданская активность, патриотические качества личности.

* © Мирошниченко Е.В., Ефремова П.И., Шеметова Е.А., Щербаев А.А., 2025.

Культурно-досуговые программы патриотической направленности как компонент креативных индустрий в развитии гражданской и творческой активности молодежи

Miroshnichenko E. V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod.

Efremova P. I.

Senior Lecturer, Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod.

Shemetova E. A.

Senior Lecturer, Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod.

Shcherbaev A. A.

Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Studies. Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod.

Potential of cultural and recreational programs with a patriotic orientation in the development of civic activity of youth

Abstract. The development of civic activity of modern youth is an important socio-cultural problem, which is in the field of scientific attention and practice of working with this age group. The development of civic activity of youth can be considered as a condition for the successful and effective development of society. Of particular importance for the development of civic activity are cultural and leisure programs of patriotic orientation for young people, the potential of which is substantiated in this article. The authors address the phenomenon of cultural and leisure programs in the aspect of education and personality formation, show their complex impact on the emotional sphere of young people with subsequent positive influence on the formation of an active civic position. It is concluded that in the practice of working with young people in the sphere of free time, it is advisable to activate cultural and leisure programs of patriotic orientation, which form a whole complex of value-oriented qualities of an active citizen of society and a caring person ready for transformative activities in the name of this society.

Key words: youth, cultural and leisure programs of patriotic orientation, leisure time, civic activity, patriotic personal qualities.

Развитие современного общества неразрывно связано с гражданской активности молодого поколения, которое можно считать его стратегическим ресурсом. Молодежь является самой активной, мобильной, перспективной возрастной группой, готовой участвовать во всех социально-культурных процессах. Возрастные особенности молодежи обуславливают активизацию внимания к проблеме формирования и развития ее гражданской ак-

тивности. В современных условиях внимание к развитию гражданской активности молодого поколения значительно возросло, что обуславливается не только потребностями общества в поколении, готовом к его конструктивному преобразованию, но и необходимостью воспитания сознательной, целеустремленной, ответственной и духовно-развитой личности.

Гражданственность является одной из главных ценностных ориентаций человека, определяющей ее желание и готовность мыслить и действовать во имя глубинных интересов общества, утверждения общечеловеческих ценностей и норм цивилизованного мира.

Проявление гражданской активности не целесообразно рассматривать вне патриотизма. Эти понятия взаимосвязаны и взаимозависимы. Не будучи патриотом своей Родины, вряд ли можно испытывать потребность в деятельности на ее благо и совершенствование. Формирование и развитие патриотизма молодежи можно рассматривать как основание для проявления ее гражданской активности.

Проблема воспитания и развития гражданской активности молодежи находится в научной и практической плоскости различных социальных институтов общества, где особое место занимают субъекты социально-культурной деятельности, организующие работу с этой возрастной группой в сфере свободного времени. В многосубъектной системе социально-культурной деятельности в аспекте развития гражданской активности молодежи выделяются учреждения культурно-досугового типа. Наличие большого воспитательного и культуроформирующего потенциала, сосредоточенного в формах, средствах и методах воздействия на эмоциональную сферу человека, обуславливает приоритетное место этих субъектов в работе с молодежью, в том числе, в аспекте развития ее гражданской активности. Из широкого перечня форм социально-культурной деятельности с молодежью по этому направлению, можно выделить культурно-досуговые программы патриотической направленности. Успешность использования культурно-досуговой деятельности в воспитании подростков обусловлена тем, что досуг основывается на принципе абсолютной добровольности, удовольствия, на эмоционально-чувственном восприятии оказывает положительное воздействие на результат.

Теоретические аспекты проблемы освещаются в работах А.В. Бородинной, Н.В. Волковой, Г.И. Герасимовой, Л.А. Гусевой, О.П. Глущенко, В.А. Грибановой, И.Н. Григорьева, Н.Е. Давыдовой, Ю.В. Караполовой, А.А. Коршак, М.В. Корниенко, Р.В. Парма, С.В. Патрушева и других.

Потенциал культурно-досуговой деятельности и культурно-досуговых программ раскрыт такими исследователями, как Г.А. Аванесова, А.Д. Жарков, Т.А. Погрешаева, Ю.А. Стрельцов, Е.Ю. Стрельцова и другие.

Роль культурно-досуговых программ патриотической направленности в развитии гражданской активности молодежи обоснована в публи-

кациях Д.В. Вереевой, А.А. Гараниной, В.И. Солодухина, Г.С. Тихоновской, Д.В. Шамсутдиновой и других авторов.

Развитие государства и общества всегда находилось в прямой зависимости от активности ее граждан. В современных условиях проблема развития гражданской активности населения занимает одно из главных мест в теории и практики социально-культурной деятельности. Активное участия граждан в общественной жизни страны, развитии ее социальных институтов, определяется как важные аспекты построения в России солидарного общества.

В каждом обществе молодежь составляет значительную часть всего населения. Это наиболее мобильная, сильная, активная часть населения, которое в перспективе станет главным ресурсом государственного и общественного развития. От степени сформированной гражданской позиции молодежи и ее активном участии в жизни общества зависит состояние и благополучие этого общества. Сегодня в России отмечается рост гражданской активности молодого поколения и актуализация у нее гражданских ценностей, что с одной стороны, обуславливается возрастными особенностями, с другой стороны, позитивными общественными изменениями, связанными с интенсивностью социальных процессов.

Активная личность проще адаптируется в окружающей среде, адекватно и быстро реагируя не ее изменения. Активность способствует участию человека в деятельности, активизируя потребность в создании новых предметов, образов, смыслов. Как верно отмечено в публикации Н.А. Канаевой, активность личности характеризуется целенаправленностью, мотивацией, осознанностью, эмоциональностью, инициативностью и ситуативностью [2].

Исследование терминологического аспекта гражданской активности личности, нами отмечается, что данное понятие предопределено такими терминами, как «гражданственность» и «гражданская позиция». Гражданственность относится к ценностным ориентациям и нравственным качествам личности. Подробный анализ подходов к определению гражданской позиции дает в своей публикации О.П. Глушенко, в результате чего приходит к выводу, что это понятие многокомпонентное, которое включает в себя знания, ценности и действия личности, выражающие ее отношение к важным вопросам общественной жизни [1, с. 155].

В аспекте нашего исследования выделена диссертационная работа К.И. Маслова, который в процессе систематизации существующих теоретических междисциплинарных подходов к определению термина «гражданская позиция», выделяет патриотическую составляющую. Автор среди доминирующих точек зрения отмечает, что гражданская позиция предполагает наличие чувства гражданского долга и гражданской ответственности, патриотическое отношение к родине, позитивный взгляд на государство и гражданское общество [4].

Степень развития гражданской активности можно определить при анализе определенных показателей (Рис. 1).

Изменения, происходящие в современном российском обществе, актуализируют проблему развития гражданской активности молодого поколения, как непосредственных участников общественных процессов. Для современной молодежи появились широкие возможности, новые механизмы и формы проявления своей гражданской активности в целях самореализации и улучшения жизни в обществе.

В настоящее время государство осуществляет значительную поддержку деятельности общественного движения молодежи, которое проявляется в работе молодежных социокультурных общностей, общественных палат и парламентов, добровольческом и благотворительном движении и т.д. Государственную поддержку находят интересные грантовые программы и молодежные проекты, массовые добровольческие акции и движения. Молодые люди, активно участвующие в жизни государства и общества, имеют возможность продвижения по карьерной лестнице, получения поддержки для открытия собственного бизнеса и прочее.

Развитие гражданской активности является важной задачей субъектов, занятых в системе формирования, развития и совершенствования личности. В этой системе важное место занимают социально-культурные институты, осуществляющие работу с молодым поколением в сфере свободного времени и располагающие большим арсеналом форм, средств и методов воздействия на эмоциональную сферу человека. Особое значение в аспекте развития гражданской активности имеют культурно-досуговые программы патриотической направленности для молодежи, потенциал которых еще недостаточно обоснован.

Степень сформированности патриотических качеств личности молодежи оказывает влияние на повышение ее гражданской ответственности за судьбу страны, благополучие граждан, свое собственное предназначение в строительстве солидарного общества. В этой связи особого внимания заслуживают

Рис. 1. Критерии оценки гражданской активности.

технологии и практики развития гражданской активности молодежи через патриотический компонент. В системе социальных институтов, работающих с молодым поколением, целесообразно выделить культурно-досуговые учреждения, функционирующие в сфере свободного времени. Во-первых, эти субъекты располагают большим воспитательным и культуроформирующим потенциалом, реализуемым через широкий перечень форм, средств и методов эмоционального воздействия на сознание человека. Эмоциональное восприятие материала, транслируемого в ходе культурно-досуговой деятельности, обеспечивает его более эффективное понимание и освоение.

Во-вторых, в сфере досуга реализуется принцип самодеятельности и свободы выбора, что очень важно для молодежи в силу ее возрастных особенностей. Свободный выбор занятий, основанный на интересе и потребностях молодых людей, обеспечивает высокие результаты в аспекте формирования, воспитания и развития личности.

В-третьих, культурно-досуговые учреждения формируют комфортную художественно-творческую среду, в которой молодежь может не только получать и осваивать полезную информацию, но и вести активную творческую работу, заполняя свое свободное время полезной, развивающей, духовно обогащающей деятельностью.

В системе работы культурно-досуговых учреждений с молодым поколением по развитию гражданской активности важное место занимают культурно-досуговые программы патриотической направленности. Считаем целесообразным обращение к понятийному компоненту в данном аспекте. Выделение культурно-досуговой программы из общей системы культурно-досуговой деятельности с молодежью обусловлено не только важностью научного осмысления ее феномена, но и ее возрастающей ролью в современном обществе. Как отмечает Г.С. Тихоновская: «Культурно-досуговая программа выступает самым существенным результатом деятельности, в первую очередь, традиционных учреждений культуры <...>» [5, с. 232]. Результатом деятельности культурно-досуговых учреждений как раз таки является культурно-досуговая программа, т.е. комплекс разнотематических программ для всех групп населения, направленных на воспитание и формирование личности в сфере свободного времени.

В другом источнике культурно-досуговая программа определяется как организованный комплекс мероприятий, направленных на обогащение культурной жизни общества и удовлетворение потребностей людей в активном досуге [7]. С точки зрения структуры и ее обязательных компонентов, культурно-досуговая программа понимается как смонтированный воедино комплекс разнородных элементов: танцевальные блоки, игры, встречи с интересными людьми, концертные номера и многое другое [3].

Несмотря на разные варианты определения понятия, каждое из них выражает сущность и раскрывает социокультурный смысл культурно-до-

суговой программы как значимой социально-культурной формы.

По отношению к обществу и человеку, культурно-досуговая программа выполняет важные функции и проявляет себя в разных аспектах (Рис. 2).

Обоснование феномена культурно-досуговой программы, многозначное ее проявление по отношению к обществу и человеку обосновала Г.С. Тихоновская в своем диссертационном исследовании и монографии «Теоретико-методологические основы технологии культурно-досуговых программ» [6].

Культурно-досуговая программа – это вызов коллективной эмоции, она обращена к людям через механизм их чувственного восприятия и допускает в известных ситуациях их непосредственное вовлечение в сценическое действие. Культурно-досуговые программы являются эффективной формой трансляции мировоззренческих и ценностно-ориентационных смыслов. Каждая программа имеет свою педагогически обусловленную сверхзадачу, направленную на формирование и развитие личности. В культурно-досуговой программе умело подобраны средства эмоционального воздействия на человека, документальный и художественный материал, что обуславливает эффективность понимания ее идеи и всего содержания.

Культурно-досуговые программы патриотической направленности способствует развитию гражданской активности молодежи на все ее уровнях (Рис. 3).

Ценность культурно-досуговых программ патриотической направленности в работе с молодыми людьми в процессе формирования и развития

Рис. 2. Аспекты проявления культурно-досуговой программы.

гражданской активности заключается в самой сущности патриотизма. Ибо патриотизм – это, прежде всего, ответственность, долг, та высшая ступень в духовной жизни человека, на которой он отдает себя служению Родине. Культурно-досуговые программы патриотической направленности оказывают воздействие на молодых людей через художественно-выразительные средства, формирующие глубокое патриотическое сознание; транслирующие идеи служения Отечеству; воспитывающие уважение к истории страны и равнодушие к ее будущему. Каждая форма культурно-досуговой программы патриотической направленности имеет свою специфику, и по-особенному воздействует на аудиторию, в том числе, молодёжь. Среди наиболее часто реализуемых в практике культурно-досуговых программ патриотической направленности, можно выделить следующие формы: встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и локальных войн, тематические заседания патриотических клубов; конкурсные программы, патриотически фестивали, праздники, марафоны: тематические вечера, концерты, акции и многие другие мероприятия.

Культурно-досуговые программы патриотической направленности способствует развитию гражданской активности молодежи на все ее уровнях (Рис. 4).

Ценность культурно-досуговых программ патриотической направленности в работе с молодыми людьми в процессе формирования и развития гражданской активности заключается в самой сущности патриотизма. Ибо патриотизм – это, прежде всего, ответственность, долг, та высшая ступень в духовной жизни человека, на которой он отдает себя служению Родине.

Молодые люди, которые являются участниками культурно-досуговой программы, посредством художественного образа, переживая, впечатлений и эмоционального состояния наиболее эффективно воспринимает

Рис. 3. Уровни развития гражданской активности молодежи средствами культурно-досуговых программ.

транслируемую информацию, тем самым включаются в досуговое событие, становясь его активным субъектом. В ходе культурно-досуговой программы патриотической направленности формируются важные качества личности молодых людей, которые в жизни помогают стать активным гражданином своей страны. Культурно-досуговые учреждения, располагая большим воспитательным и культуроформирующим потенциалом, в работе с молодым поколением, имеют все возможности для формирования и развития мотивации, познавательного интереса и ценностных ориентаций в аспекте гражданской активности. Эти субъекты социально-культурной деятельности выступают регуляторами поведения молодых людей, участников художественной самодеятельности, клубов по интересам, проектируют и интегрируют усилия всех субъектов на решение задач, связанных с воспитанием активного гражданина общества, в том числе, посредством культурно-досуговых программ патриотической направленности.

В практике культурно-досуговых учреждений применяется большой спектр форм культурно-досуговых программ патриотической направленности для молодежной аудитории. Создаются новые формы, обусловленные как потребностями этой возрастной группы, так и новыми условиями, связанными с развитием информационных технологий и компьютерно опосредованной коммуникации.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Культурно-досуговые программы представляют собой комплекс возможностей для эмоционального воздействия на человека, использование которого в работе с молодым поколением дает хорошие результаты в процессе воспитания и развития личности. Для развития гражданской активности молодежи более эффективными являются куль-

Рис. 4. Уровни развития гражданской активности молодежи средствами культурно-досуговых программ.

турно-досуговые программы патриотической направленности, применяемые в практической деятельности учреждений культуры в различных формах (индивидуальных, групповых, массовых). Патриотические культурно-досуговые программы способствуют укреплению гражданской солидарности, формированию уважения к национальной истории, культуре и традициям, сохраняя культурное наследие народа России и создавая благоприятную атмосферу для развития общества в целом.

Культурно-досуговые программы патриотической направленности, реализуемые в работе с молодежью в сфере свободного времени, формируют целый комплекс ценностно-ориентационных качеств активного гражданина общества и неравнодушной личности, готовой к преобразовательной деятельности во имя этого общества.

Библиографический список

1. Глущенко О.П. Анализ подходов к определению понятия «гражданская позиция» // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69-1. С. 152-155.
2. Канаева Н.А. Активность как ценное качество самоопределяющейся личности // Психологические науки: теория и практика: матер. I Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2012 г.). – Москва: Буки-Веди, 2012. С. 102-104.
3. Культурно-досуговая программа // URL: https://rkrso-a.ucoz.ru/2021/distance_train/SKD/6-kulturno-dosugovaja_programma.kdp-sredstvo_.doc (Дата обращения: 22.06.2025).
4. Маслов К.И. Образовательная среда вуза как фактор развития гражданской позиции студентов: дис ... канд. пед. наук. Краснодар, 2008. 253 с.
5. Тихоновская Г.С. Культурно-досуговая программа как объект научного анализа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 36. С. 231-237.
6. Тихоновская Г.С. Теоретико-методологические основы технологии культурно-досуговых программ монография. – Москва: МГИК, 2017. 167 с.
7. Что такое культурно-досуговая программа? // URL: <https://znat.ra-dina.ru/articles/chto-takoe-kulturnaya-programma/> (Дата обращения: 04.05.2025).
8. Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. Коммуникация пожилых людей в социальных сетях Интернета // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 309-319.

References

1. Glushchenko, O.P. "Analysis of Approaches to Defining the Concept of "Civic Position"" // Problems of Modern Pedagogical Education. 2020. № 69-1. P. 152-155.
2. Kanaeva, N.A. "Activity as a Valuable Quality of a Self-Determining Personality" // Psychological Sciences: Theory and Practice: Proc. of the 1st Int. Scientific Conf. (Moscow, February 2012). – Moscow: Buki-Vedi, 2012. P. 102-104.
3. Cultural and Leisure Program // URL: https://rkrso-a.ucoz.ru/2021/distance_train/SKD/6-kulturno-dosugovaja_programma.kdp-sredstvo_.doc (22.06.2025).
4. Maslov, K.I. The Educational Environment of the University as a Factor in the Development of Students' Civic Position: Dissertation ... Cand. Ped. Sci. (Ed.). Krasnodar, 2008. 253 p.
5. Tikhonovskaya G.S. Cultural and Leisure Program as an Object of Scientific Analysis // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2016. № 36. P. 231-237.
6. Tikhonovskaya G.S. Theoretical and Methodological Foundations of the Technology of Cultural and Leisure Programs. Monograph. – Moscow: MGIC, 2017. 167 p.
7. What is a Cultural and Leisure Program? // URL: <https://znat.ra-dina.ru/articles/chto-takoe-kulturnaya-programma/> (04.05.2025).
8. Bormotova T.M., Mazaev Y.N. Communication of elderly people in social networks of the Internet // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 309-319.

Орлов-Давыдовский Г.А.

Преподаватель в HSE Design (Высшая школа экономики) и PMAT (Российская международная академия туризма). Соискатель факультета Культурологии РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет).

Культурная история звука: социальные и исследовательские практики*

Аннотация. Звуковая культура включает в себя множество проблемных областей: акустическая коммуникация, феномен шума, полевая запись, и т.д. В статье рассматриваются звуковые феномены и технологии, социокультурные практики и способы слушания звукового окружения, а вместе с этим слушательские умения анализировать, сохранять и воспроизводить звуковую культуру.

Исследование интегрирует теоретические разработки в области философии, медиа-теории, истории науки и культурной антропологии, предлагая концептуальные основания для дальнейшего изучения звуковой культуры. Работа направлена на формирование понятийного аппарата, необходимого для анализа звуковых феноменов в контексте современного социального, технологического и художественного поля, а также на выявление потенциальных направлений для институционализации звуковых исследований в отечественной научной среде.

Ключевые слова: звуковая культура, шум, слушание, полевая запись, звукозапись, звуковые исследования, культурная память.

Orlov-Davydovsky G.A.

Lecturer at HSE Design (Higher School of Economics) and RIAT (Russian International Academy of Tourism). Postgraduate student in the Faculty of Cultural Studies at the Russian State University for the Humanities.

Cultural history of sound: social and research practices

Abstract. Sound culture encompasses a wide range of problem fields, including acoustic communication, the phenomenon of noise, field recording, sonic memory and its preservation, auditory technological culture, acoustic ecology, and sound art, some of which are examined in detail in this article. The paper explores sonic phenomena and technologies, sociocultural practices, and ways of listening to the sonic environment, along with listener competencies in analyzing, preserving, and reproducing sound culture.

* © Орлов-Давыдовский Г.А., 2025.

Another significant direction of the study is the examination of technical “extensions of hearing”, from the first sound recording devices to contemporary digital audio recording and field practices. The research integrates theoretical developments in philosophy, media theory, history of science, and cultural anthropology, offering a conceptual foundation for further exploration of sound culture. The study aims to shape a terminological framework necessary for analyzing sonic phenomena in the context of contemporary social, technological, and artistic domains, and to identify potential pathways for the institutionalization of sound studies in the Russian academic context.

Key words: sound culture, noise, listening, field recording, sound recording, sound studies, cultural memory.

Введение

Звуковая культура, это одновременно универсальный и глубоко локализованный феномен, охватывающий всё человечество. Она присутствует в повседневности каждого человека, независимо от языка, религии или культурного кода. Звук обладает способностью преодолевать национальные различия, выступая как форма чувствования и понимания мира: он окружает, пронизывает, формирует идентичности и связывает людей в общем акустическом опыте. Именно поэтому звуковую культуру можно назвать частью мировой культуры в самом буквальном смысле, она принадлежит всем. В то же время звуковая культура неизбежно отражает этнокультурную и историческую специфику. Шум городской улицы в Стамбуле, колокольный звон в русской деревне, песнопения в тибетском монастыре – всё это звуковые маркеры, несущие культурные коды, память, ритуалы и способы жизни конкретных сообществ. Они формируют локальную акустическую идентичность и порождают особые формы слушания, которые могут быть недоступны или непривычны для «другого». Звуковая культура, таким образом, является не только глобальной, но и глубоко локальной: она укоренена в материальности пространства, времени и культурной памяти.

Современное общество характеризуется стремительным ростом интереса к звуку как к феномену, выходящему за пределы исключительно музыкального или аудиального. В условиях усиливающейся урбанизации, повсеместной цифровизации и расширения медиа пространств, звук приобретает всё более значимую роль в формировании культурной, социальной и телесной чувствительности человека. Одновременно с этим растет потребность в систематизации знаний о звуке и его функциях. Возникают новые практики слушания, а также методы фиксации, интерпретации и трансформации звукового опыта. Становится очевидным, что звук больше не может рассматриваться как вторичный по отношению к визуальному: он требует собственной теоретической базы, понятийного аппарата и

исследовательских стратегий.

В этом контексте звуковая культура выступает как междисциплинарное пространство, где пересекаются художественные, инженерные, антропологические, урбанистические и философские идеи. Она охватывает как материальное производство звука (через технологии, архитектуру, дизайн), так и символическое его осмысление (через ритуалы, память, искусство). Акустическая среда становится объектом как художественного переживания, так и социального регулирования, а шум, это не просто нежелательный фон, но важный индикатор культурных и политических трансформаций.

Переосмысление роли звука в культуре связано с необходимостью критической рефлексии над историей аудиальных практик и их современными формами. Это требует внимания к тем способам, которыми человек не только слышит, но скорее в которых он вслушивается, активно интерпретирует и воспринимает. Отсюда возникает исследовательская задача – понять, каким образом формируются звуковые среды, как трансформируются представления о шуме и тишине, и как технические средства записи и воспроизведения влияют на структуру восприятия и культурную память.

В связи с тем, что в работе часто появляется понятие «звуковая культура», оно несомненно требует разграничения с музыкальной и аудиальной культурой. Понятие звуковой культуры охватывает наибольшее смысловое поле. Оно включает как не слышимые, так и возможно слышимые вибрации, а это означает, что звуковая культура представляет собой совокупность всех практик производства, восприятия и интерпретации звука, включая шумы, тишину, речь, технологические сигналы и другие звучания. Термин «аудио» обозначает более узкую сферу, звук, захваченный, обработанный и воспроизведенный с помощью технических средств. В отличие от звука как физического или культурного феномена, аудио, это всегда результат медиатизации. Музыка, в свою очередь, представляет собой исторически сложившуюся и культурно институционализированную форму организации звука. Музыкальная культура предполагает наличие определенных кодов, жанров, композиторских стратегий и слушательских навыков. Музыка занимает особое положение на пересечении звуковой и аудиальной культуры. С одной стороны, она черпает свою материю из звука как вибрации, с другой – всё чаще реализуется через аудио технологии.

Звуковая, аудиальная и музыкальная культуры не являются изолированными образованиями. Они пересекаются во многих сферах, однако, оперируют разными способами и подходами в анализе, представлении своего объекта и предмета. Несмотря на это звук, аудио и музыка образуют динамическую иерархию, в которой звук выступает как универсальная

основа, аудио, как техническое медиа посредничество, а музыка уже как художественная и культурно нормативная форма.

1. Акустическая среда

Звуковая культура предполагает различные способы осмысления акустической среды, в которую погружен человек. Эколог звуковых ландшафтов Берни Крауз разделил все возможные источники звука на три типа: «первый – это геофония, небиологические естественные звуки, производимые в любой данной среде обитания, такие как шум ветра в деревьях или траве, журчание воды в ручье, волны на берегу океана или движение земли. Второй – биофония, коллективный звук, издаваемый всеми живыми организмами, обитающими в определенном биоме. И последний – антропофония, или все звуки, генерируемые людьми, которые можно разделить на поддающиеся контролю – например, музыка или речь, и другие, хаотичные и бессвязные – иногда их называют шумом. Один из моих коллег определил их как технофонию» [2].

По меньшей мере со времен промышленной революции антропофония кажется вышла на первый план в нашем акустическом ландшафте, поэтому первые акустические экологи обращали внимание на необходимость сохранения гео- и биофонных элементов, оттесняемых и заглушаемых техногенными звуками. Высокий уровень шума похоже может изменять циклы жизни насекомых, млекопитающих, амфибий [12] или, например, заставляет птиц переговариваться реже [8], что может вести к сокращению ареалов и представлять опасность для отдельных видов. Однако, антропофония не является единым звуковым массивом, и не может восприниматься лишь как однозначная угроза и помеха. Далее мы рассмотрим, как оформлялось и менялось с течением времени отношение к различным антропогенным звукам, и какие выходы из этого противоречия предлагает современная звуковая культура.

Ключевую роль в разговоре о смыслах, которыми человек наделяет звучащий мир и, в частности, антропофонию, играет феномен шума. Американский словарь Мерриам-Уэбстер определяет шум как «звук недостаточно приятный или очевидно неблагозвучный или громкий», «нежелательный или мешающий что-либо расслышать» и «раздражающий и вызываемый использованием механических и электронных устройств» [14]. Ввиду отсутствия основной тональности шум в общепринятом смысле считается вредным, некачественным звуком. До некоторой степени человеческий слух способен отфильтровывать то, что мы ситуативно считаем неинформативным фоном, но в обстоятельствах отсутствия контроля над звуком (издаваемым, например, строительной техникой за окном), последний начинает восприниматься как шум и помеха, о чем в своей статье пишет Вершинин С.Е. в статье «Звуковое пространство современного

города: проблема гармонизации» [22].

По замечанию теоретика кино Мишеля Шиона, «шумом может оказаться даже самая сладостная музыка Моцарта, если вы вынуждены ее слушать в ситуации, когда вам не до нее» [31, 84]. Верно и обратное – изменив рамку восприятия, можно слушать повседневные шумы как музыку, а также распознавать шум как поле коммуникации. Таким образом, нейтральное, заинтересованное или негативное отношение к шуму определяется не столько его сущностными характеристиками, сколько контекстом и (не) возможностью его контролировать.

Контроль над звуком в социальном пространстве осуществляется на разных уровнях (например, индивидуальные инициативы, жалобы или групповые обращения с целью изменения тех или иных аспектов акустической среды), и один из самых очевидных его проявлений – политика борьбы с шумовым загрязнением в городах. Так в послевоенном СССР при Санитарно-эпидемиологической станции Москвы появилась лаборатория по изучению городского шума, и на основе собранных ею данных «Академия наук вместе с Министерством здравоохранения должны были разработать нормы шумности различных источников. Также лаборатория следила за соблюдением шумового режима в Москве и проверяла нормы звукоизоляции в новых и проектируемых зданиях. Планировалось, что начнется и выпуск автомобилей со сниженным звуковым сигналом для создания нейтрального шумового режима» [23].

Параллельно, с 1960-х годов европейские градостроители решали проблему транспортной перегруженности и связанного с ней уровня шума организацией пешеходных улиц и планированием зеленых насаждений. Разрабатывавшаяся с 1999 года Лондонская стратегия окружающего шума включала «защиту с помощью шумоподавляющих поверхностей в дорожном строительстве и движении транспорта, запрет ночных полетов над Лондоном и снижение шума за счет улучшения стратегий планирования и проектирования, связанных с новым жильем» [25, 24].

Однако внимание к звуковому измерению мегаполисов не ограничивается инженерным и археоакустическим планированием. Звуковой профиль городов и отдельных районов определяется характерными джинглами и объявлениями в транспорте, звуками работы различных автоматов, тональностями сирен экстренных служб, расположением объектов, работа которых производит определенные шумы (школ, заводов, церквей) и т.д. Привыкающие к звуковому ландшафту местные жители могут даже ностальгировать по некоторым его утраченным элементам.

В связи с этим, звуковые исследователи, художники и дизайнеры, создают новые объекты с учетом локальных слушательских практик и звуковых феноменов, а также сохраняют память об «акустическом прошлом» посредством работы со звуковыми архивами. Современная концепция

антропогенного шума и связанные с ней градостроительные и артистические практики восходят к итальянскому футуризму, а также творчеству и концепции других звуковых художников прошлого столетия.

2. Звуковые расширения человека

Начало XX века стало поворотным моментом в истории звуковой культуры не только благодаря демократизации и распространению новых звуковых технологий, но и в связи со сломом традиционных иерархий в художественной практике и философии звука. Итальянский футурист Луиджи Руссоло объявил современную им музыку неадекватной стремительным изменениям новой индустриальной эры: в манифесте «Искусство шумов» [26] он отказался от привычной гармонии, призвав уподобляться музыке машин и заводов – так едва ли не впервые диссонансирующие, нежелательные, инвазивные техногенные звуки признаются естественной для современного горожанина акустической средой и, фактически, гимном нового века. Руссоло создавал свой анти-музыкальный язык с помощью шумовых машин «Интонарумори» [1], которые имитировали различные городские источники звука.

Позднее в СССР свои шумовые машины создавал актер и звуковой художник МХАТа Владимир Попов [28]. Приборы Попова служили созданию нужной атмосферы через акустические эффекты (например, имитацию звука грозы или прибытия поезда) – и стали одним из ранних примеров звукового дизайна в театре и кино.

Художественная практика Джона Кейджа, концептуального композитора и участника авангардного движения «Флюксус», выводит на первый план отношения между шумом и тишиной, важными для современной звуковой культуры концептами. В безэховой комнате Гарвардского университета он «услышал, что тишина – это не отсутствие звука, но неподконтрольное функционирование нервной системы и циркуляция его крови» [5] и этот опыт привел к созданию самого знаменитого его произведения «4'33». Поместив публику в ситуацию особого режима восприятия, Кейдж предложил слушать шумы, игнорируемые в повседневности, как музыку: «где бы мы ни были, мы слышим шум. Когда мы игнорируем его, он раздражает нас. Но когда мы прислушиваемся к нему, мы находим его восхитительным и увлекательным» [6, 25]. Таким образом, именно акт слушания задается и определяется контекстом, направляющим внимание слушателя.

Профессиональные и любительские способы исследования и преобразования звуковой среды значительно диверсифицировались и стали более массовыми к концу прошлого века (с повышением доступности звукозаписывающих средств). Так одной из ключевых для современной аудиальной/звуковой культуры практик стала полевая запись – способ

материальной фиксации звука в пространстве с помощью микрофона или диктофона. Преимущество полевой записи перед человеческим ухом, по мнению теоретика звукового искусства Дугласа Кана, в том, что она представляет полноценный срез конкретной акустической среды, в то время как человек без микрофона слышит выборочно, выделяя некоторые звуки на фоне других [10, 10]. При помощи такого технического “расширения” человек получает возможность слышать без фильтра, получает свободу от контекста, определяющего, в числе прочего, что будет воспринято как “шум” или “тишина”.

Объектом полевой записи могут быть гео-, био- и антропофонии, а результаты часто публикуются в виде альбомов, используются в качестве сэмплов или становятся частью инсталляций. Традиционно она применялась в этнографических исследованиях для записи интервью, музыки и устного фольклора. Параллельно получили распространение записи природных сред, служившие нуждам естественной истории, биоакустики, акустической экологии и использовавшиеся для изучения коммуникации животных друг с другом и с человеком, а также эффекты антропогенного шума. Наконец, исследователи, художники и музыканты практикуют полевые записи в городской среде, создавая, например, звуковые «портреты» выбранных локаций.

Полевые записи могут использоваться при звуковом картографировании акустических ландшафтов: при этом на карту наносятся координаты мест с прикрепленными к ним аудио-, видеозаписями, фотодокументами и комментариями [20]. Подобные интерактивные карты некоторых городов доступны в интернете, причем возможность записать и загрузить звук с помощью смартфона делает участие в подобных проектах максимально доступным.

Помимо многообразных художественных и повседневных практик, профессиональной и любительской деятельности (так или иначе преобразующей акустическую среду), звуковая культура включает в себя материальное производство средств звуковой коммуникации и неразрывно связанное с ним развитие теории звуковых феноменов. Современные звуковые исследования и вся предшествующая им научная традиция подпитывалась осмыслением технических изобретений, дополнявших возможности человеческого уха, а также позволявших фиксировать и преобразовывать звук.

В домодерную эпоху основным объектом исследований была музыка, а звуковой мир описывался прежде всего в эстетических категориях. Интерес к акустическим явлениям выражался в попытках осмыслить звук через призму теории «гармонии сфер» и в поиске оптимальных способов графической фиксации звука [16]. С началом научной революции и стремительным развитием оптики возрастает интерес к зрению: новые оптические

приборы многократно расширили возможности этого органа чувств и, как следствие, различных отраслей науки. Зрение постепенно заняло ведущее место в иерархии чувств, так как ассоциировалось с разумом и познанием, в то время как слух связывался с эмоциональной сферой [4]. Прима́т зрения над слухом, как показывает Маршалл Маклюэн [27], был одним из последствий изобретения книгопечатания: устная, «звучащая» культура оказывается вытеснена печатной, обращенной к глазу.

Индустриальная революция принесла с собой первые приборы, позволявшие записывать, воспроизводить и транслировать звук, и эти технические новшества стали возможными благодаря пристальному вниманию к возможностям и ограничениям человеческого уха, а также к строению речевого аппарата, артикуляции и акустике. Музыкальная гармония уступает место приоритетного объекта научных исследований звучащей речи, произведению, распространению и восприятию звука как такового. Мелвилл Белл, исследователь физиологии речи и отец изобретателя Александра Белла, считал, что углубленное изучение фонетики и акустики подарит человечеству новые звуковые технологии и изобретения как это уже случилось в оптике благодаря исследованию человеческого глаза [15], и эта мысль нашла воплощение ещё при его жизни, во второй половине XIX столетия.

Первый звукозаписывающий аппарат без возможности воспроизведения, «фоноавтограф», был разработан Эдуардом Леоном Скоттом Де Мартинвиллем [24] в 1857 году: он регистрировал форму волны на закопченном стекле при помощи иглы. Как и в широко использовавшихся в предшествующие столетия слуховых аппаратах, в первых записывающих устройствах звук улавливался акустическим конусом и заставлял вибрировать мембрану (это повторяло принцип работы человеческого уха). Наглядно иллюстрирует эту тенденцию фоноавтограф, который ученый и сурдопедагог Александр Грэхем Белл изготовил для своих студентов из части черепной кости и среднего уха человека [9]. Пример Белла, ставшего впоследствии важной фигурой в истории звуковых исследований, показывает, что история звуковой техники оказывается связана с переопределением границ слышимого мира, а многие важные открытия стали результатом изучения не только функционирующих в пределах нормы органов чувств.

В 1877 году Томас Эдисон запатентовал первый известный в мире аппарат, способный не только записывать, но и воспроизводить звук, «фонограф» [29]. С его помощью в 1889 году восьмилетний Людвиг Кох, будущий орнитолог и звукорежиссер, записал пение своего домашнего дрозда. Эта первая известная запись нечеловеческих звуков положила начало традиции полевых записей биоакустических сред, которые Кох продолжил уже профессионально в конце 1920-х [30]. В 1898 году Вальдемар Паульсен раз-

работал первое магнитное звукозаписывающее устройство под названием «телеграфон», в котором роль магнитной ленты выполняла намотанная на катушку проволока, затем полоска стали [17]. Немного позже, в 1928 году, Фриц Пфлеймер представил более привычные нам варианты магнитной ленты — бумагу или киноплёнку с напылением порошка оксида железа, что существенно упростило и усовершенствовало магнитную запись [32]. Распространение магнитных лент стало новой вехой в развитии звукозаписи и радиовещания благодаря увеличению хронометража, повышению качества, возможности перезаписи, а также точечного монтажа путем вырезания кусков и наложения.

В 1950-70-х запускается серийное производство портативных магнитофонов [18], а в 1980-х появляются портативные и бюджетные компактные кассетники. Так магнитные кассеты становятся самым распространённым и доступным форматом записи, но обладают при этом ограниченным сроком хранения в 20-30 лет. С 1990-х все более доступными становятся оптические цифровые аудиодиски, вмещающие большое количество данных, но теряющие их часть при цифровом сжатии в формат MP3 [19]. Портативные плееры «Walkman» уступают место «iPod», а цифровизация и появление интернет-платформ, аналогичных американской «Napster» и российской «ЗвукиРу», в корне меняют культурные практики слушания. Звук становится как никогда приватным и портативным на глазах одного поколения, что привело, по мнению Тома Макэнан, к росту исследовательского интереса к аудиальной/звуковой культуре и стало одним из возможных условий вызревания звукового поворота на рубеже прошлого и нынешнего веков [13].

Звуковые исследования очерчивают область гуманитарных и социальных наук, которая принимает звук в качестве аналитической отправной или конечной точки. Несмотря на то, что понятие «звуковая культура» и «звуковые исследования» часто используется как взаимозаменяемые, между ними возможно установить границу: в статье «Саунд-стадиз в обход аудиальной культуры» [11] Брайан Кейн настаивает, что звуковые исследования в отличие от аудиальной культуры изучают все слышимые явления как звук, а не как что-либо ещё в рамках других интерпретаций и символических порядков, то есть фокусируется на онтологии звука. Б. Кейн пишет, что «...онтологический поворот в саунд-стадиз прямо ставит под сомнение актуальность исследований аудиальной культуры, техник аудиального восприятия и технологического опосредования звука. Он отдаёт предпочтение универсальным понятиям, связанным с природой звука, телом и медиа» [11, 21].

Заключение

Звуковая культура предстает как универсальное, всеохватывающее из-

мерение человеческого опыта, формирующее как глобальные практики восприятия, так и глубоко локализованные акустические идентичности. Как показано в приведённом выше тексте, звук выходит за рамки музыкального и аудиального, становясь основой междисциплинарного анализа, художественного высказывания и социальной чувствительности. Он объединяет людей, но при этом сохраняет и подчеркивает культурное и природное своеобразие конкретных мест через уникальные звуковые ландшафты и слушательские практики. Именно в этом двойственном статусе, как культуры мира и как мировой культуры, заключается ключ к пониманию современной звуковой реальности, требующей нового теоретического языка и внимания к множественным способам слышания и интерпретации звучащего мира.

Звуковая культура включает в себя многообразие современных слушательских, коммуникационных, художественных и иных практик, а также научную сферу исследования звука. На протяжении всего развития человечества способы слушать окружение развивались, а вместе с ними изменялись слушательские умения анализировать, сохранять и воспроизводить звуковую культуру на личном и общественном уровне. В индустриальную эпоху возрастает роль шума — немusикальных, подчас не коммуникативных звуков. Сначала вырастает уровень шумового загрязнения из-за индустриальной революции, а затем появляются инструменты для фиксации звука, в том числе шума. Это приводит к росту роли слушания, звука, выходящего за пределы музыки и речи, шума — сначала в художественной культуре (в первой половине XX века), а затем (во второй половине XX века) в исследовательской среде.

Проведенное исследование позволяет зафиксировать необходимость более глубокого теоретического и методологического переосмысления звуковой культуры как сложного и многокомпонентного феномена, находящегося на пересечении технологий, искусства, урбанистики, философии и антропологии. В центре внимания оказывается не столько звук как физический или эстетический объект, сколько способы его восприятия, интерпретации и включения в практики повседневной жизни, культурной памяти и художественного мышления. Целью настоящего исследования являлось выявление ключевых векторов формирования звуковой культуры в современном обществе и её значения в контексте социокультурных, технологических и философских трансформаций. Было произведено осмысление природы акустической среды и её динамики с позиций звуковой экологии и антропогенного вмешательства; выявление культурных практик, связанных с фиксацией, сохранением и архивированием звукового опыта; рассмотрение технических и медиа-исторических аспектов звуковых расширений человека, включая развитие звукозаписывающих

и воспроизводящих технологий; определение роли звукового искусства и художественных практик как инструментов критического взаимодействия с акустическим окружением.

Одним из наиболее значимых выводов становится осознание того, что современное звучание мира не является нейтральной данностью, а представляет собой результат активных социальных, политических и культурных процессов. Современные звуковые практики, от городской звукозаписи до артистических стратегий работы с шумом, требуют особой компетенции слушания, основанной не только на сенсорном восприятии, но и на культурной чувствительности, критической аналитике и технологической осведомленности. Таким образом, звуковая культура сегодня, это не просто объект анализа, но и эпистемологический инструмент, позволяющий по-новому осмыслить пространство, телесность, идентичность и способы коммуникации. В итоге звуковая культура предстает не как замкнутая академическая область, а как открытая исследовательская и прикладная программа, ориентированная на переосмысление роли слушания в современных условиях и формирование новых способов чувственного и интеллектуального взаимодействия с миром.

Библиографический список / References

1. Barclay B. The noise instruments of Luigi Russolo / B. Barclay // *Organised Sound*. 2003. Vol. 8. № 3. P. 285-291.
2. Bernie Krause on The Great Animal Orchestra. // URL: <https://www.thewire.co.uk/in-writing/interviews/bernie-krause-on-the-great-animal-orchestra>
3. Bijsterveld K. Mechanical Sound: Technology, Culture, and Public Problems of Noise in the Twentieth Century / K. Bijsterveld. – MIT Press, 2008. 362 p.
4. Braun H.-J. An Acoustic Turn? Recent Developments and Future Perspectives of Sound Studies / H.-J. Braun // *Avant*. 2017. № 8 (1). P. 75-91.
5. Cage J. An Autobiographical Statement. // URL: https://johncage.org/autobiographical_statement.html
6. Cage J. The future of music: Credo // *Audio Culture. Readings in Modern Music* // Cox C., Warner D. vocabulary. // URL: <https://posgrado.unam.mx/musica/div/pdf/SoundStudies/Cage.pdf>
7. Fanon F. This is the Voice of Algeria / J. Sterne // *The Sound Studies Reader*. P. 329-335.
8. Francis C.D., Ortega C.P., Cruz A. Noise Pollution Filters Bird Communities Based on Vocal Frequency. // URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0027052>
9. Hintz C. Alexander Graham Bell's dead ear phonoautograph, the invention that inspires the telephone // URL: <https://www.cultofweird.com/science/alexander-bell-ear-phonautograph/>
10. Kahn D. Noise, Water, Meat: A History of Sound in Art. – Cambridge, MA: MIT Press, 2001. 466 p.
11. Kane B. Sound studies without auditory culture: a critique of the ontological turn // *Sound Studies*, 2015. № 1 (1). P. 2-21.
12. Krause B. L. The Niche Hypothesis: A hidden symphony of animal sounds, the origins of musical expression and the health of habitats / B.L. Krause. – *The Explorers Journal*, 1993. P. 156-160.
13. McEnaney T. The Sonic Turn / *Diacritics*, 2019. № 47 (4). P. 80-109.
14. Merriam-Webster's Collegiate English vocabulary. // URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/noise> (Дата обращения: 31.03.2025)
15. Mills M. Deafness / *Keywords in Sound* // Ed. by D. Novak and M. Sakakeeny. P. 45-54.
16. Novak D. *Keywords in Sound* / Ed. by D. Novak and M. Sakakeeny. / D. Novak. – Durham: Duke

University, 2015. 272 p.

17. Poulsen V. Method of recording and reproducing sounds or signals: U.S. Patent № 661, 619. 1900.

18. 'Reporter' tape recorder // URL:<https://collection.sciencemuseumgroup.org.uk/objects/co117412/reporter-tape-recorder-1953-tape-recorders>

19. Sterne J. MP3: The Meaning of a Format. / J. Sterne // Durham. – NC: Duke University Press, 2012. 371 p.

20. Waldo J. Sound Mapping: Critiques and Reflections on This New Publicly Engaging Medium // URL: <https://www.researchcatalogue.net/view/214583/214584/0/0>

21. Williams R. Keywords: a Vocabulary of Culture and Society. New York: Oxford University Press, 2015. 270 p.

22. ГБУ «Мосархив». О том, как в 1950-х годах в столице сокращали шумовое загрязнение // URL: <https://www.mos.ru/news/item/97419073/>

23. Золотухин В. Самая ранняя в истории звукозапись. // URL: <https://arzamas.academy/micro/golos/4-golos>

24. Лабелль Б. Акустические территории. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. 296 с.

25. Луиджи Руссола «Искусство шумов». // URL: <https://www.unknown.nu/futurism/noises.html>

26. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. – К.: Ника-Центр, 2004. 432 с.

27. Мемуары Владимира Попова. // URL: <https://screenstage.ru/?p=12020>

28. Фонограф // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб. С. 1890-1907.

29. Шергалин Е.Э. Людвиг Карл Кох (1881-1974) – музыкант, беженец и орнитолог // Орнитологический журнал, 2013. Т. 22. С. 3201-3207.

30. Шион М. Звук: слушать, слышать, наблюдать / М. Шион – М.: Новое литературное обозрение, 2021. 310 с.

31. Эрик Д. Дэниел К. Марк Х. Магнитная запись: первые 100 лет / Д. Эрик, К. Дэниел, Х. Марк // IEEE Press, 1998. 370 с.

Тянь Жу

Аспирант. Московский государственный институт культуры.

Интерпретация «живой правды» Станиславского в культурном контексте китайского театра*

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия и адаптации ключевого понятия системы К.С. Станиславского — «живой правды» — в контексте китайской театральной культуры. Рассматриваются исторические этапы знакомства китайского театра с методами Станиславского, особенности традиционной актёрской школы Китая и философские различия, оказывающие влияние на трактовку сценической достоверности. Особое внимание уделяется культурным ограничениям и трансформациям, возникающим при попытках интеграции западной психологической школы в китайскую сценическую практику. В статье подчёркивается необходимость межкультурного диалога и поисков нового синтеза актёрских техник.

Ключевые слова: Станиславский, живая правда, китайский театр, культурный код, психологический реализм, традиция, конфуцианство, даосизм, актёрское мастерство.

Tian Zhu

Postgraduate Student. Moscow State Institute of Culture.

Interpretation of Stanislavsky's "Living truth" in the cultural context of Chinese theatre

Abstract. This article explores the perception and adaptation of the key concept of Konstantin Stanislavsky's system — "living truth" — within the context of Chinese theatrical culture. It examines the historical stages of Chinese theatre's encounter with Stanislavsky's methods, the distinctive features of traditional Chinese acting, and the philosophical differences that influence the interpretation of stage authenticity. Special attention is paid to the cultural limitations and transformations that arise when integrating the Western psychological approach into Chinese stage practice. The article highlights the importance of intercultural dialogue and the search for a new synthesis of acting techniques.

Key words: Stanislavsky, living truth, Chinese theatre, cultural code, psychological realism, tradition, Confucianism, Daoism, acting technique.

* © Тянь Жу, 2025.

Понятие «живой правды» занимает центральное место в системе Константина Станиславского и представляет собой одну из ключевых категорий его актёрской теории. Под «живой правдой» Станиславский понимал не простое воспроизведение жизненных обстоятельств, а правду переживания, органичное и искреннее существование актёра в предлагаемых обстоятельствах роли. Это не внешняя достоверность, а внутренняя, психологическая истинность — когда актёр на сцене не играет чувства, а действительно проживает их, оставаясь при этом в рамках художественного образа [1, с. 95].

В структуре системы Станиславского «живая правда» тесно связана с понятием «если бы», кругом внимания, сверхзадачей и сквозным действием. Актёр, стремящийся к достижению «живой правды», должен выстраивать логическую и эмоциональную мотивацию своего персонажа, опираясь на внутреннюю правдоподобность происходящего. Через глубокое включение в обстоятельства пьесы, актёр находит личностный отклик и начинает действовать не механически, а как бы «по-настоящему» — в предлагаемых обстоятельствах, но с живым внутренним участием.

Такой подход тесно связан с понятием психологического реализма, который стал отличительной чертой театра Станиславского. В отличие от формального исполнения или условной театральности, Станиславский требовал от актёра внутренней работы — внимания к чувству, намерению, логике поступков героя. Только через это, по его убеждению, возникает сценическая правда, в которую зритель действительно верит.

Китайская театральная традиция — одна из древнейших и наиболее самобытных в мире. Её развитие насчитывает несколько тысячелетий, и в разные исторические периоды формировались уникальные жанры, в том числе куньцзюй и Пекинская опера, которые стали важнейшими выражениями китайской сценической культуры.

Куньцзюй, возникшая в XVI веке, считается старейшей формой классической китайской оперы. Она отличалась утончённой поэтичностью, медленным ритмом и музыкальной изысканностью. Её традиции оказали глубокое влияние на более поздние формы театра, включая Пекинскую оперу, сформировавшуюся в конце XVIII — начале XIX века. Пекинская опера соединила в себе элементы региональных театров, музыку, акробатику, вокал, боевые сцены и элементы ритуала, став национальным символом китайского театра [2, с. 92].

Актёрская игра в китайской традиции строится не на реалистичности, а на условности, символизме и ритуальности. Здесь важна не буквальная передача действия, а его стилизованное представление, насыщенное культурными кодами и жестами, понятными зрителю. Вместо правдоподобного воспроизведения поведения персонажа используется система условных движений, мимики и поз, которые имеют устойчивые значения. Напри-

мер, круговое движение по сцене может символизировать долгое путешествие, а короткое касание бороды — размышление [3, с. 113].

Особую роль в китайском театре играют жест, маска, движение и вокальная техника. Маски и грим помогают передавать не только социальный статус и характер героя, но и его моральные качества. Цвета грима (красный — храбрость, чёрный — честность, белый — коварство) имеют чётко зафиксированные значения. Движение актёра строго канонизировано: каждый шаг, поворот головы или кисти несёт определённый смысл. Вокальная техника, основанная на древней музыкальной системе, подчёркивает эмоциональное состояние персонажа и соединяет речь с пением в рамках установленных мелодических моделей.

Встреча китайской театральной традиции с системой Станиславского произошла в первой половине XX века, на фоне масштабных социокультурных преобразований в Китае. После Синьхайской революции 1911 года и падения империи Цин китайская интеллигенция активно обращалась к западным идеям, включая философию, литературу и театр. Именно в этот период начинается проникновение реалистических форм на сцену, а также интерес к системе Станиславского, как к передовому методу актёрской подготовки.

Первые системные попытки освоения метода Станиславского связаны с деятельностью китайских театральных реформаторов, получивших образование в Японии, СССР и Европе. Одним из таких деятелей стал Цао Юй — драматург и режиссёр, считающийся «отцом современного китайского театра» [3, с. 94]. Его творчество во многом опиралось на принципы психологического реализма, и он активно интересовался системой Станиславского, видя в ней возможность оживить китайскую сцену и приблизить её к насущным проблемам современности.

Тем не менее концепция «живой правды» Станиславского сталкивалась с определёнными трудностями в контексте традиционного китайского театра. Построенная на символизме, условности и эстетической дистанции, китайская сцена исторически не требовала от актёра психологической достоверности в западном смысле [4, с. 9]. Вместо переживания и индивидуального внутреннего отклика — строго заданные формы, типаж и ритуализированное выражение эмоций. Поэтому идея полного погружения в предлагаемые обстоятельства и проживания роли казалась чуждой традиционной театральной эстетике.

В то же время внутри китайского театрального сообщества возникли два полюса — сопротивление и открытость. Одни мастера и педагоги видели в западных системах, включая метод Станиславского, угрозу утрате национального стиля. Другие, напротив, считали их важной основой для реформ и модернизации. Особенно активно идеи Станиславского стали внедряться в театральные вузы КНР после 1950-х годов, часто в перерабо-

танном или синтезированном виде, где элементы психологического анализа роли сочетались с традиционной школой сценического движения и вокала [5, с. 12].

Культурный код играет ключевую роль в восприятии и интерпретации понятий, в том числе такого фундаментального элемента системы Станиславского, как «живая правда». В театральной традиции Китая представление о «правде» существенно отличается от западного подхода, основанного на индивидуализме, психологическом конфликте и внутреннем анализе. В Китае, где тысячелетиями формировалась культура коллективизма и ритуала, правда сцены чаще ассоциируется с соответствием норме, гармонии и сохранением устойчивого культурного порядка.

Восточная философия, особенно конфуцианство и даосизм, глубоко повлияла на театральную эстетику Китая. Конфуцианство подчёркивает социальную и моральную иерархию, ритуальную дисциплину и идею «правильного» поведения, где эмоции подчинены обязанности и гармонии в обществе. В даосизме же важны спонтанность, естественность и отказ от насилия над природой человека, но и здесь нет акцента на внутреннем конфликте, столь важном в системе Станиславского. Китайская сцена в этом контексте отражает не внутренние терзания личности, а скорее символическую картину мира, в которой персонаж является носителем устойчивых культурных смыслов.

По этой причине система Станиславского, особенно в её классическом варианте, сталкивается с рядом ограничений при применении к китайской сцене. Прежде всего, идея полного психологического погружения в роль, индивидуального анализа мотивации и переживания может вступать в противоречие с традиционной установкой на типажность и ритуальную выразительность. Кроме того, западный акцент на субъективности и личностной драме не всегда соответствует китайской сценической логике, где персонаж нередко существует как обобщённый образ, отражающий моральный или философский принцип [2, с. 78].

Тем не менее, в условиях современной глобализации и синтеза культур элементы системы Станиславского постепенно адаптируются к китайскому театру. Китайские актёры и режиссёры всё чаще стремятся к сочетанию внутренней достоверности с традиционной выразительностью, создавая новые формы сценического существования. Этот процесс культурной трансформации требует осторожного подхода и глубокого понимания как западной методологии, так и восточной эстетики, где «правда» — это не столько психологическая глубина, сколько согласие с внутренним ритмом мира.

В заключение можно отметить, что понятие «живой правды» в системе Станиславского, несмотря на своё происхождение из европейской театральной традиции, обладает потенциалом универсальности, но од-

новременно требует культурной адаптации при переносе в иные социокультурные контексты. В случае китайского театра это особенно очевидно: традиционная сценическая практика, основанная на символизме, ритуале и типажности, вступает в сложный диалог с западным понятием психологического реализма и индивидуального переживания.

Основной вывод заключается в том, что восприятие сценической правды напрямую зависит от культурного кода, философских основ и исторических художественных традиций. В китайском контексте истина на сцене — это не столько внутреннее «переживание» в западном смысле, сколько внешнее проявление внутреннего порядка, гармонии и смысла, считываемое зрителем через систему условных знаков [7, с. 67].

Однако развитие китайского театра в XX–XXI веках демонстрирует растущий интерес к методам западной актёрской школы, в том числе к системе Станиславского. Это создаёт благоприятные условия для межкультурного диалога, в рамках которого может возникать новый синтетический подход к сценической выразительности — сочетающий внутреннюю достоверность и внешнюю стилизацию, личную глубину и коллективную традицию.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым анализом конкретных театральных практик, постановок и педагогических моделей, в которых происходит взаимодействие систем. Кроме того, актуально изучение рецепции идей Станиславского в различных театральных школах Китая, а также влияния современных китайских режиссёров и актёров на переосмысление западных подходов

Таким образом, «живая правда» может рассматриваться не как строго определённый приём, а как культурно обусловленная категория — меняющаяся, адаптирующаяся и обогащающаяся в процессе диалога между театральными традициями Востока и Запада.

Библиографический список

1. Ланда М.Е. Креативные возможности системы К.С. Станиславского в музыкально-инструментальной педагогике: диссертация ... кандидата педагогических наук: 5.8.2. / Ланда Мария Евгеньевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»]. – Санкт-Петербург, 2021. 170 с.
2. Скорик Николай Лаврентьевич Система Станиславского как базовый ориентир для сегодняшнего театра // Вестник МГУКИ. 2015. № 4 (66). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-stanislavskogo-kak-bazovyy-orientir-dlya-segodnyashnego-teatra> (Дата обращения: 05.01.2025).
3. Титов А.Ю. Динамический парадокс системы К.С. Станиславского: закон органического творчества // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskij-paradoks-sistemy-k-s-stanislavskogo-zakon-organicheskogo-tvorchestva> (Дата обращения: 24.03.2025).
4. Тянь Жу. Станиславский и эволюция китайского театра // Экономика и социум. 2024. № 1 (116). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanislavskiy-i-evolyutsiya-kitayskogo-teatra> (Дата обращения: 05.01.2025).

5. Фу Вэйфэн. История и опыт применения «системы» Станиславского в китайской театральной школе : диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.01 / Фу Вэйфэн; [Место защиты: С.-Петерб. гос. акад. театр. искусства]. – Санкт-Петербург, 2009. 210 с.
6. Шахматова Е.В. Становление системы К.С. Станиславского в контексте эпохи серебряного века: влияние востока // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2023. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-k-s-stanislavskogo-v-kontekste-epohi-serebryanogo-veka-vliyanie-vostoka> (Дата обращения: 24.03.2025).
7. Яркова Е.Н. Метод и система К.С. Станиславского или первый междисциплинарный анализ творчества актёра // МНКО. 2011. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-i-sistema-k-s-stanislavskogo-ili-pervyy-mezhdistsiplinaryy-analiz-tvorchestva-aktyora> (Дата обращения: 05.01.2025).
8. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.

References

1. Landa M.E. Creative Potential of K.S. Stanislavsky's System in Musical and Instrumental Pedagogy: Dissertation ... Candidate of Pedagogical Sciences: 5.8.2. / Landa Maria Evgenievna; [Place of Defense: A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia]. – St. Petersburg, 2021. 170 p.
2. Skorik Nikolay Lavrentievich Stanislavsky's System as a Basic Guideline for Today's Theater // Bulletin of MGUKI. 2015. № 4 (66). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-stanislavskogo-kak-bazovyy-orientir-dlya-segodnyashnego-teatra> (05.01.2025).
3. Titov A.Yu. Dynamic Paradox of K.S. Stanislavsky: The Law of Organic Creativity // Scientific Result. Social and Humanitarian Studies. 2022. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskiy-paradoks-sistemy-k-s-stanislavskogo-zakon-organicheskogo-tvorchestva> (24.03.2025).
4. Tian Zhu. Stanislavsky and the Evolution of Chinese Theater // Economy and Society. 2024. № 1 (116). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanislavskiy-i-evolyutsiya-kitayskogo-teatra> (05.01.2025).
5. Fu Weifeng. History and experience of applying Stanislavsky's "system" in the Chinese theatre school: dissertation ... candidate of art history: 17.00.01 / Fu Weifeng; [Place of defense: St. Petersburg State Academy of Theatre. Arts]. – St. Petersburg, 2009. 210 p.
6. Shakhmatova E.V. Formation of K.S. Stanislavsky's system in the context of the Silver Age: the influence of the East // Theater. Painting. Cinema. Music. 2023. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-k-s-stanislavskogo-v-kontekste-epohi-serebryanogo-veka-vliyanie-vostoka> (24.03.2025).
7. Yarkova E.N. Method and system of K.S. Stanislavsky, or the first interdisciplinary analysis of the actor's creativity // MNKO. 2011. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-i-sistema-k-s-stanislavskogo-ili-pervyy-mezhdistsiplinaryy-analiz-tvorchestva-aktyora> (05.01.2025).
8. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // The Power of History - The History of Power. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.

Чанвэй Цзи

*Доктор исторических наук, доцент. Школа культуры и туризма Университета Хэйхэ.
ORCID: 0009-0003-9904-0677*

Шуянь Чжао

Преподаватель. Глава отдела академических вопросов, Хэйхэский университет.

Цзюань Ли

Доктор наук. Начальник отдела по экзаменационным вопросам, Хэйхэский университет.

Исследование по созданию учебной группы по культуре Лунцзяна в Университете Хэйхэ с точки зрения новых гуманитарных дисциплин*

Аннотация. Развитие новых гуманитарных дисциплин выдвигает все более высокие требования к перекрестной интеграции и систематическому сотрудничеству в рамках системы учебных программ в высших учебных заведениях.

Как приграничный университет с заметными региональными преимуществами и отличительными образовательными характеристиками, Университет Хэйхэ должен в первую очередь четко определить цель всестороннего изучения культуры Лунцзяна в рамках учебной программы и взять за основу дух Лунцзяна в новую эпоху.

Необходимо не только придавать большое значение созданию и оптимизации курсов базовых знаний, но и укреплять совместимость и сотрудничество в рамках курсов перекрестной интеграции, уделяя особое внимание разработке и обучению практическим курсам, с тем чтобы обеспечить применение знаний и культивировать прикладные таланты высокого уровня, служащие региональному экономическому развитию.

Ключевые слова: новое гуманитарное образование, культура Лунцзяна, Учебная группа, Система образовательных программ высших учебных заведений, Университет Хэйхэ, Прикладные таланты.

Changwei Ji

Doctor of History, Associate Professor. School of Culture and Tourism, Heihe University. ORCID: 0009-0003-9904-0677

Shuyan Zhao

Lecturer. Head of the Academic Affairs Department at Heihe University.

* © Чанвэй Цзи, Шуянь Чжао, Цзюань Ли, 2025.

Juan Li*Doctor of Sciences. Head of the Examination Department, Heihe University.*

Research on the construction of Longjiang Culture Curriculum Group in Heihe University from the Perspective of new liberal arts

Abstract. The construction of new liberal arts has put forward increasingly high requirements for the cross integration and systematic collaboration of the curriculum system in higher education institutions. As a frontier university with prominent regional advantages and distinctive educational characteristics, Heihe University should first clarify the goal of comprehensively learning Longjiang culture as the curriculum group, and take the spirit of Longjiang in the new era as the guide. It is necessary to not only attach importance to the establishment and optimization of basic knowledge courses, but also strengthen the compatibility and collaboration of cross integration courses, while highlighting the development and training of practical courses, so as to achieve the application of knowledge and cultivate high-level applied talents serving regional economic development.

Key words: New liberal arts construction, Longjiang culture, Curriculum group, Curriculum system of higher education institutions, Heihe University, Applied talents.

Project: This article is a phased achievement of the Higher Education Teaching Reform Project in Heilongjiang Province: “Construction and Practice of Longjiang Cultural Curriculum Group from the Perspective of New Liberal Arts” (SJGY20220661).

1. Introduction

On August 24, 2018, the General Office of the Central Committee of the Communist Party of China (CPC) and the General Office of the State Council jointly issued the “Guiding Opinions on Leading Education Work with Xi Jinping’s Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era”, which explicitly emphasized that “higher education should make efforts to develop the new engineering, the new medical science, the new agricultural science, and the new liberal arts” [1], formally putting forward the concept of “new liberal arts” construction. In May 2019, the Ministry of Education, the Ministry of Science and Technology and other 13 departments officially launched the “six excellences and one top” plan 2.0, which requires the comprehensive promotion of the construction of new liberal arts and the comprehensive realization of the connotative development of higher education [2]. In November 2020, the Ministry of Education issued the “Declaration on the Construction of New Liberal Arts”, which officially sounded the rallying cry for the construction of new liberal arts [3]. The new liberal arts are to cultivate and develop students’ cross-cultural and diversity skills, systems, design

thinking and other “21st century skills and ways of thinking”, and aims to reorganize the traditional liberal arts, cross the arts and sciences, and realize interdisciplinary integration and communication [4].

2. Conditions for the Construction of Longjiang Cultural Curriculum Group

The soul of the new liberal arts is the humanistic spirit, and its essence is to build a new functional body. Therefore, the construction of the new liberal arts must break through the portal thinking, monopolize thinking, and form an open and interdependent knowledge symbiotic zone. Longjiang culture is a distinctive regional culture derived from the historical choices of groups living within the Heilongjiang region, showcasing the essence of the moral emotions, values, and behavioral methods of the working people. It not only exhibits the characteristics of general Chinese culture, but also carries the characteristics of local cultural spirit. Therefore, it is a crystallization of the historical context, life wisdom, and spiritual values condensed in the Heilongjiang region. Longjiang culture is rich in connotation, forming the historical characteristics of the structural elements of the native indigenous culture, exile culture, pioneering culture, red culture, overseas Chinese culture, educated youth culture, etc. represented by Xianbei culture, Bohai culture, Jinyuan culture and Manchu culture. It condenses the core essence of the Northern Wilderness spirit, Iron Man spirit, Daqing spirit, etc., which is patriotic, pioneering and struggling. Today, the spirit of “great beauty and great love”, represented by Zhang Lili, is the essence of the times of Longjiang culture. The 18th Plenary Session of the 10th Heilongjiang Provincial Committee of the Communist Party of China summarized “the spirit of Braving the Journey to Northeast, the Northern Wilderness spirit, the Daqing spirit, the Iron Man spirit, the Daxing’anling spirit, and the Longjiang transportation spirit” as important contents of building the core socialist value system in Heilongjiang Province in the new era and promoting Longjiang culture.

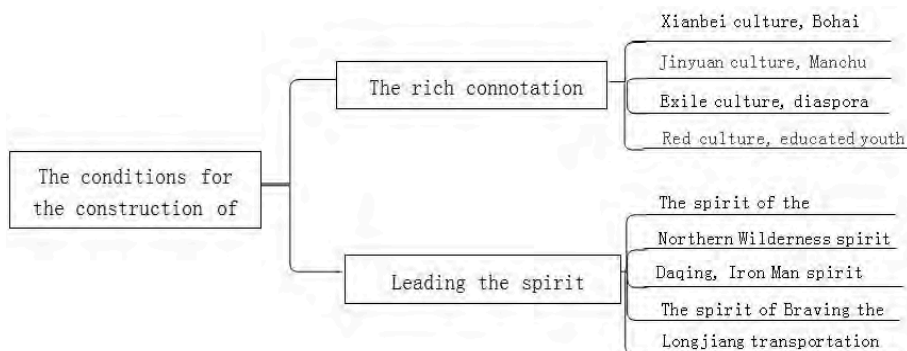
In the 14th Five-Year Plan and 2035 Long-range Objectives Outline of Heilongjiang Province, it is proposed to “comprehensively build a culturally strong province and provide strong spiritual and cultural support for comprehensive revitalization and all-round revitalization”. In order to build a common ideal foundation for unity and struggle, it is necessary to promote the “Four Great Spirits” of Heilongjiang Province and give new era connotations to the spirit of Northeast Anti-Japanese Resistance Army, Beidahuang spirit, Daqing spirit, and Iron Man spirit. More importantly, in order to promote the development and prosperity of border characteristic culture, the planning outline emphasizes the in-depth exploration of border characteristic cultural resources such as the Northeast Anti-Japanese Resistance Army, river basin civilization, northern folk customs, historical humanities, and ethnic minorities, the construction of

a number of provincial-level excellent traditional cultural inheritance bases, the establishment of an open and shared cultural resource data platform, and the promotion of creative transformation and innovative development of excellent traditional culture. It is necessary to do a good job in external publicity, tell the story of Longjiang well, and convey the voice of Longjiang. [6] In this favourable context, the story background, heroic figures, and humanistic sentiments of Longjiang culture are important resources for education and teaching in Heilongjiang colleges and universities, which play an important role in enhancing the spiritual outlook, value concepts, and ways of thinking of university students. Exploring the construction of the Longjiang Culture Curriculum Group is an important exploration of building a new curriculum system that meets the requirements of talent cultivation in the new era, and implementing the three in one talent ability cultivation system of “seeking knowledge, educating people, and serving” in the new liberal arts.

Schematic diagram of the conditions for the construction of Longjiang cultural curriculum group from the perspective of new liberal arts.

3. The Necessity and Urgency of Constructing Longjiang Culture Curriculum Group in Heihe University Against the Background of New Liberal Arts

Firstly, building the Longjiang cultural curriculum group is a necessary measure to deeply cultivate patriotism and achieve the revitalization of talents in Longjiang. Technological progress and economic development cannot be separated from the support of talents. In the report of the 20th Party Congress, General Secretary Xi Jinping reiterated that “education, science and technology, and human resources are the basic and strategic support for the comprehensive construction of a socialist modernized country”, and emphasized the need to deeply implement the “strategy of developing the country through science and education, the strategy of strengthening the country through human resources, and the strategy of innovation-driven development”. [7] With

the expansion of China's education scale and the improvement of education level, China's highly educated, high-level talent number grows rapidly, college students as the most vitality of the talent reserve force, its flow tends to affect the regional economic level changes and even the national industrial layout. Currently, there is a serious talent outflow in Heilongjiang, especially with a significant decrease in the number of employment opportunities for college graduates compared to the number of students. Only one-fifth or one-third of graduates are willing to stay in the local area, indicating a net outflow of college graduates in Heilongjiang. In order to solve the dilemma of talent loss, although the government of Heilongjiang Province has issued the "60 Measures for the Revitalization of Talents in Heilongjiang Province in the New Era" [8], providing policy guarantees for talent introduction in various cities. However, in order to fundamentally reverse the problem of low employment rates for college graduates staying in the province, attention should be paid to cultivating the patriotism of college graduates and educating them on the mission of educating and defending the region. The construction of college courses undoubtedly plays a key role in this regard. The training objectives of schools are mainly achieved through curriculum, which is the main content of school education. Therefore, attaching importance to the Longjiang Cultural Curriculum Group is an important measure to achieve the revitalization of talents in Longjiang and improve the talent retention rate in the province.

Secondly, building the Longjiang culture curriculum group is a requirement for Heihe University to implement the educational spirit of nurturing and defending the region, and to cultivate high-level applied talents rooted in Longjiang. Heihe University is located in Heihe City, one of the first border open cities in China, facing the Russian city of Blagoveshchensk across the river. It is the only regular undergraduate institution in China along the 4300 kilometer border between China and Russia. The school was founded in 1958 and has gone through development stages such as Heihe Normal College and Qiqihar University Heihe Branch. In 2004, it was promoted to an undergraduate institution, filling the gap in regional undergraduate education. In 2006, it was included in the sequence of provincial colleges and universities. In 2015, it passed the qualification evaluation of undergraduate teaching work by the Ministry of Education. In 2017, it was approved as a new master's degree project construction unit in Heilongjiang Province. In 2019, it was determined as a cultivation unit for characteristic application-oriented undergraduate demonstration universities in Heilongjiang Province. Since its establishment, the school has implemented the fundamental task of cultivating morality and talents, adhered to the school motto of "cultivating virtue, studying diligently, inspiring mind, and seeking truth", inherited the educational spirit of "hard work and entrepreneurship, self-improvement, innovative development, and nurturing students to defend the region", and adhered to the concept of "connotation development, integrat-

ed development, open development, innovative development, and characteristic development". It has been built into the largest applied undergraduate institution in northern Heilongjiang Province, with a complete range of disciplines and distinctive characteristics. Currently, in the process of exploring the development and construction of border universities, how to continue to hold high the banner of moral education and talent cultivation, keep a foothold in northern Xinjiang, serve the local area, face the public, highlight applications, actively integrate into national strategies, serve the beautiful Longjiang River, assist local economic and social development, cultivate more high-quality applied talents with firm ideals and beliefs, solid professional foundations, patriotism, international vision, innovative spirit, and practical ability who can adapt to the needs of economic and social development and have comprehensive development in morality, intelligence, physical fitness, aesthetics, and labor, has put forward higher requirements for the curriculum construction of schools.

4. Construction Strategies of Longjiang Culture Curriculum Group in Heihe University Against the Background of New Liberal Arts

4.1 Condensing the Diverse Connotations of the Longjiang Spirit in the New Era, Clarifying the Guidance of Curriculum Objectives, and Integrating Curriculum Construction into Undergraduate Talent Cultivation

The specific implementation can be divided into four paths:

First, in the compulsory course module of the undergraduate professional talent training program, Longjiang culture content is integrated into the professional courses. It is necessary to combine local historical and cultural characteristics with professional knowledge, select ethnic groups, folk customs, figures, and events with local characteristics to help shape the spirit of Longjiang in the new era. Taking Longjiang spirit as the moral education goal, professional knowledge learning as the key to improving professional literacy, and professional practice as the foundation for cultivating morality and soul, students can deeply understand the profound history and culture of Heilongjiang, achieve the cultivation goal of consolidating knowledge, tempering willpower, and cultivating Longjiang spirit.

Second, in the elective course module of the undergraduate professional talent training program, the "Longjiang Culture" course module is constructed with theory as a supplement and practice as the main focus. Through organizing rich and colorful professional practices and field investigations, students can experience the history and culture of Heilongjiang up close, and establish their ideals and aspirations to devote themselves to the local construction cause in Heilongjiang.

Thirdly, in the general elective course module of the undergraduate professional talent training program, based on the established course templates of Heihe University, including cultural and historical classics and life cultivation

courses, social cognition and civic education courses, international vision and cultural exchange courses, scientific literacy and technology courses, ecological environment and healthy living courses, innovative spirit and entrepreneurial practice courses, art appreciation and aesthetic experience courses, etc., public elective courses integrating Longjiang culture and Longjiang spirit as the main content will be constructed in each course template, further exploring the patriotic and humanistic education elements in Longjiang culture courses, and expanding the student population covered by the course group.

Fourthly, in the second classroom module of the undergraduate professional talent training program, extracurricular activities extending from the Longjiang curriculum group are carried out around the “Longjiang Culture” and “Longjiang Spirit”, including academic research (students publish papers, host or participate in projects, participate in academic reports, etc.), independent innovation and technology activities (participating in national and provincial university innovation and entrepreneurship training projects under the guidance of teachers), skills training and employment training (participating in various knowledge and skills competitions), personality development and specialty cultivation (obtaining specialty certificates), social service activities (participating in community services, charity activities, public welfare labor, and cultural and sports activities organized by schools and enterprises), in order to promote the improvement of students’ innovation ability and the expansion of their comprehensive quality.

4.2 Establishing a Theoretical and Practical Longjiang Culture Curriculum Group

Heihe University can use existing course resources and practical platforms as the basis for building a course group, construct a new curriculum with a clear regional characteristic, and then carry out organic integration to form a Longjiang culture curriculum group that emphasizes both theory and practice. For example, theoretical courses such as “History of the Heilongjiang River Basin,” “History of the Northeast Anti Japanese United Front,” “History of Heilongjiang Cities,” “Basic Knowledge of Heilongjiang Tour Guides,” “Geography of Heilongjiang Tourism,” “Overview of Heilongjiang Province Tourism,” “Ethnic Customs of Heilongjiang,” “Red Northern Xinjiang - Excellent Spirit of Heilongjiang,” and “History and Folk Culture of Aihui,” as well as professional practical courses such as “Creation of Scenic Oil Paintings in Heilongjiang Region,” “Folk Dance in Heilongjiang Region,” “Collection of Ethnic Music in Oroqen,” “Collection of Ethnic Dance (Daur Ethnic Group),” “Museum Practice,” “Tour Guide Principles and Practice,” “Tourism Scenic Area Management Practice,” “Travel Agency Planning and Adjustment Practice,” “Simulated Tour Guide Training,” and “Tour Guide Word Explanation,” and other professional practical courses based on platforms such as School History Museum, School History Museum, Local History Exhibition Hall, Youth Hall, Customs Hall, form the en-

trance education curriculum Theoretical courses impart knowledge, skills, and methods; Practical activities build a solid educational effect. On the basis of 19 courses such as the provincial quality course “History of the Heilongjiang River Basin” that have been established, the Longjiang Cultural Curriculum Group is planning to build 11 cultural courses with distinct regional characteristics, such as “History of Ethnic Newspapers and Magazines in Heilongjiang Region”, “History of Overseas Chinese in Russia”, “Culture and Art of Ethnic Minorities in Heilongjiang”, and “History of Heilongjiang Development”. It has initially constructed a course reserve library that includes 30 courses, with rich content and diverse types, to create and build a cultural curriculum group based on regional culture, highlighting distinctive characteristics, and serving the development of Heilongjiang.

4.3 Effective Transformation of Scientific Research Achievements into Curriculum Teaching

It is necessary to give full play to the scientific research advantages of teachers, lead students to fully learn the history and culture of Heilongjiang, master the skills and methods of learning and exploring the history and culture of the border areas, and practice the concept of disciplinary education. On the one hand, teachers will incorporate their research achievements in Longjiang culture into curriculum by offering specialized seminars and designing course content around their research fields. They will transform their latest research results into course knowledge and teach them to students, enabling them to accept cutting-edge research achievements, update their knowledge reserves in a timely manner, and deepen their understanding and recognition of Longjiang culture, such as setting up special seminars on the history of modern Heilongjiang newspapers and periodicals, the history of the Anti-Japanese War, the history of the Northeast Anti-Japanese United Army, and so on. On the other hand, teachers lead students in conducting scientific research, transforming them from passive learners to active explorers. Teachers can guide student organizations to apply for innovative projects for college students or new liberal arts in Heilongjiang Province, with project topics centered around exploring the application value of Heilongjiang culture. At the same time, students can also be included in their own research projects and teaching research projects, enabling them to participate in the personal research work of teachers and students, and achieving the common growth of their research abilities.

4.4 Combining Formative Evaluation with Summative Evaluation to Assess the Effectiveness of Curriculum Group Education

Through formative assessment, teachers can understand students' learning situation of each course in the Longjiang culture curriculum group, including in class and after class evaluations. After-class evaluations mainly include homework, mid-term student feedback, and expert opinions from supervisors, in order to timely identify teaching and learning problems, and summarize the

evaluation through the final exam and its score analysis, as well as student feedback on teaching. Finally, utilizing the established supervisory expert group to inspect and evaluate the formative and summative evaluation materials of the Longjiang Culture Curriculum Group, a final evaluation report on the effectiveness of the Longjiang Culture Curriculum Group in Heihe University will be formed, providing comprehensive feedback on the educational effects of the curriculum group.

Conclusion

The construction of curriculum group can provide new research ideas and construction paths for the construction of new liberal arts courses, breaking away from the idea of integrating disciplines or majors, and achieving high-quality cultivation of liberal arts talents through small integration of core competencies. The construction of the Longjiang cultural curriculum group is a direct reflection of the requirements for the integration of new liberal arts disciplines in the teaching of local universities in Heilongjiang.

Библиографический список / References

1. Wu Yan, Building China's "Golden Course" [J]. China University Teaching, 2018. № 12. P. 4-9.
2. Ministry of Education of the People's Republic of China, The Launch Conference of the "Six Excellences and One Top" Plan 2.0 Was Held [EB/OL]. // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_zzjg/huodong/201904/t20190429_380009.html. 2019-04-29.
3. Ministry of Education of the People's Republic of China, The New Liberal Arts Construction Work Conference Was Held at Shandong University [EB/OL]. // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202011/t20201103_498067.html. 2020-11-03.
4. China Social Science Network, Liu Jingxi: The Road to "New Liberal Arts Construction" Is Becoming Increasingly Clear [EB/OL]. // URL: https://cssn.cn/skyl/skyl_sksp/202503/t20250328_5865154.shtml. 2025-03-27.
5. Northeast Network, The 18th Plenary Session of the 10th Heilongjiang Provincial Committee of the Communist Party of China Was Held in Harbin [EB/OL]. // URL: <https://heilongjiang.dbw.cn/system/2011/10/25/053471313.shtml>. 2011-10-02.
6. Heilongjiang Provincial People's Government Website, Notice of the People's Government of Heilongjiang Province on Issuing the 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and the Long Range Objectives for 2035 in Heilongjiang Province [EB/OL]. // URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/c108376/202103/c00_30495556.shtml. 2021-03-10.
7. Chinese Government Website, Xi Jinping: Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Work in Unity for the Comprehensive Construction of a Modernized Socialist Country -- Report on the 20th National Congress of the CPC [EB/OL]. // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm. 2022-10-25.
8. Heilongjiang Provincial People's Government Website, 60 Measures for the Revitalization of Talents in Heilongjiang Province in the New Era [EB/OL]. // URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/c107856/202205/c00_31192259.shtml. 2022-05-17.
9. Official Website of Heihe University, Introduction to Heihe University [EB/OL]. // URL: <http://www.hhhxy.cn/xxgk/xxgk.htm>. 2025-04-05.

Шеннань Юй

Магистр, доцент. Университет Хэйхэ, Хэйхэ, Хэйлунцзян, Китай.

Механизмы и пути формирования образа города Харбин с помощью коротких видеороликов на фоне комплексного туризма*

Аннотация. В контексте глубокой интеграции комплексного туризма и цифровых технологий короткие видеоролики стали основным средством распространения информации о городах благодаря своим фрагментированным, ярким визуальным и интерактивным характеристикам. В этой статье Харбин рассматривается в качестве объекта исследования, для изучения механизмов и основной роли коротких видеороликов в формировании городского имиджа.

Исследования показали, что короткие видеоролики выстраивают коммуникационную логику «мгновенного сопереживания и точного охвата аудитории» благодаря эмоциональному восприятию фрагментированных сцен, разнообразным повествованиям UGC-контента и дорожным играм, управляемым алгоритмами.

Посредством символического выражения, эмоциональной мобилизации и взаимодействия между виртуальным и реальным пространством они (ролики) превращают реальные городские пространства в культурные символы, формируют коллективную память и признание идентичности, способствуют построению пространственного значения городов и предоставляют ориентиры для распространения научного образа города в контексте комплексного туризма.

Ключевые слова: комплексный туризм, Харбин, распространение коротких видео, формирование образа города.

Shengnan Yu

Master's degree holder, Associate Professor. Heihe University, Heihe, China.

The mechanism and path of short video communication in shaping Harbin's urban image against the background of all-for-one tourism

Abstract. In the context of the deep integration of all-for-one tourism and digital technology, short videos have become the core medium for urban image dissemination due to their fragmented, strong visual, and highly interactive characteristics. This article takes Harbin as the research

* © Шеннань Юй, 2025.

Механизмы и пути формирования образа города Харбин с помощью коротких видеороликов на фоне комплексного туризма

object to explore the mechanism and core path of short videos in shaping its urban image. Research has found that short videos construct a communication logic of “instant empathy co construction precise outreach” through emotional capture of fragmented scenes, diverse narratives of UGC content, and algorithm driven traffic games. Through symbolic expression, emotional mobilization, and virtual real space interaction, they transform urban physical spaces into cultural symbols, construct collective memory and identity recognition, promote the reproduction of urban spatial meaning, and provide path references for the scientific dissemination of urban image in the context of all-for-one tourism.

Key words: all-for-one tourism, Short video dissemination, Harbin, Urban image shaping.

Acknowledgments: This article is a research result funded by the Special Fund Project of Heihe University of Heilongjiang Province for Basic Research Business Expenses of Universities, titled “Research on the Communication Strategy of Heilongjiang Regional Characteristic Image Culture” (No. 2018-KYYWF-1279).

1. Introduction

All-for-one tourism is a new concept and model of regional coordinated development that drives and promotes coordinated economic and social development through the tourism industry. With the deep integration of globalization and digital technology, the tourism industry is undergoing a transformation from “scenic spot tourism” to “all-for-one tourism”. All-for-one tourism emphasizes the integration of regional resources, coordinated development of industries, and optimization of tourist experience, becoming an important engine for promoting urban economic and cultural development. In this context, short videos, with their fragmented, strong visual, and highly interactive characteristics, have reconstructed the information dissemination ecology and become the core medium for urban image dissemination. As a famous city of ice and snow culture in China, Harbin has rapidly gained popularity through short video platforms in recent years, thanks to its unique European style and ice and snow resources. During the New Year’s Day period in 2024, it received a total of 3.0479 million tourists and achieved a total tourism revenue of 5.914 billion yuan, reaching a historical peak in both tourist reception and total tourism revenue.[1] Harbin Ice-Snow World, Central Street and other scenic spots have triggered a punch in craze on platforms such as Tiktok and Kwai, driving the tourism economy to grow significantly. However, the fragmentation and algorithmic orientation of short video dissemination also bring challenges such as symbolization and homogenization to the construction of urban image. How to scientifically evaluate the effect of short videos on the image dissemination of Harbin city within the framework of all-for-one tourism has become an urgent issue to be explored.

2. The Mechanism of Short Video Dissemination in the Image Shaping of Harbin City

In the context of all-for-one tourism development, short videos have re-constructed the communication logic of urban image with their unique media characteristics. This reconstruction is not only reflected in the innovation of communication forms empowered by technology, but also profoundly affects the emotional connection and discourse power structure between cities and audiences. The current urban cultural and tourism industry, from value creation, content generation, consumption growth to sustained impact and effective implementation, reflects the influence of various forms of audiovisual products, mainly short videos, in every aspect [2].

2.1 Fragmentation and Scenarization: from “Panoramic Narrative” to “Instant Empathy”

Traditional urban image dissemination relies on a systematic “panoramic narrative”, attempting to construct a city cognitive map through a complete information architecture. However, this model gradually reveals the limitations of dissemination effectiveness in the era of information overload. Short videos take a different approach, breaking down time and space barriers through fragmented dissemination and activating emotional resonance through scene-based storytelling, achieving a paradigm shift from macro level description to micro level experience in communication. This transformation is not only an iteration of media forms, but also a deep shift in communication thinking from “information indoctrination” to “emotional resonance”. The length of short videos is limited by the fragmented consumption habits that naturally adapt to the mobile Internet era, so that the audience can complete the cognitive construction of the city image in the fragmented time such as commuting and waiting. This communication model abandons the lengthy presentation of the city’s overall picture by traditional media, and instead focuses on the most visually impactful and emotionally infectious “urban slices”. Fragmented images such as the 10 second freeze of Baroque buildings on Central Street in the shadow of snow lights, close-up shots of ice sculpture craftsmen carving details in the Harbin Ice-Snow World, and dynamic moments of vendors throwing dough in the Laodaowai Snack Street are like “memory anchors” of the city’s image. Through repeated transmission, they are pieced together in the minds of the audience to create a three-dimensional urban landscape. The efficiency improvement of fragmented communication relies on the deep activation of audience sensory experience through scene-based storytelling. Short videos transform physical spaces into perceptible and participatory “experiential scenes” through the organic combination of camera language, background music, and interactive copy. When fragmented scenes continue to accumulate and form cognitive resonance, the construction logic of urban image shifts from “information completeness” to “emotional identi-

fication". The "tiny moments" that have been marginalized in traditional communication have become the core elements that activate emotional resonance in short videos, such as the snow reflection on the breadstone road of Central Street, the Russian folk songs of Volga Manor, and the moment of technological achievement transformation in Harbin Institute of Technology Laboratory. These seemingly scattered images are connected through emotional clues to form the audience's overall understanding of Harbin's "romance, passion, and innovation". This transformation is essentially no longer defined by the communicator as "what the city should be like", but through the audience's autonomous perception in countless "moments", forming a personalized cognition of "what the city looks like in my eyes".

2.2 User Generated Content (UGC): Deconstruction and Supplement of Official Discourse by Grassroots Narratives

In the traditional urban communication system, official discourse has constructed a standardized narrative framework centered on the "city card" with resource advantages, but its singular and elite characteristics are difficult to adapt to the communication ecology of the short video era. The rise of UGC content has broken this discourse monopoly, forming a deconstructive supplement to official narratives through diverse expressions from grassroots perspectives, and promoting the evolution of urban image from "official definition" to "common construction". This evolution not only enriches the level of communication content, but also reshapes the dialogue relationship between cities and audiences. After the "Tiktok City" phenomenon in 2018, many local governments began to cooperate with the new media platform, trying to achieve the goal of improving the city image through the short video city image practice of attracting citizens and tourists [3].

The core value of UGC content lies in its narrative stance of "de-authoritarianism". Ordinary citizens, tourists, new city residents and other different groups record cities from a first person perspective, showcasing the overlooked "urban texture" in the official discourse system. The "The Past and Present of Harbin's Old Buildings" series, filmed by retired teachers, explores the common stories behind buildings that were not mentioned in official propaganda by visiting old neighborhoods and consulting local chronicles. There is also a post by out of town tourists titled "100 Warm Moments Encountered in Harbin", which records the details of taxi drivers actively helping to install anti-skid chains and small shop owners giving away hot posts. These contents deconstruct the standardized image of "tourist cities" in official discourse and restore a more warm "humanistic Harbin".

UGC content has also supplemented the official discourse, reflected in the dual enhancement of authenticity and affinity. Official communication often focuses on the "positive construction" of urban advantages, while UGC content does not avoid the details of urban development, such as winter traffic conges-

tion, scenic area service details, etc. This “neutral narrative” actually enhances the credibility of communication. For example, blogger Ice City Life Home objectively analyzed the advantages and disadvantages of winter tourism in Harbin in the video, showcasing the unique charm of ice and snow tourism while also mentioning the challenges of indoor and outdoor temperature differences for tourists. The interaction rate of such content is 37% higher than that of pure likes-style videos, and users in the comment section gave feedback that “this kind of real sharing has more reference value”. When UGC content forms a scale effect, it upgrades from individual expression to collective narrative, promoting the dissemination of urban image into the stage of “interactive co-creation”. The government department launched a short video collection activity called #I endorse my hometown# through the official account of “Harbin Culture and Tourism”, integrating high-quality UGC content shot by citizens for secondary dissemination; The scenic area has launched a “check-in short video for ticket exchange” activity to encourage tourists to become “mobile promoters” of the city’s image. This kind of collaboration between officials and civilians breaks the traditional boundaries of “subject - object” in communication, and builds a communication community in which the government, citizens, and tourists participate together.

2.3 Algorithm Recommendation Mechanism: Traffic Allocation and Visibility Competition of City Image

In the content ecosystem of short video platforms, algorithm recommendation mechanisms are both “traffic regulators” and “attention allocators”. It predicts user preferences through data models, determines the scope and frequency of content dissemination, and thus forms a “visibility competition” for urban image dissemination. In this competition, Harbin needs to understand algorithm logic, make good use of technological dividends, seize user minds in massive content, and achieve effective dissemination of urban image.

The core of algorithm recommendation is the triangular model of “user tags - content tags - traffic matching”. The platform collects users’ browsing history, interactive behavior, and geographic location data to generate personalized interest tags such as “ice and snow tourism”, “architectural photography”, and “local cuisine”. At the same time, it performs multi-dimensional tagging processing on content from video titles, image features, keyword extraction, etc., and finally achieves accurate matching through machine learning. Taking Harbin as an example, when users browse ice and snow sports videos multiple times, the algorithm will prioritize recommending content such as skiing education at Yabuli Ski Resort and parent-child activities at Rongchuang Snow World. If users pay attention to architectural aesthetics, short videos of historical buildings on Central Street and the Harbin Institute of Technology campus complex will receive more exposure. This mechanism enables Harbin’s diverse urban characteristics to reach corresponding interest

circles and improve communication efficiency. In the era of “scarce attention” in short videos, the dissemination effect of urban image directly depends on the “competitiveness” of content in algorithm recommendations. In the Spring Festival of 2024, Harbin invited a million-fan level travel blogger to shoot a “Ice and Snow City vlog”. The video features an interactive dialogue of “@ three friends to experience”, triggering the algorithm’s social fission recommendation. A single video drove an increase of 3 million related topic traffic. Algorithmic recommendation not only improves communication efficiency, but also brings potential problems such as “information cocoon” and “traffic Matthew effect”. Harbin pays attention to the balance between algorithm efficiency and content value in practice: on the one hand, it avoids excessive reliance on “sensory stimulating” content for traffic bias, ensuring that diverse issues such as historical culture and modern development receive reasonable exposure; On the other hand, it establishes a content review mechanism of “artificial + algorithm” to filter out false content and vulgar hype that distorts the image of the city, while supporting high-quality UGC creators, forming a healthy ecology of “leading by top experts + supporting by middle creators + extensive participation by ordinary people”.

3. The Core Path of Short Video Dissemination in the Image Shaping of Harbin City

From the perspective of global tourism, the shaping of Harbin’s urban image through short videos has progressed from fragmented dissemination to a systematic construction stage. If the mechanism of action reveals the inherent logic of short videos influencing urban image, then the core path demonstrates the practical strategy of short videos as a “digital shaping tool”. Every city has its own unique style and culture. In the process of urban cultural and tourism marketing, it is necessary to systematically sort out its unique natural resources, historical heritage, pillar industries and other advantages, and extract cultural attitudes and value connotations with urban characteristics on this basis, in order to fully demonstrate the cultural connotation of the city, enhance the brand value and reputation of the city.[4]

3.1 Symbolic Expression: the Transformation from Physical Space to Cultural Symbols

The effective dissemination of urban image relies on the construction of a perceptible and memorable symbol system. Short videos selectively extract and creatively encode the geographical landscape and cultural elements of Harbin, transforming concrete urban spaces into symbolic cultural symbols, enabling audiences to assign meaning to the city through symbol cognition. This transformation not only improves communication efficiency, but also endows cities with spiritual connotations beyond physical existence. When fragmented symbols continue to spread through short videos and form a clus-

ter effect, the phenomenon of “symbol bundling” occurs, in which the audience strongly associates specific symbols with Harbin and even internalizes them as part of the city’s identity.

The unique urban texture of Harbin provides rich materials for symbolic expression. Short video creators use camera language to extract symbols from iconic spaces, making them visual labels of the city, including geographic landmark spaces, functional spaces, and everyday spaces. The breadstone pavement of Harbin Central Street, the yellow sign of Madier Cold Drink Hall, and the three-dimensional relief of the Flood Control Memorial Tower have been transformed into visual symbols of “European style” through high-frequency close-up dissemination in short videos. For example, in the Tiktok topic # The bread stone on the central street can speak #, the creator focused on the reflection of snow on the bricks, the interaction between pedestrian footprints and shop lights, which sublimated this century old street from a traffic space to a cultural symbol bearing the memory of the city, and the related videos were played more than 4.5 billion times. Similarly, the ice sculpture castle of Harbin Ice-Snow World, the ski slope curves of Yabuli Ski Resort, and the blue bricks and gray tiles of Chinese Baroque blocks are endowed with the aesthetic image of “ice and snow fairy tales” through techniques such as slow motion and time-lapse photography. In the ice and snow season of 2023, Kwai users shot a series of videos called “The Birth of 12 Hour Freeze Frame Ice Sculpture”, which transformed the chiseling action and light debugging process of ice carvers into a visual narrative of “craftsman spirit”. A single video won 1.8 million praise. The neon light strips of Harbin Normal University Night Market, the steam evaporation of the morning market, and the Russian style iron roofed houses in the community have been transformed into symbols of “street fireworks” through vlog style recording.

Short videos not only focus on the visual presentation of spatial landscapes, but also emphasize the deep symbolic processing of Harbin’s diverse cultural genes, including historical culture, folk culture, and contemporary cultural symbol processing. The Harbin Middle East Railway architectural complex, Russian overseas cultural relics, and old industrial base machine tools are endowed with the urban spirit of “diverse integration” through comparative editing of “historical images + modern scenes”. For example, the documentary style short video “City on the Railway” juxtaposes the images of the 1903 Middle East Railway opening and the 2024 Harbin New Area high-speed railway, transforming railway elements from transportation carriers to cultural symbols that interpret urban openness. There are also regional customs such as winter swimming, ice lantern making, and Russian Western etiquette in Harbin, which have been transformed into cultural symbols of “courage and tolerance” through the dissemination of immersive experiential videos. The 72 Hours of Ice Lantern Production, released by the creator of Tiktok “Ice City

Craftsman”, records the whole process of ice picking, carving and assembly in detail, sublimating the ice lantern from festival decoration to a cultural symbol showing the wisdom of the north, and the relevant content was reprinted by the Ministry of Foreign Affairs’ cultural and tourism account. Modern elements such as the aerospace technology achievements of Harbin Institute of Technology, the financial center building complex of the new district, and the e-sports industry park are used to construct an innovative and enterprising urban image through the language of technological lenses. During the 2024 Winter Universiade, the platform launched the “Harbin Institute of Technology and Ice and Snow Technology” series of short videos, transforming the application of aerospace materials in ice and snow equipment into a symbolic narrative of “technology empowering life”, reaching the circle of young technology enthusiasts.

3.2 Emotional Mobilization: The Construction of Collective Memory and Identity

The deep construction of urban image is essentially the construction of emotional identification. Short videos awaken collective memory and activate regional emotions, building emotional bridges between citizens and tourists, local and out of town audiences, and elevating Harbin from a geographical space to a spiritual community carrying common emotions. This emotional mobilization goes beyond information transmission and achieves a deep leap from “cognitive awareness” to “emotional belonging”.

The rich historical accumulation of Harbin provides rich materials for emotional mobilization, and short videos awaken memories through major event memories, cultural fusion memories, and daily life memories. Reprocess the images of events such as the 1998 flood control, the 2009 Winter Games, and the 2022 epidemic prevention and control to stimulate the collective sense of honor among citizens. For example, the 25th Anniversary of Flood Fighting: Guardianship under the Memorial Tower, produced by Kwai users, interweaves the historical images with the blessing pictures of contemporary citizens in front of the flood control memorial tower, triggering the emotional resonance of “urban spirit inheritance”, and more than 100,000 messages of “Harbin people are always united” in the comment area. The accordion playing in the Russian style western restaurant, the modern concert in the Jewish Old Hall, and the intangible cultural heritage Paper Cuttings exhibition of the Chinese Baroque off the street strengthen the cultural identity of “integration of diversity” through the narrative technique of “juxtaposition of tradition and modernity”. The “Sound Map of Century Old Street” released by Bilibili UP host “Ice City Mixed Cutting” includes the sounds of different historical periods on Central Street, transforming cultural integration from abstract concepts to perceptible emotional experiences. The candy counter of Qiulin Company, the small train in the children’s park, and the open-air dance hall by the river,

which carry the daily lives of citizens, are recorded in short videos to awaken intergenerational nostalgia. Under the topic of Tiktok # Harbin people's childhood memories #, the contents of ice-cream paper in the 1980s, bus tickets in the 1990s, and store posters around the millennium triggered "memory connection" among users of different ages.

Short videos use a cyclic mechanism of "user production emotional feedback identity reinforcement" to promote the audience's transformation from "bystanders" to "recognizers". Firstly, it is the construction of citizen identity. The official # City Symbols downstairs from My Home # collection activity encourages citizens to shoot old trees, shops, and buildings in the community. Tens of thousands of "stories at my doorstep" videos are gathered into micro memories of the city, enhancing citizens' sense of belonging to the city. The series of "Brick Carvings in My Hutong" filmed by residents of Daowai District has made the previously hidden urban culture a source of pride for citizens, and related content has been included in the "Harbin Citizen Image Chronicle". Secondly, there is emotional connection among tourists. The "check-in short video sharing and souvenir collection" activity set up in the scenic area enables tourists to actively integrate into the urban narrative in their creations. In 2024, the Sun Island Snow Expo launched the "Snow Carving My Name" interactive project, where tourists combined their names with ice and snow symbols to create and shoot videos. Many users left messages saying "For the first time, I feel like I have a shared memory with Harbin". Finally, regarding the construction of new city identity, the platform has launched a series of short videos titled "My 100 First Times in Harbin" targeting foreign entrepreneurs and college students. These videos document the first-time encountering ice lanterns, understanding Harbin dialect, and crossing the New Year's Eve on Central Street, helping new citizens quickly establish emotional bonds in the city.

3.3 Virtual Real Space Interaction: Check-in Behavior and the Reproduction of Urban Space

The dissemination of urban image in the era of short videos is essentially a continuous interactive process between virtual and real spaces. After the physical space in Harbin is symbolically presented in short videos, it triggers offline check-in behavior; The new content generated by the check-in practice feeds back into online dissemination, forming a closed loop of "online drainage - offline experience - secondary creation - diffusion and dissemination", promoting the meaning reproduction of urban space. Social media restructures urban landscape resources, serving as the primary medium for people to learn, experience, perform, and share evaluations of urban landscapes.

The first is the reproduction of clock in behavior. The virtual scene constructed by short videos stimulates the audience's desire for experience, transforming the physical space of Harbin from a "geographical existence" to a "check-in destination". Short video content such as the "Ice Stick Check in Photo" at the

Flood Control Memorial Tower, the “Ice Sculpture Castle Selfie” at the Ice and Snow World, and the “Blue Brick and Gray Tile Hanfu Show” at the Chinese Baroque style have given rise to offline check-in ceremonies in specific spaces. Short videos have made the original niche space a new hotspot, such as the “reed marsh secret place” in Qunli Yuyang Park, the “lunar rover model” in the space museum of Harbin Institute of Technology, and the “Baroque balcony cats group” outside the old way. After being spread by Xiaohongshu and Tiktok, they have become the “secret card punching place” for young groups. Some commercial spaces actively cater to the demand for short video dissemination and are transformed into “shooting scenes”. The West Red Square Art Exhibition Hall has set up a “snow and ice themed internet famous staircase”, and the Goguryeo Street Bookstore has created a “Russian style retro reading corner”. These space designs are guided by “visual output rate”, achieving functional upgrades from consumer venues to communication media.

The second is the reproduction of urban space. The continuous interaction between reality and virtuality drives urban space into a spiral upward cycle of “dissemination experience re-dissemination”. The check-in behavior is not only spatial consumption, but also the re-creation of spatial meaning. Tourists give new meaning to the space through posture, props, and text during the check-in process. For example, imitating the short video blogger’s “ice cream stick raised 45 degrees” photo pose in front of the flood control memorial tower can transform the space from a flood control monument to a “symbol of ice and snow city ceremony”; The “marriage proposal check-in” in front of the ice sculpture in the Ice and Snow World gives emotional meaning to the cold architecture. Short videos prompt citizens to re-examine their daily spaces and discover overlooked urban details. Residents in Nangang District unexpectedly became popular by taking photos of “ice flower crystals on their own windowsills”, which led the community to launch the “Most Beautiful Ice Flower Balcony” selection, transforming residential spaces from private domains into micro display windows of urban image. Different groups form differentiated spatial discourse in check-in. Travel bloggers focus on landscape aesthetics narrative, while exploration bloggers focus on food consumption experience. Local residents emphasize the quality of life, and this diverse narrative presents multiple images of the same space.

Conclusion

Short videos provide a new path for shaping the image of Harbin city from the perspective of holistic tourism. Through emotional resonance in fragmented scenes, diverse narratives in UGC content, and precise algorithmic outreach, they promote the sublimation of urban symbols from physical space to cultural identity, and construct a closed loop of “online dissemination - offline experience - emotional identification”. This kind of dissemina-

tion brings both positive effects such as customer expansion and industrial innovation, as well as challenges such as excessive resource development and service imbalance. In the future, Harbin needs to seek a balance between traffic and quality, single symbols and diverse images, short-term popularity and long-term development. By optimizing algorithm recommendations, deepening cultural and tourism integration, and improving service systems, it will promote the transformation of the city's image from "internet celebrity traffic" to "sustainable identity", and ultimately achieve high-quality development of global tourism.

Библиографический список / References

1. Cai Tao, 3.048 Million Tourists, Total Tourism Revenue of 5.91 Billion Yuan [N]. Heilongjiang Daily, 2024-01-03(07).
2. Gu Yaqi, Li Minkang, New Practice of Empowering Urban Cultural and Tourism Development with Audiovisual Art [J]. Contemporary TV, 2023. № 10. P. 18-22.
3. Sun Wei, I photograph, therefore I am, we card-punch, therefore the city is Short video: The mass image practices of cyber cities [J]. Chinese Journal of Journalism & Communication, 2020. № 42 (6). P. 6-22.
4. Tang Cancan, Research on the Shaping and Communication of Modern Urban Brand Image [M]. Beijing: Beijing University of Technology Press, 2021. № 5.
5. Huang Jun, The Mediated Construction of City Image and the Action Network of "Otherness": A Case Study of "Harbin Gaining Popularity" [J]. Journal of South-Central Minzu University (Humanities and Social Sciences), 2025. № 45 (4). P. 152-160.

Сулейманова А.Р.*Магистрант. Университет Сорбонны Абу Даби.***Ориентализм в культуре и искусстве***

Аннотация. В статье рассматривается феномен ориентализма как особого мировоззрения, определившего способы восприятия Востока в западной культуре и искусстве XVIII–XX вв. Цель исследования заключается в выявлении исторических предпосылок, ключевых этапов и трансформаций ориенталистского взгляда, а также в анализе его влияния на художественные практики. В работе применяются культурологический и историко-аналитический методы, опора на труды Эдварда Саида и последующих исследователей пост-ориентализма. Результаты исследования показывают, что ориентализм был не только формой художественной экзотизации Востока, но и частью идеологического проекта Запада, связанного с колониальной экспансией и процессами глобализации. Особое внимание уделено художественным интерпретациям Востока в живописи, архитектуре, декоративно-прикладном искусстве, где Восток представлялся как «другое» пространство, одновременно притягательное и подчиняемое. В заключении автор отмечает, что современное развитие пост-ориенталистских и постколониальных дискурсов способствует пересмотру прежних стереотипов, открывая возможности для более равноправного диалога культур. Таким образом, статья вносит вклад в понимание динамики культурных взаимодействий и может быть полезна при изучении вопросов глобализации, межкультурной коммуникации и репрезентации Востока в искусстве.

Ключевые слова: ориентализм, пост-ориентализм, культура, искусство, репрезентация, Восток и Запад, колониализм, глобализация, идентичность.

Suleymanova A.R.*Master's student. Sorbonne University Abu Dhabi.***Orientalism in culture and art**

Abstract. The article explores Orientalism as a specific worldview that shaped the perception of the East in Western culture and art from the 18th to the 20th centuries. The aim of the study is to identify the historical foundations, major stages, and transformations of Orientalist discourse, as well as to analyze its impact on artistic practices. The research applies cultural and historical-analytical methods, with reference to the works of Edward Said and later post-Orientalist scholars. The results demonstrate that Orientalism was not only a form of artistic exoticization of the East but also part of a broader Western ideological project connected with colonial expansion and processes of globalization. Special attention is given to artistic interpretations in painting, architecture, and applied arts, where the East was represented as an “Other” space—both fascinating and subordinated. The conclusion emphasizes that the rise of post-Orientalist and postcolonial discourses has

* © Сулейманова А.Р., 2025.

challenged earlier stereotypes, fostering the possibility of a more equal intercultural dialogue. Thus, the article contributes to understanding the dynamics of cultural interactions and can be useful in the study of globalization, cross-cultural communication, and the representation of the East in art.

Key words: orientalism, post-orientalism, culture, art, representation, East and West, colonialism, globalization, identity.

Ориентализм — это культурное явление, которое возникло в Европе в XVIII веке и просуществовало до начала XX века. Этот период культурологи также называют эпохой ориентализма. В наиболее общем смысле ориентализм — это мировоззрение, положенное в основу исследования истории восприятия Востока западными культурами (европейской и американской), изучения и понимания культурного наследия Востока, а также всех аспектов его истории, связанной с культурой, искусством, экономикой и другими сторонами общественного развития.

Можно сказать, что мировоззрение ориентализма начинается с древних греков, которые изобрели деление человечества на Ориент и Окцидент, на граждан и варваров; с «восточных мотивов» в творчестве ряда европейских философов и социологов. Исходя из такого разделения, для европейцев и американцев Запад всегда был субъектом, в то время как Восток был и во многом остается объектом — миром, остающимся застойным и застрявшим в прошлом на века. Напротив, Запад предстает для них как носитель истинного знания и проводник прогресса — технологического, динамичного, открытого и нацеленного на постоянную модернизацию мира. Тем самым ориентализм создаёт культурные, пространственные и визуальные мифологии и стереотипы, которые часто связаны с геополитическими идеологиями правительств и институтов. Историография и политическая экономия, безусловно, играют особую роль в формировании таких взглядов и идей.

Исходя из этих предпосылок и зародилось новое направление в культуре и искусстве Западной Европы — ориентализм, способствующий описанию жизни Востока европейским художником, не очень хорошо знакомым с этой новой для него цивилизацией и понаслышке пытающимся скопировать ее внешние черты. Надо сказать, что такой поверхностный подход не имел ничего общего с истинным пониманием восточной культуры и сводился, как право лишь к различным формам экзотизации Востока. В некотором смысле здесь присутствовал и политический заказ — показать превосходство Запада перед ним, его социальную и технологическую продвинутость [7].

Ориентализм как историческое явление представляет собой одну из первых предпосылок начала процесса мировой глобализации. Он возник в то время, когда Запад ощутил необходимость развиваться не только вглубь, но и вширь. Это произошло после эпохи Возрождения, великих географи-

ческих открытий, возникновения капитализма и первых капиталистических революций, промышленной революции, открытия мира и человека.

Всё это было вызвано интересом западного человека к другим культурам, когда у людей возникла потребность понимания себя и своих жизненных ценностей, в поиске разнообразных и альтернативных способов существования, смысла жизни. И за ответами на эти вопросы они обратились в том числе и на Восток. Дело в том, что Восток всегда нуждался в технике и силе Запада, а Запад всегда не меньше нуждался в доле мистики и религиозного чувства Востока, хотя и не принимал их в готовой форме. Это было увлечение загадочным и героическим миром, который Запад скорее создал сам, чем позаимствовал или скопировал у Востока. Это был тот Восток, который в то время был наиболее знаком и понятен жителям Запада. Темы, сюжеты и мотивы были восточными, в то время как форма и способ представления оставались традиционно западными.

В развитии ориентализма как такового можно выделить несколько основных этапов [6]. Первый этап – классический ориентализм, который пришёлся на первую половину XIX века. В то время художники либо тяготели к романтизму, либо к классицизму, но всех их привлекали восточные сюжеты. Они изображали сцены из гаремов или бесстрашных восточных воинов, сражающихся с львами. В работах художников-романтиков Восток предстаёт как страстный, дикий и чувственный мир, не затронутый цивилизацией. Они противопоставляли рациональность и упорядоченность западного образа жизни восточному темпераменту и импульсивности. Романтики мечтали и бредили Востоком, видя в нём убежище от насущных проблем западного мира.

На втором этапе, который был более значимым и важным для формирования мировоззрения ориентализма, появился новый метод изображения Востока. Этот этап относится к последней четверти XIX века и связан с японизмом и всеобъемлющей модой на всё японское. В западном искусстве это проявилось у импрессионистов, которые не только заимствовали сюжеты и образы японских красавиц и гейш, но и начали изображать окружающие предметы и явления так, как это делали японцы. Это была революция в европейском искусстве, которая началась с импрессионистов и постимпрессионистов и продолжилась в стиле модерн, фактически приведя к рождению нового искусства.

После Второй мировой войны начался третий этап ориентализма. В этот период сюрреалисты начали ориентироваться не на японское, а на искусство, идолов и маски из Африки и островов Тихого океана. Таким образом развитие ориентализма началось с обращения к турецкому и арабскому Востоку, а затем распространилось на всё отличное и непохожее на Запад.

В свете вышесказанного можно сказать, что ориентализм отражает одну из попыток вестернизации Востока как отличного от Запада мира. В

то же время ориентализм проявлялся в глубоком интересе традиционного Запада к Востоку, когда западный мир становился всё более незападным и стал постепенно включать в себя альтернативные культурные практики, видение мира и мировоззрение. Этот процесс истернизации Запада сегодня можно наблюдать в различных сферах культуры, что также является одним из проявлений глобализации мира [8].

Конец XIX и начало XX веков были временем, когда ориентализм приобрел современные черты. К этому времени в Европе уже существовала богатая литература о Востоке, уходящая корнями в европейское прошлое. В этот период начался восточный ренессанс. В научной литературе появилось новое понимание Востока, простирающегося от Китая до Средиземного моря [9]. Это был ранее не знакомый для Запада Восток с его древней мудростью и художественным разнообразием, который сильно отличался от сложившегося к тому времени привычного представления. Такой взгляд сложился прежде всего из-за распада колониальной системы, в рамках которой ориентализм рассматривался в качестве системы взглядов и мировоззрения, служивших целям империализма.

Надо отметить, что сам термин «ориентализм» стал известен благодаря американскому ученому и общественному деятелю Эдварду Саиду, использовавшему его в своих публикациях для описания сложившегося в то время искаженного образа Востока, особенно мусульманского [10]. Он стал одним из первых на Западе, кто выступил с критикой традиционных подходов в ориентализме. Он утверждал, что современный американский образ арабов в значительной степени сформирован недобросовестными СМИ и что интерес Запада к Востоку усилился во время империалистической экспансии. Такой подход рассматривал народы Востока и их культуры как статичные объекты, которые необходимо интерпретировать и подчинять. Это направление и получило название «ориентализм».

Книга Саида «Ориентализм», опубликованная в 1978 году, стала основой для новых исследований по истории Азии и Африки и заложила основу современной восточной научной парадигмы. Сегодня практически любая критика ориентализма начинается с анализа работ Саида. Многие из них при этом критикуют Саида за то, что он в своих работах сосредоточился только на анализе западного понимания ориентализма, не уделив должного внимания развитию уже начавшегося в то время диалога между Востоком и Западом.

Одним из ключевых аспектов «ориентализма» было изучение того, как Запад формирует образ Востока. Традиционно на Западе Восток воспринимался как некое «Другое» — воплощение всего того, что Запад считал негативным и неевропейским. Представления о Востоке были основаны на контрасте с европейскими ценностями: они подчеркивали отсутствие прогресса и свободы, присущих Европе. Восток стал своеобразным зерка-

лом, через которое Европа определяла и оправдывала свои достижения, одновременно утверждая свое превосходство и навязывая собственную систему взглядов.

Саид рассматривал ориентализм как идеологию превосходства, основанную на различиях, которую Запад использовал для оправдания своего господства над Востоком. В своей работе он приводил примеры из научных трудов и литературных произведений разных эпох, от эпохи Просвещения до наших дней. Саид разоблачил ученых-востоковедов, которые делали вид, что ищут истину. По его мнению, они на самом деле распространяли политические идеи Запада и оправдывали политику колонизации своих правительств.

Саид утверждал, что основные принципы ориентализма содержат неправомерные и поверхностные стереотипы сравнения Запада и Востока. В частности, он отрицал наличие радикальных отличий между традиционным представлением о величии Запада и отсталости Востока, ведущим к демонизации Востока и утверждениям о его неизменности и единообразии, неспособности к развитию. Он считал, что Запад осуществлял продвижение подобного подхода для представления Востока для сохранения своего доминирующего положения в мире и формирования своей идентичности на основе принципа «свой-чужой». Такое понимание Востока и его культурного пространства, по мнению Саида, было политической основой для его завоевания и установлением над ним колониального господства.

По словам Саида, то, что он написал об ориентализме, было сказано до него известными восточными философами и идеологами, такими как А.Л. Тибави, Абдаллой Ларуи, Анваром Абдель-Малеком, Ромилой Фапар, пострадавшими от разрушительных последствий империализма и колониализма. Все они также ставили под сомнение непререкаемый авторитет правительства и социального происхождения, осознавая себя чем-то большим, чем то, что принято было писать о них в научной и публицистической литературе [10].

Ориентализм стал для западной культуры своего рода романтической конструкцией, экзотической фантазией богатого европейца. Ориентализм в понимании Запада не был самостоятельным стилем в искусстве, а скорее служил образом Востока, сложившимся под влиянием различных восточных легенд, описаний путешественников и, конечно же, под влиянием самого восточного искусства. В такой форме восточные темы и сюжеты стали неотъемлемой частью западноевропейской культуры. В художественной культуре ориентализм проявлялся в различных формах, таких как героические и романтические путешествия, которые были описаны в различных путевых заметках и книгах (например, «Путешествие на Восток» Жерара де Нерваля, 1843), письмах (например, «Турецкие письма» леди Мэри Уортли-Монтегю, 1763), литературные произведения (например, «Западный

диван востока» Иоганна Вольфганга Гете, 1819) или философские трактаты (например, «Персидские письма» Шарля Луи де Монтескье, 1721) [11].

До середины XX века в европейском искусстве не существовало четких критериев для определения границ различных восточных «течений» и определения их границ. Еще в древнем Риме у европейцев возник и сохранялся на протяжении веков интерес к искусству Древнего Египта. За это время он нашел свое проявление в различных формах использования египетских мотивов в искусстве классицизма, барокко, ампира, а также в стилизациях периодов историзма и модерна.

Мода на все восточное на европейском континенте появилась в XVIII веке и сохраняла свое влияние на протяжении двух столетий. Ориентализм в одежде, музыке, театре, сюжеты для картин великих художников – все это вместе составляет эпоху культурного влияния «таинственного Востока». Романтический ориентализм XIX века сформировался в результате контактов европейцев с народами Северной Африки, Турции, Восточного Средиземноморья и других восточных регионов. Этому способствовали французские завоевания Алжира, борьба за независимость Греции, Крымская война 1853–1856 годов и политика европейского колониализма.

Из всех восточных стран Турция географически, культурно и политически наиболее близка к странам Западной Европы. Поэтому долгое время у европейцев разнообразные романтические увлечения восточными стилями ассоциировались с «турецким стилем». Ориентализм подарил европейцам мечту о фантастическом Востоке, полном приключений и экзотических удовольствий. Увлеченные ориенталистскими фантазиями, европейские художники и писатели совершали паломничества в Египет, Сирию, Турцию, Ливан, Алжир и Марокко. И хотя реальность редко соответствовала их мечтам, реальный Восток в конечном счете повлиял на западное искусство не меньше, чем Восток воображаемый.

Наиболее противоречивым аспектом ориенталистской живописи того времени является повторяющийся образ женщины в гареме. Хотя гарем был всего лишь частным домашним пространством, куда не допускались незнакомые мужчины, европейцы и североамериканцы были заинтригованы тем, что происходило внутри. Большинство художников использовали свое воображение, используя фон гарема как предлог для рисования обнаженных женщин. В большинстве случаев этот мир был плодом воображения.

Ориентализм впервые появился в европейском изобразительном искусстве в середине XVIII века, в эпоху рококо. Для этого стиля характерно приукрашенное изображение действительности и изысканная декоративность. Сначала во Франции, а затем и в других европейских странах появилась мода на произведения искусства, созданные в турецком стиле — «тюркери». Художники той эпохи быстро отреагировали на запросы общества и начали рисовать идиллические сцены из воображаемой жиз-

ни турок. Большим спросом пользовались также портреты знати в экзотических костюмах. Художники XIX века часто изображали Восток как плод своего воображения, а не как реальное место. По их мнению, Восток включал Османскую империю, Индию и Северную Африку - регионы, связанные с Европой торговыми, колониальными и военными отношениями. Некоторые художники посещали города, которые они изображали, такие как Константинополь, Иерусалим, Каир и Марракеш. Другие останавливались в Париже или Вене, но вдохновлялись фотографиями, реквизитом, библейскими текстами, литературой и собственным воображением. Изображения Востока были разнообразны: от подробных зарисовок повседневной жизни до великолепных сцен из жизни гаремов.

Ориентализм как мировоззрение демонстрирует вариативность его понимания в зависимости от национального контекста и различных культурных традиций отдельных европейских стран. Например, французский ориентализм существенно отличается от российского, отражая специфические исторические, политические и культурные особенности каждой из этих стран. Кроме того, ориентализм сформировал два противоположных образа Востока, которые в равной степени повлияли на колониальную политику и искусство. С точки зрения колонизаторов, Восток воспринимался как цивилизация упадка. Его жители казались неспособными к развитию и самосовершенствованию, а их культура была полна жестокости, жажды удовольствий и роскоши. Такой Восток нужно было завоевать и привести в соответствие с европейскими стандартами. С другой стороны, в искусстве Восток представлялся как рай на земле, кладезь мифов, образов и сюжетов для литературы, музыки, живописи и архитектуры.

Как художественное движение, ориентализм обычно рассматривается как одно из многих направлений академического искусства XIX века; однако существовало множество различных стилей ориентализма. Искусствоведы выделяют два основных типа художников-ориенталистов: реалистов, которые тщательно изображали то, что видели, и тех, кто придумывал ориенталистские сцены, не выходя из мастерской. Французские художники, такие как Эжен Делакруа (1798–1863) и Жан-Леон Жером (1824–1904), считаются ведущими представителями ориентализма.

В истории искусства, литературы и культурологии ориентализм — это способ изображения различных аспектов восточной культуры писателями и художниками из западных стран. Ориенталистская живопись, особенно связанная с Ближним Востоком, была одним из многих направлений академического искусства XIX века и охватывала самые различные жанры. Так, например, европейские зрители были очарованы картинами, на которых изображена жизнь правителей и простых людей, гаремы и бани, исторические сражения и пейзажи, а также портреты известных личностей Востока. В архитектуре ориентализм привёл к появлению но-

вых стилей. Среди них — неомавританские, египетские, китайские, японские и индо-сарацинские. Например, орнамент в стиле «мавританская готика» — это европейская адаптация исламской арабески, которая появилась в конце XV века и использовалась в некоторых видах работ, например в переплёте книг, почти до наших дней.

В декоративно-прикладном искусстве восточные мотивы нашли отражение в мебели, такой как пуфики и кушетки, курительницы для благовоний, а также в элементах костюма, включая халаты, тюрбаны для женщин и фески для мужчин. Например, стиль *Туркери* зародился ещё в конце XV века и включал в себя использование самых разных «турецких» стилей прежде всего в декоративно-прикладном искусстве, очень часто это было связано с дизайном турецкой одежды. Венеция, традиционный торговый партнёр османов, была первым центром туркери, а Франция в этой области стала более заметной в XVIII веке.

С модой на использование китайских мотивов в декоре жителей стран Западной Европы, которая началась в конце XVII века, был связан стиль *шинуазри*. С эпохи Возрождения и до XVIII века западные дизайнеры пытались имитировать техническую сложность китайской керамики, но преуспели лишь отчасти. Первые намёки на *шинуазри* появились в XVII веке в странах, где активно действовали *Ост-Индские компании*.

С начала XVII века в Делфте и других голландских городах начали изготавливать посуду с оловянной глазурью, имитирующую бело-голубой фарфор эпохи Мин. Ранние керамические изделия, производившиеся в Мейсене и других центрах производства настоящего фарфора, имитировали китайские формы для тарелок, ваз и чайной посуды.

В XIX столетии искусство, посвящённое странам Востока, переживало свой золотой век. В основном это были произведения западных мастеров, созданные для того, чтобы удовлетворить растущий интерес публики к государствам Ближнего Востока и Северной Африки. Начиная со второй половины XIX века, понятие «ориентализм» значительно расширилось в географическом смысле. Первоначально оно использовалось только для описания произведений искусства, созданных на основе ближневосточных и североафриканских мотивов. Но на Всемирных выставках в Лондоне (1864) и Париже (1867) образцы японского искусства (гравюры, фарфор, лакированная посуда) были впервые представлены широкой публике. На волне оглушительного успеха выставок возникло совершенно новое направление в живописи — «японизм».

Ориентализм, благодаря своей долгой истории, прошёл через множество периодов, которые можно исследовать с точки зрения географии, политики, тем, стиля, идеологии, этнической принадлежности и национальности. Кроме того, многие художники занимались различными видами искусства, такими как живопись, театр, дизайн, архитектура, фотография,

музыка и литература, что также повлияло на их ориенталистские работы.

Увлечение всем восточным было в значительной степени подражательным. Это была своего рода попытка привлечь внимание зрителя, читателя или слушателя к экзотическим сюжетам, мотивам или удобным кимоно. Однако со временем представители культурной элиты Европы всё глубже погружались в уникальный мир восточного восприятия окружающего мира. Этот процесс занял немало времени, но в итоге привёл к культурному синтезу Запада и Востока.

Стоит отметить, что в современном мире взаимодействие культур европейских и восточных стран не может быть полностью вписано в рамки концепции ориентализма. Сейчас это скорее диалог и обмен идеями. Отношения между странами, где одна сторона была завоевателем, а другая — колонией, ещё не достигли уровня равноправия. Европейцы по-прежнему считают себя миссионерами и цивилизаторами, но за внешней простотой и спокойствием жизни покорённых народов они всё чаще видят природную гармонию и мудрость, которые были утрачены европейцами в ходе стремительного развития.

Сегодня можно сказать, что ориентализм, как традиционный для прошлых времен западный взгляд на Восток, больше не является бесспорной аксиомой. Во всех областях — в академических кругах, средствах массовой информации, социальных сетях и политических кругах — ведутся интенсивные дебаты о подлинности и точности знаний о Востоке, исламе, мусульманах, а также о взаимоотношениях между мусульманскими и западными странами. В некотором смысле мы можем говорить о появлении концепции пост-ориентализма, разработанной Джоном Эспозито и его научной школой и связанной с появлением более широкого пост-колониального дискурса, который стремится освободить Восток от мнимых и доминирующих подходов традиционных востоковедов [5].

Пост-ориенталистская школа не только развила критику ориентализма Саидом, но и пошла еще дальше. Хотя Саид настаивал на том, что образ ислама, арабов и мусульман в ориенталистском дискурсе не является подлинным, пост-ориенталисты оставляли за собой право отвечать на вопросы о том, что такое ислам и кто такие мусульмане. Пост-ориенталисты пошли еще дальше, предоставив мусульманам возможность рассказывать о себе и своих верованиях на западных форумах.

В каждой из актуальных областей обсуждения - столкновение цивилизаций, совместимость ислама и демократии, политика Запада в отношении исламизма — пост-ориенталистам удалось продвинуть менее экзотический, более реалистичный и аутентичный взгляд на Ислам и мусульман. В то время как традиционный ориенталистский подход пропагандирует исламофобию, пост-ориенталисты бросают вызов стереотипам и мифам, которые порождают исламофобию. В настоящее время в академических

кругах преобладает пост-ориенталистская школа, и поэтому большинство новых ученых, появившихся в академической среде, разделяют взгляды Саида и Эспозито, если и не полностью согласны с ними.

В начале XX века этнографические выставки и музеи в Лондоне, Мюнхене и Париже перестали удивлять посетителей шаманскими обрядами и необычными предметами быта. Именно здесь новое поколение художников, будущих авангардистов, открывало для себя африканское искусство. Оно было простым, лишённым лишних деталей и обладающим магнетической силой.

Библиографический список

1. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – Москва: Русский мир, 2006.
2. Чач Е.А. «Ориентализм» Серебряного века: факты и наблюдения. – Санкт-Петербург: СПбГУПТД, 2016.
3. Каран М.С., Хилтухина Е.Г. Проблема «Запад – Восток» в культурологии. Взаимодействие художественных культур. – Москва: Наука, Восточная литература, 1994.
4. Взаимодействие культур Востока и Запада. – Москва: Наука, 1991.
5. Эспозито, Джон. Ислам. Почему мусульмане такие? = What Everyone Needs to Know about Islam. Перевод с английского: Н. Богомолова. – Москва: Эксмо; Наше слово, 2011.
6. Ориентализм и право говорить за другого. CyberLeninka. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/orientalizm-i-pravo-govorit-za-drugogo>.
7. Ориентализм в европейском искусстве XVIII – начала XX веков. CyberLeninka. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/orientalizm-v-evropeyskom-iskusstve-hviii-nachala-hh-vekov/viewer>.
8. Ориентализм. ПостНаука. Видео. // URL: <https://postnauka.org/video/84566>.
9. Ориентализм. Plam.ru. // URL: <http://www.plam.ru/polit/orientalizm/p3.php>.
10. Said E.W. Orientalism. – London: Penguin Books, 2003.
11. Burke, Edmund. "Orientalism." In The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World, vol. 3, edited by John Esposito, 268. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1995.
12. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Альманах «Казачество». 2023. № 66. С. 11-18.

References

1. Said, E.V. Orientalism. Western Concepts of the East. – Moscow: Russkiy Mir, 2006.
2. Chach, E.A. "Orientalism" of the Silver Age: Facts and Observations. Saint Petersburg: SPb-GUPTD, 2016.
3. Kagan, M.S., Khiltukhina, E.G. The "West - East" Problem in Cultural Studies. Interaction of Artistic Cultures. – Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1994.
4. Interaction of the Cultures of the East and West. – Moscow: Nauka, 1991.
5. Esposito, John. Islam. Why Are Muslims Like This? = What Everyone Should Know About Islam. Translated from English by N. Bogomolova. – Moscow: Eksmo; Nashe Slovo, 2011.
6. Orientalism and the Right to Speak for Another. CyberLeninka. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/orientalizm-i-pravo-govorit-za-drugogo>.
7. Orientalism in European Art of the 18th – Early 20th Centuries. CyberLeninka. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/orientalizm-v-evropeyskom-iskusstve-hviii-nachala-hh-vekov/viewer>.
8. Orientalism. PostNauka. Video. // URL: <https://postnauka.org/video/84566>.
9. Orientalism. Plam.ru // URL: <http://www.plam.ru/polit/orientalizm/p3.php>.
10. Said E.W. Orientalism. – London: Penguin Books, 2003.
11. Burke, Edmund. "Orientalism." In The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World, vol. 3, edited by John Esposito, 268. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1995.
12. Ryabova E.L. On the issue of the unity of education and upbringing: institutional discourse // Almanac "Cossacks". 2023. № 66. P. 11-18.

Political science

Политология

Макаров Т.Г.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Валишева А.Л.

Студент 4 курса аспирантуры юридического факультета. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Субъекты медицинских правоотношений*

Аннотация. Большое значение в системе медицинского обеспечения имеет установление правового положения субъектов данного вида правоотношений. В свою очередь правовое положение субъектов медицинских правоотношений устанавливает их права и обязанности. В данной статье рассмотрены вопросы правового положения субъектов медицинского обеспечения, к которым относятся лица, оказывающие медицинскую помощь, а также лица, которым такая помощь оказывается.

Ключевые слова: медицинская услуга, медицинская помощь, медицинская деятельность, пациент, исполнитель медицинской услуги.

Makarov T.G.

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Valisheva A.L.

Fourth-year graduate student, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Subjects of medical legal relations

Abstract. The establishment of the legal status of the subjects of this type of legal relationship is of great importance in the medical care system. In turn, the legal status of these subjects establishes their rights and obligations. This article discusses the legal status of the subjects of medical care, which include individuals who provide medical assistance and individuals who receive such assistance.

Key words: medical service, medical assistance, medical activity, patient, medical service provider.

* © Макаров Т.Г., Валишева А.Л., 2025.

Субъекты медицинских правоотношений

Здоровье населения является основой развития любого государства, показателем его привлекательности для жизни. На сегодняшний день, здоровье населения зависит от развития государственной и частной медицины в стране. Улучшение здоровья населения страны должно являться целью развития системы здравоохранения как совокупности органов исполнительной власти, управления, контроля (надзора), медицинских, фармацевтических, судебно-экспертных и иных организаций, осуществляющих деятельность в сфере охраны здоровья граждан РФ. Она включает государственную, муниципальную и частную системы здравоохранения. В Российской Федерации действует смешанная система здравоохранения — бюджетно-страховая, а также имеется рынок платных частных медицинских услуг¹.

Медицинские услуги играют значительную роль в качественной диагностической помощи, восстановительной медицине и реабилитации населения России.

Важнейшим принципом законодательства является обеспечение равных прав граждан на получение медицинской помощи, независимо от их социального статуса, уровня дохода, места проживания и состояния здоровья.

С целью защиты и поддержания здоровья человека и гражданина в Российской Федерации предусмотрена система правовых, экономических, социальных, а также научных и медицинских мер, которая направлена на укрепление физического и психического здоровья человека, поддержание его активной долголетней жизни, включая лечение и профилактику заболеваний, объединяемых понятием «предоставление медицинской помощи».

Статья 32 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»² классифицирует медицинскую помощь по видам в зависимости от характера предоставляемых услуг и уровня сложности медицинского вмешательства:

1. Первичная медико-санитарная помощь основа системы здравоохранения, предоставляемая в амбулаторных условиях и на дому.

2. Специализированная, включая высокотехнологичную, помощь - предоставляется врачами узкого профиля и предполагает использование сложных диагностических и лечебных методик. Высокотехнологичная помощь является её частью и включает применение современных медицинских технологий, таких как роботизированная хирургия, клеточные технологии, методы генной инженерии, трансплантация органов, высо-

1 Новоселов С.В. Теоретические аспекты развития системы здравоохранения // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 1 (129) // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2022/01/97536> (Дата обращения: 11.08.2025).

2 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/0c5cdfd17caf2ffeb55430eef12c7370689ebe72/ (Дата обращения: 11.08.2025).

коточные методы радиотерапии и протонного лечения онкологических заболеваний.

3. Скорая медицинская помощь - оказывается при внезапных острых состояниях, требующих срочного медицинского вмешательства. Она делится на: обычную скорую помощь, оказываемую фельдшерскими и врачебными бригадами при травмах, отравлениях, сердечно-сосудистых катастрофах, острых инфекционных заболеваниях; скорую специализированную помощь, предоставляемую бригадами с узкопрофильными специалистами (кардиореанимационные, нейрохирургические, токсикологические и другие).

4. Паллиативная медицинская помощь – направлена на облегчение боли и улучшение качества жизни неизлечимо больных пациентов.

Помимо этого, медицинская помощь предоставляется в зависимости от необходимости наблюдения и интенсивности лечения в различных условиях:

- вне медицинской организации (скорая помощь оказывается по месту вызова: дома, на улице, в транспорте);
- амбулаторно (пациент посещает медицинскую организацию без необходимости госпитализации, а также возможно оказание помощи на дому);
- в дневном стационаре (пациент получает лечение и медицинский уход в дневное время без необходимости круглосуточного пребывания в стационаре);
- стационарно (пациент находится под круглосуточным медицинским наблюдением, получает комплексное лечение и реабилитацию).

Медицинская помощь в России основывается на правовых нормах, обеспечивающих её доступность, качество и регулирование различных форм и условий оказания. «Медицинская помощь» в публичном праве есть не что иное, как средство охраны здоровья человека и населения, а также объект контроля государства. А в частом праве корректнее употреблять термин «медицинские услуги», так как они направлены на удовлетворение частных потребностей отдельных субъектов.

Современный подход к толкованию термина «медицинская услуга» основывается на положении, закрепленном в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны граждан в Российской Федерации». Ст. 2 данного нормативного акта определяет понятие «медицинская услуга» через определение понятия «медицинская помощь», а именно: «медицинская помощь - комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг». Из чего следует, что «медицинская услуга - медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное закончен-

ное значение»³.

В свою очередь, депутаты и сенаторы предложили отказаться от термина «медицинская услуга». Соответствующий законопроект был внесен в парламент 20 марта 2024 года. В пояснительной записке к законопроекту указано, что «Медицинская помощь, гарантированная Конституцией Российской Федерации, не может определяться понятием «услуга» (равно как врачи не выполняют чей-либо заказ на услугу) или удовлетворять чьи-либо потребности в соответствии с пожеланиями потребителя, как звучит дефиниция гражданско-правовой услуги»⁴.

Так, авторы инициативы предлагают уточнить понятия и относить к «медицинской услуге» только платные манипуляции, в том числе санаторно-курортное лечение и статистическое наблюдение. Соответственно, бесплатная медицинская помощь не будет попадать под действие закона «О защите прав потребителей» за редкими исключениями. Медицинское вмешательство по обязательному медицинскому страхованию (далее ОМС) и различным госпрограммам депутаты и сенаторы намерены квалифицировать как «медицинскую помощь».

На сегодняшний день термин «медицинская услуга» приравнивается к гражданско-правовой норме возмездного оказания услуг. Врач не оказывает услугу – он оказывает помощь.

Необходимо отметить, что инициатива отказаться от термина «медицинские услуги» в пользу «врачебной помощи» защитит права медиков и повысит престиж профессии.

Субъектами правоотношений по оказанию медицинских услуг являются пациент (заказчик медицинских услуг) и исполнитель медицинской услуги.

Субъектами, получающими медицинскую помощь (заказчики медицинских услуг) являются пациенты.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ пациент - физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния.

Правовой статус пациента представляет собой систему законодательно закрепленных государством прав, свобод, юридических гарантий, системы защиты законных интересов, а также обязанностей пациента. Правовой

3 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/0c5cdfd17caf2fbeb55430eeef12c7370689ebe72/ (Дата обращения: 11.08.2025).

4 Проект Федерального закона №580179-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и статью 1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2024). // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=PRJ&n=245700&demo=1> (Дата обращения: 12.08.2025).

статус пациента характеризуется определенными особенностями. По мнению Н.С. Кириченко и Е.С. Бабайцева, можно выделить несколько видов правовых статусов пациента в сфере медицинского обеспечения:

1) общий правовой статус пациента, представляющий собой единый набор прав, обязанностей, присущий всем гражданам России в области медицины;

2) специальный правовой статус пациентов, то есть система прав, обязанностей и ответственности в области медицины, характерных для следующих групп населения: несовершеннолетних, беременных женщин, военнослужащих, инвалидов, граждан пожилого возраста, клиентов частных лечебно-профилактических учреждений, обладателей полисов добровольного медицинского страхования и др.⁵

Особенностями специального правового статуса пациентов является, как правило, наличие дополнительных прав, льгот, особенностей лечения, медико-социальной реабилитации и обмена конфиденциальной информацией, составляющей, врачебную тайну.

Как известно, обязательным условием оказания медицинской помощи является ставшее актом как юридической, так и этико-деонтологической значимости, информированное добровольное согласие пациента (далее – ИДС), за рядом исключений, предусмотренных частью девятой, статьи двадцатой Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан» от 21.11.2011 г. Согласно внесенным поправкам, в этот перечень входит седьмая позиция: стало возможным не спрашивать согласия пациента при наличии одновременно следующих условий: а) скорая медицинская помощь оказывается вне медицинской организации; б) медицинское вмешательство необходимо для устранения угрозы жизни человека; в) отсутствует выраженный до начала оказания медицинской помощи отказ гражданина (его законного представителя) от медицинского вмешательства.

Данное дополнение, действующее с 5 января 2024 г., вполне логично, так как при оказании скорой медицинской помощи, например, при массовом дорожно-транспортном происшествии пациент зачастую находится в стрессовой ситуации либо без сознания, у медработника ограничено время контакта с пациентом, что делает крайне затруднительным определить его волю относительно каких-либо лечебных действий. Бригады скорой сталкивались с требованием от них расписок пациентов на каждое медицинское вмешательство, получение которых, как было отмечено выше, являлось достаточно сложной процедурой. Помощь оказывалась, но далее следовали долгие разбирательства, так как любая критика в адрес врача может послужить поводом для следствия. И даже если дела не доходили до

5 Кириченко Н.С. Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / Н.С. Кириченко, Е.С. Бабайцева // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 82.

суда, информация попадала в средства массовой информации, где начинались дискуссии о профессиональной пригодности медицинского работника, его виновности или невиновности.

Все это подрывает доверие пациентов к врачам, формирует негативное отношение, что, безусловно, сказывается на эффективности лечебного процесса. В перспективе общество может получить поколение медицинских работников, испытывающих груз висящего над ними дамоклова меча ответственности, которые не захотят рисковать во имя спасения жизни человека, и сложно будет упрекнуть их в этом. Поэтому для разрешения правовой коллизии в таких случаях законодатели возложили обязанность принимать решение о медицинском вмешательстве без согласия пациента на старшие выездные бригады.

Выделим отличия данной позиции от оказания медицинской помощи по экстренным показаниям. Ранее медработники могли оказывать помощь без согласия при наличии угрозы жизни, существующей именно в данный момент. По новому законодательству они могут помогать и в случаях, когда необходимо устранить потенциальную угрозу жизни, вероятность которой возможна в будущем. Например, взрослый человек, получивший ожоги, испытывает при этом сильные болевые ощущения, но находится в сознании. Сейчас работник скорой помощи может сразу оказывать медицинскую помощь, ранее же он обязан был сначала оформить в медицинской документации ИДС пациента, терпящего все это время страдания. Или другая ситуация – при поступлении вызова скорой от бабушки, которая находится с внуком с высокой, продолжающей расти температурой, медработник может провести манипуляции, позволяющие ее понизить, не дожидаясь родителей, которые являются законными представителями этого ребёнка. Тем самым своевременно устраняется потенциальная угроза жизни пациента.

Представляется, что такие изменения позволят соблюсти баланс интересов: граждане в экстренных ситуациях смогут получать оперативную, качественную медицинскую помощь, а работники бригады скорой медицинской помощи – укрепить свою правовую защищенность.

Субъектами, обладающими правом оказывать медицинские услуги (медицинскую помощь), согласно ст. 69 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан РФ» являются лица, получившие медицинское или другое образование в России в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и обладающие свидетельством об аккредитации специалиста.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 11.05.2023 № 736, исполнитель – это медицинская организация независимо от организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, оказывающие платные медицинские услуги в соответствии с договором⁶.

6 Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Пра-

Так как при исполнении медицинской услуги происходит воздействие на организм человека, законодательством предусмотрено для исполнителей медицинской услуги ряд жестких требований. Оказание медицинской услуги относится к особой деятельности, при исполнении которой, требуется наличие лицензии. Право исполнителя медицинской услуги осуществлять деятельность возникает с момента получения такой лицензии или в указанный в ней срок и прекращается по истечении срока ее действия.

Медицинский работник — это физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности.

Правовой статус медицинского работника непосредственно связан с его пребыванием в трудовых (служебных) правоотношениях с медицинской организацией и характеризуется рядом отличий, сравнимых не только с общим правовым статусом личности, но и с отраслевым статусом работника медицинской организации в нашей стране.

Можно сделать вывод, что медицинских работников необходимо отнести к субъектам трудового права, обладающим специальной правосубъектностью и специальным правовым статусом. В специальном правовом статусе медицинского работника необходимо рассматривать два компонента: общий (унифицированный) и специализированный (дифференцированный). Под общим (унифицированным) компонентом правового статуса медицинского работника стоит понимать совокупность общих, одинаковых для всех медицинских работников прав, обязанностей и мер ответственности. Специализированный (дифференцированный) компонент правового статуса медицинского работника составляет круг особых прав, обязанностей и мер ответственности, которые корреспондируют должности, специальности и квалификации конкретного медицинского работника.

Таким образом, на примере вышеизложенных изменений в сфере прав пациента можно сделать вывод о том, что российское медицинское законодательство постоянно обновляется, развивается и совершенствуется, откликаясь на запросы всех субъектов правоотношений высоко значимой в социальном плане сферы здравоохранения. И если ранее высшей ценностью в этой системе априори провозглашался пациент, его права, то в настоящее время наблюдается тенденция, направленная на гармонизацию отношений и учёт интересов всех участников, достижение компромисса между ними.

вил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447009/ (Дата обращения: 12.08.2025).

Библиографический список

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/0c5cdfd17caf2f2feb55430eeef12c7370689ebe72/ (Дата обращения: 11.08.2025).
2. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (Дата обращения: 12.08.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447009/ (Дата обращения: 12.08.2025).
4. Проект Федерального закона №580179-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и статью 1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2024). // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=PRJ&n=245700&demo=1> (Дата обращения: 12.08.2025).
5. Кириченко, Н.С. Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / Н.С. Кириченко, Е.С. Бабайцева // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 77-82.
6. Новоселов С.В. Теоретические аспекты развития системы здравоохранения // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 1 (129) // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2022/01/97536> (Дата обращения: 11.08.2025).
7. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни. Gtmarket.ru. // URL: <https://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index> (Дата обращения: 12.08.2025).
8. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 2 (188). С. 9-17.

References

1. Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ (as amended on July 23, 2025) "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation". // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/0c5cdfd17caf2f2feb55430eeef12c7370689ebe72/ (August 11, 2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective Up to 2036". // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (12.08.2025).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 11.05.2023 No. 736 "On approval of the Rules for the provision of paid medical services by medical organizations, amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation and revocation of Resolution of the Government of the Russian Federation of October 4, 2012 No. 1006." // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447009/ (12.08.2025).
4. Draft Federal Law No. 580179-8 "On Amendments to the Federal Law "On the Fundamentals of Protecting Citizens' Health in the Russian Federation" and Article 1 of the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of March 20, 2024). // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=PRJ&n=245700&demo=1> (August 12, 2025).
5. Kirichenko, N.S. Legal Status of Medical Support Entities of the National Guard Troops of the Russian Federation / N.S. Kirichenko, E.S. Babaytseva // Military Law. 2023. № 1 (77). P. 77-82.
6. Novoselov S.V. Theoretical Aspects of Healthcare System Development // Modern Scientific Research and Innovations. 2022. № 1 (129) // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2022/01/97536> (11.08.2025).
7. Ranking of countries by life expectancy. Gtmarket.ru. // URL: <https://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index> (12.08.2025).
8. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the Aspect of the Connection between Traditional Values and Modernization // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 2 (188). P. 9-17.

Давудова С.Я.

Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационного права и информатики. Дагестанский государственный университет, г. Махачкала.

Рагимханова К.Т.

Старший преподаватель кафедры информационного права и информатики. Дагестанский государственный университет, г. Махачкала.

Понятие и правовая природа цифрового следа*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что активное развитие и проникновение в повседневную жизнь человека цифровых технологий и электронных систем, обусловило появление понятия «цифровой след». Правовое регулирование цифрового следа приобретает критическую важность в свете масштабного накопления персональных данных. Коммерческие компании и государственные структуры активно применяют алгоритмы кредитного скоринга и другие методы оценки граждан, что подчеркивает необходимость создания надежных правовых механизмов в современном обществе, где информационные технологии играют определяющую роль. Юридические аспекты цифровой идентичности сталкиваются с отсутствием четкой нормативной базы в российском законодательстве.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровой профиль, цифровой след, нейросеть, право.

Davudova S.Ya.

Candidate of Physico-Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Information Law and Informatics. Dagestan State University, Makhachkala.

Rahimkhanova K.T.

Senior lecturer at the Department of Information Law and Informatics. Dagestan State University, Makhachkala.

The concept and legal nature of the digital footprint

Abstract. The relevance of the research is due to the fact that the active development and penetration of digital technologies and electronic systems into human daily life has led to the emergence of the concept of “digital footprint”. The legal regulation of the digital footprint is becoming critically important in the light of the large-scale accumulation

* © Давудова С.Я., Рагимханова К.Т., 2025.

of personal data. Commercial companies and government agencies are actively using credit scoring algorithms and other methods of assessing citizens, which underlines the need to create reliable legal mechanisms in a modern society where information technology plays a crucial role. The legal aspects of digital identity face the lack of a clear regulatory framework in Russian legislation.

Key words: artificial intelligence, digital profile, digital footprint, neural network, law.

Под цифровым следом понимаются те данные, которые оставляет пользователь при использовании конкретной информационной системы или, в более общем случае, сети Интернет.

Е.Р. Россинская и И.А. Рядовский считают, что «...цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи».

Сегодня такими следами являются содержимое оперативной памяти, файлы и их обрывки, создаваемая программными и аппаратным средствами. Также это может быть служебная информация об этих файлах, располагающихся на материальных носителях в виде цифровых кодированных последовательностей. Только посредством использования специализированных программных и аппаратных средств, осуществляющих декодирование и визуализацию в привычной графической, текстовой или звуковой форме такая информация доступна восприятию человеком. Здесь важно отметить, что ввиду своей подвижности и сложной структуры хранения подобного рода данные могут быть получены и интерпретированы в полном объеме¹.

Цифровые следы обладают своей специфичностью и представляют собой след, запечатленный в виде цифрового образа, изменяющий состояние информации в памяти абонентского устройства. Следует отметить, что отыскание цифровых следов является сложным процессом и требует привлечения специальных экспертов, обладающих определенным образованием в сфере цифровых технологий и опытом. Преимуществами появления цифровых следов является их объективное и последовательное отражение преступной деятельности лица, поскольку, используя данный вид следов, правоохранительные органы могут проследить порядок событий

1 Нестеров С.А. Понятие цифрового следа и анализ цифрового следа в образовании / С.А. Нестеров, Е.М. Смолина // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник научных трудов XXVI Международной научно-практической конференции. В 3 ч., Санкт-Петербург, 13–14 октября 2022 года. Том Часть 3. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2023. С. 310.

и действий лиц, участвующих в совершении преступления посредством применения информационных технологий².

Принято выделять активные и пассивные цифровые следы. Например, размещение в социальных сетях личных постов, фото, аудио/видео, авторизация на сайтах (создание аккаунта) и совершение online-заявок/покупок, активная геолокация на смартфоне и т.п., свидетельствует о намеренных действиях пользователя в цифровой среде и оставлении активного цифрового следа. Пассивные цифровые следы формируются непроизвольно: история посещения и просмотров веб-сайтов, запросы поисковой системы, информация о гаджете/устройстве, с которого получает информацию пользователь. Речь идет о «цифровой тени», которая в отличие «от цифрового следа, создается автоматически, без согласия на то самой личности и является представителем человека в цифровом пространстве. Формируется она так же, как и цифровой след... Разница между ними в том, что цифровой след можно контролировать и изменять, а цифровую тень – нет», следовательно, цифровая тень – это открытая информация о человеке, оставленная им в цифровой среде непреднамеренно.

Кроме того, активный цифровой след пользователь может сделать как общедоступным, так и закрытым. К общедоступным цифровым следам следует относить те данные, которые может увидеть любой участник цифровой среды. Закрытые цифровые следы «доступны только определенному кругу лиц (в пределах инфокоммуникационной сети организации, информация о посетителях веб-сайта, расположенная на конкретном сервере, и т. д.)».

К активным цифровым следам в цифровом образовании можно отнести: создание цифрового портфолио студента; выполненные задания в онлайн-курсе; электронное тестирование (например, в обучающей системе Moodle); электронная презентация; подкаст; сообщения (в том числе аудио/видео) в чате/мессенджере/социальной сети; письма электронной почты; совместная редакция текстов/таблиц (цифровая доска); публикация научного исследования (зафиксированная, например, в РИНЦ); выступление на цифровых «площадках» (вебинар) или в виртуальных аудиториях (online - лекция) и т.д.

Основополагающими характеристиками цифрового следа являются:

- «данные о диагностике человека;
- данные о намерениях;
- данные образовательного содержания;
- данные образовательного процесса;

2 Гончарова Е.В. Цифровой след как качественная характеристика объема данных в цифровой экономике // Цифровой след как объект судебной экспертизы: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 17 января 2020 года. – Москва: РГ-Пресс, 2023. С. 55.

- данные образовательного опыта;
- данные оценки образовательного результата;
- данные участия в деятельности».

Цифровые следы, возникающие в результате взаимодействия человека с цифровыми устройствами и интернет-пространством, становятся важным объектом исследования в контексте судебной фототехнической экспертизы. В условиях роста компьютерных преступлений и киберугроз, актуальность изучения цифровых следов не вызывает сомнений, так как они могут служить ключевыми доказательствами в расследовании преступлений.

Метаданные представляют собой важные данные, которые формируют цифровой след пользователя в сети. Они могут включать информацию о файлах, таких как автор, дата создания, использованные приложения, а также геолокационные данные. Эти метаданные становятся критическими для проведения расследований, позволяя отслеживать действия пользователей и выявлять паттерны их поведения. Кроме того, правовая основа для работы с цифровыми следами продолжает развиваться, и в 2022 г. в России был принят стандарт для специалистов по анализу данных цифрового следа.

В современном мире, где цифровые технологии проникают во все сферы жизни, понятие метаданных и их роль в формировании цифрового следа пользователя становятся все более актуальными.

Судебные дела, касающиеся метаданных, становятся все более распространенными. Например, в делах, связанных с уголовными преступлениями, применяются метаданные для отслеживания действий подозреваемых. Такие случаи подчеркивают необходимость четкого определения границ между легитимным использованием данных для обеспечения безопасности и незаконным вмешательством в частную жизнь граждан³.

Цифровые следы, возникающие в результате взаимодействия человека с цифровыми устройствами и интернет-пространством, становятся важным объектом исследования в контексте судебной фототехнической экспертизы. В условиях роста компьютерных преступлений и киберугроз, актуальность изучения цифровых следов не вызывает сомнений, так как они могут служить ключевыми доказательствами в расследовании преступлений.

Для сферы образования интерес представляют не все данные цифрового следа, а те, что характеризуют результаты работы студента с учебным материалом. Например, версия браузера, которая используется студентом для работы с системой дистанционного обучения, может не представлять

3 Кислова Т.В. Метаданные как формирование цифрового следа при исследовании вмешательств в цифровые фотоизображения / Т.В. Кислова, К.О. Смирнов, П.С. Иванов // НБИ технологии. 2024. Т. 18. № 3. С. 44.

интерес, а результаты сдачи тестов, время, потраченное на выполнение заданий, число и продолжительность просмотров учебных материалов и другие подобные параметры могут дать полезную информацию.

Цифровой след в информационно-коммуникационных технологиях в образовании определяется как уникальный набор представленных в электронной форме данных о зафиксированных действиях, а также процессных, контекстных и иных обстоятельствах деятельности пользователя, групп пользователей или работы информационно коммуникационных систем.

Предлагаемый Университетом 20.35 стандарт цифрового следа, определение из которого было приведено выше, представляет собой интересный для анализа документ, определяющий разные аспекты работы с цифровым следом в задачах, связанных с образовательной деятельностью. В частности, он определяет типы собираемых данных, цели сбора и анализа цифрового следа (например, выдача рекомендаций на основе данных и построение индивидуальных образовательных траекторий; валидация эффективности образовательных программ ...), возможные критерии качества цифрового следа и источники для сбора цифрового следа. В то же время, этот документ явно ориентирован на использование технических средств, применяемых в конкретной организации: системы организации видеоконференций Zoom, системы для управления проектами Trello, системы обмена сообщениями и видеоконференций Discord, мессенджера Slack⁴.

В практике работы преподавателя могут использоваться другие программные средства. Например, в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (СПбПУ) это система дистанционного обучения (СДО) Moodle, используемая для внутренних порталов дистанционного обучения, и платформа Открытого образования openedu.ru, массовые открытые онлайн курсы которой широко используются в СПбПУ. Далее в статье будут рассмотрены примеры анализа данных для этих систем. Подобный анализ преподаватель может провести самостоятельно.

Важно отметить, что цифровые следы могут быть использованы не только для идентификации преступников, но и для восстановления хода событий, что делает их незаменимыми в судебной экспертизе. В условиях постоянного изменения законодательства и появления новых технологий исследование метаданных и их правового статуса становится важной задачей для специалистов, работающих в области информационных технологий и права.

4 Юсупова Р.Р. Некоторые особенности применения цифровой криминалистики и использования цифровых следов при раскрытии преступлений // Конкурс молодых учёных: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 25 декабря 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. С. 48.

Библиографический список

1. Беляева Л.М. Законодательство о цифровых технологиях в России // Журнал российского законодательства. 2025. № 1. С. 102-110.
2. Егоров С.А. Цифровой профиль как объект правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 88-96.
3. Иванов П.М. Алгоритмическая прозрачность и цифровой профиль // Вестник цифрового права. 2024. № 3. С. 35-44.
4. Николаев С.Ю. Цифровой суверенитет и законодательство // Право и общество. 2025. № 3. С. 34-42.
5. Савельева Ю.А. Этические и правовые вопросы цифрового профилирования // Юридический обзор. 2023. № 8. С. 76-84.
6. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.

References

1. Belyaeva L.M. Legislation on Digital Technologies in Russia // Journal of Russian Legislation. 2025. № 1. P. 102-110.
2. Egorov S.A. Digital Profile as an Object of Legal Regulation // Journal of Russian Law. 2023. № 10. P. 88-96.
3. Ivanov P.M. Algorithmic Transparency and Digital Profile // Digital Law Bulletin. 2024. № 3. P. 35-44.
4. Nikolaev S.Yu. Digital Sovereignty and Legislation // Law and Society. 2025. № 3. P. 34-42.
5. Savelyeva Yu.A. Ethical and Legal Issues of Digital Profiling // Legal Review. 2023. № 8. P. 76-84.
6. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // The Power of History – History of Power. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.

Макаров Т.Г.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Валишева А.Л.

Студент 4 курса аспирантуры юридического факультета. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Особенности договора возмездного оказания медицинских услуг*

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям договора возмездного оказания медицинских услуг, а также в рамках статьи проводится их детальный анализ. Представленный вид договора появился в правовой сфере гражданского общества благодаря активному развитию рыночной экономики, а вследствие чего и рынок услуг. На основе анализа российского законодательства представлена теоретическая концепция договора возмездного оказания медицинских услуг.

Ключевые слова: договор, условия договора, медицинские услуги, исполнитель, пациент, заказчик, цена договора, предмет договора, срок договора, возмездность.

Makarov T.G.

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Valisheva A.L.

Fourth-year graduate student, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Features of a contract for the provision of medical services for a fee

Abstract. This article focuses on the features of the contract for the provision of medical services for a fee, and provides a detailed analysis of these features. This type of contract has emerged in the legal sphere of civil society due to the active development of the market economy and, consequently, the service market. Based on the analysis of Russian legislation, the article presents a theoretical concept of the contract for the provision of medical services for a fee.

Key words: contract, terms of the contract, medical services, contractor, patient, customer, price of the contract, subject of the contract, term of the contract, remuneration.

* © Макаров Т.Г., Валишева А.Л., 2025.

В России право на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантировано Конституцией Российской Федерации. Основной закон гарантирует гражданам бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов и других поступлений.

Однако, несмотря на гарантированность государством предоставления гражданам бесплатной медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий, платные медицинские услуги в силу многих факторов становятся все более востребованными. Их оказание регламентируется в России главой 39 Гражданского кодекса РФ¹, Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»² и введенными в действие с 1 сентября 2023 г. Правилами предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденными постановлением Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 (далее – Правила №736)³. Настоящие правила определяют порядок и условия предоставления медицинскими организациями гражданам платных медицинских услуг.

На сегодняшний день актуальность тематики договора возмездного оказания медицинских услуг в современном обществе значительно возрастает. Это обусловлено динамичным развитием сферы здравоохранения и усложнением правовых отношений между ее участниками. Договор возмездного оказания медицинских услуг выступает в качестве правовой конструкции, основанной на приложении усилий исполнителей, что требует более глубокого осмысления и анализа. Так, отметим, что с одной стороны, сложно найти человека, которому бы не была знакома затрагиваемая проблема. А с другой стороны, следует отметить, что с развитием правоприменительной практики всё чаще возникают проблемы и вопросы, которые в свою очередь требуют внимания со стороны юристов-практиков.

В России существуют различные виды квалифицированной медицинской помощи, осуществляющейся на возмездной основе, ввиду чего попадает под действие правовых норм, закрепленных в ст. 779 ГК РФ⁴. Ме-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Дата обращения: 12.08.2025).

2 Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (Дата обращения: 12.08.2025).

3 Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447009/ (Дата обращения: 12.08.2025).

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ

дицинская помощь характеризуется как квалифицированная, в силу того, что одной из сторон такого договора выступает лицо, которое профессионально занимается медицинской деятельностью. Другой же стороной выступает лицо, которое нуждается в получении медицинской помощи. В связи с этим прослеживается некая зависимость, а именно от специалиста, предоставляющего медицинскую деятельность. Это обстоятельство еще раз подтверждает необходимость активного применения в медицинской сфере договора по возмездному оказанию медицинских услуг.

В современном мире споры о защите прав исполнителей, к числу которых относятся медицинские учреждения, а также заказчики медицинских услуг (пациентов), становятся все более актуальными и многогранными. Учреждения здравоохранения требуют правовой охраны от возможных исков со стороны пациентов, основывающихся на невозможности достижения идеального результата по объективным причинам. Пациенты, в свою очередь, нуждаются в механизмах защиты от недобросовестных и некомпетентных действий медицинского персонала, а также от врачебных ошибок, которые могут повлечь за собой серьезные последствия для здоровья и жизни.

Особую значимость представляет то, что договор возмездного оказания медицинских услуг подразумевает оплату за приложенные усилия исполнителя, а не за гарантированный конкретный результат, который фактически необходим заказчику. Это становится основой для широкого спектра правовых вопросов и дальнейших исследований.

Исходя из статьи 2 Закона «Об Основах охраны здоровья граждан в РФ»⁵ медицинская услуга рассматривается как медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение. Таким образом, медицинская услуга – это вмешательство, или комплекс медицинских вмешательств, имеющих самостоятельное и завершенное значение и направленное на лечение. Однако стоит отметить, что в данном определении отсутствует четкое указание на достижение заранее запланированного результата. Так, если провести более детальный анализ определения качества медицинских услуг, то, можно отметить, что это понятие связано с корректностью выбора методов профилактики, а также с определенной степенью достижения запланированного результата, что подразумевает

(ред. от 24.06.2025). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/a397ec4ca2dd0c96c211ee4e4436628f0cf581a3/ (Дата обращения: 12.08.2025).

5 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/0c5cdfd17caf2f2feb55430eef12c7370689ebe72/ (Дата обращения: 11.08.2025).

существование заранее установленных стандартов, утвержденных Министерством здравоохранения Российской Федерации.

Одним из важнейших аспектов, который следует подчеркнуть, является то, что договор о возмездном оказании медицинских услуг не может содержать условие, обязывающее медицинское учреждение добиться заранее установленного положительного результата. Указанная позиция максимально точно сформулирована в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2023 г. № 749-О⁶, что подчеркивает специфику правового регулирования данной области.

Как отмечается на практике, качество предоставления медицинских услуг определяется множеством факторов, среди которых можно выделить: профессионализм врачей, уровень технической подготовки медицинского учреждения, а также степень тщательности проводимого обследования пациента до начала лечения. Также важно отметить, что существуют и факторы, которые находятся вне контроля врача. К данным факторам относятся индивидуальные особенности организма человека. Эти особенности могут быть не выявлены до начала лечения, другим фактором может быть чрезмерно позднее обращение пациента за медицинскими услугами, а также несоблюдение предписаний врача. На сегодняшний день врачи сталкиваются с тем, что общего правового регулирования, которое освободило бы их от ответственности в контексте факторов, не зависящих от их профессиональных действий, недостаточно.

Известно, что исполнитель несет ответственность в случае, когда медицинская помощь была оказана не в полном объеме, а также в случае неверно выбранного метода лечения или несвоевременно подобрана программа диагностики и лечения. Данные обстоятельства могут быть определены на основании стандартов оказания медицинских услуг, изложенных в нормативных актах.

Пунктом 23 Постановления Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 установлено требование о том, что в договоре об оказании платных медицинских услуг должна быть отражена в том числе следующая информация: сведения о потребителе, его законном представителе (подпункты «б» и «в»), перечень платных медицинских услуг, предоставляемых в соответствии с договором, их стоимость, условия и сроки ожидания платных медицинских услуг (подпункты «д», «е» и «ж»).

В соответствии со ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если

6 Определение Конституционного Суда РФ от 06.04.2023 N 749-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ковалевой Марии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав отдельными положениями статей 1, 128, 779 и 781 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также статей 94, 98 и 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogod-suda-rf-ot-06042023-n-749-o/> (Дата обращения: 12.08.2025).

между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Таким образом, включение в договор об оказании платных медицинских услуг сведений, указанных в п. 23 Правил, является обязательным. Без согласования сторонами указанных сведений (существенных условий договора об оказании платных медицинских услуг) договор не может считаться заключенным.

Вместе с тем ст. 429.1 ГК РФ допускает заключение сторонами рамочного договора (договора с открытыми условиями), определяющего общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора.

Обращаясь к правовой доктрине, отметим, что рамочный договор используют, когда необходимо определить общие условия взаимодействия между клиникой и пациентом, но без конкретизации обязательств. Данный формат договора удобен, если пациент еще не знает точного объема необходимых платных услуг, не имеет четкого плана лечения или не готов сразу оплатить полную стоимость.

В рамочном договоре необходимо указать его предмет — перечень диагностических мероприятий, которые будете проводить для определения состояния здоровья пациента, сроки оказания медицинских услуг и их стоимость. Важно ознакомить пациента с условиями договора. Так, если прописать условия неправильно, суд или контрольно-надзорные органы интерпретируют составление договора как нарушение законодательства (постановление Правительства от 11.05.2023 № 736).

Следует отметить, что лечебные мероприятия в предмет рамочного договора включать не рекомендуется, так как они требуют предварительной диагностики и согласования с пациентом. Такие мероприятия могут стать предметом либо отдельного договора, либо дополнительного соглашения, в котором конкретизируют общие условия.

Таким образом, важно отметить, что рамочный договор должен отвечать правилам оказания платных медицинских услуг, в нем нужны перечень платных медицинских услуг, сроки их оказания и стоимость.

Ярким примером является решение Краснофлотского районного суда о защите прав потребителей, в котором суд отказал в удовлетво-

рении иска и указал — медицинская организация выполнила свои обязательства в рамках рамочного договора. Так, пациентка заключила с медицинской организацией рамочный договор на оказание стоматологических услуг, который далее предполагал детализацию условий в дополнительных соглашениях и планах лечения. Однако позже пациентка подала иск, чтобы оспорить оплату тех услуг, которые рамочный договор не покрывал.

Краснофлотский районный суд отметил обстоятельства, которые подтвердили, что условия рамочного договора исполнили. К первому обстоятельству относится то, что врач, который проводил первоначальную консультацию, составил рекомендуемый план лечения и согласовал его с пациенткой. Ко второму обстоятельству относится то, что пациентку проинформировали о необходимости заключить дополнительные соглашения, чтобы пройти лечение у других специалистов. И последнее — всю информацию, например зубную формулу, врач фиксировал в медицинской карте, которую пациентке предоставили по ее запросу (решение Краснофлотского районного суда г. Хабаровска от 06.07.2023 № 2-1216/2023).

Исходя из вышесказанного, следует вывод, что в силу специфики договора оказания медицинских услуг существует весомая проблема недостаточной защиты прав исполнителя. При заключении договоров необходимо учитывать множество факторов, касающихся освобождения медицинских учреждений от ответственности за результаты своих действий. Данные аспекты нуждаются в тщательной правовой регламентации, а также в разработке отдельных правовых актов, которые смогут обобщить и разграничить случаи ответственности между исполнителем и заказчиком, а также закрепить четкие механизмы для доказывания неправомерных действий обеих сторон, что будет способствовать улучшению правовой среды в сфере медицинских услуг и повышению ответственности всех участников данной системы.

На основе анализа действующего законодательства в области медицинских услуг, можно выдвинуть инициативу по внедрению ряда значимых нововведений, которые способствуют усовершенствованию правового режима, регулирующего отношения между медицинскими работниками и пациентами:

1. Разработать и внедрить единый законопроект «О правах и обязанностях пациентов и работников медицинских учреждений». Данный законопроект должен включать четкое и исчерпывающее определение врачебной ошибки, а также содержать разграничение между уголовной и гражданской ответственностью медицинских работников. Одной из важных задач - раскрыть понятие врачебной халатности и регламенти-

ровать порядок обращения пациентов за защитой своих прав, включая места, в которые можно обращаться, а также процедуры подачи заявлений и исков.

2. Организовать создание реестра врачебных ошибок, где будут отражены различные виды ошибок, включая, но, не ограничиваясь, хирургическими, диагностическими, ошибками в использовании медицинского оборудования, а также ошибками, возникающими при организации медицинской помощи. Также, в реестр должны быть включены критерии доказывания виновности медицинских работников и размеры присуждаемых компенсаций. Каждой категории ошибок требуется установить свои методы и средства собирательства доказательств, а также параметры возможной компенсации для пострадавших пациентов.

3. Предусмотреть формирование контрольных органов, активно действующих на базе медицинских учреждений. Данные органы должны проверять соблюдение врачами протоколов и стандартов, утвержденных законодательными и нормативными актами Российской Федерации.

Подводя итог, стоит отметить, что перечисленные предложения, безусловно, подчеркивают необходимость тщательной правовой регламентации и разработки отдельных законодательных актов, способных обобщить и четко разграничить случаи ответственности как исполнителей, так и заказчиков медицинских услуг. Это, в свою очередь, позволит установить ясные механизмы для доказывания неправомерных действий обеих сторон, что будет способствовать созданию более эффективной и безопасной правовой среды в области здравоохранения.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Дата обращения: 12.08.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/a397ec4a2add0c96c211ee4e4436628f0cf581a3/ (Дата обращения: 12.08.2025).
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/0c5cdf17caf2ffeb55430eef12c7370689ebe72/ (Дата обращения: 11.08.2025).
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (Дата обращения: 12.08.2025).
5. Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447009/ (Дата обращения: 12.08.2025).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 06.04.2023 N 749-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ковалевой Марии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав отдельными положениями статей 1, 128, 779 и 781 Гражданского кодекса

Российской Федерации, а также статей 94, 98 и 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». //URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06042023-n-749-o/> (Дата обращения: 12.08.2025).

7. Бахареv В.В., Рябова Е.Л. Городской ландшафт: урбанизация и проблемы формирования комфортной среды обитания // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 11 (185). С. 56-65.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, № 51-FZ (as amended on July 31, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on August 1, 2025). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (August 12, 2025).
2. Part Two of the Civil Code of the Russian Federation of January 26, 1996, № 14-FZ (as amended on June 24, 2025). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/a397ec-4ca2dd0c96c211ee4e4436628f0cf581a3/ (12.08.2025).
3. Federal Law of 21.11.2011 № 323-FZ (as amended on 23.07.2025) "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation". // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/0c5cdfd17caf2ffeb55430eef12c7370689ebe72/ (11.08.2025).
4. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 № 2300-1 (as amended on 08.08.2024) "On the Protection of Consumer Rights". // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (12.08.2025).
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of 11.05.2023 № 736 "On Approval of the Rules for the Provision of Paid Medical Services by Medical Organizations, Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Repealing Resolution of the Government of the Russian Federation of October 4, 2012 № 1006". // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447009/ (12.08.2025).
6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.04.2023 N 749-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Maria Sergeevna Kovaleva regarding the violation of her constitutional rights by certain provisions of Articles 1, 128, 779 and 781 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as Articles 94, 98 and 100 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation". //URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06042023-n-749-o/> (12.08.2025).
7. Bakharev V.V., Ryabova E.L. Urban landscape: urbanization and problems of forming a comfortable living environment // Ethnosociety and interethnic culture. 2023. № 11 (185). P. 56-65.

***Current issues of science
and innovation***

***Актуальные вопросы науки
и инновации***

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Отражение духа эпохи в практических и символических функциях дорожного гардероба*

Аннотация. Статья посвящена историческому и символическому значению дорожного гардероба, отражающего дух определенной эпохи и выполняющего как практические, так и символические функции. Автор анализирует эволюцию одежды для путешествий от древних времен, когда наряды и амулеты служили защитой и знаком социального статуса, до современных технологичных и экологических материалов. В статье рассматриваются мифологические покровители дороги в разных культурах, влияние культурных и социальных аспектов на выбор и символику дорожной одежды в различные исторические периоды. Особое внимание уделяется сочетанию функциональности и символизма в дорожном гардеробе, а также современным тенденциям устойчивой моды и осознанного потребления. Работа подчеркивает важную роль дорожной одежды как средства самовыражения и адаптации к условиям пути.

Ключевые слова: дорожный гардероб, история костюма, символизм одежды, функциональность, путешествия, мифология дороги, устойчивая мода, технологичные ткани, культурные традиции, социальный статус.

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Reflection of the spirit of the era in the practical and symbolic functions of travel wardrobe

Abstract. The article is devoted to the historical and symbolic significance of travel wardrobe, reflecting the spirit of a certain era and performing both practical and symbolic functions. The author analyzes the evolution of travel clothing from ancient times, when outfits and amulets served as protection and a sign of social status, to modern technological and environmentally friendly materials. The article examines the mythological patrons of the road in different cultures, the influence of cultural and social aspects on the choice and symbolism of travel clothing in different historical periods. Particular attention is paid to the combination of functionality and symbolism in travel wardrobe, as well as modern trends in sustainable fashion and conscious consumption. The work emphasizes the important role of travel clothing as a means of self-expression and ad-

* © Терновая Л.О., 2025.

adaptation to travel conditions.

Key words: travel wardrobe, history of costume, symbolism of clothing, functionality, travel, mythology of the road, sustainable fashion, technological fabrics, cultural traditions, social status.

Пьеса Уильяма Шекспира «Два веронца» начинается с замечания одного из героев: «Не развит ум у юных домоседов»¹. Это утверждение справедливо. Дорога — это не просто путь, по которому мы идем². Она также выступает символической нитью, связывающей как отправной пункт, так и время отправления, с целью движения³. Не случайно, на наших телеэкранах к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне появился сериал «Значит, нам туда дорога», название которого отсылает к популярной песне военных лет. Дорога становится средством приближения к желаемому, но часто она превращается в суровые испытания рискнувшего отправиться по ней человека не только на выносливость, но и смелость, находчивость, изворотливость, а, главное, веру в важность непреклонного продвижения к цели.

К отправлению в дорогу людей побуждали четыре основных группы мотивов — трудовые, торговые, религиозные и празднично-гостевые. Именно гостинцем (от старославянского гость — путешественник) называли в прошлом на Руси большую дорогу с упорядоченной проезжей частью. Эти мотивы можно обозначить символически, как это сделал Николай Гумилев в стихотворении «Открытии Америки» (1910), написав, что человека «подгоняют вновь плетью боли Голод и Любовь»⁴. Эти два мотива не позволяют оставаться дома, они же диктуют правила поведения в пути.

Такие правила касаются и разных аспектов приготовлений в дорогу, включающих и знание маршрута, и понимание специфики людей, которые могут встретиться, и соответствующее путевым условиям пропитание и экипировку. Вестиментарный код дороги издревле включал элементы народного костюма в которых содержалось большое количество символических смыслов, предохраняющих от всяческих неожиданностей и неприятностей в пути⁵. В дороге таких негативных встреч могло быть немало

1 Шекспир У. Два веронца / Пер. В. Левики (стихи) и М. Морозова (проза). ПСС в восьми томах. – М.: Искусство, 1958. Т. 2. // URL: https://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_veroncy.txt.

2 Черепанова О.А. Идти «въ поути господня» (из истории концепта «путь») // Культурная память в древнем и новом слове. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 175-186.

3 Терновая Л.О. Геополитический код дороги: от караванного пути до хайвея: монография. – М.: ИНФРА-М, 2021.

4 Гумилев Н.С. Открытие Америки // URL:<https://rupoem.ru/gumilev/svezhim-vetrom-snova.aspx>.

5 Терновая Л.О. Вестиментарный код международного общения: монография. – М.: ИНФРА-М, 2021.

больше, чем дома, поэтому и значимость одежды, выбираемой в дорогу возрастала по сравнению с отношением к домашней одежде.

Существует обидное недоразумение, отражающее противоречие между повседневной и специальной дорожной лексикой, которое касается самой дефиниции «дорожная одежда». Сейчас смысл «дорожной одежды» в первую очередь связывается с конструкцией любой автомобильной дороги. Это — принятый в области дорожного строительства термин. Поэтому в текстах о человеческом гардеробе лучше от такого двоемыслия уходить, указывая, что исследуется именно одежда для дороги. Попытаемся проследить эволюцию такой одежды, понять, как в разных эпохах сочетались ее практическое назначение и символическое значение и почему такая одежда выступала как индикатор темпорального интеллекта людей определенного периода⁶.

Образное выражение, что «одежда — вторая кожа» имеет реальные основания в удобной и защищающей тело человека одежде. В древние времена до появления одежды как таковой раскраска тела и татуировки играли защитную и информационную роль. Помимо телесного дискомфорта в экстремальных условиях, к которым чаще всего относилась дорожная ситуация, людей поджидали самые разные опасности. Поэтому, отправляясь в путь они стремились заручиться святым покровительством. В мифах, сказаниях и легендах разных народов есть боги, которые считаются покровителями дороги и путешествий⁷. Например, в скандинавских сказаниях Мейли — бог-странник, покровитель путешественников, хранитель всех дорог и перекрестков⁸. Он всегда изображался в дорожном плаще и с посохом, как и его отец Один. Мейли придумал и нарисовал все тропы и дороги на Земле. В древнегреческой мифологии охранителем дорог, мореходов и путешественников был бог солнца Аполлон. Там же богиню чародейства и перекрестков Гекату представляли с факелом в руке, чтобы она освещала путь заблудившимся. Гекату часто отождествляли с Энодий («та, что на улицах» или «на дороге»), которая охраняла входы на главной дороге, ведущей в город, следила за теми, кто через них проходил. На частных дорогах она защищала их обитателей, отпугивая грабителей, болезни, злых

6 Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.

7 Абрамова Н.С. Мифологема дороги как базовый семантический компонент языковой картины мира // Уральский филологический вестник. 2013. Вып. 4. С. 116-125; Неклюдов С.Ю. Движение и дорога в фольклоре // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiserouten — Reiserouten in der russischen Kultur. München: Verl. Otto Sagner, 2007. С. 206-222; Шестеркина Н.В. Пространственная парадигма в рамках русской заговорной модели мира // Известия ВГПУ 2010. № 2 (46). С. 116-120; Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв. – М.: Индрик, 2003.

8 Топорова Т.В. Эпическое слово: обозначение дороги, пути в «Старшей Эдде». – М.: Языки народов мира, 2018.

духов. В римскую мифологию из греческой перешел образ покровителя путешественников Гермеса, став известным под именем Меркурия. Древнеиндийский бог Пушан, как и Аполлон, был связан с солнцем и считался повелителем или охранителем пути, спасителем от ложных путей. В синтоистской религии божество дорог Досоджин защищает путников от невзгод и злых духов, а еще он охраняет дороги и мосты. В Японии на перекрестках дорог, у горных перевалов часто встречаются валуны с изображением Досоджина в образе мужчины и женщины, стоящих вместе. В христианстве покровителем путешественников считается Христофор — святой мученик, живший в III столетии.

В славянской мифологии можно найти упоминание о боге-покровителе моряков, путешественников и путников Переплуте, сыне бога Рода, рожденного из частиц Хаоса, ставшего частью Прави. Он ведет человека путями, скрытыми от глаза, и выводит его из тьмы в свет. Этот бог приходил на помощь, когда дорога путалась под ногами, или штормило море. Считалось, что Переплут не просто спасает, а помогает попасть туда, где человек оказывается нужнее всего, а потому приобретет мудрость и силу. Переплут — сам странник, поэтому он сочувствует и помогает людям, отправившимся в путь. Символом Переплута служил знак «пучина», представляющий собой завихряющийся образ круга. Этот символ имеет двойственное значение, указывая как на возможность преодолеть трудности, так и на вероятность заблудиться, как в лабиринте.

Также в славянской мифологии есть прямой аналог Домового или Лешего — это Дорожный (Тропник или Путевик). Он является духом-хозяином дороги, следящим за путями, тропами, путниками. Дорожный не имеет постоянного «жилища», подобно своим собратьям по низшей мифологии. Обитает на самой дороге, в основном на перекрестках, распустьях, на обочинах и в придорожных канавах. Перекрестки издавна считались местами непростыми, мистическими, где встречаются миры⁹. Любопытно, что нрав Тропник имел двойственный, как и сама дорога. С одной стороны, он мог быть помощником: указывать верный путь заблудившимся; предупреждать об опасности, например, показаться сгустком тумана или странным звуком, чтобы путник остановился и избежал беды; помогать добрым и уважаемым людям. С другой стороны, он превращался в опасного обманщика и был способен: сбивать с пути тех, кто в дороге неподобающе ведет себя (хващается, ругается, забывает о предках); создавать «дорожное наваждение», заставлять путника ходить кругами; напускать на человека тоску и уныние, так называемую «дорожную хандру»; насыщать непогоду, если ему что-то или кто-то не понравится. Чтобы Дорожного задобрить,

9 Терновая Л.О. Кресты, крестцы и перекрестки истории и судьбы России // Россия между Западом и Востоком: духовные аспекты цивилизации. – М.: Ин – т молодежи, 1999. С. 63-67.

путники оставляли ему на перекрестках или обочине маленькие подношения: кусочек хлеба, немного зерна или монетку. Перед дальней дорогой принято было просить благословения и молча посидеть немного на дорожку («скамейка для дорожного»). На дороге следовало вести себя уважительно, не свистеть, не ругаться.

В мифологии славян было еще несколько духов, чья «зона ответственности» близка к дорожной: Полудница (Полевик), Банник, перекрестные духи. В советском фильме «Чародеи» (1982) появляется дух Вагонный в форме железнодорожного проводника, чтобы подготовить героя к испытаниям, с которыми он встретится в борьбе за свою заколдованную невесту. Эта своеобразная кинематографическая реконструкция позволяет заключить, что образ героев низшей мифологии, которые давно превратились в сказочных персонажей, помогают воссоздавать не только важнейшие этические паттерны, но и варианты дорожной одежды¹⁰.

Эти защитники должны были помочь путнику справиться со злыми и коварными силами. Их следы можно найти во многих традициях. В славянской мифологии Ърка выступает как злой ночной дух. Его глаза на темном лице светятся, как у кошки. Ърка нападает на одиноких путников и выпивает у них кровь. У него есть помощник — Укрут, который в мешке приносит шалунов. Поскольку этот злой дух боится огня, то защитой от него служили костры. Также славянские мифы содержат упоминание о мелких духах Шиликун или Шилихан, которые появляются в Сочельник и бегают по улицам с горящими углями на сковородках до Крещения. Их поведение делает небезопасным пребывание на улице, особенно в нетрезвом состоянии, потому что пьяных эти пакостники могут столкнуть в прорубь. Нечистый дух Шиш обитал на обочинах дорог. В мифологии западносибирских татар имеется злой демон Атцис «без имени», по ночам, неожиданно возникающий перед путниками в разных образах: копы, воза, дерева, огненного кома. Встреча с ним опасна, он душит их. Дух-людоед Вендиг в мифах оджибве и других алгонкинских племен был угрозой для одиноких путников.

Люди, отправляясь в дорогу, заботились об охране от реальных и вымышленных неприятностей. Поэтому они тщательно подбирали свой гардероб, добавляли в него амулеты, обереги, предусматривали наличие специальных охранительных знаков на одежде, наносимых, например, с помощью вышивки. Дорожный гардероб на протяжении веков выполнял не только утилитарную функцию защиты путника от непогоды и невзгод, но и служил важным социальным маркером, отражая социальный статус,

10 Вознесенский И.С. По местам исторических средневековых боев // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. Вып. 3. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. С. 119-124; Вознесенский И.С. Экономика исторической реконструкции // Альманах «Крым». 2017. № 10. С. 71-77.

профессию и культурную принадлежность и выполняя сложный набор символических функций. От древнерусских корзно (корзень) до современных технологичных курток одежда для путешествий демонстрировала духовные устремления своих носителей. В Древнем Китае и Японии дорожные костюмы (хаори у японцев) шились из прочных материалов, при этом они украшались семейными гербами (мон) или узорами, указывающими на род и положение в обществе.

В Средневековье дорожная одежда расширила и символизм, и специализацию. Паломники носили плащи-скорлупы с символами святых мест. Их одежда была узнаваема. Это обеспечивало им защиту от грабежа и разбоя. Она состояла из практичных коричневых или черных одеяний, прочной обуви, кожаного или шерстяного плаща, широкополых шляп, посохов, сумок для еды (скрип), прочной палки с водяной тыквой. Специальные значки идентифицировали их как паломников, например, раковина морского гребешка на пути в Сантьяго-де-Компостела, известная как раковина святого Иакова (исп. *Vieira*, галис. *Vieira*). И сейчас стилизованное изображение раковины используется для разметки Пути Сантьяго — желтые стрелки на синем фоне, которые ведут паломников через всю Европу. Шотландские паломники узнавались на европейских дорогах по характерной одежде, включая особый способ завязывания обуви вокруг лодыжек. Такая одежда обозначала духовное путешествие и отречение от мирских благ. Купцы предпочитали практичные, но дорогие наряды, подчеркивающие их благосостояние. Аристократические путешествия еще более требовали демонстрации статуса. Цвета, орнаменты и материалы несли определенную информацию о социальном статусе, происхождении и духовных устремлениях. Каждая деталь костюма была своеобразным «письмом без слов» для тех, кто умел его читать.

В средневековой Руси дорожный гардероб включал многослойные комплексы одежды. Корзно — длинный плащ, доходящий почти до пят, застегивавшийся на плече драгоценной пряжкой, был княжеским предметом одежды. Армяк — запашная зимняя одежда из тяжелой шерсти с ярким кушаком — представлял собой практичное решение для длительных переездов.

Мир пришел в прямом смысле в движение с началом эпохи Великих географических открытий. Морские путешествия потребовали особой одежды: кожаные куртки и непромокаемые плащи защищали от ветра и воды; треуголки и шляпы-касторы стали символами путешественников, исследователей и авантюристов всех мастей.

В XIX – XX столетиях выбор дорожной одежды диктовался романтическими идеями и соображениями утилитарности. Аристократы, отправляясь в образовательные поездки по Европе, брали с собой: практичные, но элегантные рединготы (фр. *redingote*, искаженное от англ.

riding-coat — сюртук для верховой езды); аксессуары, подчеркивающие их статус (саквояжи и трости). Тогда же появляется пыльник — легкое, свободное, длинное пальто, похожее на то, что носили всадники в Америке, чтобы защитить свою одежду от дорожной пыли. Эта одежда обычно имела разрез сзади до уровня бедер, чтобы ее было удобно носить верхом. Для лучшей защиты от дождя плащи делали из промасленной ткани, а позже — из вошеного хлопка. Развитие железнодорожного транспорта изменило требования к дорожной одежде, которая стала менее формальной и более практичной. Когда начали строить железную дорогу в России, то одежда для путешествий по ней следовала канонам викторианской моды. Обеспеченные пассажиры, путешествовавшие по Транссибу, кутались в меха, руки прятали в муфты, к которым часто пришивали карман для денег¹¹.

Особую помощь путешествующим оказывал несессер (фр. *nécessaire* — необходимый), в который помещалось множество различных предметов: зеркало, веер, расческа, ножнички, флаконы духов, баночки с кремами, принадлежности для письма и даже подсвечники. Все они хранились в отдельных кармашках. Появились несессеры с принадлежностями для рукоделия. Серийным стало производство дорожных сумок. Саквояжи обычно были среднего размера и носились в руке. С развитием железнодорожных поездов, саквояж превратился в подобие небольшого комода с ящичками и штангой для одежды.

XX в. потребовал от дорожной одежды обеспечить функциональность и сделал ее массовой. С развитием транспорта дорожная одежда стала более специализированной. Военные плащи тренчкоты (англ. *trench coat* траншейное пальто) перешли в гражданский гардероб. Символами динамичного времени стали спортивные костюмы и ветровки. Дорожную моду стал диктовать автомобиль. Так как первые автомобили не имели ни крыши, ни дверей, ездили они в основном по грязным немоощенным дорогам, то водителям необходима была одежда, защищающая от ветра, холода и пыли. Те, кто мог позволить себе первые автомобили, имели достаточно денег для подтверждения своего статуса с помощью автомобильной одежды. Она была представлена свободной курткой до пола, варьирующейся в зависимости от погоды от легкого кожаного пальто до объемной меховой шубы. Разнообразием отличались женские пальто для вождения автомобиля. Они были в разных цветах, чтобы сочетаться с автомобилем, шились из таких тонких тканей, как лен и шелк, с добавлением защитных элементов. Неотъемлемым аксессуаром стали перчатки для вождения.

XXI в. принес революционные изменения в концепцию дорожной одежды. Современные тренды включают технологичные ткани с встро-

11 Терновая Л.О. Великий Сибирский путь: архетипическое путешествие из прошлого в будущее // Власть истории и история власти. 2024. Vol. 10. № 5. С. 148-156.

енной УФ-защитой, влагоотводящими свойствами, защитой от кражи с RFID-блокировкой (англ. *Radio Frequency Identification*). Некоторые материалы обладают терморегулирующими свойствами и антибактериальными характеристиками. Ведущим трендом стала устойчивая мода (англ. *Sustainable fashion*)¹². Путешественники выбирают одежду из органического хлопка, бамбука и переработанных материалов. Эти материалы не только экологичны, но они также дышащие, долговечные и комфортные. Современные аксессуары могут выполнять несколько функций: шарф служит покрывалом, полотенцем, повязкой на голову или ковриком для пикника. Тактические брюки, изначально разработанные для военных, нашли применение среди путешественников благодаря прочным материалам, множественным карманам и регулируемым поясам.

При этом современная дорожная одежда, несмотря на то, что трансформировалась под влиянием глобальных процессов, сохраняет символические функции, включает амулеты и фенечки. Минималистские гардеробы отражают современную философию осознанного потребления (англ. *sustainable consumption*). Путешественники выбирают нейтральные цвета и универсальные вещи, которые можно комбинировать различными способами. Эта тенденция отражает стремление к простоте и функциональности в противовес демонстративному потреблению.

Эволюцию повседневной одежды для путешествий наглядно демонстрирует спортивная, отличающаяся элементами роскоши (англ. *elevated athleisure*). Высококачественные ткани, продуманный крой и изящные детали делают такую одежду подходящей не только для спортивных активностей, но и для осмотра достопримечательностей, ужина в ресторане.

Дорожный гардероб всегда отражал баланс между функциональностью и символикой. Если в древности он подчеркивал статус и профессию обладателя, то сейчас в нем преобладает технологичность и индивидуальность. Но его главное предназначение остается неизменным: защищать путника в дороге и рассказать его историю. Дорожный гардероб остается уникальным феноменом, в котором практические и символические функции находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии.

Современные тенденции выбора дорожной одежды свидетельствуют о возрастающем значении этических и экологических соображений. Это представляет собой новую форму символизма, выраженного в заботе о планете и социальной ответственности. Технологические инновации позволяют создавать одежду, максимально эффективно выполняющую практические функции, не жертвуя при этом эстетическими качествами и символическим смыслом. Эволюция дорожного гардероба отражает более

¹² Farley J., Colleen H. *Sustainable fashion: past, present, and future.* – New York: Bloomsbury Academic, 2015.

широкие культурные, технологические и социальные изменения в обществе, продолжая служить важным средством самовыражения и практической адаптации к условиям путешествий.

Библиографический список

1. Абрамова Н.С. Мифологема дороги как базовый семантический компонент языковой картины мира // Уральский филологический вестник. 2013. Вып. 4. С. 116-125.
2. Вознесенский И.С. По местам исторических средневековых боев // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. Вып. 3. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. С. 119-124.
3. Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3. № 60. С. 90-97.
4. Вознесенский И.С. Экономика исторической реконструкции // Альманах «Крым». 2017. № 10. С. 71-77.
5. Гумилев Н.С. Открытие Америки // URL:<https://rupoem.ru/gumilev/svezhim-vetrom-snova.aspx>.
6. Неклюдов С.Ю. Движение и дорога в фольклоре // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiserouten – Reiserouten in der russischen Kultur. München: Verl. Otto Sagner, 2007. С. 206-222.
7. Терновая Л.О. Великий Сибирский путь: архетипическое путешествие из прошлого в будущее // Власть истории и история власти. 2024. Том. 10. № 5. С. 148-156.
8. Терновая Л.О. Вестиментарный код международного общения: монография. – М.: ИНФРА-М, 2021. 249 с.
9. Терновая Л.О. Геополитический код дороги: от караванного пути до хайвея: монография. – М.: ИНФРА-М, 2021. 281 с.
10. Терновая Л.О. Кресты, крестцы и перекрестки истории и судьбы России // Россия между Западом и Востоком: духовные аспекты цивилизации. – М.: Ин – т молодежи, 1999. С. 63-67.
11. Топорова Т.В. Эпическое слово: обозначение дороги, пути в «Старшей Эдде». – М.: Языки народов мира, 2018. 363 с.
12. Черепанова О.А. Идти «въ поути господня» (из истории концепта «путь») // Культурная память в древнем и новом слове. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 175-186.
13. Шекспир У. Два веронца / Пер. В. Левика (стихи) и М. Морозова (проза). ПСС в восьми томах. – М.: Искусство, 1958. Т. 2. // URL: https://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_veroncy.txt.
14. Шестеркина Н.В. Пространственная парадигма в рамках русской заговорной модели мира // Известия ВГПУ 2010. № 2 (46). С. 116-120.
15. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв. – М.: Индрик, 2003. 528 с.
16. Farley J., Colleen H. Sustainable fashion: past, present, and future. New York: Bloomsbury Academic, 2015. XX. 237 p.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Санитарный кордон: от медицины к геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 8 (194). С. 9-17.

References

1. Abramova N.S. The Mythologem of the Road as a Basic Semantic Component of the Linguistic Picture of the World // Ural Philological Bulletin. 2013. Issue 4. P. 116-125.
2. Voznesensky I.S. On the Sites of Historical Medieval Battles // Forum of Political and Business Communications. Almanac. Issue 3. – Moscow: International Publishing Center "Ethnosocium", 2014. P. 119-124.
3. Voznesensky I.S. Temporal Intelligence: From the Secret of Mastering Time to Effective Management // Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. Part 3. № 60. P. 90-97.
4. Voznesensky I.S. Economics of Historical Reconstruction // Almanac "Crimea". 2017. № 10. P. 71-77.
5. Gumilyov N.S. Discovery of America // URL: <https://rupoem.ru/gumilev/svezhim-vetrom-sno->

va.aspx.

6. Neklyudov S.Yu. Movement and the Road in Folklore // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Travelers – Travelers in der russischen Kultur. Munich: Verl. Otto Sagner, 2007. P. 206-222.
7. Ternovaya L.O. The Great Siberian Route: An Archetypal Journey from the Past to the Future // The Power of History and the History of Power. 2024. Vol. 10. № 5. P. 148-156.
8. Ternovaya L.O. Vestimentary Code of International Communication: Monograph. – Moscow: INFRA-M, 2021. 249 p.
9. Ternovaya L.O. Geopolitical Code of the Road: From the Caravan Route to the Highway: Monograph. – Moscow: INFRA-M, 2021. 281 p.
10. Ternovaya L.O. Crosses, Sacred Marks, and Crossroads of the History and Destiny of Russia // Russia between West and East: Spiritual Aspects of Civilization. – Moscow: Institute of Youth, 1999. P. 63-67.
11. Toporova T.V. Epic Word: Designation of the Road, Path in the Elder Edda. – Moscow: Languages of the Peoples of the World, 2018. 363 p.
12. Cherepanova O.A. To go “in the Lord’s ways” (from the history of the concept “path”) // Cultural memory in the ancient and modern word. - St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg state university, 2005. P. 175-186.
13. Shakespeare W. Two Gentlemen of Verona / Translated by V. Levik (poetry) and M. Morozov (prose). Collected Works in eight volumes. – Moscow: Iskusstvo, 1958. Vol. 2. // URL: https://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_veroncy.txt.
14. Shesterkina N.V. Spatial paradigm within the framework of the Russian conspiracy model of the world // Izvestiya VSPU 2010. № 2 (46). P. 116-120.
15. Shchepanskaya T.B. The Culture of the Road in the Russian Mythoritual Tradition of the 19th – 20th Centuries. Moscow: Indrik, 2003. 528 p.
16. Farley J., Colleen H. Sustainable Fashion: Past, Present, and Future. New York: Bloomsbury Academic, 2015. XX. 237 p.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sanitary Cordon: From Medicine to Geopolitics // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 8 (194). P. 9-17.

Фиров М.В.

Студент 2 курса. СЗИУ СПб (Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Андреев Н.А.

Студент 2 курса. СЗИУ СПб (Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Сохранение памятников деревянного зодчества в рамках рекламного продвижения музеев*

Аннотация. Архитектурное наследие является ключевым элементом национального идентичности, причем деревянное зодчество представляет собой его наиболее уникальную и выразительную часть. Россия выделяется мировым достоянием своего деревянного зодчества, которое служит отражением традиций и мировоззрения ее народов, а также основных культурных ценностей. Настоящее исследование направлено на социокультурных аспектах рекламы музеев, в частности, зодчества России. Проводится анализ проведения для целевой аудитории тематических экскурсий, связанных с историческими мероприятиями, сопоставление традиционных и инновационных методов презентации, а также обзор актуальных направлений в массовой культуре, на примере экспозиций Музея политической истории России в Санкт-Петербурге в целях определения потенциала рекламной деятельности в процессе сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: архитектура, культурное достояние, национальная идентичность, музеи, реклама, связи с общественностью, квест.

Firov M.V.

Second-year student. North-West Institute of Management, St. Petersburg (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration).

Andreev N.A.

Second-year student. North-West Institute of Management, St. Petersburg (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration).

Preservation of wooden architecture monuments as part of museum promotion

* © Фиров М.В., Андреев Н.А., 2025.

Abstract. Architectural heritage is a key element of national identity, and wooden architecture is its most unique and expressive part. Russia stands out for its world-renowned wooden architecture, which reflects the traditions and worldview of its people, as well as its core cultural values. This study focuses on the sociocultural aspects of museum advertising, particularly in the context of Russian architecture. The article analyzes the organization of thematic excursions related to historical events for the target audience, compares traditional and innovative presentation methods, and provides an overview of current trends in popular culture, using the examples of the Museum of Political History of Russia in St. Petersburg, in order to determine the potential of advertising activities in the process of preserving cultural heritage.

Key words: architecture, cultural heritage, national identity, museums, advertising, public relations, quest.

Охрана культурного наследия представляет собой ключевую миссию для мирового сообщества. Реклама становится инструментом не только продвижения культурного контекста, но и знаком привлечения внимания к историческим объектам с целью их сохранения. В России, столкнувшейся в двадцатом веке с рядом эпохальных событий, данная проблематика принимает особо актуальные очертания. Опасности проявлялись не только из-за враждебных действий, но также из-за отсутствия необходимого уровня компетентности у руководящих кругов, тем самым создавалась катастрофическая ситуация для ценнейших ориентиров культуры, они подвергались серьезному риску исчезновения. Особенно остро это коснулось архитектурных памятников деревянного зодчества [7].

За века своего существования деревянное зодчество неизменно формировало живописные пейзажи населённых пунктов и укреплённых градов, предназначенных для обороны от захватчиков. Разнообразие деревянных сооружений проявляется в широте их функционального назначения и уникальности применения материала. Эффективная сохранность исторической постройки является ценным фундаментом и для стимулирования культурно-исторического туризма в регионах, и для укрепления национальной идентичности.

Текущее состояние защиты и сохранения деревянного зодчества России вызывает глубокую обеспокоенность. С течением времени, охватывающим несколько десятилетий, происходит быстрая потеря архитектурных сооружений деревянного зодчества национального, регионального и локального уровней. Сегодня мы сталкиваемся с многочисленными вызовами, связанными с охраной и восстановлением этих уникальных памятников, что подразумевает необходимость использования интегрированного подхода и немедленных действий для их спасения [3].

Деревянные архитектурные шедевры являются нестабильным сегментом в структуре наследия культуры и истории. Перечень потерь, представляющий собой список исчезнувших сооружений, насчитывает сотни объ-

ектов и подчёркивает их значимость. Эти культовые здания, возведённые в период семнадцатого по восемнадцатый век, могут быть квалифицированы как примеры «русского барокко» по мнению исследователя. Развитие этого стиля заняло не более полутора столетий до того, как монументальное каменное строительство начало заменять древесину в качестве основного материала для возведения религиозных сооружений.

Часть памятников была организованно перенесена для сохранения в музейные комплексы под открытым небом, среди которых выделяются Кижи и Малые Корелы [6]. В России появилось множество музеев, посвященных деревянному строительству. Эти архитектурные объекты подверглись детальному исследованию непосредственно на их первоначальных местах, были аккуратно разобраны на элементы с оценкой и маркировкой их первоначального расположения, при необходимости проведена замена на аналогичные материалы и последующая реконструкция в пределах музейных зон, простирающихся на десятки, а порой и сотни гектаров.

Традиционное русское деревянное строительство, богатое разнообразием форм и национальных техник, столетиями определяло облик российской архитектуры, представляя собой множество стилевых направлений и практик. Впрочем, революционные потрясения 1917 года и последовавшие за ними события кардинально реформатировали многие сферы жизни в России, существенно повлияв на архитектурные традиции, в том числе на искусство деревянного зодчества [4].

Во многих предложениях туроператоров России, нацеленных на широкую публику, используется обновленный подход к советской экскурсионной традиции. Это включает воссоздание экскурсий по местам, связанным с революционной историей, а также возвращение к достопримечательностям, которые к началу XXI века были почти забыты.

Произведения деревянного зодчества в пределах нынешнего Санкт-Петербурга представляют собой характерные образцы летних резиденций, интенсивно возникающих в пригородах на завершающем этапе XIX-го столетия. Их культурное значение обусловлено подлинностью как концепции, так и использованных при возведении материалов. Таким образом, деревянное зодчество становится неделимой частью культурного наследия Северной столицы.

Многие жители городов остаются в неведении относительно того, что рядом с их жилищами расположены уникальные образцы архитектурного наследия. Чтобы сохранить деревянные архитектурные памятники, крайне важно обратить к ним взор общественности и осознать, что эти здания могут быть обновлены и обрести «вторую жизнь».

Расположенный в Санкт-Петербурге Музей политической истории России предлагает уникальный экспозиционный проект, связывающий события революции 1917 года с традициями деревянного зодчества по-

средством интерактивного формата. Это становится мостом к привлечению новых посетителей, интересующихся как политическими поворотами истории, так и архитектурными достижениями, выделяя значимость древесины как строительного материала, активно применявшегося в создании революционных центров, пропагандистских узлов и других временных структур эпохи.

В последние годы российские мегаполисы и ведущие туристические центры столкнулись с переориентацией туристического потока, заметив уменьшение количества гостей из Европы в пользу посетителей из азиатских стран. Это изменение в большей степени было обусловлено различиями в социокультурных установках между западными и восточными обществами, что в свою очередь повлияло на предпочтения и интересы туристов. Отражением этого тренда стало создание в 2024 году российскими и китайскими туроператорами совместных «красных маршрутов», в центре которых оказались исторические места, связанные с развитием Коммунистической партии в СССР. В частности, был разработан маршрут «Москва - Ульяновск - Казань - Санкт-Петербург», предлагающий погрузиться в историю советского периода, а также экскурсии, включавшие посещения ключевых локаций, связанных с жизнью и деятельностью Владимира Ленина, таких как его пребывание в Петрограде, места последнего укрытия и другие революционные места в Петербурге.

Тема революционных событий влечет к себе молодежную аудиторию, активно исследующую инновационные подходы в туристических продуктах, такие как интерактивные театральные постановки и квесты, уже успешные в других областях. Игровые программы от туроператоров, проходящие через исторически значимые «ленинские места» или ключевые точки промышленной революции, нацелены на молодежь и студенчество, быстро приобретающая популярность. Эти мероприятия эффективно интегрируются в современную структуру организованного студенческого туризма.

Революционные периоды чаще всего анализируются с точки зрения политических и идеологических изменений, в то время как влияние на материальную культуру, включая аспекты архитектуры, обычно остается менее заметным. Однако, экспозиция в Музее политической истории может осветить, каким образом древесина применялась в быту революционеров, рабочего класса и военнослужащих, что поможет сделать историю более восприимчивой и понятной.

Для продвижения интереса к архитектуре из дерева в контексте революционных событий предлагается разработка музейного квеста [1]. Этот метод включает в себя музейно-образовательную программу, ориентированную на демонстрацию и интерпретацию культурных данных, навигацию по процессу их осмысления, а также анализ влияния полученной информации на восприятие посетителей. Отсюда вытекает, что передача

знаний и исторических фактов через музейный квест остаётся приоритетной задачей, что и отличает его от прочих подобных мероприятий [2].

Вначале экскурсантов ожидает погружение в ключевые моменты российской истории двадцатого столетия, а именно: Февральскую революцию, Октябрьский переворот и Гражданский конфликт. Вас ознакомят с экспозиционными залами, посвященными революционному периоду в России с 1917 по 1922 годы, в том числе с мемориалами, такими как «Аппарат ЦК и Политбюро РСДРП(б)» и «Кабинет В.И. Ленина».

Переходя к сфере деревянного строительства, в качестве первых элементов интерактивной экспозиции рекомендуются:

Древние деревянные избы на территории туристического комплекса «Мандроги», расположенного в Подпорожском районе, деревне Верхние Мандроги.

Церковь святого Георгия Победоносца, расположенная в Родионове, Подпорожском районе.

Храм во имя Николая Чудотворца и Церковь Ильи Пророка, расположенные в Подпорожском районе сельской местности Согиницы, представляют собой значимые религиозные объекты для местных верующих.

Церковь Воскресения Христова, расположенная в Подпорожском районе, населённом пункте Курпово.

Значительные работы по сохранению деревянного зодчества были осуществлены, в частности, А.В. Ополовниковым [8]. Но последствия Октябрьской революции 1917 года едва не привели к полному искоренению деревянного храмостроительства, остановив все научные изыскания в этой области. Многие церковные постройки были демонтированы на топливо, в то время как другие находили новое применение в качестве жилищ или хозяйственных помещений. Без должного обслуживания, оставшиеся сооружения быстро приходили в упадок, превращаясь в разрушенные конструкции. Таковы мрачные примеры, еще возможные к наблюдению в некоторых северных областях России [6].

Городские ландшафты во многих местах определяются доминированием деревянного строительства. Такая архитектура, несмотря на свою распространённость и типологическую схожесть, долгое время не привлекала должного внимания исследователей в сравнении с сельскими жилищами. Сегодняшний облик населённых мест, будь то села или города, с их характерной деревянной застройкой, складывался в основном в девятнадцатом и начале двадцатого веков. При этом, каждое сооружение, возведенное до восемнадцатого столетия, является уникальным и заслуживает статуса национального наследия. Однако темпы исчезновения деревянных объектов вызывают тревогу: если в 1970-х годах в списке исторически значимых мест они фигурировали в 115 населенных пунктах, то к сегодняшнему дню их число уменьшилось до 41. Изображение деревянных городов,

таких как Архангельск или Тула, ускользает, и с удручающей скоростью пропадают старинные районы Нижнего Новгорода, Тобольска и прочих городов. Активное новостройки и отсутствие законоустановленных охраняемых зон для сохранения исторически значимых районов приводят к потере уникального и неповторимого образа старых населенных пунктов. Между тем, на мирном уровне, начиная с середины прошлого столетия, наметилась тенденция сохранения целостных исторических ансамблей, что позволяет сохранять памятники архитектуры в их естественном и градостроительном контексте [7].

В современной ситуации, обусловленной недостатком квалифицированных специалистов в сфере сохранения архитектурного наследия, а также из-за отсутствия целенаправленного финансирования для проведения работ по консервации и реставрации объектов культурного значения, многие музеи, хранящие памятники деревянного зодчества, испытывают значительные затруднения. Это отрицательно сказывается на их статусе как хранилищ уникальных коллекций на всероссийском уровне, замедляя прогресс в развитии направлений, связанных с архитектурной реставрацией. Однако, включение музейной деятельности в широкий социокультурный процесс с использованием инновационных методов продвижения [5], её интеграция с образовательной сферой и туристическим сектором могут способствовать эффективному сохранению, всестороннему исследованию и представлению общественности значимости объектов деревянного зодчества.

В настоящее время начинают проявляться тенденции капитализации исторически значимых населенных пунктов, в том числе городов с деревянной архитектурой и традиционных поселений, например Иркутска, Томска и других. Появляется все более очевидной потребность в стратегическом планировании их развития и обеспечении должного уровня содержания и представительства исторически важных центров и районов. Опыт, накопленный за рубежом и в нашей стране, свидетельствует о том, что такой подход создает прочную основу для увеличения привлекательности и доступности туристических и общественных пространств, что способствует экономическому процветанию населения и улучшению условий жизни.

Значимость сохранения и реставрации объектов деревянного зодчества несомненна, учитывая риск быстрой потери данного уникального наследия. В центре этих усилий находится не только защита памяти о прошлом, но и поддержание их историко-культурного, архитектурного и градостроительного влияния на локальное сообщество, а также сохранение неповторимой идентичности и аутентичности данных объектов.

Квесты, проводимые в музейных и городских пространствах, эффективно сочетают образовательные экскурсии и развлечения, нацеленные на интеллектуальное обогащение участников. Проект, интегрирующий

тематику деревянного строительства с ключевыми событиями 1917 года, предоставит Музею политической истории России возможность представить исторические факты в новом свете, заинтересовать различные социальные группы и подчеркнуть значимость защиты деревянного зодчества как важного элемента культурного наследия страны.

Библиографический список

1. Бабенко Е.М. Методика проведения квест-экскурсии в музее // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 6 (75). С. 2305-2311.
2. Дымникова М.Ю. Квест как форма музейно-педагогической деятельности // Вестник СПбГИК. 2019. № 1 (38). С. 150-154.
3. Незвицкая Т.В. К вопросу об эволюции подходов к сохранению памятников деревянного зодчества // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 9-22. – DOI 10.31675/1607-1859-2020-22-4-9-22.
4. Печенкин И.Е., Старостенко Ю.Д., Вяземцева А.Г. Зодчий и революция: архитектурная жизнь России в эпоху перемен // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 2. С. 473-487.
5. Семененко Т.В., Доценко М.А., Лыкова Т.Д. От традиционных способов продвижения произведений искусства к инновационным // Media technologies in a changing world: trends, problems, forecasts: collection. 2024. С. 50-57.
6. Ходаковский Е.В., Щеглова Ю.А. Деревянное церковное зодчество Онежского Поморья: источниковедческий и историографический аспекты // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. Т. 12. С. 282-291.
7. Чайникова О.О. Эволюция сохранения памятников традиционного деревянного зодчества // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. № 3(45). С. 72-80.
8. Чебан А.Н., Мячин А.П. Исторические и современные методы сохранения деревянного зодчества // Архитектура и современные информационные технологии. 2023. № 4 (65). С. 134-145.
9. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Символы границы и границы символов // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 11 (197). С. 33-42.

References

1. Babenko E.M. Methodology for Conducting a Quest Tour in a Museum // Bulletin of Science. 2024. Vol. 2. № 6 (75). P. 2305-2311.
2. Dymnikova M.Yu. Quest as a Form of Museum-Pedagogical Activity // Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture. 2019. № 1 (38). P. 150-154.
3. Nezvitskaya T.V. On the Evolution of Approaches to the Preservation of Wooden Architecture Monuments // Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering. 2020. Vol. 22. № 4. P. 9-22. – DOI 10.31675/1607-1859-2020-22-4-9-22.
4. Pechenkin I.E., Starostenko Yu.D., Vyazemtseva A.G. The Architect and the Revolution: Architectural Life in Russia in the Era of Change // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8. № 2. P. 473-487.
5. Semenenko T.V., Dotsenko M.A., Lykova T.D. From Traditional to Innovative Ways of Promoting Works of Art // Media Technologies in a Changing World: Trends, Problems, Forecasts: Collection. 2024. P. 50-57.
6. Khodakovskiy E.V., Scheglova Yu.A. Wooden Church Architecture of the Onega Pomorie: Source Studies and Historiographic Aspects // Actual Problems of Theory and History of Art. 2022. Vol. 12. P. 282-291.
7. Chainikova O.O. The Evolution of Preservation of Traditional Wooden Architecture Monuments // Bulletin of the Kazan State University of Architecture and Civil Engineering. 2018. № 3 (45). P. 72-80.
8. Cheban A.N., Myachin A.P. Historical and Modern Methods of Preserving Wooden Architecture // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. № 4 (65). P. 134-145.
9. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Boundary Symbols and Boundaries of Symbols // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 11 (197). P. 33-42.

Узденов Т.А.

Кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и политологии, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Аджиева З.И.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственных и административно-правовых дисциплин. Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии.

Боташева З.Х.

Старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления и политологии, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Развитие и регулирование кибербезопасности и критической инфраструктуры в России*

Аннотация. В условиях стремительного развития информационных технологий и глобализации современного мира информационная сфера приобретает все большее значение для обеспечения национальной безопасности, экономического процветания и социального благополучия. Россия, осознавая важность защиты своих информационных ресурсов и инфраструктуры, предпринимает комплексные меры по формированию безопасной и устойчивой информационной среды. В рамках государственной политики особое внимание уделяется развитию законодательства, совершенствованию правовых механизмов, а также созданию условий для эффективного противодействия киберугрозам, киберпреступности и другим видам информационных угроз. Однако на практике существует ряд проблем, затрудняющие реализацию этих целей, которые мы и рассмотрим в данной статье.

Ключевые слова: кибербезопасность, критическая инфраструктура Российской Федерации, законодательство, нормативные акты, киберугрозы, кибератаки, безопасность информации, нормативное регулирование, государственные программы, автоматизированные системы управления.

Uzdenov T.A.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management and Political Science, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev.

Adjieva Z.I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Administrative-Legal Disciplines at the Law Institute of the North Caucasus Federal University.

* © Узденов Т.А., Аджиева З.И., Боташева З.Х., 2025.

Botashova Z.K.

Senior Lecturer at the Department of State and Municipal Management and Political Science, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev.

Development and regulation of cybersecurity and critical infrastructure in Russia

Abstract. In the context of rapid development of information technologies and globalization, the information sphere is becoming increasingly important for ensuring national security, economic prosperity, and social well-being. Russia, recognizing the importance of protecting its information resources and infrastructure, is undertaking comprehensive measures to create a secure and resilient information environment. As part of state policy, particular attention is paid to developing legislation, improving legal mechanisms, and creating conditions for effective counteraction to cyber threats, cybercrime, and other types of information threats. However, in practice, there are a number of problems that hinder the implementation of these goals, which we will examine in this article.

Key words: cybersecurity, critical infrastructure of the Russian Federation, legislation, regulatory acts, cyber threats, cyberattacks, information security, regulatory framework, state programs, automated control systems.

Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру (КИИ) РФ — одно из самых опасных киберпреступлений, способное вызвать значительный экономический ущерб и дестабилизацию страны. Примеры включают вирус Stuxnet, поразивший ядерные объекты Ирана, и кибератаки на США и немецкую медицинскую систему, повлекшие гибель пациентов. Методы атак разнообразны: вирусы, фишинг, DDoS, перехват данных, уязвимости нулевого дня и использование протокола DNS. Такие преступления высоклатентны и требуют значительных усилий для раскрытия. В условиях ухудшения международной обстановки число кибератак выросло: в 2024 году доля целенаправленных атак из недружественных стран увеличилась до 60%, а их цели — сбор данных, вывод из строя инфраструктуры и шпионаж¹.

Таким образом, особое значение приобретает защита критической информационной инфраструктуры (КИИ), которая включает в себя важнейшие объекты и ресурсы, обеспечивающие безопасность и стабильность государства. Нарушения требований в области обеспечения безопасности КИИ могут привести к серьезным последствиям, включая нарушение функционирования жизненно важных систем, угрозу национальной безопасности и экономической стабильности [2].

1 Актуальные киберугрозы: IV квартал 2024 года — I квартал 2025 года // URL: <https://ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-iv-kvartal-2024-goda-i-kvartal-2025-goda> (Дата обращения: 27.07.2025).

Для повышения эффективности противодействия киберпосягательствам на критическую информационную инфраструктуру (КИИ) необходимо внедрение комплексной системы мер, включающей научно-обоснованные информационно-аналитические, технические, организационные и правовые подходы. Важнейшими из них являются криминологический мониторинг угроз и регулярная оценка уровня защищенности ИТ-систем.

Исследования 2024 года выявили, что более половины объектов КИИ остаются недостаточно защищенными, а у 90% организаций отсутствует регулярное обновление программного обеспечения, что увеличивает уязвимость к атакам. Также отмечается слабое управление паролями, нехватка профильных специалистов и невыстроенные процессы патчменеджмента².

В ответ на эти проблемы Правительство РФ подписало распоряжение № 1661-р от июня 2022 года³, предусматривающее проведение аудита защищенности объектов КИИ для выявления рисков и уязвимостей. На основе этого планируется разработка дорожной карты по модернизации систем безопасности в государственных органах и критически важных объектах. В техническом плане особое значение придается переходу на отечественное программное обеспечение и оборудование, постоянному обновлению антивирусных средств и развитию национальной системы управления российским сегментом интернета.

После начала специальной военной операции (СВО) участились случаи блокировки западных программ и прекращения поддержки зарубежного оборудования, что стимулировало активное развитие отечественных решений.

7 апреля 2025 года президент России Владимир Путин подписал закон, в соответствии с которым значимые объекты критической информационной инфраструктуры (КИИ) страны должны перейти на отечественное программное обеспечение (ПО). Порядок и сроки перехода определит правительство РФ. В соответствии с документом, на значимых объектах КИИ должен использоваться российский софт, сведения о котором включены в соответствующий реестр. При этом кабмин установит порядок осуществления мониторинга за исполнением субъектами КИИ обязанности по переходу на отечественное ПО [6].

Создание суверенного Интернета в России является важнейшей стратегической задачей, направленной на обеспечение национальной инфор-

2 ФСТЭК оценила безопасность объектов КИИ: 800 нарушений с реальными рисками остановки работы объекта // URL: <https://ib-bank.ru/bisjournal/news> (Дата обращения: 27.07.2025).

3 Распоряжение Правительства РФ от 22 июня 2022 г. № 1661-р «Об утверждении перечня ключевых органов (организаций), которым необходимо осуществить мероприятия по оценке уровня защищенности своих информационных систем с привлечением организаций, имеющих соответствующие лицензии ФСБ России и ФСТЭК России» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 июня 2022 г. № 26. Ст. 4571.

мационной безопасности и независимости от зарубежных инфраструктур. В рамках реализации этой стратегии в стране уже вступили в силу все нормы Федерального закона от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ⁴, который регулирует создание и функционирование национальной системы доменной зоны и маршрутизации интернет-трафика.

По данным экспертов StormWall, число атак в России в 2024 году выросло на 45% по сравнению с 2023 годом. В первую очередь, повышение количества атак произошло из-за фоне серьезных геополитических событий в мире, а также из-за обострившейся конкуренции на рынке во второй половине этого года⁵.

6 июня 2025 года Министерство цифрового развития подготовило законопроект, который предусматривает уголовную ответственность за DDoS-атаки в России⁶. В документе предлагается ввести новую статью 272.2 в Уголовный кодекс, которая будет наказывать за целенаправленные действия, вызывающие сбои в работе информационных систем и причиняющие значительный ущерб или тяжелые последствия. Максимальные санкции по проекту — штраф до 2 млн или лишение свободы до восьми лет, а также запрет занимать определенные должности на срок до трех лет. Законопроект находится на межведомственном согласовании и затронет около десятка федеральных законов. В случае атаки, которая приводит к блокировкам или уничтожению информации, ответственность будет наступать только при наличии умысла и при условии, что атака не связана с ресурсами, доступ к которым запрещен законом. Эти меры являются частью комплексной программы по усилению кибербезопасности и борьбе с киберпреступностью в России.

В 2024 году лишь 13% проверенных организаций, являющихся субъектами КИИ, достигли базового уровня защиты, что свидетельствует о низком уровне реализации требований законодательства по обеспечению безопасности критической инфраструктуры. Несмотря на увеличение числа отнесённых к КИИ объектов (+37%), выявленные нарушения остаются значительными: за год проверено более 800 значимых объектов, в которых обнаружено около 1400 нарушений обязательных требований, из которых 40% — грубые и могут привести к серьёзным сбоям⁷.

Также, в связи с этим в Российской Федерации разработана система правовых мер, направленных на регулирование правонарушений, связан-

4 Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 01.05.2019 N 90-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс»

5 DDoS-атаки в России // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (Дата обращения: 27.04.2025).

6 См.: там же.

7 Безопасность критической информационной инфраструктуры РФ // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (Дата обращения: 27.04.2025).

ных с неправомерным воздействием на критическую информационную инфраструктуру. Одним из ключевых нормативных актов является статья 13.12.1 КоАП РФ, которая устанавливает ответственность за нарушение требований по обеспечению безопасности КИИ, порядок реагирования на компьютерные инциденты и обмен информацией между субъектами [1].

В 2024 году лишь 13% проверенных организаций, являющихся субъектами КИИ, достигли базового уровня защиты, что свидетельствует о низком уровне реализации требований законодательства по обеспечению безопасности критической инфраструктуры. Несмотря на увеличение числа отнесённых к КИИ объектов (+37%), выявленные нарушения остаются значительными: за год проверено более 800 значимых объектов, в которых обнаружено около 1400 нарушений обязательных требований, из которых 40% — грубые и могут привести к серьёзным сбоям. Основные проблемы включают несоответствие данных в реестре, уязвимости в иностранном программном обеспечении, отсутствие контроля за исполнением мер защиты со стороны должностных лиц и недостаточные средства мониторинга. В отношении субъектов, где были выявлены такие нарушения, составлялись протоколы об административной ответственности по статье 13.12.1 «Нарушение условий, предусмотренных лицензией на осуществление деятельности в области защиты информации». В 2024 году составлено около 80 таких протоколов⁸.

Дополнительно важным нормативным документом является Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ»⁹, который определяет понятие КИИ как сети электросвязи и объекты, используемые для взаимодействия и управления важными системами. В него входит описание автоматизированных систем управления субъектами КИИ, информационно-телекоммуникационных средств и информационных систем, что подчеркивает их роль в обеспечении национальной безопасности.

Структура автоматизированных систем управления субъектами критической информационной инфраструктуры (КИИ) включает в себя различные категории участников, которые обеспечивают функционирование, безопасность и взаимодействие ключевых объектов и систем, входящих в состав КИИ. Эти системы играют важнейшую роль в обеспечении стабильности и безопасности национальной инфраструктуры в различных сферах [3].

Автоматизированные системы управления субъектами критической информационной инфраструктуры (КИИ) представляют собой сложные

8 Безопасность критической информационной инфраструктуры РФ // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (Дата обращения: 27.04.2025).

9 Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 N 187-ФЗ (последняя редакция)

комплексы технических и организационных средств, предназначенные для обеспечения функционирования и безопасности ключевых объектов и систем, необходимых для жизнедеятельности государства, экономики и общества в целом. Их структура включает несколько уровней и участников, каждый из которых выполняет важные функции в обеспечении надежности и защищенности информационных процессов.

На первом уровне находятся государственные органы и учреждения, ответственные за разработку нормативных актов, регулирование деятельности в сфере КИИ, а также за контроль соблюдения требований по информационной безопасности. Эти организации разрабатывают стандарты, проводят мониторинг состояния систем, осуществляют реагирование на инциденты и обеспечивают координацию действий между различными субъектами инфраструктуры.

Ключевыми участниками являются российские юридические лица и индивидуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или ином законном основании принадлежат информационные системы (ИС) и информационно-телекоммуникационные средства (ИТС). Эти субъекты отвечают за создание, эксплуатацию и защиту своих информационных ресурсов, а также за соблюдение требований законодательства в области информационной безопасности. Они обеспечивают функционирование систем автоматизированного управления объектами КИИ, таких как системы контроля технологических процессов, системы управления энергетическими сетями, транспортными системами, системами связи и др.

Кроме того, важную роль играют российские юридические лица и индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей. Это могут быть компании или организации, предоставляющие услуги по интеграции различных автоматизированных систем, их обмену данными и совместной работе для обеспечения непрерывности функционирования критической инфраструктуры.

6 июня 2025 года Федеральная служба по техническому и экспортному контролю России (ФСТЭК) обнародовала проект постановления «Об утверждении перечней типовых отраслевых объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ)». Эти перечни будут использоваться для определения объектов, в которых запрещено применение зарубежного программного обеспечения, а также для усиления контроля за их безопасностью¹⁰.

Объекты КИИ — это информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления технологическими процессами, которые обеспечивают выполнение управленческих, технологических, производственных, финансово-эконо-

10 Безопасность критической информационной инфраструктуры РФ // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (Дата обращения: 27.04.2025).

мических и иных функций субъектов КИИ. В рамках этого определения входят системы, обеспечивающие важнейшие процессы в различных сферах деятельности.

ФСТЭК выделяет 14 отраслевых групп объектов КИИ, каждая из которых включает десятки систем. Среди них: системы здравоохранения; научные учреждения; транспорт (воздушный, автомобильный, городской электрический транспорт, железнодорожный, морской и речной транспорт, метрополитен); системы связи (управление сетями электросвязи, телеметрия, управление телефонной связью, платформы идентификации и аутентификации абонентов подвижной радиосвязи); энергетика; государственная регистрация прав на недвижимость и сделок с ним; банковский сектор и финансы; топливно-энергетический комплекс; атомная энергия; оборонная промышленность; ракетно-космическая промышленность; горнодобывающая и металлургическая промышленность; химическая промышленность.

В каждом секторе включены конкретные системы и платформы, предназначенные для обеспечения безопасности и надежности критической инфраструктуры. Например, в сфере связи это системы управления сетями электросвязи, средства мониторинга абонентского обслуживания и системы органов власти для реализации полномочий в сфере связи. Эти списки позволят более четко определить объекты критической инфраструктуры и усилить меры по их защите [2].

В рамках функционирования таких систем возможны нарушения безопасности информации — это факты несанкционированного доступа, вмешательства или повреждения данных, а также сбои в работе систем из-за кибератак или технических неисправностей. Такие инциденты могут привести к нарушению работоспособности объектов критической инфраструктуры, что негативно скажется на национальной безопасности и стабильности общества.

Анализ инцидентов показывает их важность как признака состояния работоспособности информационных систем. Они свидетельствуют о наличии уязвимостей в системах защиты или о недостаточной подготовке к возможным угрозам. Поэтому своевременное выявление и реагирование на такие инциденты является ключевым аспектом обеспечения надежной работы критической инфраструктуры [5].

В настоящее время в России действует государственная система ликвидации и предупреждения последствий кибератак на информационные ресурсы страны. Эта система включает единый территориально разделённый комплекс ГосСОПКА, который с 2013 года разрабатывается и поддерживается Федеральной службой безопасности (ФСБ). Основная цель системы — своевременное обнаружение, предупреждение и устранение последствий атак на критическую информационную инфраструктуру [4].

Регулирование неправомерных воздействий на КИИ осуществляется также через нормы российского уголовного законодательства. В частности, статья 274.1 УК РФ предусматривает ответственность за создание, распространение или использование компьютерных программ и информации, направленных на неправомерное воздействие на критическую инфраструктуру страны. Например, такие действия, как нейтрализация защитных средств информационных систем, копирование, модификация, блокирование или уничтожение информации, караются принудительными работами сроком до 5 лет. Также возможны ограничения свободы на срок до 2 лет или штрафы в размере от 500 тысяч до 1 миллиона рублей.

За неправомерный доступ к охраняемой информации в КИИ с использованием компьютерных программ или информации предусмотрены более строгие меры ответственности: лишение свободы до 6 лет с штрафами или ограничением свободы до 2 лет. В случае нарушения правил эксплуатации систем передачи, обработки и хранения информации в КИИ, если это привело к вреду инфраструктуре, виновные могут быть наказаны принудительными работами до 5 лет с возможным лишением права заниматься определённой деятельностью на срок до 3 лет или без такового. В целом уголовное законодательство РФ предусматривает серьёзные меры ответственности за киберпреступления и правонарушения в сфере защиты критической инфраструктуры.

В целом, для повышения эффективности защиты критической информационной инфраструктуры РФ необходимо комплексное применение различных мер.

Информационно-аналитические меры позволяют своевременно выявлять и реагировать на киберугрозы.

Технические меры, такие как переход на отечественное программное обеспечение и развитие национальной системы управления интернетом, обеспечивают технологическую независимость и безопасность.

Организационные мероприятия, включая создание специализированных центров по информационной безопасности и платформ для обмена данными о киберинцидентах, способствуют укреплению координации и оперативности реагирования.

Правовые инициативы, направленные на унификацию ответственности и совершенствование законодательства, создают правовую основу для эффективного пресечения киберпреступлений. В совокупности эти меры формируют многоуровневую систему защиты, необходимую для обеспечения устойчивости и безопасности критической инфраструктуры страны в условиях современных киберугроз.

Таким образом, Россия предпринимает активные шаги по укреплению кибербезопасности критической инфраструктуры через нормативное регулирование, развитие национальных технологий и усиление контроля за

объектами КИИ. Однако остаются значительные вызовы в области реализации мер защиты и повышения уровня готовности организаций к современным угрозам.

Библиографический список

1. Бабаева А.А. Правонарушения в сфере информационных технологий / А.А. Бабаева, А.Н. Дмитриева // РОСТ - Развитие, Образование, Стратегии, Технологии: Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 15–16 декабря 2023 года. – Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2024. С. 19-23.
2. Витвицкая С.С. Противодействие неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации / С.С. Витвицкая, Ю.И. Исакова, Е.Р. Кеидунова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 173-181.
3. Никитенков С.А. Проблемы борьбы с киберправонарушениями // Административное и дисциплинарное принуждение в практике антикоррупционной деятельности учреждений и органов ФСИН России : Сборник научных трудов, Вологда, 14 апреля 2023 года. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2023. С. 132-136.
4. Турутина Е.Э. Система комплексных мер предупреждения компьютерных преступлений // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2024. Т. 20. С. 357-363.
5. Ульянова А.А. Информационная безопасность в РФ: состояние, проблемы и перспективы развития в условиях ведения информационной войны // Аграрное и земельное право. 2024. № 7 (235). С. 184-186.
6. Юркова О.А. Административная ответственность за правонарушения, совершаемые в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: проблемы и пути решений / О.А. Юркова, А.А. Соболева // Современное право. 2024. № 9. С. 74-76.
7. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Возможности веб-квеста в изучении теории государственного управления // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 1 (187). С. 9-18.

References

1. Babaeva A.A. Offenses in the Sphere of Information Technology / A.A. Babaeva, A.N. Dmitrieva // ROST - Development, Education, Strategies, Technologies: Collection of materials from the VII All-Russian scientific and practical conference, Cheboksary, December 15-16, 2023. – Cheboksary: Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, 2024. P. 19-23.
2. Vitvitskaya S.S. Counteracting unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation / S.S. Vitvitskaya, Yu.I. Isakova, E.R. Keidunova // Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century. 2023. № 3. P. 173-181.
3. Nikitenkov S.A. Problems of combating cybercrimes // Administrative and disciplinary coercion in the practice of anti-corruption activities of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia: Collection of scientific papers, Vologda, April 14, 2023. – Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. P. 132-136.
4. Turutina E.E. A system of comprehensive measures to prevent computer crimes // Scientific notes of the Kazan branch of the “Russian State University of Justice”. 2024. Vol. 20. P. 357-363.
5. Ulyanova A.A. Information security in the Russian Federation: status, problems, and development prospects in the context of information warfare // Agrarian and land law. 2024. № 7 (235). P. 184-186.
6. Yurkova O.A. Administrative liability for offenses committed in the information and telecommunications network Internet: problems and solutions / O.A. Yurkova, A.A. Soboleva // Modern law. 2024. № 9. P. 74-76.
7. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Possibilities of a web quest in studying the theory of public administration // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 1 (187). P. 9-18.

Махяр Бейранванд

Студент 2 курса специальности «Лечебное дело», ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары.

Гильманов Н.Э.

Ординатор специальности «Анестезиология и реаниматология», ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары.

Орешников Е.В.

Руководитель научно-исследовательской работы, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», медицинский факультет, г. Чебоксары. SPIN-код: 9204-3618

Физиологические и клинические аспекты феномена «спортивного сердца» у высокотренированных лиц*

Аннотация. Целью исследования является изучение физиологических и клинических особенностей феномена «спортивного сердца» у высокотренированных лиц. В исследовании приняли участие спортсмены и контрольная группа. Применялись методы ЭКГ, эхокардиографии, вариабельности сердечного ритма (HRV), а также лабораторные анализы крови и анкетирование. Результаты показали наличие брадикардии, эксцентрической гипертрофии левого желудочка, повышенных значений КФК-МВ при отсутствии патологических признаков. Данные подтверждают, что «спортивное сердце» является вариантом физиологической нормы у спортсменов.

Ключевые слова: спортивное сердце, гипертрофия миокарда, ЭКГ, ЧСС, HRV, адаптация, атлеты, опрос.

Mahyar Beiranvand

2nd year student of the specialty "Medicine", Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary.

Gilmanov N.E.

Head of Research Work, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Assistant of the Department of Normal and Pathological Physiology, Cheboksary, Russian Federation.

* © Махяр Бейранванд, Гильманов Н.Э., Орешников Е.В., 2025.

Oreshnikov E. V.

Research Director, I.N. Ulyanov Chuvashia State University, Faculty of Medicine, Cheboksary.
SPIN: 9204-3618

Physiological and clinical aspects of the “sports heart” phenomenon in highly trained individuals

Abstract. The aim of the study is to investigate the physiological and clinical features of the “sports heart” phenomenon in highly trained individuals. The study involved athletes and a control group. ECG, echocardiography, heart rate variability (HRV), laboratory blood tests, and questionnaires were used. The results showed the presence of bradycardia, eccentric left ventricular hypertrophy, and elevated CK-MB values in the absence of pathological signs. These findings confirm that the “sports heart” is a variant of physiological normality in athletes.

Key words: sports heart, myocardial hypertrophy, ECG, heart rate, HRV, adaptation, athletes, survey.

Введение

Проблема диагностики различий между физиологической и патологической гипертрофией сердца у спортсменов остаётся актуальной. Современные представления рассматривают «спортивное сердце» как адаптивный ответ сердечно-сосудистой системы на длительные нагрузки. Целью настоящего исследования является изучение физиологических параметров, позволяющих отличать норму от патологии.

Материалы и методы

В исследование включены 30 мужчин в возрасте 18–30 лет: 15 профессиональных спортсменов и 15 лиц контрольной группы. Проводилось анкетирование (частота сердцебиения, жалобы, шкала утомляемости, IPAQ). Оценивались ЭКГ, ЭхоКГ, HRV, лабораторные анализы крови (гемоглобин, КФК-MB, тропонин I, глюкоза, лактат). Статистический анализ включал t-критерий и уровень значимости $p < 0.05$. (см. таблицу 1-3).

Результаты

Таблица 1. Анализы крови.

Показатель	Спортсмены	Контроль	p
Гемоглобин (г/л)	150.2 ± 4.8	141.5 ± 6.1	<0.01
КФК-MB (Ед/л)	147.3 ± 25.4	90.1 ± 18.7	<0.001

Тропонин I (нг/мл)	0.005 ± 0.001	0.004 ± 0.002	>0.05
Глюкоза (ммоль/л)	4.8 ± 0.5	5.0 ± 0.4	>0.05
Лактат (ммоль/л)	1.9 ± 0.6	1.2 ± 0.5	<0.05

ЭКГ (в покое):

- Синусовая брадикардия у 11 из 15 спортсменов
- Высокий вольтаж зубца R в V5
- Удлинение PQ-интервала у 3 человек
- Ни у кого не выявлено аритмий или патологической реполяризации.

Таблица 2. ЭхоКГ.

Показатель	Спортсмены	Контроль	p
КДР ЛЖ, мм	54.3 ± 3.1	48.2 ± 2.7	<0.001
Толщина МЖП, мм	11.2 ± 0.9	9.1 ± 0.7	<0.001
Фракция выброса, %	60.5 ± 2.8	61.1 ± 2.6	>0.05

Таблица 3. HRV.

Показатель	Спортсмены	Контроль	p
SDNN (мс)	75.2 ± 9.1	48.6 ± 8.3	<0.001
HF (мс ²)	1250 ± 198	580 ± 177	<0.001
LF/HF	0.70 ± 0.15	1.58 ± 0.22	<0.001

Опрос:

- Жалоб у спортсменов не выявлено
- В контрольной группе у 2 человек жалобы на сердцебиение
- Средняя утомляемость (по шкале 0–10): Спортсмены — 2.3 ± 0.9, Контроль — 4.7 ± 1.2 (p < 0.01)

Обсуждение

Брадикардия, гипертрофия левого желудочка и высокий уровень парасимпатической активности у спортсменов подтверждают наличие адаптивных изменений. Повышение КФК-МВ является физиологическим и не сопровождается признаками ишемии. Анкетирование дополнительно подтвердило отсутствие клинической симптоматики у тренированных лиц.

Заключение

Феномен «спортивного сердца» у высокотренированных лиц пред-

ставляет собой физиологическую адаптацию без признаков патологии. Инструментальные и лабораторные показатели демонстрируют типичные компенсаторные изменения. Регулярный контроль рекомендуется при выраженной гипертрофии или нестабильных показателях.

Библиографический список

1. Fagard R.H. Athlete's heart: a meta-analytical review. *Heart*. 2003. № 89 (12). С. 1455-1461.
2. Maron B.J., Pelliccia A. The heart of trained athletes. *Circulation*. 2006. № 114 (15). С. 1633-1644.
3. Китаев А.Е., Трофимова Е.Н. Вегетативная регуляция сердечного ритма у спортсменов. *Физиология человека*. 2020. № 46 (2). С. 115-124.
4. Spirito P. et al. Athlete's heart assessed by echocardiography. *Am J Cardiol*. 1994. № 74 (8). С. 802-806.
5. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // *Власть истории – История власти*. 2024. Том 10. Часть 3. № 53. С. 12-21.
6. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // *Культура Мира*. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.

References

1. Fagard R.H. Athlete's heart: a meta-analytical review. *Heart*. 2003. № 89 (12). P. 1455-1461.
2. Maron B.J., Pelliccia A. The heart of trained athletes. *Circulation*. 2006. № 114 (15). P. 1633-1644.
3. Kitaev A.E., Trofimova E.N. Autonomic regulation of heart rate in athletes. *Human Physiology*. 2020. № 46 (2). P. 115-124.
4. Spirito P. et al. Athlete's heart assessed by echocardiography. *Am J Cardiol*. 1994. № 74 (8). P. 802-806.
5. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of their activities // *The Power of History – History of Power*. 2024. Vol. 10. Part 3. № 53. P. 12-21.
6. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening healthcare and ensuring accessibility of medical care // *Culture of the World*. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.

Се Ипин

Старший преподаватель исторического факультета. Яньаньский университет, Китай.

Го Жун

Магистрант исторического факультета. Яньаньский университет, Китай.

Деятельность Николая Михайловича Карамзина как журналиста*

Аннотация. Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) - фигура, значимая не только для русской литературы, но и для журналистики. Его вклад в развитие русской журналистики огромен, во многом определил ее дальнейший путь. Эта статья детально рассматривает деятельность Николая Михайловича Карамзина как журналиста на примере его главных журналистских проектов, таких как “Московский журнал” и “Вестник Европы”. Карамзин как журналист сыграл ключевую роль в становлении и развитии русской журналистики. Он создал новый тип литературного журнала, ориентированного на оригинальную русскую литературу, работал над совершенствованием литературного языка и популяризировал чтение в российском обществе. Его вклад в русскую культуру трудно переоценить. Он был не просто журналистом, а создателем новой эпохи в русской литературе и журналистике. В 1791 году начинается деятельность Карамзина-журналиста. Это становится важной вехой в истории русской литературы — Карамзин основывает первый русский литературный журнал, отца-основателя нынешних «толстых» журналов — «Московский журнал». На его страницах выходит ряд сборников и альманахов: «Аглая», «Аониды», «Пантеон иностранной словесности», «Мои безделки». Эти публикации сделали сентиментализм основным литературным течением в России конца XIX века, а Карамзина — его признанным лидером.

Ключевые слова: Карамзин-журналист, русская журналистика, русская культура, русская литература, «Московский журнал», «Пантеон иностранной словесности», «Вестник Европы».

Xie Yiping

Senior Lecturer, History Department, Yan'an University, China.

Guo Rong

Master's student, History Department, Yan'an University, China.

The activities of Nikolai Mikhailovich Karamzin as a journalist

* © Се Ипин, Го Жун, 2025.

Abstract. Nikolai Mikhailovich Karamzin (1766-1826) is a figure significant not only for Russian literature, but also for journalism. His contribution to the development of Russian journalism is enormous, and in many ways determined its further path. This article examines in detail the activities of Nikolai Mikhailovich Karamzin as a journalist using the example of his main journalistic projects, such as *Moskovsky Zhurnal* and *Vestnik Evropy*. Karamzin as a journalist played a key role in the formation and development of Russian journalism. He created a new type of literary magazine focused on original Russian literature, worked to improve the literary language and popularized reading in Russian society. His contribution to Russian culture cannot be overestimated. He was not just a journalist, but the creator of a new era in Russian literature and journalism. In 1791, Karamzin began his career as a journalist. Russian literature is becoming an important milestone in the history of Russian literature. Karamzin founded the first Russian literary magazine, the founding father of the current "thick" magazines, *Moskovsky Zhurnal*. A number of collections and almanacs are published on its pages: "Aglaya", "Aonida", "Pantheon of Foreign Literature", "My trinkets". These publications made sentimentalism the main literary trend in Russia at the end of the 18th century, and Karamzin became its recognized leader.

Key words: Karamzin the journalist, Russian journalism, Russian culture, Russian literature, Moscow Magazine, Pantheon of Foreign Literature, *Vestnik Evropy*.

«Московский журнал» (1791-1792) считается главным журналистским проектом Карамзина Н.М. Он издавал его единолично и был автором практически всех материалов. «Московский журнал» стал первым в России литературным журналом, ориентированным на образованного читателя и предлагавшим разнообразный материал — от литературных произведений до статей по культуре и общественной жизни. Благодаря этой работе Карамзин заложил основы отечественной литературной журналистики и способствовал развитию просвещения в России. «Московский журнал» — это литературно-публицистическое издание, которое выходило в Москве в конце XVIII века [1]. Николай Карамзин был его главным редактором и одним из главных авторов. Журнал играл важную роль в развитии русской литературы и журналистики того времени.

Основные факты о «Московском журнале» Карамзина Н.М.:

Тематика: публиковались статьи по истории, литературе, общественным вопросам, а также произведения русских и зарубежных авторов.

- Вклад: журнал способствовал распространению просветительских идей, развитию литературного языка и культуры чтения в России.

- Особенности: Карамзин Н.М. внес большой вклад в формирование русского литературного языка, что отражалось и в материалах журнала. Карамзин считается одним из основателей русской исторической прозы и одним из ключевых фигур русского Просвещения. Его деятельность в качестве редактора «Московского журнала» помогла модернизировать русскую литературу и сделать её более доступной и понятной для широкой аудитории [2].

- Литературно-художественная направленность: Карамзин Н.М. был новатором. В отличие от предшествующих журналов, занимавшихся в основном переводом иностранных текстов, Карамзин делал акцент на публикации оригинальных произведений русских авторов. Здесь печатались его собственные повести («Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь»), стихи, критические статьи и переводы. Карамзин сосредоточился на создании и продвижении оригинальной русской литературы.

- В журнале публиковались собственные произведения Карамзина Н.М., среди которых особенно известны его повести:

- «Бедная Лиза» — трогательная повесть, которая стала классикой русской сентиментальной литературы и оказала большое влияние на развитие жанра.

- «Наталья, боярская дочь» — историческая повесть, показывающая интерес Карамзина к русской истории и национальной культуре.

- Помимо прозы, в журнале печатались стихи, критические статьи, которые способствовали развитию литературной критики в России.

- Карамзин также публиковал переводы, но они были тщательно отобраны и адаптированы, чтобы гармонично вписываться в русскую культурную среду и способствовать развитию национального литературного языка.

Такой подход Карамзина помог сформировать новую традицию в русской литературе — акцент на национальном творчестве, что стало фундаментом для последующего расцвета русской литературы в XIX веке [3].

- Культивирование сентиментализма: Журнал отражал эстетические принципы сентиментализма, акцентируя внимание на чувствах, переживаниях, моральных ценностях. Статьи отличались эмоциональностью, лиризмом, вниманием к внутреннему миру человека.

Сентиментализм — это литературное и эстетическое направление, которое возникло в Европе в XVIII веке и акцентировало внимание на чувствах, эмоциях, внутреннем мире человека, а также на моральных и этических ценностях. Оно противопоставлялось рационализму и прославляло искренность, доброту, сострадание.

В журнале Карамзина Н.М. эти принципы находили яркое отражение: Произведения и статьи были наполнены эмоциональностью и лиризмом.

Особое внимание уделялось описанию чувств и переживаний героев, их внутренним конфликтам и моральным дилеммам.

Карамзин Н.М. стремился показать человеческую душу в её тончайших оттенках, что было новшеством для русской литературы того времени.

В его повестях, например, в «Бедной Лизе», подчёркивалась сила искренних чувств и трагизм судьбы простых людей, что вызывало у читателей глубокое сопереживание [4].

Кроме художественных произведений, и критические статьи в журнале носили сентиментальный характер — они призывали к милосердию, нравственности и гуманизму.

Таким образом, «Московский журнал» стал не просто литературным изданием, а площадкой для формирования новой эстетики, которая впоследствии оказала сильное влияние на развитие русской литературы и культуры в целом.

Карамзин Н.М. активно работал над совершенствованием русского литературного языка. Он стремился к простоте, ясности, избегая архаизмов и иностранных заимствований. Именно в «Московском журнале» он внедрил свой «новый слог», повлиявший на формирование литературного языка XIX века. В конце XVIII века русский язык находился в стадии формирования как литературного. Он был насыщен архаизмами, сложными конструкциями и большим числом иностранных слов, что затрудняло восприятие и делало тексты тяжёлыми для широкой аудитории.

Карамзин Н.М. стремился к простоте и ясности в языке. Его цель — сделать литературу доступной и понятной, сохранив при этом выразительность и богатство языка:

- В «Московском журнале» он активно внедрил свой «новый слог», который отличался:

- Умеренным использованием иностранных слов (преимущественно из французского и немецкого, но только тех, что были необходимы и понятны).

- Избеганием устаревших и тяжеловесных архаизмов.

- Предпочтением живой и естественной речи, приближённой к разговорной, но при этом изящной и литературной.

- Использованием простых, но выразительных синтаксических конструкций.

- Этот «новый язык» Карамзина стал фундаментом для развития русского литературного языка XIX века, оказав влияние на таких классиков, как Пушкин, Гоголь, Лермонтов и многих других.

- Благодаря его трудам русский литературный язык стал более гибким, эмоционально насыщенным и пригодным для выражения как высокой поэзии, так и прозы.

В журнале чувствовалась авторская индивидуальность. Карамзина Н.М., он не скрывал своих симпатий и антипатий, высказывал свое мнение по различным вопросам, создавая доверительную атмосферу с читателями. Он обращался к читателю как к равному собеседнику. В эпоху, когда большинство журналов и изданий носили довольно формальный, безличный характер, Карамзин ввёл новый стиль общения с аудиторией — более открытый, доверительный и личностный. В своих статьях и заметках он не просто излагал факты или идеи, а выражал свои личные чувства, симпа-

тии и антипатии, что делало тексты живыми и искренними. Такой подход создавал у читателя ощущение беседы с другом или равным собеседником, а не с безличным авторитетом. Это способствовало более глубокому вовлечению читателей в обсуждаемые темы. Карамзин часто обращался непосредственно к читателю, задавал вопросы, приглашал к размышлениям, что усиливало эффект диалога. Этот личностный стиль стал одним из ключевых факторов популярности журнала и его влияния на развитие русской журналистики и литературы [5].

Благодаря этому подходу Карамзин Н.М. не только доносил информацию, но и формировал у читателей определённые моральные и эстетические ориентиры, что было особенно важно в эпоху Просвещения.

«Московский журнал» пользовался большим успехом у читающей публики, во многом благодаря таланту Карамзина и его умению чувствовать настроения общества. Он задал новый стандарт для русских литературных журналов. Популярность «Московского журнала» во многом объяснялась именно личностью Карамзина — его литературным талантом, умением глубоко понимать и отражать настроения и запросы общества того времени. Карамзин был не просто редактором, а активным творцом содержания, который умело сочетал просветительские идеи с художественной выразительностью и эмоциональностью, что делало журнал интересным и доступным для широкой аудитории.

Журнал стал первым, кто ввёл в русскую журналистику и литературу новый стандарт — сочетание высокого художественного качества с актуальностью и живым языком. Благодаря этому «Московский журнал» стал образцом для последующих литературных изданий, оказав серьёзное влияние на развитие русской периодики в XIX веке. Популярность журнала также объясняется тем, что он отвечал запросам общества — в эпоху Просвещения и реформ люди стремились к новым знаниям, нравственным ориентиром и актуальной литературе, что Карамзин и предоставлял [6].

В итоге «Московский журнал» стал не просто изданием, а культурным феноменом, который помог сформировать читательскую аудиторию и литературную традицию.

Вклад Карамзина в русскую журналистику:

Создание литературного журнала нового типа: «Московский журнал» стал образцом для последующих журналов, ориентированных на оригинальную русскую литературу и образованного читателя. «Московский журнал» Карамзина стал первым в России изданием, которое системно ориентировалось на публикацию оригинальных произведений русских авторов, а не на переводы иностранных текстов, как это было раньше. Это означало важный поворот в развитии национальной литературы и журналистики.

Журнал создавался для образованного и культурного читателя, кото-

рый интересовался не только новостями, но и литературой, критикой, морально-этическими вопросами. Таким образом, Карамзин заложил основу для формирования интеллигентной аудитории в России.

Он внедрил в журнал новый стиль и формат, сочетая художественную литературу, критические статьи, публицистику и переводы, что сделало издание многогранным и привлекательным.

Благодаря «Московскому журналу» в русской журналистике появился образец издания, которое могло быть одновременно и просветительским, и художественным, и нравственным, что стало стандартом для многих последующих литературных журналов XIX века (например, «Вестник Европы», «Современник»).

Этот вклад Карамзина оказал долговременное влияние на развитие русской культуры, так как именно через такие журналы формировалась общественная мысль, литературные вкусы и национальное самосознание.

Формирование литературного языка: Карамзин внес огромный вклад в развитие и совершенствование русского литературного языка, сделав его более простым, ясным и выразительным. В XVIII веке русский литературный язык был ещё сложным, перегруженным архаизмами и иностранными заимствованиями, что затрудняло понимание текстов для широкой аудитории.

Карамзин Н.М. стремился сделать язык более простым, ясным и выразительным, чтобы литература и журналистика стали доступны не только узкому кругу образованных людей, но и более широкой публике.

В «Московском журнале» он внедрил так называемый «новый слог», который отличался:

- Лёгкостью и естественностью речи.
- Умеренным использованием иностранных слов, только там, где это действительно необходимо.
- Избеганием тяжеловесных и устаревших выражений.
- Акцентом на эмоциональную выразительность и точность.

Благодаря этому подходу Карамзин заложил основы современного литературного языка, который в XIX веке использовали такие классики, как Пушкин, Гоголь, Лермонтов.

Его вклад позволил русской журналистике и литературе стать более динамичными и живыми, что способствовало формированию национальной культурной идентичности.

Критические статьи Карамзина Н.М. стимулировали развитие литературной критики в России.

В эпоху Карамзина литературная критика в России только начинала формироваться как самостоятельная область. Ранее критические размышления были разрозненными и не имели системного характера.

Карамзин в «Московском журнале» публиковал критические статьи, в которых анализировал литературные произведения, стили, художественные приемы, а также обсуждал вопросы морали и эстетики [7].

Его критика отличалась глубиной, ясностью и доступностью — он не просто выражал мнение, а старался объяснить причины своих оценок, что способствовало развитию у читателей навыков анализа и понимания литературы.

Таким образом, Карамзин стимулировал формирование литературной критики как важной части журналистики, способствовал появлению критиков и развитию критического мышления среди читателей.

Его подход к критике был тесно связан с просветительскими идеалами — он видел в литературе средство нравственного и культурного воспитания общества.

В дальнейшем литературная критика стала неотъемлемой частью русской журналистики, а Карамзин Н.М. считается одним из её основоположников.

Благодаря «Московскому журналу» русские писатели и поэты получили возможность публиковать свои произведения и находить свою аудиторию. До появления «Московского журнала» в России не было изданий, которые системно поддерживали бы оригинальных русских авторов. Большая часть публикаций была либо переводами, либо эпизодическими произведениями [8].

«Московский журнал» стал площадкой, где русские писатели и поэты могли регулярно публиковать свои произведения — повести, стихи, статьи. Это дало возможность авторам не только заявить о себе, но и найти свою читательскую аудиторию.

Благодаря такому изданию формировалось литературное сообщество, которое объединяло авторов, критиков и читателей вокруг общих культурных и нравственных ценностей.

Карамзин, как главный редактор, поддерживал молодых и талантливых авторов, стимулировал развитие национальной литературы и способствовал становлению русской литературной традиции.

Таким образом, «Московский журнал» сыграл роль моста между писателями и читателями, способствуя росту интереса к русской литературе и укреплению её позиций в культурной жизни страны.

В дальнейшем этот опыт лег в основу работы многих литературных журналов XIX века, которые продолжали развитие русской литературы и журналистики [9].

Журнал способствовал повышению общего уровня культуры и образованности в российском обществе. Благодаря «Московскому журналу», который издавал Карамзин, в российском обществе значительно вырос интерес к литературе и просвещению. Журнал предлагал не только худо-

жественные произведения, но и статьи на актуальные культурные, исторические и нравственные темы.

Издание было рассчитано на широкий круг читателей, включая образованную публику и тех, кто только начинал свой путь в мир знаний. Это способствовало формированию привычки регулярного чтения и повышению общего уровня образованности.

Карамзин Н.М. умело сочетал в журнале доступный язык и глубокое содержание, что делало материалы привлекательными и понятными, даже если читатель не был профессиональным литератором или учёным [10].

В результате «Московский журнал» стал одним из важных факторов культурного подъёма и распространения просветительских идей в России конца XVIII — начала XIX века.

Этот вклад способствовал формированию читательской аудитории, которая впоследствии стала основой для развития российской литературы и журналистики в XIX веке.

После «Московского журнала» Карамзин участвовал в создании и редактировании других периодических изданий, таких как «Вестник Европы». Карамзин был одним из ключевых редакторов «Вестника Европы» и активно публиковал в нем статьи, посвящённые литературе, истории, общественным и политическим вопросам. Его тексты отличались высоким уровнем аналитики, эстетики и просветительской направленности. Карамзин стремился донести до читателей важные идеи, способствовал формированию культурного и нравственного сознания общества. Благодаря его вкладу «Вестник Европы» стал одним из ведущих литературно-политических изданий России начала XIX века, оказав значительное влияние на развитие русской журналистики и общественной мысли [11].

В «Вестнике Европы» Карамзин Н.М. писал критические статьи, в которых анализировал произведения как русских, так и зарубежных авторов. Он способствовал формированию литературного вкуса и поддерживал развитие национальной литературы. Его работы способствовали формированию литературного вкуса общества и поддерживали развитие национальной литературы, помогая читателям лучше понимать художественные ценности и тенденции того времени. Таким образом, «Вестник Европы» стал важной платформой для обсуждения литературных новаций и укрепления культурной идентичности России.

Заключение

В своих публикациях Карамзин Н.М. продолжал развивать идеи просвещения, гуманизма и морали. Он старался донести до читателей важность нравственного воспитания и культурного развития общества. В своих публикациях он уделял большое внимание нравственному воспитанию и культурному развитию общества, стремясь сделать эти ценности по-

нятыми и доступными широкой аудитории. Его работы способствовали формированию общественного сознания, подчеркивая важность образования и духовного роста для прогресса страны. Таким образом, Карамзин использовал журналистику как инструмент для распространения просветительских идей и укрепления нравственных основ в обществе. -Исторические очерки и публицистика. Помимо литературных статей, Карамзин публиковал исторические очерки и материалы, направленные на формирование национального самосознания и патриотизма. Его статьи отличались ясностью изложения и эмоциональной насыщенностью.

Работа Карамзина Н.М. в «Вестнике Европы» укрепила его репутацию как одного из ведущих журналистов и публицистов своего времени. Его стиль и подходы стали эталоном для многих последующих изданий. Его вклад способствовал формированию новых стандартов в журналистике и укреплению роли прессы как важного общественного института. Таким образом, деятельность Карамзина Н.М. в «Вестнике Европы» стала важным этапом в развитии русской журналистики, сочетая в себе просветительскую миссию и высокий литературный уровень. Его работы не только способствовали популяризации русской литературы и укреплению национального самосознания, но и задавали стандарты качества для последующих поколений журналистов и публицистов.

Библиографический список

1. Карамзин Н.М. Императорский Московский университет: 1755-1917: энциклопедический словарь / составители А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 302-304.
2. Манойленко Ю.Е., Манойленко А.С. Военный род Карамзиных // Военно-исторический журнал. 2016. № 11. С. 59-62.
3. Свердлов М.Б. История России в трудах Н.М. Карамзина. – СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
4. Сербинович К.С. Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича Архивная копия от 3 ноября 2011 на Wayback Machine // Русская старина, 1874. Т. 11. № 9. С. 44-75.
5. Серман И.З. Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина // Архивная копия от 23 августа 2011 на Wayback Machine. // XVIII век. – СПб., 2004. Сб. 23. С. 194-210.
6. Смирнов А.Ф. Книга-монография «Николай Михайлович Карамзин», «Российская газета, 2006».
7. Смирнов А.Ф. вступительная Архивная копия от 8 сентября 2009 на Wayback Machine и заключительная Архивная копия от 9 сентября 2009 на Wayback Machine статьи в издании 4-х томника Н.М. Карамзина «История государства Российского». 1989.
8. Сухов А.Д. Философствующий Н.М. Карамзин // Философия и культура. 2014. № 5.
9. Эйдельман Н.Я. Последний летописец. – М.: «Книга», 1983. 176 с.
10. Холмогоров Е.С. Конституция старого народа. Историко-политическая концепция Карамзина Архивная копия от 13 августа 2021 на Wayback Machine // Тетради по консерватизму. 2016. № 4.
11. История русской литературы: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Редкол.: Н.И. Пруцков (гл. ред.), А.С. Бушмин, Е.Н. Куприянова, Д.С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, К.Д. Муратова. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980-1983.

12. Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШООС // Альманах Казачество. 2021. № 51. С. 52-70.
13. Сербинович К.С. Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича Архивная копия от 3 ноября 2011 на Wayback Machine // Русская старина, 1874. Т. 11. № 10. С. 236-272.

References

1. Karamzin N.M. Imperial Moscow University: 1755-1917: encyclopedic dictionary / compiled by A.Yu. Andreev, D.A. Tsygankov. – M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. P. 302-304.
2. Manoilenko Yu.E., Manoilenko A.S. Military family of the Karamzins // Military Historical Journal. 2016. № 11. P. 59-62.
3. Sverdlov M.B. History of Russia in the works of N.M. Karamzin. – St. Petersburg: Nestor-History, 2018. 368 p.
4. Serbinovich K.S. Nikolai Mikhailovich Karamzin. Memories of K. S. Serbinovich Archive copy from November 3, 2011, on the Wayback Machine // Russkaya Starina, 1874. Vol. 11. № 9. P. 44-75.
5. Serman I. Z. Where and When N. M. Karamzin's "Letters of a Russian Traveler" Were Created // Archive copy from August 23, 2011, on the Wayback Machine. // 18th Century. – St. Petersburg, 2004. Collection. 23. P. 194-210.
6. Smirnov A.F. The Monograph "Nikolai Mikhailovich Karamzin", "Rossiyskaya Gazeta", 2006.
7. Smirnov, A.F. Introductory Archive copy from September 8, 2009, on the Wayback Machine and final Archive copy from September 9, 2009, on the Wayback Machine articles in the 4-volume edition of N. M. Karamzin's "History of the Russian State." 1989.
8. Sukhov A.D. "The Philosophizing N. M. Karamzin" // Philosophy and Culture. 2014. № 5.
9. Eidelman N.Ya. "The Last Chronicler." – Moscow: "Kniga," 1983. 176 p.
10. Kholmogorov, E. S. "Constitution of the Old People. Karamzin's Historical and Political Concept" Archive copy from August 13, 2021, on the Wayback Machine // Notebooks on Conservatism. 2016, № 4.
11. History of Russian Literature: in 4 volumes / USSR Academy of Sciences. Institute rus. lit. (Pushkin. House); Editorial team: N.I. Prutskov (chief editor), A.S. Bushmin, E.N. Kupriyanova, D.S. Likhachev, G.P. Makogonenko, K.D. Muratova. – L.: Science. Leningr. department, 1980-1983.
12. Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // Almanac Cossacks. 2021. № 51. P. 52-70.
13. Serbinovich K.S. Nikolai Mikhailovich Karamzin. Memories of K.S. Serbinovich Archived November 3, 2011, at the Wayback Machine // Russkaya Starina, 1874. Vol. 11. № 10. P. 236-272.

Ли Цзинъюань

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Сравнительное исследование законодательного статуса гидрологической экологии в Китае и России*

Аннотация. Данная работа нацелена дать рекомендации по совершенствованию гидроэкологического законодательства Китая путем углубленного сравнения гидроэкологической законодательной ситуации в Китае и России. В исследовании используется метод изучения литературы для системного изучения контекста развития гидроэкологического законодательства в Китае и России, а также анализируются характеристики и предпосылки законодательства в разные периоды, стартуя с начальной стадии развития и заканчивая стадией совершенствования.

В то же время, метод сравнительного анализа используется для тщательного сопоставления законодательных положений двух стран в области охраны водных ресурсов, предотвращения и контроля загрязнения воды, восстановления водной экологии и т.д., и для выявления различий и общих черт. В дополнение, с помощью анализа конкретных случаев анализируются последствия применения законодательства двух стран в правоприменительной и судебной практике, а также обсуждаются политические, экономические и культурные причины различий.

В статье сделан вывод о том, что России есть чему поучиться в плане стандартов предотвращения загрязнения водных ресурсов и механизмов участия общественности в процессе контроля за состоянием водных ресурсов. Это исследование так же имеет большое значение для совершенствования гидроэкологического законодательства Китая, повышения уровня гидроэкологической защиты и развития китайско-российского сотрудничества в области гидроэкологии.

Ключевые слова: Китай и Россия, Гидроэкология, правовая обстановка, сравнительные исследования, законодательные усовершенствования.

Li Jingyuan

Lomonosov Moscow State University.

A comparative study on the legislative status of hydrological ecology in China and Russia

* © Ли Цзинъюань, 2025.

Abstract. This research aims to provide reference for improving China's hydro-ecological legislation through an in-depth comparison of the hydro-ecological legislative situations in China and Russia. The research uses the literature research method to systematically sort out the development context of hydro-ecological legislation in China and Russia, and analyzes the characteristics and background of legislation in different periods from the initial stage, development to the improvement stage. At the same time, the comparative analysis method is adopted to carefully compare the legislative provisions of the two countries in terms of water resource protection, water pollution prevention and control, water ecological restoration, etc., revealing the differences and commonalities. In addition, with the help of case analysis, the implementation effects of the legislation of the two countries in law enforcement and judicial practice are analyzed, and the political, economic and cultural reasons behind the differences in effects are discussed. The study finds that Russia has lessons to learn in terms of water pollution prevention and control standards and public participation mechanisms. This research is of great significance for improving China's hydro-ecological legislation, enhancing the level of hydro-ecological protection, and promoting China-Russia hydro-ecological cooperation.

Key word: China and Russia, Hydro – ecology, Legislative situation, Comparative study, Legislative improvement.

1. Introduction

1.1 Research Background.

Hydrological ecology, as an important component of the ecosystem, holds irreplaceable strategic significance for the ecological balance, economic development and people's lives of China and Russia. The eastern border between China and Russia is mainly composed of boundary rivers and lakes. The cooperative protection and governance of water resources have become one of the core contents of the cooperation between the two countries [1]. However, with the rapid economic development and the advancement of industrialization in both countries, the ecological environment of the Jiehe and Jiehu River basins is under tremendous pressure, and the problems of water pollution and ecological imbalance are becoming increasingly severe [2]. Against this backdrop, the significance of hydrological ecological legislation has become increasingly prominent. It not only provides a legal basis for water resource protection but also lays the foundation for cross-border water ecological environment governance. Worldwide, countries are increasingly attaching importance to hydrological ecological legislation. Many countries have addressed challenges such as water shortage and worsening water pollution by improving relevant laws and regulations. The legislative practices of China and Russia in this field not only reflect the characteristics of their respective national conditions, but also demonstrate the universal concern of the international community for hydrological ecological protection.

1.2 Research Significance.

From a theoretical perspective, this study aims to enrich the theoretical system of hydrological ecological legislation. By sorting out and comparatively an-

alyzing the legislative development trajectories of China and Russia, it explores the general laws and special paths of hydrological ecological legislation. This research not only helps to deepen the understanding of the intersection of environmental law and hydroecology, but also provides theoretical references for other countries and regions [3]. From a practical perspective, this research holds significant practical significance for improving China's hydrological ecological legislation. By comparing the legislative provisions, implementation effects and underlying reasons of China and Russia, specific improvement suggestions can be provided for China's legislation, thereby better adapting to the needs of ecological civilization construction in the new era [4]. In addition, this research will also provide policy references for promoting hydrological and ecological cooperation between China and Russia, and help the two sides carry out more in-depth cooperation in cross-border water resource management, water pollution prevention and control and other fields.

1.3 Research Methods.

This study employs a variety of research methods to ensure the scientific and comprehensive nature of the research results. Firstly, through the literature research method, systematically sort out the hydrological and ecological legislative materials of China and Russia, including legal and regulatory texts, policy documents and related academic research results, striving to comprehensively grasp the development process and current situation of legislation in the two countries [5]. Secondly, the comparative analysis method is employed to conduct a comparative analysis of the legislative provisions and implementation effects of the two countries, with a focus on the differences and commonalities in areas such as water resource protection, water pollution prevention and control, and water ecological restoration [6]. Finally, by combining the case analysis method, typical law enforcement and judicial cases are selected to deeply analyze the experiences and deficiencies of the two countries in the process of law implementation. The comprehensive application of these research methods can not only reveal the similarities and differences in hydrological ecological legislation between China and Russia, but also provide methodological inspirations for subsequent research.

2. Literature review

2.1 Theoretical basis of hydrological ecological legislation.

Hydroecology, as an interdisciplinary subject, studies the distribution, circulation of water resources and their interaction with ecosystems, providing a scientific basis for hydroecological legislation. Its core theories include the water cycle theory, the theory of ecosystem balance in river basins, and the theory of sustainable utilization of water resources, etc. [7] These theories not only reveal the crucial position of water resources in the ecosystem, but also emphasize the impact of human activities on hydroecology and the necessity of their regula-

tion. Environmental law, from a legal perspective, provides a normative framework for hydrological ecological protection. According to the basic principles of environmental law, hydrological ecological legislation should be based on the principles of prevention, polluter pays and public participation to build a complete legal system. In addition, relevant research on international environmental law has also provided important references for cross-border hydrological ecological protection, especially in the governance of the Heilongjiang River Basin, a border river between China and Russia. The applicability of international law and the legal effect of bilateral agreements have become the focus of research [8].

2.2 Research Status of Hydrological and Ecological Legislation in China and Russia.

Research by domestic and foreign scholars on hydrological and ecological legislation between China and Russia mainly focuses on aspects such as the legislative development process, comparison of provisions and contents, and analysis of implementation effects. In terms of legislative development, China has gradually established a hydrological ecological legal system with the Water Law and the Environmental Protection Law at its core since the 1980s, and has continuously improved it through multiple revisions. After the disintegration of the Soviet Union, Russia underwent a legislative transformation from state-led to market-oriented, forming a modern hydrological and ecological legal framework represented by the Water Law of the Russian Federation [9]. In terms of clause comparison, scholars have focused on the legal provisions of the two countries in areas such as water resource protection, water pollution prevention and control, and water ecological restoration, pointing out that Russia's strictness in water pollutant discharge standards and public participation mechanisms is worth learning from. However, most of the existing research remains at the surface level of comparison of the provisions, lacking an analysis of the deep-seated social, economic and cultural factors behind the legislation. In terms of implementation effects, research shows that China has achieved certain results in law enforcement and judicial practice, but there are still problems such as lax law enforcement and insufficient coordination among departments. In contrast, Russia has accumulated relatively rich experience in ecological and environmental protection and governance by strengthening public participation and cross-departmental collaboration.

2.3 Research gaps and innovation points.

Although some studies have conducted preliminary discussions on the hydrological and ecological legislation between China and Russia, there are still many deficiencies. Firstly, most of the existing literature focuses on the static comparison of legislative provisions, neglecting the influence of dynamic factors such as the political system, economic development model and cultural concepts behind the legislation. Secondly, the specific improvement suggestions for China's hydrological ecological legislation are rather general and lack perti-

nence and operability. The innovation of this study lies in systematically sorting out the development context of hydrological and ecological legislation in China and Russia, and deeply analyzing the differences in the implementation effects of legislation between the two countries and their causes through specific cases. Meanwhile, this study will also draw on Russia's successful experiences in water pollution prevention and control standards, water ecological restoration measures, and public participation mechanisms, and put forward legislative improvement suggestions that are in line with China's national conditions [10]. In addition, this study emphasizes promoting the coordinated development of China, Russia and other countries in the field of hydrological ecological legislation through strengthening international cooperation and exchanges, providing new ideas for global hydrological ecological protection.

3. The development context of hydrological ecological legislation in China

3.1 Start-up Stage.

The initial stage of hydrological ecological legislation in China can be traced back to the early days of the founding of the People's Republic of China. During this period, the laws and regulations were mainly profoundly influenced by the planned economy system. Under the background of giving priority to economic development, water resources are regarded as fundamental resources to support the country's industrialization and agricultural development. Therefore, the legislative focus is on the development and utilization of water resources rather than ecological protection. For instance, from the 1950s to the 1970s, China carried out cross-border river hydrological information exchange and flood reporting and disaster reduction cooperation with neighboring countries such as the Soviet Union and North Korea. At the same time, it gradually explored cooperation in comprehensive utilization planning of river basins and specialized fields such as hydropower generation and shipping [11]. However, due to the fact that environmental protection awareness was not yet widespread at that time, there were few explicit contents related to hydrological ecological protection in relevant laws and regulations. In addition, the legislative characteristics of this stage are also manifested in a strong administrative dominance, with most legal provisions presented in the form of policy documents, lacking systematicness and completeness. Although some regulations have made initial norms for the management and utilization of water resources, their purpose is more to meet the demands of national economic construction rather than to consider the balance of the ecosystem.

3.2 Development Stage.

With the rapid development of China's economy and the gradual improvement of environmental awareness, hydrological ecological legislation has entered a stage of development. Since the 1980s, China has begun to attach importance to water resource protection and ecological environment governance,

and has made remarkable progress at the legislative level. For instance, in 1986, China and the Soviet Union signed the “Agreement on the Management of Water Resources in Border Water Bodies between China and the Soviet Union”, marking the beginning of China’s attention to the protection of water resources in cross-border rivers at the international level [3]. After entering the 1990s, China successively introduced a series of important laws and regulations, such as the “Law on the Prevention and Control of Water Pollution” (first promulgated in 1984 and revised in 1996) and the “Law on Soil and Water Conservation” (promulgated in 1991). These laws not only expanded the scope of hydrological ecological protection but also significantly strengthened supervision [8]. In addition, on the basis of cooperation in merchant shipping, China and the countries in the Mekong River Basin initiated flood reporting cooperation in 1996 and officially established the Lancang-Mekong Cooperation mechanism in 2016, further deepening the breadth and depth of regional hydrological and ecological cooperation. The legislative characteristics of this stage are reflected in the shift from the single development and utilization of resources to comprehensive ecological protection, while also emphasizing the coordinated advancement of international cooperation and domestic legislation.

3.3. The improvement stage.

In recent years, China has achieved remarkable results in the construction of the hydrological ecological legislation system and the improvement of the departmental coordination mechanism, gradually forming a legal framework that meets the needs of ecological civilization construction in the new era. Firstly, in terms of the construction of the legislative system, China has further strengthened the systematic nature of hydrological ecological protection by revising and improving existing laws and regulations. For instance, during the two revisions of the Water Pollution Prevention and Control Law in 2008 and 2017, strict regulations on the discharge standards of water pollutants were added, and the responsibilities of local governments in water environment governance were clearly defined [2]. Secondly, in terms of departmental coordination mechanisms, China has established a multi-level cooperation system. Particularly under the framework of the Environmental Protection Cooperation Sub-committee of the Regular Meeting Committee between the Prime Ministers of China and Russia, the two countries have carried out close cooperation in core areas such as pollution prevention and control, cross-border nature reserves and biodiversity conservation [9]. In addition, China actively promotes the establishment of a public participation mechanism and encourages all sectors of society to participate in hydrological ecological protection through legislation, thereby enhancing the environmental protection awareness of the entire society. These measures not only reflect the continuous improvement of China in the field of hydrological ecological legislation, but also provide beneficial experience for global hydrological ecological protection.

4. The development context of hydrological and ecological legislation in Russia

4.1 Early Exploration.

The early exploration of hydrological and ecological legislation in Russia can be traced back to the Soviet era, during which the legislation was deeply influenced by the planned economy system and the environmental concepts of that time. Under the Soviet model, state-led resource development and protection became the core of legislation, and water resources were regarded as an important strategic resource to support the country's industrialization. Scholars such as Ge Weiya pointed out that hydrological scientific research during the Soviet era was closely related to legislative practice, especially in the fields of hydrological measurement, forecasting and analysis, providing a scientific basis for the country to formulate unified water resources management policies [7]. Meanwhile, the Soviet government established the state's ownership of water resources by promulgating a series of laws and regulations, and emphasized the centralized allocation and utilization of water resources. Although this legislative model has to some extent guaranteed the centralized management of water resources, it also has the problem of neglecting local ecological demands. Furthermore, during the Soviet era, environmental concepts did not fully recognize the significance of ecological protection. Legislation focused more on the efficiency of resource development rather than the sustainability of ecosystems. Therefore, the legislative characteristics of this stage are mainly reflected in the combination of state-led resource development and initial environmental protection measures, laying the foundation for subsequent hydrological and ecological legislation.

4.2 Development during the Transitional period.

After the disintegration of the Soviet Union, Russia entered a crucial period of economic system transformation, during which significant changes occurred in hydrological and ecological legislation. With the establishment of the market economy system, Russia began to re-examine its legislative concepts, gradually shifting from a purely state-led approach to a focus on the balance between ecological protection and economic development. Wang Aixin's research shows that the shift in legislative concepts during this period was mainly reflected in the emphasis on the mobility and basin-wide characteristics of water resources. Russia began to recognize the significance of cross-border water resource protection and actively sought cooperation mechanisms in line with international standards [1]. For instance, in 1994, China and Russia signed the "Agreement on Cooperation in the Protection, Utilization and Reproduction of Aquatic Resources in the Heilongjiang River and the Wusuli River, the Border Rivers", marking a significant step forward for Russia in the field of hydrological ecological legislation [3]. In addition, Russia actively participates in international environmental conventions, such as the United Nations Framework Convention on Climate Change and the Convention on Biological Diversity, and incorporates

them into its domestic legislative system to enhance the internationalization level of legislation. However, the transitional period also faces many challenges, including insufficient coordination among departments during the implementation of legislation and low public participation. These problems have to some extent restricted the effectiveness of hydrological ecological legislation, but they have also provided experiences and lessons for subsequent improvement.

4.3 Since the beginning of the 21st century

Russia has gradually established a relatively complete hydrological and ecological legislative system, which is mainly characterized by giving priority to ecological protection, strengthening the public participation mechanism, and systematically integrating laws and regulations. According to existing research, the current hydrological and ecological legislative system in Russia is centered on the "Water Law of the Russian Federation", supplemented by multiple specialized regulations such as the "Environmental Protection Law" and the "Law on the Utilization and Protection of Water Resources", forming a comprehensive legal framework covering water resource protection, pollution prevention and control, and ecological restoration [9]. In terms of prioritizing ecological protection, Russian legislation clearly sets maintaining the health of ecosystems as the primary goal, especially in the protection of transboundary rivers, emphasizing the organic integration of international cooperation and domestic measures. For instance, after the Songhua River water pollution incident in 2005, China and Russia further strengthened their cooperation in jointly monitoring the water quality of boundary rivers. This practice not only enhanced the implementation effect of Russia's hydrological and ecological legislation but also provided valuable experience for global cross-border water resource protection [2]. In addition, Russia has introduced a public participation mechanism in its legislation, encouraging all sectors of society to actively engage in hydrological ecological protection. For instance, the Environmental Protection Law of the Russian Federation clearly stipulates that the public has the right to participate in environmental decision-making and supervision. This measure has effectively enhanced the public's environmental awareness and participation. Overall, the mature stage of Russia's hydrological and ecological legislation is characterized by prioritizing ecological protection, deepening international cooperation, and expanding public participation, providing a solid legal guarantee for its hydrological and ecological governance.

5. A comparison of the legislative provisions on hydrological Ecology between China and Russia

5.1 Comparison of Water Resources Protection Legislation.

Both China and Russia have established relatively systematic legal frameworks for water resource protection legislation, but there are significant differences in specific provisions such as water resource ownership, restrictions

on development and utilization, and conservation measures. In terms of water resource ownership, China's Water Law clearly stipulates that water resources belong to the state, emphasizing the unified management of water resources by the state. In contrast, Russia regards water resources as public property through the Federal Water Code and grants local governments certain management authorities. This difference reflects the different concepts of resource management models between China and Russia. In terms of restrictions on development and utilization, Chinese legislation focuses on regulating the use of water resources through total quantity control and water withdrawal permit systems, while Russia places more emphasis on the principle of ecological protection priority and clearly stipulates strict ecological flow guarantee mechanisms in its laws. In addition, in terms of water resource conservation, China's legislation places greater emphasis on enhancing the efficiency of water use in agriculture and industry, while Russia has further strengthened the protection of natural water bodies by establishing dedicated water resource protection zones. Overall, Russia has demonstrated higher strictness and a broader scope of application in its legislation for water resource protection, especially in the field of ecological protection, where the legal provisions are more detailed.

5.2 Comparison of Water Pollution Prevention and Control Legislation.

The differences between China and Russia in water pollution prevention and control legislation mainly lie in pollutant discharge standards, prevention and control measures, as well as accountability mechanisms. The Federal Environmental Protection Law and the Federal Water Code of Russia have set relatively strict limits on the discharge standards of water pollutants, especially in terms of heavy metals and organic pollutants. Their standards are significantly stricter than the current Surface Water Environmental Quality Standards of China. In contrast, although China's emission standards have gradually become stricter in recent years, there is still room for leniency in certain specific pollutants. In terms of prevention and control measures, Russia emphasizes the combination of source control and end-of-pipe treatment, and achieves dynamic supervision by establishing a cross-regional water quality monitoring network, while China relies more on administrative means to promote the implementation of pollution control projects [13]. In terms of the accountability mechanism, Russian law stipulates more severe penalty measures, including heavy fines and criminal liability, while China's legal liability system is relatively mild, and the problem of insufficient law enforcement still exists. Russia's strict pollution control standards provide important references for our country, especially in the protection of water quality in cross-border rivers. The two countries need to enhance coordination to deal with potential conflicts.

5.3 Comparison of Legislation for Water Ecological Restoration.

The differences between China and Russia in water ecological restoration legislation are mainly reflected in aspects such as restoration goals, restoration

measures and financial investment. The Federal Water Code of Russia clearly sets out the restoration goal centered on restoring the natural functions of water bodies and emphasizes the enhancement of the self-repairing capacity of water ecosystems through ecological engineering technology means. In contrast, China's legislation focuses more on addressing specific pollution issues, such as the treatment of black and odorous water bodies and the restoration of wetlands, but lacks systematic ecological restoration target setting. In terms of restoration measures, Russia emphasizes the comprehensive application of legal, economic and technological means, and supports the implementation of ecological restoration projects by setting up special funds, while China relies more on government financial input and has a relatively low participation of social capital [9]. Furthermore, Russia has particularly emphasized the significance of public participation in its legislation, encouraging all sectors of society to jointly engage in water ecological restoration work. In contrast, China's public participation mechanism is still in its initial stage of development. Overall, Russia has demonstrated more advanced concepts and a more complete practical operation system in water ecological restoration legislation, which is worthy of further learning and reference by China.

6. A Comparison of the Construction of Hydrological and Ecological Legislative Systems between China and Russia

6.1 Comparison of Legal Hierarchy.

There are significant differences in the legal status of the hydrological and ecological legislative systems between China and Russia, and this difference directly affects the implementation effect of the legislation in the two countries. In China, the laws and regulations related to hydrological ecology mainly take the laws formulated by the National People's Congress and its Standing Committee as the core, supplemented by administrative regulations, departmental rules and local regulations promulgated by The State Council. For instance, laws such as the "Water Law of the People's Republic of China" and the "Environmental Protection Law of the People's Republic of China" are at a relatively high level and have strong binding force and universal applicability. Local regulations and departmental rules, on the other hand, are more targeted at specific regions or specific issues, offering higher flexibility but relatively lower authority. In contrast, Russia's hydrological and ecological legislative system exhibits a more decentralized feature, with a stronger coordination between federal laws and local legislation. Laws at the Russian Federation level, such as the "Water Code of the Russian Federation" and the "Environmental Protection Law of the Russian Federation", have established the basic principles and framework. Meanwhile, each federal subject can formulate supplementary regulations based on its own actual situation, which makes legislation more adaptive and targeted [3]. The impact of laws at different levels on the implementation effect is mainly reflected

in the enforcement intensity and regional differences. China's centralized legislative model helps to unify standards, but it may seem rigid when dealing with local particularities. Although Russia's decentralized legislative model can better meet local demands, it may also lead to legal conflicts between the federal and local governments, thereby weakening the overall enforcement efficiency.

6.2 Comparison of Departmental Coordination Mechanisms.

There are obvious differences between China and Russia in the establishment of hydrological and ecological management departments and the coordination and cooperation mechanisms between departments. These differences reflect the distinct characteristics of the governance systems of the two countries. In China, hydrological ecological management involves multiple departments, including the Ministry of Ecology and Environment, the Ministry of Water Resources, the Ministry of Agriculture and Rural Affairs, etc. The responsibilities of each department are clearly divided, but there are many overlapping fields, which can easily lead to overlapping functions or shirking of responsibilities. To enhance the efficiency of departmental collaboration, China has made improvements in recent years by establishing cross-departmental coordination mechanisms, such as setting up the Environmental Protection Cooperation Sub-committee of the Regular Meeting Committee between the Prime Ministers of China and Russia, to promote cooperation between the two sides in areas such as pollution prevention and control and emergency liaison for environmental disasters. However, in actual operation, there are still problems such as insufficient information sharing and complex decision-making processes. In contrast, Russia has adopted a more centralized model in hydrological and ecological management. The Federal Ministry of Natural Resources and Ecology is responsible for the overall coordination of related work and, together with other federal agencies, forms a special committee to handle cross-border affairs. In addition, Russia also attaches great importance to introducing market mechanisms and technological means to enhance the synergy among departments. For instance, in the prevention and control of cross-border water pollution in the Heilongjiang River Basin, Russia has enhanced management efficiency by establishing a multi-level cooperation mechanism and incorporating local governments, enterprises and social organizations into the governance system. Overall, Russia's departmental coordination mechanism has demonstrated certain advantages in integrating resources and enhancing execution capabilities. However, China has gradually narrowed the gap by continuously improving its cross-departmental collaboration mechanism.

6.3. Comparison of Public Participation Mechanisms

There are certain differences in the regulations on public participation in hydrological and ecological legislation between China and Russia. The public participation mechanism in Russia is particularly mature and has significant reference value for China. In China, although laws and regulations such as the En-

Environmental Protection Law of the People's Republic of China clearly stipulate the public's right to participate in environmental protection, in specific practice, public participation is often limited to the stage of information disclosure and opinion collection, lacking opportunities for in-depth participation. For instance, in water resource protection and water pollution prevention and control projects, the public usually can only express their opinions through hearings or questionnaires, and the impact of these opinions on the final decision-making is limited [3]. In contrast, Russia places greater emphasis on diversity and substance in the design of its public participation mechanism. According to the Environmental Protection Law of the Russian Federation, the public not only has the right to obtain environmental information, but also can directly participate in the entire process of environmental impact assessment, policy-making and project supervision. In addition, Russia has established non-governmental organizations such as the Ecological Council, providing the public with a broader platform for participation [9]. This mechanism not only raises the public's environmental awareness, but also enhances the transparency and credibility of legislative implementation. For China, Russia's experience shows that establishing and improving the public participation mechanism requires efforts from multiple aspects such as legal guarantee, institutional design and practical operation, in order to truly achieve effective interaction between the public and the government and thereby promote the sustainable development of hydrological ecological protection.

7. Analysis of the Implementation Effects of Hydrological and Ecological Legislation in China and Russia

7.1 The Implementation Effect of Chinese Legislation.

China has achieved certain results in the implementation of hydrological ecological legislation, especially in the improvement of water quality in some river basins and the punishment of illegal acts. In recent years, with the continuous improvement of laws and regulations such as the Water Pollution Prevention and Control Law, China has gradually established a joint monitoring mechanism in the protection of cross-border rivers. For instance, the cooperation in water quality monitoring of the Heilongjiang River, a border river between China and Russia, has achieved remarkable results [2]. Furthermore, in response to major water pollution incidents, such as the major water pollution incident in the Songhua River in 2005, the Chinese government has strengthened emergency management of water pollution and strictly pursued illegal acts through judicial means, demonstrating the deterrent effect of legislation in practice [8]. However, there are still many problems in hydrological ecological law enforcement and judicial practice in China. On the one hand, the phenomenon of lax law enforcement is quite common, especially when the contradiction between local economic development and ecological protection is prominent. Some lo-

cal governments tend to relax environmental supervision to ensure economic growth. On the other hand, the low judicial efficiency also restricts the effective implementation of the law. For instance, problems such as the long trial period of environmental litigation cases and insufficient enforcement are not uncommon. These issues reflect the deep-seated challenges China faces in the implementation of legislation, including poor interdepartmental coordination and insufficient public participation, etc. [2]

7.2 The Implementation effect of Russian Legislation.

Russia has demonstrated remarkable achievements in the implementation of hydrological ecological legislation, particularly in ecological environment protection and the enhancement of public environmental awareness. As one of the significant achievements of the economic system transformation after the disintegration of the Soviet Union, Russia gradually established a legal system oriented towards giving priority to ecological protection, which has been effectively implemented in practice [1]. For instance, in the protection of transboundary rivers, Russia has established multiple transboundary nature reserves through cooperation with international organizations and other countries, such as six pairs of transboundary nature reserves including Xingkai Lake and Hankaski. These measures have significantly improved the ecological environment of the adjacent areas between the two countries [3]. In addition, the Russian government has also raised the public's environmental awareness through extensive publicity and education activities, making all sectors of society pay more attention to the importance of hydrological ecological protection. However, Russia also faces some challenges in the implementation process, such as the balance between economic recovery and ecological protection. Although Russia emphasizes the priority of ecological protection at the legal level, in actual implementation, some highly polluting industries have not been effectively rectified, which to some extent weakens the effect of legislation [3].

7.3. Reasons for the differences in implementation effects.

The differences in the implementation effects of hydrological and ecological legislation between China and Russia can be analyzed from multiple aspects such as political systems, economic development models and cultural concepts. Firstly, in terms of the political system, China's centralized model makes the implementation of legislation highly unified, but it is prone to policy implementation deviations at the local level. In contrast, Russia's federal system grants local governments greater autonomy, which to some extent affects the consistency of legislative implementation [6]. Secondly, in terms of economic development models, China has long aimed mainly at high-speed economic growth, which has led to some regions finding it difficult to balance environmental protection and economic development. In contrast, after the disintegration of the Soviet Union, Russia underwent economic structural adjustment and gradually incorporated ecological protection into its national development strategy, thus

placing greater emphasis on ecological priority in the implementation of legislation [9]. Finally, in terms of cultural concepts, the idea that “man can conquer nature” in traditional Chinese culture has to some extent influenced the public’s perception of ecological protection, while Russia, influenced by Orthodox culture, is more inclined to respect nature and coexist harmoniously with it. This cultural difference also reflects to some extent the different manifestations of the implementation effects of legislation in the two countries [6]. In conclusion, the differences in the implementation effects of hydrological and ecological legislation between China and Russia are the result of the combined effect of multiple factors and need to be analyzed and resolved from multiple aspects.

8. Suggestions for Improving Hydrological Ecological Legislation in China

8.1 Draw on the beneficial experience of Russia.

The successful experience of Russia in the field of hydrological and ecological legislation provides important references for China. First of all, in terms of water pollution prevention and control standards, Russia’s strict limits and technical requirements are worth learning from. For instance, Russia has a more comprehensive classification of items and specific evaluation indicators for the water quality standards of domestic drinking water, and its limit values are also slightly stricter than those of Chinese standards [10]. Such strict standards not only help improve the quality of water environment, but also promote cooperation between the two countries in the development of cross-border rivers. Secondly, in terms of water ecological restoration measures, Russia attaches great importance to the concept of giving priority to ecological protection and emphasizes the sustainable restoration of ecosystems through scientific planning and public participation [12]. This concept can be applied to the practice of river basin governance in China, especially in the ecological restoration of cross-border rivers such as the Heilongjiang River. In addition, Russia’s mature practices in public participation mechanisms are also worth learning from. By establishing a sound legal framework, Russia encourages public participation in hydrological ecological protection, enhancing society’s sense of responsibility and enthusiasm for environmental protection [3]. Therefore, China can, in light of its own actual conditions, appropriately introduce similar public participation mechanisms to enhance the implementation effect of hydrological ecological legislation.

8.2 Improve legislation in light of China’s national conditions.

While drawing on international experience, China also needs to further improve its hydrological ecological legislation in accordance with its own national conditions. First of all, legislation on water resource protection should be optimized to fully take into account the balance between economic development needs and ecological protection. At present, China is in a period of rapid social and economic development, with the demand for water resources constantly expanding. However, it is also facing severe ecological pressure

[2]. Therefore, when formulating laws for water resource protection, flexibility and adaptability should be emphasized. It is necessary to not only meet the demands of social and economic development but also ensure the sustainable utilization of water resources. Secondly, improving the departmental coordination mechanism is the key to enhancing the efficiency of legislative implementation. Hydrological ecological management in China involves multiple departments, but due to the lack of a unified coordination mechanism, it often leads to low law enforcement efficiency [8]. To this end, we can draw on Russia's experience and establish a dedicated joint command and coordination agency for cross-border rivers to be responsible for coordinating the work of all departments and ensuring the effective implementation of policies. Finally, in view of the significant regional differences, China should reflect the principle of regionalized management in its legislation. For instance, in the arid regions of northwest China and the humid regions of Southeast China, management measures suitable for local hydrological conditions should be formulated respectively to enhance the pertinence and operability of laws.

8.3 Strengthen international cooperation and exchanges.

Strengthening international cooperation and exchanges is an important way to enhance the level of hydrological and ecological legislation in China. First of all, as neighboring countries, China and Russia share extensive common interests in the field of hydrology and ecology and should further deepen bilateral cooperation. For instance, by signing legally binding bilateral agreements, the rights and responsibilities of both parties in the development and utilization of cross-border rivers can be clearly defined, thereby reducing conflicts caused by standard differences [10]. Secondly, China should also actively participate in global hydrological ecological governance, share its experience with other countries and learn advanced technologies and management models. For instance, we can draw on the successful cases of cross-border river cooperation between Kazakhstan and China, and establish a long-term cooperation mechanism by signing cooperation agreements [8]. In addition, the ecological cooperation platforms under the framework of international organizations such as the Shanghai Cooperation Organization and BRICS have also provided excellent communication opportunities for China, Russia and other countries. Through these platforms, countries can jointly explore the latest development trends of hydrological ecological legislation and promote the progress of global hydrological ecological protection [3]. In conclusion, strengthening international cooperation will not only enhance China's legislative level but also contribute to global hydrological and ecological security.

The development trajectories of China and Russia in the field of hydrological and ecological legislation show significant similarities and differences. These differences not only reflect the differences between the two countries in terms of resource utilization and ecological protection concepts, but also demon-

strate the profound influence of their respective political, economic and social backgrounds on the legislative process. From the perspective of development, China's hydrological ecological legislation has undergone a multi-stage evolution from focusing on water resource development under the planned economy system to emphasizing ecological protection under the market economy conditions, gradually forming a legal system centered on the "Water Pollution Prevention and Control Law" and the "Water Resources Protection Law" [2]. After the disintegration of the Soviet Union, Russia underwent a significant transformation in its legislative philosophy, shifting from the early state-led resource management model to a modern legislative framework that places greater emphasis on ecological protection priority and public participation [1]. This transformation has enabled Russia to demonstrate strong systematicness and coordination in the implementation of legislation, especially in terms of cross-departmental cooperation mechanisms and public participation, where it has obvious advantages.

In terms of the comparison of the content of the articles, there are significant differences in the legal provisions of China and Russia in areas such as water resource protection, water pollution prevention and control, and water ecological restoration. For instance, in the legislation for water resource protection, Russia has demonstrated its high concern for the sustainable utilization of water resources by clearly defining the division of ownership and imposing strict restrictions on exploitation. China, on the other hand, focuses more on enhancing the efficiency of water resource utilization through policy guidance and technological means. In addition, in terms of water pollution prevention and control legislation, Russia has established stricter pollutant discharge standards and a relatively complete accountability mechanism, which provides important reference significance for China [9]. However, in the field of water ecological restoration, China has gradually narrowed the gap with Russia in recent years by increasing capital investment and technological innovation, and has achieved remarkable results in some regions [8].

Regarding the construction of the legislative system, China and Russia each have their own characteristics in terms of legal hierarchy, departmental coordination mechanisms and public participation mechanisms. Russia ensures the authority and consistency of policy implementation by granting a relatively high legal status to regulations related to the ecological environment. China, on the other hand, relies more on administrative regulations and local regulations to make up for the lack of flexibility in central legislation [3]. In terms of departmental coordination mechanisms, Russia has established a relatively complete cross-departmental collaboration platform, effectively addressing the issue of overlapping functions in water resource management. In contrast, although China has strengthened interdepartmental cooperation in recent years, there are still problems such as poor information sharing and insufficient execution [1].

Furthermore, Russia places greater emphasis on transparency and extensiveness in the design of its public participation mechanism, which is worth learning from for China in its future legislative practice [9].

Conclusion

In conclusion, the comparative study of hydrological and ecological legislation between China and Russia shows that the two countries share both commonalities and individualities in terms of the legislative development process, the content of the provisions and the construction of the system. These research achievements not only enrich the understanding of the theory of hydrological ecological legislation, but also provide valuable reference basis for improving relevant legislation in China.

Библиографический список / References

1. Wang Aixin. Countermeasures and Suggestions for Ecological Security Cooperation in Adjacent River Basins between China and Russia [J]. *Siberian Studies*, 2015. № 42 (4). P. 33-36.
2. Chen Yunying; He Fang. Analysis of the Current Situation and Prospect of Ecological Cooperation between China and Russia [J]. *Northeast Asia Economic Research*, 2018. № 2 (6). P. 43-53.
3. Zou Chunyan; Ding Li Huang Qing. A Preliminary Discussion on the Cooperative Protection and Governance of Ecological Environment between Northeast China and the Siberian and Far East Regions of Russia: A Case Study of the Heilongjiang River Basin [J]. *Border Economy and Culture*, 2020. № 12. P. 1-5.
4. Teng Ren. Research on Ecological Security Cooperation in the Border Areas of China and Russia [J]. *Siberian Studies*, 2010. № 37 (4). P. 89-94.
5. Li Mengling; Dai Changlei; Gao Yu; Li Mengyu. Comparative Analysis of Water Resources Carrying Capacity between China and Russia in the Heilongjiang River Basin [J]. *Science Technology and Engineering*, 2022. № 22 (25). P. 10924-10929.
6. Xiao Yang. China's Water Resources and Surrounding "Water Diplomacy": From the Perspective of International Political Resources [J]. *International Outlook*, 2018. № 3. P. 89-110.
7. Ge Weiya; Dai Changlei; Chen Changchun. A Brief History of Hydrological Development in Russia [J]. *Journal of Water Resources Research*, 2022. № 11 (2). P. 138-150.
8. Zou Chunyan; Ding Li Huang Qing. Research on Countermeasures for Ecological Environment Protection and Governance of the Heilongjiang River, the Border River between China and Russia [J]. *Forestry Economic Issues*, 2014. № 34 (3). P. 193-199.
9. Teng Ren. Research on Ecological Security Cooperation in the Border Areas of China and Russia [J]. *Siberian Studies*, 2010. № 37 (4). P. 89-94.
10. Bian Jinyu; Geng Leihua; Tian Ying. The Differences in Water Quality Standards between China and Russia and Their Impact on the Development and Protection of Cross-border Rivers in China [J]. *Rural Water Resources and Hydropower in China*, 2012. № 5. P. 68-71.
11. Chen Jiwei. Review and Prospect of Cross-border River Cooperation in China [J]. *Journal of Boundary and Ocean Studies*, 2019. № 4 (5). P. 60-70.
12. Bian Jinyu; Geng Leihua; Tian Ying. Comparative Analysis of Differences in National Water Quality Standards Based on International River Development [J]. *China Environmental Monitoring*, 2013. № 29 (4). P. 176-180.
13. Zhou Haiwei; Zheng Ying; Jiang Qian. Research on Multi-level Cooperation Mechanism for Cross-border Water Pollution Prevention and Control in the Heilongjiang River Basin [J]. *China Population, Resources and Environment*, 2013. № 23 (9). P. 121-127.

Лужников М.В.

МИРЭА – Российский технологический университет.

Макарова Т.Л.

МИРЭА – Российский технологический университет.

Символ «треугольник» в дизайне рекламы*

Аннотация. Компании, в условиях рыночной экономики, по всему миру активно борются за внимание, время и деньги потребителя. Корпорации инвестируют значительные суммы в рекламу. Каждый стремится выделиться на фоне конкурентов, запомниться: стать известнее и популярнее. При этом в рекламных материалах периодически появляются определенные символы, которые могут воздействовать на человека.

Цель данной работы — проследить тенденцию использования символа «Треугольник» в дизайне рекламы, выявить характерные черты и особенности, сопровождающие применение символа. В данном исследовании в качестве предмета рассматривается символ «Треугольник» в дизайне рекламы с 2014 по 2024 гг. Рассматривается реклама, распространяемая аналоговым и цифровым способами. Методы, использованные в исследовании: художественно-конструкторский анализ, иконический анализ, контент-анализ и другие, принятые в искусствоведении в рамках технической эстетики и дизайна.

В результате сделаны выводы об особенностях дизайна рекламы, направленной на продвижение бренда и его продукции: применении тех рекламных изображений, где встречается символ «треугольник».

Ключевые слова: дизайн, реклама, символ треугольник, символ, символика, тренд, дизайн рекламы.

Luzhnikov M.V.

MIREEA – Russian Technological University.

Makarova T.L.

MIREEA – Russian Technological University.

The triangle symbol in advertising design

Abstract. Companies, in a market economy, all over the world are actively competing for the attention, time and money of consumers. Corporations invest significant amounts in advertising. Everyone strives to stand out from the competition, be remembered, become more famous and

* © Лужников М.В., Макарова Т.Л., 2025.

Символ «треугольник» в дизайне рекламы

popular. At the same time, certain symbols that can affect a person periodically appear in advertising materials.

The purpose of this work is to trace the trend of using the "Triangle" symbol in advertising design, to identify the characteristic features and features accompanying the use of the symbol.

In this study, the "Triangle" symbol in advertising design from 2014 to 2024 is considered as a subject. Advertising distributed by analog and digital means is considered. Methods used in the study: artistic and design analysis, iconic analysis, content analysis and others accepted in art criticism within the framework of technical aesthetics and design.

As a result, conclusions were made about the design features of advertising aimed at promoting a brand and its products: the use of those advertising images where the "triangle" symbol is found.

Key words: design, advertising, "triangle" symbol, symbol, symbolism, trend, advertising design.

Многие современные компании включают в планирование бюджета обязательной статьёй годовых расходов рекламу. Довольно часто многие рекламные кампании оказываются скучными и «не цепляют» взгляд потребителя, рекламируют ненужные людям вещи. Однако, главная задача любой рекламы – побудить человека к покупке, создать ощущение необходимости и желания обладать этой вещью / воспользоваться услугой. Часто для этого играют на чувствах и желаниях потребителя. Многие фирмы хотят создать в сознании людей ассоциацию с собой, как с чем-то статусным, роскошным, хорошим, что приносит позитивные эмоции, удовольствие и радость.

Символ «Треугольник» — мощный и универсальный символ. Это мужской солнечный символ, который обозначает огонь, жизнь, гармонию, благополучие, стремление вверх [2]. Люди издавна наносили треугольники различного вида на поверхности вокруг себя. Символ «Треугольник» широко распространен и в наши дни. Рассматривая рекламу, можно отметить, что она пронизана символами. В некоторой рекламе символ «треугольник» расположен в «форме объекта» [3, 4], а в некоторой его можно найти в композиции графического решения (в фоне, «среде» [3, 4]).

Сегодня дизайнеры активно работают с рекламой товаров различных категорий, применяя в своей работе большое количество символов, в том числе и символ «Треугольник». Исследования научной школы доктора искусствоведения, проф. Т.Л. Макаровой по символике в современном дизайне и рекламе могут применяться современными специалистами для разработки качественно новых проектов. В этом заключается актуальность настоящей работы.

При подготовке настоящего исследования была изучена тематическая литература, работы Макаровой [3, 4], Трессидера, Кирло, Махлиной и др. Иллюстрации взяты из открытых источников, свободно распространяемых в сети интернет.

Треугольник является одним из древних символов, представляющих собой проекцию пирамиды или конуса [5]. Сочетая несколько треугольников можно образовывать другие формы – квадраты, трапеции, многоугольники. Символика треугольника зависит от его типа, вида, расположения, комбинации, продиктованных вложенным в символ смыслом – семантикой [3, 4].

Треугольник может символизировать прочность, надёжность и сильное напряжение. Издревле он считался символом гармонии, силы, равновесия, единства. Это связано с его формой, имея три стороны, он считается естественно прочной и устойчивой фигурой [1, 2, 7].

Треугольник, обращенный одной вершиной вверх, символизирует рост и позитив, является знаком солнца, огня, воды, жизни, душевной гармонии. В Христианстве треугольник — это символ Святой Троицы [6, 7, 8].

Несколько треугольников могут символизировать единство противоположностей, стабильность, изменчивость, дух, материю [там же] Треугольник связан с земледелием, природой и ее сезонностью [8].

Сегодня символ «Треугольник» активно применяется и в рекламе. Его можно встретить в композиционном решении (рисунок 1) и в объекте рекламы (рисунок 2).

На протяжении всего периода 2014-2024 гг. встречаются такие цвета в рекламе с символом «Треугольник», как белый, серый, черный, коричневый, бежевый, желтый, оранжевый, красный, розовый, фиолетовый, синий, голубой, зеленый. При этом сам символ включает следующие цвета: белый, серый, черный, коричневый, бежевый, желтый, оранжевый, красный, розовый, синий, голубой, зеленый.

Редко встречаются следующие цвета в рекламе: фиолетовый, желтый, оранжевый, розовый. Особенно редко встречается фиолетовый цвет.

Символ «Треугольник» встречается в рекламе товаров и услуг различных категорий — продукты питания, услуги, одежда и аксессуары, транспорт, недвижимость, косметика, бытовая химия. Использование символа «Треугольник» пре-

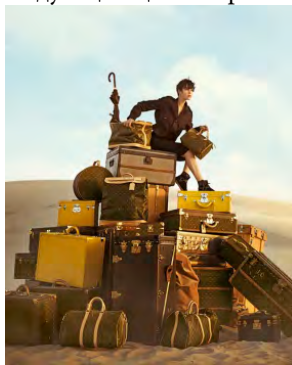

Рисунок 1. Рекламная кампания Louis Vuitton «The Spirit of Travel».

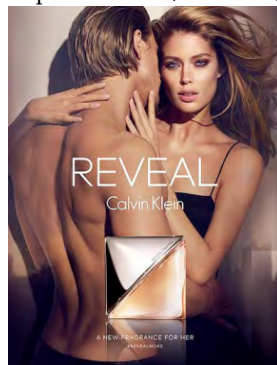

Рисунок 2. Чарли Ханнэми Даутцен Крез в рекламе афрума для Calvin Klein. 2014 г.

валирует в рекламе одежды и аксессуаров. Наиболее часто встречается реклама без человека. Если встречается человек, то предпочтение отдаётся женщине.

Можно отметить, что равнобедренный треугольник, направленный вершиной вверх, обычно воспринимается как позитивный символ, символ Бога. Подразумевает равновесие, стремление вверх, вдаль, вперед, к совершенству. Если же треугольник прямоугольный и лежит на одном из своих катетов, то это можно считать как символ стабильности. В Древнем Египте он считался символом объединения мужского и женского. Равносторонний треугольник древние греки считали символом мудрости. Иногда его понимают как символ Святой Троицы.

В рамках исследования была создана таблица 1, где представлен символ «Треугольник» в рекламе по годам, с 2014 до 2024 включительно.

Таблица 1. Символ «Треугольник» в дизайне рекламы 2014-2024 гг.

Изображение	Символ	Наименование рекламы	Год
	Треугольник вершиной вверх, равнобедренный треугольник. На фото слева — нижняя часть изображения, белый цвет. На фото справа — красный флакон. Образ деловой женщины.	Джулия Робертс для Givenchy	2014
	Треугольник вершиной вверх, равнобедренный треугольник, прямоугольный треугольник. Треугольник в композиции фигур, треугольники в области ног. Преобладает белый цвет. Образ семьи.	Айрис Апфель и Карли Клосс для Kate Spade	2015
	Треугольник вершиной вверх, равнобедренный треугольник. Треугольник в композиции. Образ девушки группы, поклонницы рок-н-рола.	Saint Laurent	2016

	<p>Прямоугольный треугольник, равносторонний треугольник. Треугольник в центре композиции. Белый и бежевый цвета. Не смотря на отсутствие в кадре человека, создается впечатление о уверенном и стабильном представителе среднего класса.</p>	<p>Кофе Caribe: «Не спите»</p>	<p>2017</p>
	<p>Треугольник вершиной вверх, равнобедренный треугольник. Треугольник в композиции. Желто-оранжевый. Ассоциации с энергией и ускорением.</p>	<p>KFC</p>	<p>2018</p>
	<p>Треугольник вершиной вверх, прямоугольный треугольник, равнобедренный треугольник. Треугольники в центральной части композиции, образованные позой модели. Образ креативной девушки.</p>	<p>Vivienne Westwood</p>	<p>2019</p>
	<p>Равнобедренный треугольник. В нижней части композиции. Черного цвета. Ассоциации со стабильностью и бережным отношением к традициям.</p>	<p>Nissan's "Fans" & "Powerfully Peaceful" Creative Marketing Campaigns</p>	<p>2020</p>
	<p>Треугольник вершиной вверх, равнобедренный треугольник, прямоугольный треугольник, равносторонний треугольник. Треугольники встречаются по всей композиции, образованы позами тел моделей. Черный, желтый, оранжевый, коричневый цвета. Ассоциация с роскошью, художественным произведением.</p>	<p>Dior: вдохновение Караваджо</p>	<p>2021</p>

	Треугольник вершиной вверх. Фигура в левой части изображения на фоне (небоскреба). Белый, голубой. Образ деловой женщины.	Серия ООН «На голову выше»	2022
	Прямоугольный треугольник, треугольник вершиной вверх. Левая часть композиции, красный маяк, пространства между светом маяка и линией горизонта. Ассоциация с уверенностью и светом, добром и надежностью.	S7 в поисках светлой полосы	2023
	Треугольник вершиной вверх, равнобедренный треугольник. Множество треугольников зеленого цвета, левое изображение, нижняя часть композиции. Ассоциация с экологией, природой, натуральностью и чистотой.	Овощи в подарок от Rendez-Vous	2024

Выводы по статье. Символ «Треугольник», несмотря на то, что имеет древнее происхождение, актуален и в наши дни. Символ «Треугольник» в рекламе имеет большое распространение, его можно отметить в рекламе большого диапазона товаров и услуг: в рекламе услуг, продуктов питания, одежды и аксессуаров, недвижимости, социальной рекламе. При этом в рекламе одежды чаще всего используется равнобедренный или равносторонний треугольник. В рекламе продуктов питания и недвижимости — прямоугольный.

Чаще всего треугольник появляется в рекламах модных брендов, недвижимости и транспортных компаний. Преимущественно в таких продуктах встречаются треугольники, обращенные вершиной вверх. Вероятно, это связано с желанием авторов рекламы подобных продуктов привлечь потребителя, предлагая свой продукт как символ статуса, успеха, движение, жизни, стремления вверх и вперед.

Символ присутствует на рекламных материалах и в форме рекламируемого объекта, и в композиции (чаще всего встречается); в том числе, это активный символ для современной рекламы модной индустрии [10, 11].

В дизайне рекламы с символом «Треугольник» доминируют цвета: белый, серый, черный, коричневый, бежевый, желтый, оранжевый, красный,

розовый, фиолетовый, синий, голубой, зелёный. Когда встречается равнобедренный треугольник, то чаще всего возникает образ уверенной, деловой, свободной женщины, натуральности и баланса. Часто располагается в центре или в нижней части композиции. Обычно светлый — белый или бежевый, желтый, оранжевый, красный. Если треугольник прямоугольный, то часто в рекламе стремятся создать образ уверенности и стабильности. Здесь преобладают темные цвета. Предпочтительно расположение треугольника в центре или в верхней части плоскостного формата. Равносторонний треугольник встречается реже двух предыдущих и используется в рекламе, где необходимо создать ощущение гармонии, уравновешенности, баланса.

Библиографический список

1. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / Пер. с англ. Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 525 с.
2. Трессидер Дж. Словарь символов / Дж. Трессидер, С. Палько. – М.: 1999. 447 с.
3. Макарова Т.Л. Роль цвета в современном рекламном образе: семантика и прагматика: монография / Т.Л. Макарова, Н.Д. Самсонова. – Москва: Директ-Медиа, 2022. 156 с.
4. Макарова, Татьяна Львовна. Система символов в дизайне современного костюма: теория, методология, практика: автореферат дис. доктора искусствоведения: 17.00.06 / Макарова Татьяна Львовна; [Место защиты: Всерос. науч.-исслед. ин-т техн. эстетики]. – Москва, 2013. 47 с.
5. Махлина Светлана Тевельевна Коммуникативные черты семиотики дизайна // Вестник СПбГИК. 2018. № 2 (35). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-cherty-semiotiki-dizayna> (Дата обращения: 15.11.2024).
6. Символ треугольник // Треугольник. URL: <https://www.img-maker.com/ArticlesAll/Triangle.aspx> (дата обращения: 17.10.2024).
7. Треугольник в искусстве // Меридиан. // URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-a-triangle-symbolize-in-art.html> (Дата обращения: 20.11.2024).
8. Треугольники в искусстве // deziign. // URL: <https://deziign.ru/project/d32ce49609f147cdb8d4f4110f82bcf8> (Дата обращения: 20.11.2024).
9. Треугольник как символ // Мультиурок. // URL: <https://multiurok.ru/blog/treugolnik-kak-magicheskii-simvol.html> (Дата обращения: 02.12.2024).
10. Макарова Т. Л., Макаров С. Л. Выставки дизайна и рекламы в 2014 г. : новые информационные технологии и креативные решения в дизайне, рекламе и сервисе. Реклама: теория и практика. 2014. № 5. С. 302-319.
11. Макарова Т. Л., Макаров С. Л. Информационные технологии в создании образа PR-мероприятий в индустрии моды (2006–2009 гг.). Научно-аналитический журнал по вопросам искусствоведения «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА» // Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова. – МГХПА, 2019. № 1. Часть 2. С. 314-322.
12. Протоиерей Димитрий Лескин, Русский мир: историческая миссия // Журнал «Межконфессиональная миссия». 2016. № 14. С. 6-13.

References

1. Kirlo H. Dictionary of Symbols. 1000 Articles on the Most Important Concepts of Religion, Literature, Architecture, and History / Translated from English by F.S. Kapitsa, T.N. Kolyadich. – Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2010. 525 p.
2. Tressider J. Dictionary of Symbols / J. Tressider, S. Palko. – Moscow: 1999. 447 p.

3. Makarova T.L. The Role of Color in the Modern Advertising Image: Semantics and Pragmatics: Monograph / T.L. Makarova, N.D. Samsonova. – Moscow: Direct-Media, 2022. 156 p.
4. Makarova, Tatyana Lvovna. The System of Symbols in Modern Costume Design: Theory, Methodology, Practice: Abstract of a Dissertation. Doctor of Art History: 17.00.06 / Tatyana Lvovna Makarova; [Place of defense: All-Russian Research Institute of Technical Esthetics]. – Moscow, 2013. 47 p.
5. Svetlana Tevelievna Makhlina. Communicative Features of Design Semiotics // Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture. 2018. № 2 (35). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-cherty-semiotiki-dizayna> (15.11.2024).
6. The Triangle Symbol // Triangle. URL: <https://www.img-maker.com/ArticlesAll/Triangle.aspx> (17.10.2024).
7. The Triangle in Art // Meridian. // URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-a-triangle-symbolize-in-art.html> (20.11.2024).
8. Triangles in Art // deziign. // URL: <https://deziign.ru/project/d32ce49609f147cdb8d4f4110f82b-cf8> (20.11.2024).
9. The Triangle as a Symbol // Multi-Lesson. // URL: <https://multiurok.ru/blog/treugolnik-kak-magicheskii-simvol.html> (02.12.2024).
10. Makarova T.L., Makarov S.L. Design and Advertising Exhibitions in 2014: New Information Technologies and Creative Solutions in Design, Advertising, and Service. Advertising: Theory and Practice. 2014. № 5. P. 302-319.
11. Makarova T.L., Makarov S.L. Information Technologies in Creating the Image of PR Events in the Fashion Industry (2006-2009). Scientific and Analytical Journal of Art Criticism “Decorative Arts and the Subject-Spatial Environment. Bulletin of the Moscow State Academy of Art and Design” // Moscow State Academy of Art and Design named after S.G. Stroganov. – MGHPA, 2019. № 1. Part 2. P. 314-322.
12. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // “Interchurch Mission”. 2016. № 14. P. 6-13.

Мельник С.В.

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН).

Современная католическая теология религий: концепция «инклюзивного плюрализма» Жака Дюпюи*

Аннотация. Во второй половине XX века в рамках христианского богословия начинает активно развиваться направление «теология религий», предметом которого является осмысление факта существования других религий и степени их истинности и спасительности. В статье рассматривается модель теологии религий, которая была предложена католическим богословом Жаком Дюпюи (1923–2004). Эта концепция получила название «инклюзивный плюрализм» или «тринитарная христологическая модель» теологии религий. Дюпюи удалось создать самобытную, завершенную, логически стройную концепцию, которая сохраняет баланс между приверженностью церковному преданию и открытым, уважительным отношением к нехристианским религиям. Для понимания идейных оснований и различных элементов теории инклюзивного плюрализма в статье изучается предложенный Дюпюи обзор разных существовавших до него подходов в области теологии религий, который был представлен в его главной книге «На пути к христианской теологии религиозного плюрализма». Этот анализ позволяет лучше уяснить генезис, оригинальность и преимущества разработанной Дюпюи концепции, а также увидеть системную картину и логику развития современной католической теологии религий. Идеи Дюпюи могут использоваться для гармонизации отношений, укрепления мира и развития взаимопонимания между последователями разных религий.

Ключевые слова: теология религий, католицизм, Ж. Дюпюи, инклюзивный плюрализм, межрелигиозный диалог.

Melnik S.V.

Doctor of Philosophy, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Modern catholic theology of religions: the concept of “inclusive pluralism” by Jacques Dupuis

Abstract. The field of “theology of religions” began to actively develop within the framework of Christian theology in the second half of the 20th century. The subject of comparative theology

* © Мельник С.В., 2025.

Современная католическая теология религий: концепция «инклюзивного плюрализма» Жака Дюпюи

is the understanding of the fact of the existence of other religions and the formation of attitudes towards them in terms of determining the degree of their truth and salvation. The article analyzes the model of theology of religions, which was proposed by the Catholic theologian Jacques Dupuis (1923–2004). This concept has been called “inclusive pluralism” or the “trinitarian Christological model” of theology of religions. Dupuis managed to create an original, complete, logically coherent model of theology of religions, which maintains a balance between adherence to church tradition and an open, respectful attitude towards non-Christian religions. To understand the ideological foundations and various elements of the theory of inclusive pluralism, the article examines Dupuis’s review of various pre-existing approaches in the field of theology of religions, which was presented in his main book “Towards a Christian Theology of Religious Pluralism”. Dupuis’s concept can be used to harmonize relations, strengthen peace and develop mutual understanding between followers of different religions.

Key words: theology of religions, Catholicism, J. Dupuis, inclusive pluralism, interreligious dialogue.

Введение

Во второй половине XX века в рамках христианского богословия начинает активно развиваться направление «теология религий» (theology of religions), предметом которого является осмысление факта существования других религий и формирование отношения к ним, главным образом, с точки зрения определения степени их истинности и спасительности. Одной из заметных работ в этой области стал труд протестантского теолога Пауля Тиллиха «Христианство и встреча мировых религий» (1962). В эти же годы католический богослов Карл Ранер выступает с концепцией «анонимного христианства», оказавшей большое значение на официальную позицию Римско-католической церкви об отношении к нехристианским религиям. Среди многих прочих работ можно отметить опубликованные в 1970-е годы исследования Джона Хика («Учимся у других вероисповеданий» (Learning from Other Faiths) (1972), «Бог и универсум верований»¹ (God and the Universe of Faiths) (1973) и др.). Дж. Хик говорил об эволюции отношения христианства к другим религиям от экклезиоцентризма (представления, что «вне церкви нет спасения») к инклюзивистским подходам (признание относительной ценности религий) и, в конечном счете, к плюрализму или теоцентризму (когда религии рассматриваются как пути к Богу, подобно разным тропам, ведущим к одной и той же горной вершине). Англиканский теолог Алан Рейс в своей книге 1983 года суммируя и подводя итоги исследований в этой области формулирует ставшую «классической» трехчастную схему моделей теологии религии, выделяя позиции (1) эксклюзивизма (христианство является уникальной, единственной в своем роде религией; только христианство истинно и спасительно), (2)

1 Hick J. God and the Universe of Faiths: Essays in the Philosophy of Religion. 4th ed. Oxford: Oneworld Publications, 1993. 201 p.

инклюзивизма (хотя полнота истины и благодати содержится в христианстве, элементы и истины и блага можно найти и в иных религиях) и (3) плюрализма (религии содержат в себе одну и ту же духовную суть, тогда как их отличия можно рассматривать как многообразные внешние формы, а не внутреннее ядро).

По вопросам, связанным с различными аспектами понимания и разновидностями моделей теологии религий специалисты вели и продолжают вести дискуссии. В.В. Кочергин отметил, что «почти каждый богослов, занимающийся межрелигиозной проблематикой, считает необходимым указать на недостатки существующей концепции и предложить свою альтернативу»². В рамках данной статьи будет рассмотрена теория осмысления соотношения разных религий под названием «тринитарная христология» или «инклюзивный плюрализм», которая была разработана католическим священником, богословом, иезуитом Жаком Дюпюи (1923–2004). Исследователь П. Фан (Peter C. Phan), отмечает, что «тринитарная христология Дюпюи, которая является теологической основой его инклюзивного плюрализма, представляет собой лучшее, что есть в современном католическом богословии»³ (в области теологии религий). При этом в русскоязычной литературе осмыслению наследия Ж. Дюпюи внимания почти не уделялось. В данной статье будет предпринята попытка заполнить эту лакуну и проанализирована предложенная Ж. Дюпюи концепцию «инклюзивного плюрализма».

Жак Дюпюи. Жизненный путь и работы

Детство и юношеские года Дюпюи проходят в его родной Бельгии. В семнадцать лет он становится иезуитом и обучается в духовных учебных заведениях ордена в Европе. В 1948 году Дюпюи направляют для служения в Индию, где на протяжении трех лет он преподает в школе Святого Ксаверия в Калькутте. Затем он переезжает в город Курсонг в предгорьях Гималаев, где продолжает свое обучение в колледже святой Марии. Знакомство духовными традициями Индии и их адептами в ходе миссионерской поездки побудило Ж. Дюпюи задаться вопросом, который определил его главный исследовательский интерес на протяжении всей жизни – осуществляется ли откровение Бога только через Иисуса Христа и, следовательно, возможно ли спасение в других религиях. В 1954 году Дюпюи рукополагают в священники в Курсонге, после чего он защищает в Григорианском университете в Риме диссертацию по теме антропологии Оригена. В 1959 году Дюпюи возвращается в колледж Святой Марии в Курсонге в каче-

2 Кочергин В.В. Теология религий: очерчивая территорию // Вестник Санкт Петербургского университета. 2014. № 1. С. 107.

3 Phan P. Inclusive Pluralism. // URL: <https://www.americamagazine.org/issue/culture/inclusive-pluralism>

стве преподавателя. Когда учебное заведение перемещается 1972 году в Нью-Дели, Дюпюи на мотоцикле проезжает более двух тысяч километров по Индии на свое новое место работы.

На Ж. Дюпюи оказали влияние яркие представители богословского католическо-индуистского диалога, который поучил развитие в XX веке, среди них П. Иоганнес (Pierre Johannis) (1882–1955) и Анри Ле Со (1910–1973). П. Иоганнес является основателем Иезуитской школы индологии в Калькутте. Ле Со указывал на единство глубинного религиозного опыта как в индуистской, так и христианской традициях. Анри Ле Со был не только монахом бенедиктинцем, но и принял санньясу, получив духовное имя Свами Абхишиктананда. В одном из своих дневников Свами Абхишиктананда писал: «Зачем противопоставлять Христа и моего гуру? Разве мой гуру – не одна из форм, в которых Христос предстает перед моими чувствами, взором и слухом, чтобы я мог простираться перед Ним», «Я думаю, что я уже слишком адвайтичен... Даже символ креста больше не влияет на меня», «Христос, Которого я готов представлять, – это просто “Я есть” в глубине моего сердца, которое может явиться и в танцующем Шиве, и в любвеобильном Кришне! А Царство – именно это открытие... Пробуждение – это абсолютный взрыв! После него ни одна Церковь не сможет узнать ни своего Христа, ни саму себя»⁴. Встреча с глубоким, живым духовным опытом и сложными, проработанными богословскими системами индуизма заставляла католических богословов размышлять над темой уникальности христианства и его соотношения с другими религиями.

В 1984 году, после тридцатилетнего нахождения в Индии, Дюпюи прибывает в Рим и становится профессором Григорианского университета, где работает вплоть до своей смерти в 2004 году. Находясь в Риме, Дюпюи выполнял функции консультанта Папского совета по межрелигиозному диалогу (он занимал эту должность с 1985 по 1995годы). В частности, он является главным автором принятого указанным советом в 1991 году значимого католического межрелигиозного документа «Диалог и прокламация»⁵.

Дюпюи написал ряд книг по тематике межрелигиозного диалога, которые были переведены на несколько европейских языков и получили широкий резонанс: «Иисус-Христос на стыке мировых религий» (1991), «Вы за кого почитаете Меня? Введение в христологию» (1994), «На пути к христианской теологии религиозного плюрализма» («Towards a Christian Theology of Religious Pluralism») (1997) (наиболее известный труд Дюпюи, котором изложены основные идеи его системы) и «Христианство и религии: от конфронтации к диалогу» (2002) (представляет собой сокращен-

4 Цит. по: Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации. – М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 200–201.

5 Полное название документа: «Dialogue and Proclamation. Reflection and Orientations on Interreligious Dialogue and the Proclamation of the Gospel of Jesus Christ».

ный, более доступный вариант книги 1997 года, подготовленный по просьбе читателей).

Через год после публикации «На пути к христианской теологии религиозного плюрализма» издание было передано в Ватиканскую конгрегацию доктрины веры для изучения на предмет соответствия содержания книги католическому учению. В 2001 году конгрегация опубликовала заключение, в котором отмечалось, что книга содержит «двусмысленности и затруднения» (*ambiguities and difficulties*) в изложении важных доктринальных моментов, которые могут привести читателей к ошибочным или вредным суждениям». Благодаря разбирательству новаторские идеи Ж. Дюпюи в области теологии религий привлекли внимание общественности. К началу 2000-х годов на книгу «К христианской теологии религиозного плюрализма» «было опубликовано более ста рецензий на английском, французском, немецком, итальянском, португальском, испанском и других языках, а также статьи и главы из книг, полностью или частично посвященные критической оценке его взглядов»⁶. Когда проверка конгрегации закончилась, Дюпюи был завален приглашениями от академических институтов и церковных общин по всему миру, и с тех пор читал лекции в Бангкоке, Дели, Калькутте, Мехико, Кливленде, Нью-Йорке, Лондоне, Лувене, Кракове, Варшаве и по всей Италии.

Суть претензий конгрегации доктрины веры к Дюпюи заключалась в его тезисе, что в нехристианских духовных традициях присутствуют элементы истины и добра, которые не связаны евангельским откровением, то есть другие религии обладают самостоятельной позитивной ценностью и могут обеспечить своим adeptам спасение. Конгрегация доктрины веры, префектом которой был Й. Ратцингер, направила Дюпюи четырнадцать требующих прояснения богословских вопросов относительно изложенной в его книге позиции. Инициированное конгрегацией разбирательство, как отмечают коллеги, которые навещали Ж. Дюпюи в его крохотной комнатке в Григорианском университете в последние годы его жизни, сильно подорвали его здоровье. Дюпюи умер в Риме в 2004 году в возрасте 81 года.

Обзор христианской теологии религий Жаком Дюпюи

Дюпюи удалось интегрировать различные богословские и экзегетические подходы к позитивному восприятию нехристианских религий, поэтому его концепцию можно охарактеризовать как оригинальный синтез. Для понимания идейных оснований и различных элементов теории инклюзивного плюрализма важно разобрать осмысление Дюпюи разных существовавших до него подходов в области теологии религий, которое было представлено в его главной работе «На пути к христианской теоло-

⁶ Gerald O'Collins S.J. Jacques Dupuis's contributions to interreligious dialogue. Jacques Dupuis's contributions to interreligious dialogue // Theological Studies. 2003. № 64. P. 388-397.

гии религиозного плюрализма». Это поможет лучше уяснить генезис, оригинальность и преимущества разработанной Дюпюи концепции, то с какими идеями он полемизирует, а какие рецепирует и развивает.

В книге «На пути к христианской теологии религиозного плюрализма» Дюпюи анализирует отношение христианства к другим религиям начиная с рассмотрения Библии и взглядов раннехристианских отцов церкви и заканчивая теологией религий второй половины XX века. При этом он делает акцент на различных подходах, которые отражали инклюзивистскую позицию, то есть не отрицали, а признавали относительную ценность других религий и способствовали развитию уважительного к ним отношения.

В Пятикнижии Моисея мы видим четкую демаркационную линию, не просто разделяющую, но и противопоставляющую истинную веру Израиля в Единого Бога и языческие религии окружающих народов. В первых двух заповедях декалога содержится запрет на поклонение другим богам, кроме «Господа, Бога твоего, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Исх. 20:2-6). Поклонение представителей избранного народа другим богам карается смертью (например, «Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен» (Исх. 22:20; см. также Втор. 13:6-10), а предметы культа языческих богов характеризуются как «мерзость», которой нужно «гнушаться» (Втор. 7:25-26). В книгах Нового завета также преобладает эксклюзивистская позиция: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк. 16:16). Апостол Петр, говоря об Иисусе Христе, категорично утверждает, что «нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4:12), а апостол Павел наставляет: «Ибо один Бог, один и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший себя для искупления всех» (1 Тим. 2: 5-6).

Вместе с тем Ж. Дюпюи в первой главе книги «На пути к христианской теологии религиозного плюрализма» стремится показать, что в Библии наряду с эксклюзивизмом всегда присутствовала и инклюзивистская позиция. Большое значение для системы Ж. Дюпюи имеет тезис, что Бог заключил завет с Ноем, который распространяется на всех его потомков, то есть на все человечество. Отсюда следует, то все народы находятся в отношениях с Богом через завет Ноя, причем некоторые представители «народов мира» (Мелхиседек, Иов), как об этом свидетельствует Библия, могут быть угодны Богу⁷. В этом контексте можно вспомнить историю пророка Ионы, в результате проповеди которого ниневитяне (языческий народ) покалялись, и Бог изменил свой приговор и помиловал их.

Рассуждая о библейских основаниях позитивного отношения к нехристианским религиям Новом Завете, Дюпюи приводит несколько

7 Dupuis J. Towards a Christian Theology of Religious Pluralism. Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1997. P. 29-52.

историй из Нового Завета, которые описывают взаимодействие Иисуса Христа с представителями нееврейского народа: исцеление слуги сотника (Мф. 8:5-13) и дочери хананейки (Мф. 15:21-28), беседа с самаритянкой (Ин. 4:3-4). Например, к Иисусу, который с учениками проходит «страны Тирские и Сидонские», с настойчивой просьбой об исцелении дочери, которая «жестко беснуется», обращается «женщина Хананейка» (Мф. 15:23-28). По мнению Дюпюи эта и подобные истории демонстрируют, что «Царство Божие присутствует и действует среди других народов»⁸. Можно было бы возразить Дюпюи, что факт исцеления Иисусом Христом язычников не является свидетельством истинности или одобрения религии просителя, а скорее говорят о сострадании и всемогуществе Бога, которое распространяется не только на представителей избранного народа, но и на всех людей. Вместе с тем нельзя не признать, что в Новом Завете кроме эксклюзивизма имеются эпизоды, которые можно толковать в инклюзивистском ключе. Например, постол Павел, проповедуя в Афинском Ареопаге, заявляет, что почитание греками «неведомого Бога» на самом деле относилось ко Христу (Деян. 17:23-24).

Большое значение для Дюпюи имеет то, что оно называет «логос-теологией» отцов церкви первых веков – Иустина Философа, Иринея Лионского и Климента Александрийского, рассмотрению чего посвящена вторая глава указанной книги. Так, Дюпюи при построении своей системы опирался на учение Иустина Философа о «семенах Слова» («логос сперматикос»), в соответствии с которым люди, следующие разуму, могут в некоторой степени приобщаться Логосу. В частности, в «Первой апологии» св. Иустин Философ на этом основании называет Гераклита и Сократа «христианами до Христа». Отдельное внимание в третьей главе Дюпюи уделяет анализу известного изречения Киприана Карфагенского «вне Церкви нет спасения», которое часто приводят сторонники эксклюзивизма. Ж. Дюпюи показывает, что это высказывание не относится к другим религиям, а было адресовано лишь христианам-еретикам и призвано побудить их вернуться в лоно истинной церкви⁹.

Разбирая в пятой главе книги взгляды христианских богословов XX века, придерживавшихся инклюзивистской позиции Дюпюи, предлагает различать два основных подхода: «теория исполнения» («the fulfillment theory») и модель «присутствия таинства Христа» в религиях («the mystery of Christ in the religious traditions»).

В соответствии с «теорией исполнения» христианство призвано восполнить и реализовать потенции, позитивные элементы других религий,

8 Цит. по: Boloron C. The Concept of Inclusive Pluralism. Jacques Dupuis's Theology of Religious Pluralism and its Implication for Interreligious Dialogue Today. V&R Unipress 2022. P. 112.

9 Boloron C. The Concept of Inclusive Pluralism. Jacques Dupuis's Theology of Religious Pluralism and its Implication for Interreligious Dialogue Today. V&R Unipress 2022. P. 126-131.

главным образом удовлетворить чаяние личности в соединении с Абсолютом, с Богом. Суть «модели исполнения» заключается в убеждении, что «спасение в Иисусе Христе достигает представителей других религий как ответ на личные религиозные устремления человека, которые он выражает в его собственной традиции» при этом «сами по себе эти религии не играют никакой роли в этой тайне спасения»¹⁰. В этом контексте разбираются воззрения Ж. Даниэлу, Анри де Любака, Х. Бальтазара¹¹. Французский католический богослов Ж. Даниэлу (1904-1974), которого можно считать «первым западным представителем теории исполнения»¹² рассматривает положительное содержание других религий в контексте понятий «естественного разума» и «космической религии». Только христианство для него является «сверхъестественной верой», а все другие религии являются элементами божественного плана, то есть выступают как предуготовление, как этапы на пути к наиболее полному, совершенному христианскому откровению. Для богословов этой группы характерна так или иначе интерпретируемая идея «восхождения-нисхождения» («*ascent-descent*»), как сформулировал ее швейцарский католический богослов Ганс Урс фон Бальтазар (1905-1988). Все люди по своей природе, сознавая свою конечность, стремятся к Богу, к бесконечному, при этом люди в нехристианских религиях самостоятельно ищут путь к Абсолюту, их достижения определяются лишь их собственными усилиями и личными достижениями. Однако, подчеркивают сторонники этой позиции, только в христианстве Сам Бог откликается на эти стремления, выступает активным началом. В Своем воплощенном Слове Сам Бог ищет человека, входит в человеческую историю и приобщает людей к Себе, открываясь во всей полноте¹³.

Католические теологи К. Ранер, Р. Паниккар и Г. Кюнг характеризуются Дюпюи как сторонники «модели присутствия таинства Христа» в других религиях¹⁴. Основная идея этого подхода заключается в том, что «Бог спасает последователей других религий не вопреки, а благодаря их преданному следованию своим духовным традициям и практикам... эта модель настаивает на том, что спасение возможно без Евангелия, но без Христа, вне Его, спасения нет...при этом тайна Христа присутствует и действует в других религиозных традициях... хотя она сокрыта и остается неизвестной их приверженцам, Его спасительное таинство не менее реально»¹⁵.

10 Ibid. P. 133.

11 Dupuis J. Towards a Christian Theology of Religious Pluralism. Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1997. P. 133-142

12 Boloron C. The Concept of Inclusive Pluralism. Jacques Dupuis's Theology of Religious Pluralism and its Implication for Interreligious Dialogue Today. V&R Unipress 2022. P. 135.

13 Ibid. P. 142-144.

14 Dupuis J. Towards a Christian Theology of Religious Pluralism. Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1997. P. 143-157.

15 Boloron C. The Concept of Inclusive Pluralism. Jacques Dupuis's Theology of Religious

Так, исходным принципом рассуждений Карла Ранера является тезис, что «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8), то есть Всемогущий Творец желает блага, спасения всем людям и действует соответствующим образом, будучи готовым в той или иной мере открыть себя каждому человеку. Представление о том, что «Бог есть любовь», считает К. Ранер, противоречит идее, что все нехристиане, то есть большая часть человечества, не имеют никакой возможности наследовать спасения и попадут в ад. Дело, совершенное Иисусом Христом, спасителем всех людей, то есть воплощение Бога, Его крестная смерть и воскресение, оказывает влияние на все человечество. К. Ранер предложил концепцию «анонимного христианства», в соответствии с которой в других религиях не только содержатся истинные представления (например, о вечной душе, Творце мира, посмертном воздаянии за добрые и злые дела и пр.), но и их адепты могут в некоторой степени приобщаться к благодати. Однако эта благодать, хотя они этого и не осознают, таинственным образом связана с евангельскими событиями, является по своей природе христовой благодатью. В связи с этим благочестивые последователи других религий могут де-факто называться христианами, точнее «анонимными христианами», поскольку они сами не знают об этом. Вместе с тем К. Ранер настаивает, что полнота истины и благодати содержится только в христианстве¹⁶.

В шестой главе «На пути к христианской теологии религиозного плюрализма» Дюпюи анализирует кардинальное изменение отношения Римско-католической церкви к другим религиям, которые нашло отражение в документах Второго Ватиканского собора (догматической конституции «Lumen Gentium» (1964), декрета «Ad Gentes» (1965) и декларации об отношении Римско-Католической Церкви к нехристианским религиям «Nostra Aetate» (1965)). В частности, в декларации «Nostra aetate», в контексте оценки индуизма и буддизма утверждается, что «Католическая Церковь не отвергает ничего из того, что истинно и свято в этих религиях» (Nostra Aetate, 2). В документах Второго Ватиканского собора содержится позитивная оценка «нехристиан и нехристианских религий», находит подтверждение вторая из рассмотренных выше моделей («присутствия таинства Христа» в других религиях), что позволяет Дюпюи строить свою систему апеллируя к официальной позиции Римско-католической церкви.

Для понимания «эпистемологического бэкграунда»¹⁷ позиции Ж. Дюпюи важно познакомиться с двумя схемами теологии религий – четырехчастной схемой П. Шинеллера (P. Shineller) и наиболее известной

Pluralism and its Implication for Interreligious Dialogue Today. V&R Unipress 2022. P. 145.

16 Dupuis J. Towards a Christian Theology of Religious Pluralism. Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1997. P. 143-149

17 Boloron C. The Concept of Inclusive Pluralism. Jacques Dupuis's Theology of Religious Pluralism and its Implication for Interreligious Dialogue Today. V&R Unipress 2022. P. 167.

трехчастной схемой эсключизм/инклюзивизм/плюрализм, которая упоминалась во введении.

Одна из первых классификаций позиций отношения к другим религиям, которые высказывались христианскими богословами после Второго Ватиканского собора, была предложена Питером Шинеллером. Он выделил четыре подхода: (1) экклесиоцентрическая вселенная, эсключивная христология, (2) христоцентрическая вселенная, инклюзивная христология, (3) теоцентрическая вселенная, нормативная христология и (4) теоцентрическая вселенная, не-нормативная христология. Сторонники всех четырех указанных позиций признают, что Иисус Христос является путем к спасению, равно как и созданная Им церковь, но они расходятся в оценке спасительности других религий и значения для них Иисуса Христа¹⁸.

Богословы первой группы следуют буквальному прочтению принципа «вне Церкви нет спасения», считая Иисуса Христа единственным истинным посредником между человечеством и Богом, тогда как все остальные «посредники» являются «ложными и бесполезными» для спасения. Вторая модель, в духе концепции «анонимного христианства» Карла Ранера, признает возможность спасительности других религий, основанием чего служит, однако, исключительно Иисус Христос, хотя каким-то таинственным, неявным, скрытым образом.

Третья теория рассматривает Иисуса Христа, который «указывал на Отца», одним из посредников, которые могут привести человека к Богу. Такая точка зрения позволяет признавать, если так можно выразиться, автономную ценность других религий. Все с тем Иисус Христос характеризуется здесь как «нормативный посредник», который выражает спасение лучшим образом, то есть в Его личности и делах наиболее полно и совершенно нашла выражение любовь Бога к людям, поэтому Он может служить неким образцом, эталоном, критерием оценки всех прочих «посредников». Наконец, четвертая выделенная П. Шинеллером позиция не воспринимает Иисуса Христа как «нормативного» посредника между человечеством и Богом, а всего лишь как одного из них. Сторонники этой модели придерживаются «эпистемологического релятивизма и скептицизма»¹⁹, делая акцент на непостижимости тайны Бога, а потому склоняются к тому, чтобы не выносить суждений о разных посредниках.

С 1980-х годов наиболее употребительной терминологией в рамках теологии религий является трехчастная схема, различающая позиции эсключивизма, инклюзивизма и плюрализма (также носящие названия, соответственно, экклесиоцентризм, христоцентризм и теоцентризм). Эти концепции рассматриваются Ж. Дюпюи на примере концепций трех наиболее известных сторонников каждой из них – К. Барта, с его различени-

18 Ibid.. P. 171.

19 Ibid. P. 174.

ем веры и религии (уникальной живой евангельской веры как откровения Божьего в Иисусе Христе и самопроизвольной религиозности человека, который надеется получить оправдание и освещение собственными силами), К. Ранера (анонимное христианство), и Дж. Хика (теоцентризм).

Позиция теоцентризма подчеркивает идею трансцендентности Бога с одной стороны, и ограниченность, обусловленность (культурную, языковую и пр.), пристрастность человеческого мышления – с другой. Религии направлены на познание одной и той же божественной реальности и характеризуются как разные «культурные ответные реакции (responses)» на нее, а христианство, считают приверженцы этого подхода, является лишь одним из этих ответов. Дж. Хик использует кантовские категории noumena и phenomena в контексте религиозной гносеологии, сопоставляя принципиально непостижимый Абсолют, Бога с «вещью в себе», а религии с «вещью для нас». Дж. Хик совершил «коперникианскую революцию» в христологии: «вселенная религий сосредоточена на Боге, а не на христианстве или любой другой религии. Он – солнце, изначальный источник света и жизни, которые каждая религий отражает своим собственным способом»²⁰. Религии можно сравнить с разными цветными стеклами (цвет определяется языком, культурными, психологическими особенностями) через которые проходит один и тоже же свет единой истинной Реальности. Также Дж. Хик утверждал, что в духовных практиках религий имеет место схожая динамика – переход от эгоцентризма (self-centeredness) к Реальность-центризму (Reality-centeredness)²¹.

В седьмой главе Дююи, указывает, что в католическом богословии в восприятии других религий в XX веке произошло две смены парадигм (double paradigm shifts). Первая из них – «от экклесиоцентризма к христоцентризму». То есть произошел переход от позиции, что спасение может обеспечить только принадлежность к определенной общине верующих (Римско-Католической Церкви), к «перецентрированию на тайне Иисуса Христа» («re-centered on the mystery of Jesus Christ»), вселенское значение и влияние которой не может ограничиваться только лишь церковью. Инклюзивизм, хотя само это понятие не употребляется, становится официальной позицией Римско-Католической Церкви, начиная со Второго Ватиканского собора (что нашло отражение в упомянутых выше документах) и многократно подтверждалось впоследствии. Вместе с тем, все большим числом авторов в богословских дебатах отстаивается необходимость второго сдвига парадигмы «от христоцентризма к теоцентризму». Суть этого изменения заключается в распространении представления, что к «Богу-центру» вместо «единого, универсального, конститутивного посредничества Иисуса Христа» ведут много путей, которые представлены в разных

20 Ibid. P. 183.

21 Ibid. P. 184.

религиях, в которых Бог также действует²².

В завершении седьмой главы «На пути к христианской теологии религиозного плюрализма» Дюпюи рассматривает несколько подходов к теологии религии, которые, по мнению их сторонников, помогают преодолеть ограниченность или дополнить основные рассмотренные выше схемы: регноцентризм и сотериоцентризм (П. Книттер), логоцентризм и пневмоцентризм, заявления Индийской теологической ассоциации²³. Так, логоцентризм исходит из того, что «спасает Слово Божие (Логос), а не только Слово Божие, ставшее плотью, то есть Иисус Христос»²⁴. Пневмоцентризм, ссылаясь на евангельское изречение «Дух дышит где хочет» (Ин. 3:8), делает акцент на том, что Святой Дух активен на протяжении всей истории и за пределами христианской общины. Индийская теологическая ассоциация указывала, что трехчастная схема эксклюзивизм/инклюзивизм/плюрализм является слишком «академической и спекулятивной», тогда как важны «живая встреча и диалог с опорой на собственный религиозный опыт»²⁵, что зачастую приводит к признанию уникальности, самобытности разных духовных традиций.

Концепция инклюзивного плюрализма

С точки зрения Дюпюи нехристианские религии имеют свое особое место и позитивное значение в рамках божественного плана для человечества, целью которого является «окончательное установление Царства Божьего». Знакомство с живым и глубоким религиозным и мистическим опытом, многовековыми, всесторонне продуманными традициями и проработанными духовными практиками индуизма приводит Дюпюи к убеждению, что «эти религии не являются ложными (bogus)»²⁶. По его мнению, христианство и другие религии не следует рассматривать в контексте противопоставления между потенциями и абсолютностью или ступенями и конечной реализацией. Дюпюи предлагает рассматривать эти религии как самобытные, самодостаточные, могущие преобразовать человека, приводить их последователей к высокому мистическому опыту единства с Богом или любви и преданного служения Ему. Для Дюпюи, Бог и Его милость проявляются во множестве форм, Он взаимодействует со всем человечеством, в том числе за пределами событий, описанных в библейской «священной истории». Другие религии имеют самостоятельную ценность в контексте единого божественного плана спасения, они отражают непо-

22 Ibid. P. 187.

23 Dupuis J. Towards a Christian Theology of Religious Pluralism. Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1997. P. 193-202.

24 Boloron C. The Concept of Inclusive Pluralism. Jacques Dupuis's Theology of Religious Pluralism and its Implication for Interreligious Dialogue Today. V&R Unipress 2022. P. 192.

25 Ibid. P. 197.

26 Ibid. P. 28-29.

вторимый опыт и способы взаимодействия Бога и человека, приближают своих адептов к Богу. Многообразие живых духовных традиций является выражением замысла Бога, в связи с этим в диалоге религий возможно уважение отличий и взаимное обогащение.

Дююпи утверждает, что Слово и Дух присутствовали и действовали на протяжении всей истории как посредники «в отношениях Бога и человечества». Эти взаимоотношения Бога и людей выстраивались в рамках трех основных аспектов или «актов», как Дююпи обозначает их в книге «К христианской теологии религиозного плюрализма». Во-первых, это действие «*Logos asarkos*», то есть Слова до его воплощения в Иисусе Христе, «Слова как такового» (*Word as Such*», «*Word-to-be-encarated*»). Наличие действия Логоса до воплощения позволяло говорить святому Иустину Философу о «христианах до Христа». Логос описывается в восьмой главе библейской книги «Притчей Соломоновых» как «Премудрость» (Притч. 8:1-36). В прологе Евангелия от Ионна говорится об «Истинном Свете, который просвещает всякого человека грядущего в мир» (Ин. 1: 9), что Дююпи также предлагает толковать как действия Слова до воплощения. Вместе с тем для него активность Логоса была ориентирована на «событие Христа» и связана с ним.

Второй аспект – это действие Бога через «*Logos ensarkos*», воплощенное Слово («*Word-Made-Flesh*») в личности Иисуса из Назарета и после Его воскресения из мертвых. Это уникальное «событие Христа» находится в центре всего единого и целостного замысла Бога о спасении человечества. Дююпи называет его «фокусом» (*focal point*), «стержнем, вокруг которого вращается вся история диалога между Богом и человечеством»²⁷. Третье действие Бога посредством «*Logos asarkos*», также, как и первое, продолжает оказывать влияние на все человечество после евангельских событий и не ограничивается «пределами человечности Иисуса Христа». Кроме этого, в концепции Дююпи большое значение имеет тезис о живом и действенном присутствии Святого Духа в разных религиозных традициях и отдельных личностях на протяжении всех трех указанных «этапов истории спасения». Дююпи говорит о взаимосвязи действий Логоса и Святого Духа, ссылаясь на св. Иринея Лионского, который называл Сына и Святого Духа «руками Отца», то есть действие Логоса в «христианах до Христа» должно было сопровождаться и действием Духа²⁸.

Итак, Дююпи утверждает, что имеют место три модуса спасительного действия Бога через Свое Слово, которые охватывают все человечество на протяжении всей истории: (1) Действие Логоса до воплощения Иисуса Христа (*Logos asarkos*), (2) посредством личности Иисуса из Назарета во время Его земной жизни (*Logos ensarkos*) и после воскресения и (3) (*Logos asarkos*). Наличие трех перечисленных способов диалога Бога через Свой

27 Ibid.. P. 210.

28 Ibid. P. 232-248.

Логос с человечеством, центральным событием которого является воплощение Слова в Иисусе Христе из Назарета, обуславливает обозначение предложенной Ж. Дюпюи концепции как тринитарной христологической модели теологии религий.

Историчность и специфичность события Христа, считает Дюпюи, оставляют место для спасительного действия Бога через Его Слово и Дух, которые функционируют «за пределами воскресшего человечества воплощенного Слова». Исходя из концепции Дюпюи следует, что тот, кто не познал Бога-Отца через воплощенное Слово (Иисуса Христа), может познать Его через невоплощенный Логос (*Logos asarkos*). Благодаря этому все люди могут вступать в отношения с Богом через Его Слово, не встречаясь с Иисусом и не зная Его. То есть для Дюпюи, по тем же причинам, по которым церковная традиция признает наличие «христиан до Христа» (в том числе среди представителей древнегреческой философии, как об этом писал св. Иустин Мученик), которые могли быть приобщены к Логосу, мы можем говорить, если так можно выразиться, о «христианах вне Церкви» после земной жизни Иисуса Христа, которые являются последователями других религий, но также имеют возможность быть причастными к Логосу.

Дюпюи утверждает, что инклюзивизм (христоцентризм) и плюрализм (теоцентризм) не следует рассматривать, как это обычно делают, как две противоречащие и исключающие друг друга парадигмы, но необходимо «преодолеть эту неправильно понятую дихотомию»²⁹. Иисус Христос не ставил себя в центр, на место Бога, но называл Себя «путем» к Нему (напр.: Ин. 14:6; Ин. 20:17). Одновременно с этим Дюпюи признает, что событие воплощения Бога во Христе носит уникальный и всеобъемлющий характер, то есть для него Иисус Христос является универсальным спасителем человечества. Именно такая перспектива обуславливает обозначение концепции теологии религий Дюпюи как «инклюзивного плюрализма».

В ходе изложения концепции «инклюзивного плюрализма» Дюпюи обсуждается множество вопросов, связанных с христологией, пневматологией, еклесиологией и иных. Например, Дюпюи, рассуждая о едином плане спасения человечества, говорит о «линейном» понимании истории в иудаизме и христианстве и акценте на конкретные события (исход из Египта, обстоятельства земной жизни Иисуса Христа). Дюпюи отмечает, что Бог вступает в отношения с человечеством посредством разных заветов, причем они не отменяются и не заменяются прежними, но носят вечный характер, то есть продолжают действовать. Завет с Ноем, а через него и со всеми людьми, дает Дюпюи библейские основания считать, что Бог вступает диалог с разными народами множеством способов. Дюпюи говорит об «изобильном богатстве» и разнообразии форм общения и «самоотдачи Бога» человечеству. Эта точка зрения созвучна современной официальной

позиции Римско-Католической Церкви, в частности, Декрет «Ad Gentes», говоря о других религиях, увещевает христиан: «знать людей, среди которых они живут... чтобы в смиренном и терпеливом диалоге постичь, какие *богатства* даровал народам прещедрый Бог», «элементы истины и благодати существуют у язычников как форма тайного присутствия Божьего», «Святой Дух семенем Слова призывает всех людей ко Христу...» (при этом вопрос о спасительности других религий в перечисленных документах Второго Ватиканского собора не поднимался). Дюпюи полемизирует с некоторыми аспектами богословия истории К. Барта, Ж. Даниэлу, Х. Бальтазара. Он рассматривает нехристианские религии как разные «пути», проложенные самим Богом для спасения людей, то есть инициатива здесь также исходит от самого Бога, а не только лишь от человека.

Таким образом, концепция Ж. Дюпюи сочетает в себе как церковную веру в Иисуса Христа как спасителя всего человечества, так и признание позитивной роли религий в соответствии с вечным замыслом Бога, поскольку спасительное присутствие Слова выходит за пределы Его действия в воплощении Иисуса Христа.

Заключение

Осмыслению наследия Ж. Дюпюи посвящены сотни зарубежных публикаций, в том числе защищенные диссертаций. Вызывает удивление, что предложенная Дюпюи столь глубокая, убедительная, оригинальная модель теологии религий в отечественной науке почти не освещалась, тогда как взгляды многих других богословов, упомянутых в его книге, достаточно хорошо знакомы специалистам. Весьма интересным является изучение линий критики Дюпюи, в том числе в контексте богословской дискуссии с Конгрегацией доктрины веры, которая длилась три года. Также концепция инклюзивного плюрализма имеет свои следствия для выстраивания уважительно межрелигиозного диалога, что является отдельным обширным проблемным комплексом. С точки зрения Дюпюи межрелигиозный диалог может быть основан на «тайне единства», «тройственном фундаменте» – (1) «общем происхождении» и (2) «единой судьбе» человечества в Боге, а также (3) универсальном спасении в Логосе и факте активного присутствия Святого Духа в разных религиях, которые выражают многообразие и богатство проявлений любви и путей общения Бога с людьми³⁰. Вместе с тем в рамках объема одной статьи раскрыть эти и иные темы, связанные с наследием Дюпюи, не представляется возможным. Подводя итог можно отметить, что Дюпюи удалось создать самобытную, целостную, богословски фундированную, логически стройную модель теологии религий, которая сохраняет баланс между приверженностью церковному преданию (напомним, что сам Дюпюи был экспертным Папского совета по

30 Ibid. P. 253-266.

межрелигиозному диалогу, профессором Григорианского университета в Риме) и открытым, уважительным отношением к нехристианским религиям. В связи с этим идеи Дюпюи могут использоваться для гармонизации отношений, укрепления мира и развития взаимопонимания между последователями разных религий, в том числе в российском контексте.

Библиографический список

1. Boloron C. The Concept of Inclusive Pluralism. Jacques Dupuis's Theology of Religious Pluralism and its Implication for Interreligious Dialogue Today. V&R Unipress 2022. 282 p.
2. Dupuis J. Towards a Christian Theology of Religious Pluralism. Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1997. 433 p.
3. Gerald O'Collins S.J. Jacques Dupuis's contributions to interreligious dialogue // Theological Studies. 2003. № 64. P. 388-397.
4. Hick J. God and the Universe of Faiths: Essays in the Philosophy of Religion. 4th ed. Oxford: Oneworld Publications, 1993. 201 p.
5. Кочергин В.В. Теология религий: очерчивая территорию // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 1. С. 103-110.
6. Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации. – М.: ИНИОН РАН, 2022. 398 с.
7. Мельник С.В. От тринитарной христологии к инклюзивному плюрализму: теология религий Жака Дюпюи. Рецензия на кн.: Boloron C. The Concept of Inclusive Pluralism. Jacques Dupuis's Theology of Religious Pluralism and its Implication for Interreligious Dialogue Today. V&R Unipress 2022. 282 p. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2024. № 6 (116). С. 139-146.
8. Беляева Е.А. Особенности социологического изучения образования (к постановке проблемы взаимодействия вузов) // Межконфессиональная миссия. 2019. Том 8. Часть 5. № 40. С. 571-580.
9. Чапкин Н.С. Информационно-коммуникационные технологии в организации электронного бакалавриата // Альманах «Крым». 2021. № 24. С. 102-112.

References

1. Boloron C. The Concept of Inclusive Pluralism. Jacques Dupuis's Theology of Religious Pluralism and its Implications for Interreligious Dialogue Today. V&R Unipress 2022. 282 p.
2. Dupuis J. Towards a Christian Theology of Religious Pluralism. Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1997. 433 p.
3. Gerald O'Collins S.J. Jacques Dupuis's contributions to interreligious dialogue // Theological Studies. 2003. No. 64. P. 388-397.
4. Hick J. God and the Universe of Faiths: Essays in the Philosophy of Religion. 4th ed. Oxford: Oneworld Publications, 1993. 201 p.
5. Kochergin V.V. Theology of Religions: Outlining the Territory // Bulletin of St. Petersburg University. 2014. № 1. P. 103-110.
6. Melnik S.V. Interreligious Dialogue: Typology, Methodology, Forms of Implementation. – Moscow: INION RAS, 2022. 398 p.
7. Melnik S.V. From Trinitarian Christology to Inclusive Pluralism: Theology of Religions of Jacques Dupuis. Review of the book: Boloron C. The Concept of Inclusive Pluralism. Jacques Dupuis's Theology of Religious Pluralism and its Implication for Interreligious Dialogue Today. V&R Unipress 2022. 282 p. // Bulletin of PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies. 2024. № 6 (116). P. 139-146.
8. Belyaeva E.A. Features of the sociological study of education to the formulation of the problem of interaction between universities) // Mission confessions. 2019. Volume 8. Issue 5. № 40. P. 571-580.
9. Chapkin N.S. Information and communication technologies in the organization of electronic bachelor's degree // Almanac "Crimea". 2021. No. 24. P. 102-112.

Шапошникова Н.А.

Доцент кафедры «Дизайн и реставрация, Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, г. Астрахань.

Исторические этапы становления храмовой живописи*

Аннотация. История храмовой архитектуры теснейшим образом связана с изобразительным искусством, скульптурой и декоративно-прикладным искусством. В этой статье мы рассматриваем истоки происхождения храмовой живописи. Начало появления и основные тенденции развития храмовой живописи в Средние века в Византии и Европе. После того, как искусство Византии пришло на Русскую землю, оно дало толчок к развитию русского искусства. После освобождения от татаро-монгольского нашествия начинается новый подъем русского искусства. После реформ Петра I храмовое искусство резко меняет направление в сторону реализма. В публикации изучаются трансформации содержания живописных сюжетов в контексте сочетания библейских и реалистических. выделения смысловых акцентов.

В работе обозначаются основные этапы становления храмовой живописи как специфического вида искусства, раскрываются их смысловые трансформации и стили создания художественных образов. Исторический анализ охватывает периоды начиная от возникновения данного вида живописи вплоть до начала XX века.

Целью данной работы является исторический анализ этапов становления храмовой живописи. Объектом исследования мы определили этапы развития храмовой живописи, методом специфику данного вида искусства.

Ключевые слова: храмовая живопись, иконопись, византийский стиль, романский стиль, готический стиль, псковская школа, Владимиро-суздальская школа живописи, парсуна, академический стиль, Рерих, Васнецов.

Shaposhnikova N.A.

Associate Professor of the Department of Design and Restoration, Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Astrakhan.

Historical stages of the development of church painting

Abstract. The history of temple architecture is closely connected with fine arts, sculpture, and decorative and applied arts. In this article, we will explore the origins of temple painting. The beginning of the emergence and the main trends in the development of temple painting in the Middle Ages in Byzantium and Europe. After the art of Byzantium came to the Russian land, it gave a boost

* © Шапошникова Н.А., 2025.

to the development of Russian art. After the liberation from the Tatar-Mongol invasion, a new rise of Russian art began. After the reforms of Peter the Great, temple art took a sharp turn towards realism. The publication examines the transformations of the content of pictorial subjects in the context of the combination of biblical and realistic elements.

The work outlines the main stages of the development of temple painting as a specific type of art, revealing their semantic transformations and styles of creating artistic images. The historical analysis covers the periods from the emergence of this type of painting to the early 20th century.

The purpose of this work is to provide a historical analysis of the stages of the development of temple painting. The object of our research is the stages of the development of temple painting, and the subject is the specific features of this type of art.

Key words: temple painting, icon painting, Byzantine style, Romanesque style, Gothic style, Pskov school, Vladimir-Suzdal school of painting, parsuna, academic style, Roerich, Vasnetsov.

Введение.

Современная храмовая живопись прошла непростой путь становления начиная со времен Византии и заканчивая нынешними привычными нам образами в храмах. Безусловно, данный вид искусства имеет свою специфику, отражающую христианские сюжеты, картины реальности человеческого бытия и его сущности, единения с Богом.

«Прежде всего, здание да будет продолговато, обращено на восток, с притворами по обеим сторонам к востоку, подобное кораблю» - написано в «Постановлениях апостолов» в III веке. И многие церковные деятели сравнивали христианский храм с кораблем, несущим души людские к спасению. Классический крестово-купольный храм - это особая структура, которая сочетала в себе основополагающую пространственную форму Креста и купол над средокрестием. Крест Распятия - идеальный образ Христа для выражения его «страстного (крестного) пути» в храме во время литургии. Таким образом, была достигнута предельная слитность формы храма с идеей Христа и ежедневным храмовым действием, символизирующим таинственное приобщение человека к Богу во время Евхаристии. Это было главное достижение зодчих, создавших крестово-купольный храм (6-8 вв. Византия). «В своих лучших воплощениях храм переживается и ощущается, как собор, как собрание воедино во Христе неба и земли и всей твари в чем и состоит сущность и назначение Церкви» писал пресвитер Александр Шмеман [1]. Подобное многообразие элементов христианской живописи имеет свои специфические характеристики, которые необходимо рассмотреть. Именно поэтому необходимо говорить о том, что храмовая живопись как отдельный вид искусства должна быть тщательно изучена, с прослеживанием всех исторических этапов трансформации и их смысловых акцентов.

Целью данной работы является исторический анализ этапов становления храмовой живописи. Объектом исследования мы определили этапы

развития храмовой живописи, предметом специфику данного вида искусства.

Для того, чтобы цель исследования была достигнута, мы определили ряд задач:

1. Выявить специфику и отличия храмовой живописи от иных видов искусства;
2. Конкретизировать этапы становления храмовой живописи в истории.

Материалы и методы исследования

В качестве основных методов нами использованы теоретико-методологический и исторический анализ литературных источников по теме исследования.

Наиболее интересными нам показались публикации Т.Ю. Воробьевой, Е.П. Юваловой, отражающие исследования различных стилей живописи. Также заслуживают внимания работы Н.Л. Хаита, А.Е. Исаевой (о роли личности в истории), И.К. Языковой об истории иконописи.

Детальное изучение различных точек зрения на историю становления храмовой живописи позволит нам конкретизировать этапы и их специфические особенности.

Результаты и их обсуждение

Специфика и отличия храмовой живописи от иных видов искусства

Заходя внутрь христианского храма, наиболее привычно встретить нанесенные на стены росписи, изображающие сцены из Священных Писаний и изображения святых. Также храмы украшаются иконами, большими и малыми, выполненными на досках или холстах. Каждый храм разделен на определенные зоны, части пространства, каждая из которых имеет свою цель и свое значение. В целом все элементы росписей должны составлять единое цельное священное пространство и служить местом для молитвы, пробуждать духовные переживания и чувство поклонения, заставлять задуматься о своей жизни. Таким образом, храм становится продолжением богослужения, а не просто его оформлением. Эта связь и делает искусство церковным, иначе, отличая от композиций на религиозную тему. Именно поэтому необходимо обосновать особое убранство и интерьер храма, которые и обуславливают его оформление.

Концептуальной основой придания особого значения храмового искусства являются положения об иконопочитании, принятом на 6 Вселенском соборе в 451 г. в Халкидоне о Богочеловечестве Христа. Невидимый и непостижимый Бог, которого нельзя изобразить, явился человечеству в Иисусе Христе, Богочеловеке. Ветхий завет изначально запрещал изображать не только Бога, но и человека. Собор разрешил изображение Богоче-

ловека, который пришел для спасения всего мира, а также святых и священные события.

Самое важное место в храме всегда занимает алтарь и иконостас, расположенные с точной ориентацией на восток. Алтарь символизирует небеса, а иконостас – врата, отделяющие алтарь от основного пространства. Алтарь – это символ Богоприсутствия. Он является центром всей образной структуры, символ Царства Божия, Небесного Иерусалима. Иконостас представляет собой довольно сложную перегородку, которая состоит из нескольких иерархических рядов икон, нескольких дверей. Заходить в алтарь могут далеко не все. Совсем запрещено заходить туда женщинам. Иконостас всегда ярок, покрыт позолотой.

В алтарной части изображают Господа, сцену Тайной Вечери, предстоящих Богородицу, Архангелов Михаила и Гавриила, Предтечу, праздники, Страсти Христовы и Воскресение. Все принципы расположения изображений описаны святыми отцами церкви еще в первые века христианства. Эти каноны соблюдаются до сих пор. Они очень подробны и могут быть приспособлены для разных по величине и внутреннему пространству храмов.

Иконостас представляется в христианстве, теологической философии границу между двумя мирами, видимым и невидимым. Он представляет собой собрание святых и ангелов, свидетелей, обступивших Престол Божий, возвещающих небесную славу. Это прежде всего Христос и Богоматерь. Окружающие их святые и ангелы своими ликами возвещают страшное и славное Божественное присутствие. Они – «живые свидетели Божии», как называл их священник Павел Флоренский.

Далее по важности идут центральный купол храма и своды. Здесь изображают наиболее значимые фигуры и события, которым посвящен сам храм: Господь Вседержитель, Богородица, Троица. Эти росписи особо выразительные, объемные.

На стенах и в арках преимущественно изображаются библейские сюжеты, жизни святых. В окнах и дверях в некоторых храмах тоже можно встретить росписи. Но это чаще растительные и геометрические орнаменты. Нередки росписи над дверями, например, распространен «Страшный Суд» над западным входом.

Таким образом, определив специфику храмового убранства и интерьера, необходимо рассмотреть этапы становления храмовой живописи в контексте их смысловых акцентов.

Этапы становления храмовой живописи в истории

Как мы уже говорили ранее, живописные приемы храмовых росписей менялись с веками. От строгих византийских, до выполненных в стиле модерн. Замечательными образцами являются образы Феофана Грека, Ан-

дрия Рублева, Дионисия и Симона Ушакова. До наших дней сохранилось мастерство псковской, строгановской, палехской, владимирской школ. Искусство храмовой росписи постоянно эволюционировало, менялось вместе с развитием живописи. Можно выделить несколько стилей определенных исторических эпох.

Первым в историческом контексте необходимо выделить византийский стиль первых веков христианства. Для него характерна строгость форм, сдержанность в цветовых решениях. Преобладали темные колористические решения внутреннего убранства. Изображения были подчинены строгим канонам: фигуры святых изображались симметричными и плоскими, лица – скорбящими, суровыми. Этот стиль отличала тяжеловестность. Каждый предмет обладал определенным религиозным смыслом. Первые образы на стенах были языческими мотивами и сюжетами, наполненными аллегориями и символами, тайными знаками. Популярны были изображения «доброго пастыря». Использовались монограммы Христа, образы рыбы, виноград. Но в целом художники использовали художественные формы античности: римские скульптуры, росписи и мозаики, рельефы и саркофаги, фаюмские портреты [2].

Несколько позднее сложился знакомый нам иконописный византийский стиль. Были разработаны строгие церковные и изобразительные каноны. Главные фигуры выделялись размером и цветом. Сложилась цветовая палитра каждого образа. Так Господь Иисус Христос изображается мужчиной с удлинённым лицом, выразительными большими глазами, длинными волнистыми волосами и небольшой раздвоенной бородой. Красная туника и синий плащ символизируют его жертву и связь с Небом. Существует две версии появления образа Спасителя. Восточная традиция основывается на сирийском памятнике пятого века «Учение Аддаи», где рассказывается, как благочестивый правитель города Эдессы, Авгар, отправил в Палестину художника, чтобы тот изобразил образ Христа, проповедовавшего там. Но попытки художника не удались. Тогда Христос сам взял белый плат и, поднеся к лицу, оставил на нем чудесное изображение лика. Спас Нерукотворный долго хранился в Эдессе, потом был перенесен в Константинополь.

Анализируя первоисточники, необходимо упомянуть западную версию, которая говорит о святой Веронике, следовавшей за Христом на Голгофу и подавшей ему полотенце, вытереть кровь и пот с лица. В результате на полотенце отпечатался Его Лик.

А первые иконы Божьей Матери по преданию, записанному в VI веке историком Феодором Чтецом, были написаны евангелистом Лукой. Богоматерь – красивая молодая женщина в голубом чепце и бардовом гематии. Также подробно описаны все образы святых, мучеников, ангелов и архангелов. Этих канонов придерживаются и современные иконописцы.

VII и VIII века ознаменовались тяжелейшим иконоборческим кризисом, завершившимся на 7 Вселенском соборе, где были определены основные догматы иконопочитания. Икона почитается, также как крест и евангелие. На иконах изображают Христа, Божью Мать, святых и ангелов, примеры людей, ради которых Спаситель и пришел на землю, как свидетельство, что вера является реальным спасением. Иконам воздается почитание, воскурение ладана, но не поклонение. Поклоняться следует только изображенному на иконе образу.

После падения Рима начинают образовываться европейские государства. И если до 10 века Римское и византийское искусство развивались в едином православном ключе, то теперь их пути разошлись кардинально. Для романского стиля Европы VI-VII веков была характерна сдержанная гамма. Художественный язык этого стиля лаконичен, категоричен. Вся обстановка должна была говорить о Страхе людей перед Богом. Особое внимание художники уделяли линии и силуэту. Фигуры людей рисовались с серьезными нарушениями пропорций, абстрактно, что указывает на действие запрета изображения человеческого тела и банальную необразованность художников. Человека следовало изображать только фронтально с симметричным лицом, не выражавшим ничего кроме суровости или страдания. Не позволялось ничего личного, ничего, выражавшего внутренний мир человека. Зато богато расписывались орнаментами одежды и фоны. Причем это были и геометрические орнаменты, и растительные, и анималистические. Самым изысканным был кельтский стиль [4].

Еще один, готический стиль 12 века отличали вытянутые, изящные, но еще не пропорциональные плоские силуэты. Окружение и предметы прописывались более детально с учетом масштаба, со светотенью. Но живопись в этот период не развивалась так активно, как мозаика и скульптура. Именно поэтому в данный период мы можем наблюдать расцвет украшения храмов мозаикой.

И только во времена Ренессанса XIII-XVI веков происходит переход от плоского двухмерного изображения к объемному трехмерному. Росписи становятся глубже за счет использования прямой перспективы и светотени. Человеческие фигуры обретают объем, правильные пропорции. Лица обретают мимику, становятся живее и естественнее. Проработка деталей становится более точной, выстраиваются более сложные композиции. Ярким представителем и основоположником этого стиля стал Джотто, впервые применивший прямую перспективу и изобразивший людей в движении, с разными эмоциями на лицах. Эта эпоха стала переломной между темным Средневековьем и Новым временем. Начали развиваться науки, стало активно изучаться и изображаться человеческое тело.

Эпоха Просвещения, начавшаяся в XVII веке в Англии и распространившаяся вскоре на всю Европу, отличалась свободомыслием и рацио-

нальностью. Она была связана с научной революцией, сильно повлиявшей и на изобразительное искусство. В обществе произошел отказ от религиозного мышления, как основополагающего. Стало преобладать научное мышление. Человек стал самостоятельной действующей личностью мира, а не простым рабом Бога. В изобразительном искусстве развитие получил портрет. Что не могло не отразиться на храмовой живописи. Росписи стали еще более реалистичными, более индивидуальными. Святые пишутся с обычных людей с портретным сходством и особенностями характера. Ведущим направлением стал реализм.

Отдельно от других необходимо отметить древнерусский стиль. Так как он родился на византийских образцах, придя на Русь из Константинополя, то и нес на себе отпечаток византийского стиля. Памятников изобразительного искусства Руси до 9 века почти не сохранилось, так как христианство крестило крестом и мечом, сметая все предыдущие культы распространенного в то время многобожия. После Крещения Руси в 988 году стали приезжать византийские мастера, которые учили новым принципам строительства храмов, иконописи и книжной миниатюре. До того храмы были деревянными. В 990-х годах в Киеве строится первый каменный храм Десятинная церковь. За ним следует Собор Святой Софии с 13 куполами в 1037 году. Он подчеркивал преемственность культуры Руси от Византии, так как носил тоже имя, что и главный собор Константинополя. Фрески и росписи этих соборов делались также византийскими мастерами.

В начале XII века во времена правления Владимира Мономаха на Русь была привезена икона Владимирской Богоматери, выдающийся памятник византийской иконописи. Она стала образцом иконописи для русских мастеров. И вплоть до конца XVII века иконопись являлась ядром русского искусства.

Иконы и росписи домонгольского периода почти не сохранились, но известно, что все первые храмы расписывались константинопольскими художниками. Первыми русскими иконописцами считаются преподобные Алипий и Григорий, работавшие в Киево-Печерском монастыре. К сожалению, в монгольский период почти все храмы были разрушены, но известны описания их внутреннего убранства. Сохранились иконы в Великом Новгороде, удержавшем свою независимость: «Спас Златая риза» из Софийского собора Новгорода, «Богоматерь Одигидрия», «Св. Георгий» и «Устюжское Благовещение». В конце 12 века была создана двухсторонняя икона «Спас Нерукотворный» с изображенным на обороте Поклонением Кресту. В тот же период появилась оплечная икона «Ангел Златые власы». К сожалению авторы этих икон остались неизвестными.

Отдельно развивалась иконопись Владимиро-Суздальского княжества, где в 1155 году стал княжить Андрей Боголюбский. Именно на

период его правления пришелся расцвет этой культуры. Во Владимир, где он обосновался, Андрей привез византийскую икону Владимирской Богоматери, ставшую главной святыней княжества. Вскоре Андрей заказывает мастерам икону, прозванную Богоматерь Боголюбская, где она изображена в рост в развороте, молящейся ко Христу. Если Киев в конце 12 века ослабевает, то Владимир наоборот обретает силу. Появляются знаменитые школы иконописи: ростовская и ярославская. Когда южные земли окончательно были завоеваны Батыем, митрополит Максим переехал из Киева во Владимир и перенес туда кафедру. Псков и Новгород остались незатронуты монгольским нашествием, но на уровне культуры оно сказалось очень сильно. Из икон ушла гармония, присущая образцам византийской живописи. Письмо упростилось и как бы консервировалось. Так икона «Николая из Духова монастыря» отличается архаичностью, жесткостью линий, плоским письмом, в котором виден отрыв от традиционного стиля. Новгородские мастера стали писать красные фоны и яркие красные поля, что стало яркой чертой, по которой можно определить эту школу.

Жемчужиной древнерусского искусства можно назвать творчество жителей древнего Пскова. В то время, как русские земли страдали от усобиц князей и монгольских набегов, Псков вел жестокие битвы за свое существование с иноземными народами. Выдвинутый далеко на запад, изолированный со всех сторон, он сражался за свою свободу и свою культуру, являясь форпостом Руси. Облик псковской архитектуры полон гордостью за народный подвиг, оно монументально и величественно. Устройство интерьера такого храма было похоже скорее на пещеру, если сравнивать их со стройностью классических храмов. Эти особенности наложили сильный отпечаток на живопись псковских храмов, отличавшихся своим оригинальным письмом. В XIII-начале XIV веков псковское искусство еще тяготело и к стилю Новгородской школ, и к романскому стилю западной Европы. Это видно на иконах 13 века «Богоматерь Одигитрия» и «Никола» из церкви Николы от Кож. Светлый санкирь, охрение на ликах, манера писать лики и руки полностью повторяют приемы новгородцев. Но уже на иконе из села Выбуты «Илья с житием» Виден особенный псковский стиль. Фоны икон покрывали оловом, что делало икону ярким световым пятном интерьера. Тонкие сочетания голубого цвета одежд пророка и розового фона пейзажа с темным узором трав и белых цветов. Фигуры написаны свободно, что отличало псковскую школу. Художники стремились к более реалистическому раскрытию образов, применяя упрощенные художественные средства. В начале 14 века в иконе «Богоявления» видно усилившееся влияние византийской традиции. Меняется техника живописи. Если раньше псковские художники часто пользовались черным рисующим контуром, то теперь он полностью ис-

чезает. Этот стиль можно назвать живописно-графическим. Более грамотный рисунок, четкое расположение цветовых пятен. Особенности псковской живописи являются: темные треугольные глазницы с яркими белками глаз, что делает взгляд очень напряженным, высветления на ликах с длинными пробелами придают образу силу, внимание к еле уловимым движениям души и приемы «скорописи». В 14 веке создаются росписи Волотова, Спасо- Преображения, Федора Стратилата, иконы Варваринской церкви- лучшие образцы культуры. Из Варваринской церкви до нас дошли иконы «Собор Богоматери», трех святых: Параскевы Пятницы, Варвары и Ульяны, и иконы Деисуса. Особый живописный стиль и совершенное исполнение делают их вершинами псковской живописи этого периода. Лики, розовато-охристые по темному санкирю, яркие пробела, любимая ярко-желтая краска- аурипигмент вместо золота на фоне, алая киноварь, темно-коричневый и темно-зеленый, создают цельность при внутреннем напряжении и динамике.

С начала XIV века русские города возобновляют связи с Византией и Европой. И начинается новый подъем русского искусства. Ведущую роль в политической и культурной жизни обретает Москва. Ведется активное строительство московского Кремля. Для этого был приглашен итальянец Аристотель Фьораванти, который в 1479 году построил Успенский собор. В 1487- 1491 годах итальянские зодчие Марк Фрязин и Пьетро Антонио Солари построили парадную часть Кремля. До наших дней из нее сохранилась только Грановитая палата, выполненная в стиле готики. В начале 16 века итальянцы отстраивают Чудов монастырь, собор Вознесенского монастыря, церковь Иоанна Лествичника и церковь Николы Гостунского, перестраивают храм Иоанна Предтечи у Боровицких ворот. Также ими были отстроены стены и башни Кремля. По форме башни и зубчатые навершения похожи на замок Скалигеров в Вероне и замок Сфорца в Милане. Московский Кремль копирует замок Сфорца. Даже самые мелкие детали повторяются: такие как навершия стен, которые венчают 1045 зубцов в форме ласточкиного хвоста. И высота у Филаретовой башни замка Сфорца ровно 71 метр, как у Спасской. Собор был достроен в 1481 году и началась внутренняя работа над стенными росписями. Сначала расписали алтарь, Петроверигский и Похвальский приделы. Закончили работу в 1513-1515 годах. Росписи 1481 года сохранились до наших дней, а те, что появились позже были переписаны в 1642-1643 гг. Работы велись под руководством Ивана Пасеина. В 1673 году Симон Ушаков переписывает росписи над южными дверьми. Там он пишет Спаса Нерукотворного и Пречистую Богородицу со святыми.

Приглашаются в Москву и иностранные мастера из Греции и Сербии. Сюда же приезжает и Феофан Грек. Феофан остается верен византийской традиции. Кроме того, ему был присущ особый талант сочетать

сближенные земляные цвета, почти неотличимые по тону. Краски, как бы перетекают одна в другую, создавая прекрасную гармонию. Его иконы отличаются яркие блики и рефлексy, они как звезды светятся на темных фонах, преображают их. Колорит Феофана напряжен, страстен, полон контрастов, что полностью отличало его от византийских художников этого времени. Его цветовые гармонии произвели сильнейшее впечатление на русских мастеров.

Со времени Андрея Рублева, с ростом самостоятельности русских иконописцев, расширяется цветовая палитра, колорит росписей становится светлее, ярче, жизнерадостнее. Композиции становятся динамичнее. Но остаются в каноне византийского искусства.

Необходимо отметить, что русское искусство развивалось под влиянием византийского направления долгое время. В нем проявились тенденции романского стиля в архитектуре, а готика почти не коснулась. Академическое направление в живописи пришло в Россию лишь в 18 веке, когда в Европе уже была эпоха Просвещения. В храмовой живописи ведущим остается византийский стиль, но начинают появляться объемные трехмерные образы в иконах. Сначала робко, наивно, но с появлением европейских мастеров и университетов, начинается новая эпоха русской живописи. В иконописи появляется так называемый «академический» стиль. Лики пишутся очень реалистично, почти как портреты, но с соблюдением основных канонов. Многие иконы стали смесью двух стилей: лики прописаны реалистично, а фигуры, одежды и фоны, более условно, как писались раньше. В XVII веке получает распространение «парсуна» от искаженно звучащего слова «персона». Изображение человека в иконописном стиле, аналог портрета.

С приходом к власти Петра I и начинает революционные преобразования в государстве Российском, его реформы касаются и изобразительного искусства. Привезенные им иностранные художники, начавшие работать при дворе, открывают новое направление развития архитектуры и живописи. Первыми приехали француз Луи Каравак и немец Иоганн Готфрид Таннауэр. Они писали полотна на заказ и набирали учеников. Во времена Елизаветы важную роль сыграли братья Гроот и итальянец Пьетро Ротари. Русские художники познакомились с западными образцами, новыми стилями и жанрами. Открылась Академия художеств и первые картинные галереи. Был основан Эрмитаж.

При Петре I люди разных профессий отправлялись для обучения за границу за государственный счет. Их называли пенсионерами. Первыми живописцами, учившимися в Европе, были Иван Никитин и Андрей Матвеев. Иван Никитин прошел обучение в Италии, а по возвращении работал придворным художником. Он стал основателем русской портретной школы. Андрей Матвеев учился в Голландии, он написал первый в русской

живописи автопортрет.

За границей художники ознакомились с такими стилями живописи, как маньеризм, барокко, рококо, классицизм, сентиментализм. Эти стили стали переплетаться в работах русских художников. Но до середины 18 века в картинах все равно были заметны элементы парсуны. Художники, до того писавшие иконы, стали обращаться к человеку и его внутреннему миру. Менялась цветовая гамма, становясь ярче и разнообразнее, сюжеты становились более светскими. 18 век стал веком портретов. Появилось множество вариантов парадных портретов, автопортретов, портретов нескольких человек на одном полотне, небольших камерных портретов. Самые известные портретисты Алексей Антропов и Иван Аргунов, из крепостных. Художники начали обращаться к бытовому жанру, натюрморту, пейзажу, историческому жанру. Отношение к живописи меняется кардинально. Работа художника становится профессией. Исчезает безликость иконописного периода. Отличительной особенностью становится наличие на работ подписей художников.

В храмовом искусстве XVIII века преобладали барокко и классицизм. Создавались такие монументальные храмы, как Смольный монастырь и Зимний дворец. Иконы стали более светскими, использовались европейские мотивы. В них изображались люди и сцены из жизни, как например, в работах Рокотова и Левицкого. Под влиянием европейских стилей русским художникам пришлось освоить законы светотени и анатомию.

В XIX веке храмовая живопись несет на себе влияние реализма и символизма. Иконопись сохраняет свою значимость. Рассветом новой храмовой живописи стал перелом 19-20 веков, когда русские художники начали смелые эксперименты с цветом и формой под влиянием европейского модерна. Наиболее известные художники, расписывавшие храмы: Репин, Васнецов, Нестеров, Корин, Дубовский, Левитан, Рябушкин, Рерих. В росписях помимо религиозных сюжетов появляются и светские мотивы, связанные с историей и бытом. Реалистичные изображения людей, окружающей их природы и быта становится важным элементом в росписях храмов.

Илья Ефимович Репин всю жизнь писал картины на религиозные темы. Начиная с дипломной конкурсной картины «Воскрешение дочери Иаира», следовала целая серия картин на Евангельские сюжеты.

Николай Константинович Рерих всю жизнь посвятил росписи храмов. Выходец из Санкт-Петербургской Академии художеств, сначала он был художником, придерживавшимся академического направления в живописи. Но во время его длительной экспедиции по российским городам, сохранившим свою древность, изучения памятников культуры, складывается его особый стиль письма, названный символизмом. Им были выполнены

росписи: Церковь Святого Духа в Талашкине, церковь Покрова Превятой Богородицы в селе Пархомовка, церковь «На пороховых заводах» в Шлис-сельбурге, иконостас для церкви Казанской Богоматери Успенского женского монастыря в Перми, Троицкий собор Почаевской лавры в Украине, часовня Святой Анастасии в Пскове. К сожалению время и войны, не пощадили эти прекрасные произведения. До наших дней сохранилась только мозаика церкви Святого Духа во Фленове недалеко от Талашкино, изображающая образ Спаса Нерукотворного. Образы Рериха полны мощи, духа, они торжественны, величественны и спокойны.

Особенно следует отметить роспись Владимирского собора в Киеве художником Виктором Васнецовым. Он написал 15 картин и 30 отдельных образов, посвятив этой работе 11 лет. «Нет на Руси для русского художника святее и плодотворнее дела, как украшение храма» – считал Васнецов. На его картинах Богоматерь изображается реальной женщиной с очень выразительными глазами. Младенец – прекрасный ребенок около года. Их образы художник писал со своей жены и сына. Образы Васнецова очень яркие, запоминающиеся. Они как бы пропитаны духовной силой. Это подчеркнуто смелыми сочетаниями цвета и света. Необыкновенные прекрасные лица, озаренные внутренним светом, смотрят с печалью и любовью. Эта икона называется теперь «Васнецовской Богоматерью». Для Владимирского собора Васнецов написал 400 эскизов, которые хранятся в Третьяковской галерее.

XX век стал трагичным для русского храмового искусства. После революции оно жестоко уничтожалось. Разрушались храмы и сжигались иконы. Только много позже задумались о сохранении культурных памятников. Великая Отечественная война прокатилась по стране, стерев с лица земли еще больше церквей. В настоящее время храмы восстанавливаются, реставрируются, строятся новые. Художники и архитекторы опираются на самые различные стили. Единого стиля или нового стиля нет. Скорее присутствует эклектика.

Выводы

В качестве основного вывода необходимо отметить динамику и непрерывную эволюцию христианства, а вместе с ним, и христианского искусства. С появлением новых архитектурных форм и конструкций менялось внутреннее помещение, свет. Живопись приспосабливалась к новым геометрическим формам, новым мировоззрениям. С развитием живописи в христианских странах возникали новые стили, техники и направления. Взлеты и падения отмечали развитие русского искусства. Исходя из результатов нашего исторического анализа, необходимо отметить что начиная с 9 века искусство заимствовано из Византии и развивалось на греческих образцах. Расцвет древнерусского искусства

приходится на 15 век, после освобождения от монгольского ига и возобновления отношений с греческими и сербскими художниками. С началом правления Петра 1, когда в Россию были завезены европейские мастера, изобразительное искусство меняет направление в сторону европейского реализма. Расцвет русского храмового искусства конца 19- начала 20 веков резко обрывается с февральской революцией и установлением в стране диктатуры пролетариата и атеизма. Через 70 лет началась реконструкция старой православной культуры, но она носит эклектический характер и не поднимается до прежних высот.

Таким образом, сложно говорить о постепенном, поэтапном развитии храмовой живописи, скорее – о скачкообразной динамике, которая отражена в многоплановой стилизации.

Библиографический список

1. Таинство соборания. Хрестоматия: Церковная архитектура и изобразительное искусство. Ред.-сост. А.М. Копировский. – М.: 2015. 385 с.
2. «Раннехристианское искусство». Статья Википедия. // URL: ru.m.wikipedia.org
3. Воробьева Т.Ю. Катакомбы. Раннехристианская трапеза: Историко-культурные и историко-художественные связи и параллели. – СПб.: Нестор-История, 2011. С. 30-31.
4. Ювалова Е.П. «Сложение готики во Франции». – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 32-33, 115-119, 156.
5. «Церковная архитектура и изобразительное искусство. Хрестоматия для студентов теологического, религиоведческого и других гуманитарных направлений, и специальностей высших учебных заведений» Ред.-сост. А.М. Копировский. Негос. Образовательное учреждение высш. Проф. Образования Свято-Филаретовский православно- христианский ин-т. – Москва: Свято-Филаретовский православно- христианский институт, 2015. 280 с.
6. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. Пер. С.П. Кондратьева. – М.: Артос, 1996. С. 138-297, 299-301.
7. «Готика» статья Википедии. // URL: ru.m.wikipedia.org. (Дата обращения: 17.09.2025)
8. «Роспись стен в храме: истоки, стили, техники и материалы» // URL: <https://fridlender.ru/blog/article/rospis-sten-v-khrame-istoki-stili-tehniki-i-materialy/> (Дата обращения: 17.09.2025)
9. Языкова И.К. История иконописи. Курс лекций, организованный проектом Magisteria. // URL: https://vk.com/wall-134683878_9624 (Дата обращения: 18.09.2025)
10. «Картина эпохи»: XVIII век в русской живописи. // URL: <https://www.culture.ru/materials/178075/kartina-epokhi-xviii-vek-v-russkoi-zhivopisi>. (Дата обращения: 19.09.2025)
11. Русские иконы домонгольского периода. // URL: <http://baget1.ru/Icon/Russian-icons.php>. (Дата обращения: 19.09.2025)
12. Языкова И.К. От катакомб до первых храмов. // URL: <https://magisteria.ru/icon/rannechristianskoe-iskusstvo-do-i-posle-313-g-ot-katakomb-do-pervyh-hramov-i-ikon>. (Дата обращения: 19.09.2025)
13. Хаит Н.Л. Теоретико-методологические аспекты феномена личности в истории / Н.Л. Хаит, А.Е. Исаева // Начала Русского мира. 2025. № 2. С. 79-86.

References

1. The Sacrament of the Assembly. Anthology: Church Architecture and Fine Arts. Ed. and compiled by A. M. Kopirovsky. Moscow: 2015. 385 p.
2. “Early Christian Art.” Wikipedia article. // URL: ru.m.wikipedia.org
3. Vorobyova T. Yu. Catacombs. Early Christian Meal: Historical, Cultural and Historical-Artistic Connections and Parallels. St. Petersburg: Nestor-History, 2011. P. 30-31.
4. Yuvalova E.P. “The Development of Gothic in France.” St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2000.

P. 32-33, 115-119, 156.

5. "Church Architecture and Fine Arts. A Reader for Students of Theology, Religious Studies, and Other Humanities Majors, and Specializations at Higher Education Institutions. Ed. and compiled by A.M. Kopyrovsky. Non-government. Educational Institution of Higher Prof. Education St. Philaret's Orthodox Christian Institute. – Moscow: St. Philaret's Orthodox Christian Institute, 2015. 280 p.

6. Procopius of Caesarea. War with the Goths. About the Buildings. Translated by S.P. Kondratiev. – Moscow: ArktoS, 1996. P. 138-297, 299-301.

7. "Gothic" Wikipedia article. // URL: ru.m.wikipedia.org. (17.09.2025)

8. "Wall Painting in the Church: Origins, Styles, Techniques, and Materials" // URL: <https://fridlender.ru/blog/article/rospis-sten-v-khrame-istoki-stili-tekhniki-i-materialy/> (17.09.2025)

9. Yazykova I.K. History of Icon Painting. Lecture Course Organized by the Magisteria Project // URL: https://vk.com/wall-134683878_9624 (18.09.2025)

10. "Picture of the Era": The 18th Century in Russian Painting // URL: <https://www.culture.ru/materials/178075/kartina-epokhi-xviii-vek-v-russkoi-zhivopisi>. (19.09.2025)

11. Russian icons of the pre-Mongol period. // URL: <http://baget1.ru/Icon/Russian-icons.php>. (19.09.2025)

12. Yazykova I.K. From the catacombs to the first churches. // URL: <https://magisteria.ru/icon/rannehristianskoe-iskusstvo-do-i-posle-313-g-ot-katakomb-do-pervyh-hramov-i-ikon>. (19.09.2025)

13. Khait N.L. Theoretical and methodological aspects of the personality phenomenon in history / N.L. Khait, A.E. Isaeva // *Beginnings of the Russian World*. 2025. № 2. P. 79-86.

Аннотации

Рябова Е.Л.

Терновая Л.О.

«Третий возраст»: готовность государства и общества к «серебряному цунами»

Статья посвящена анализу вызовов, связанных с демографическим старением населения, обозначаемым как «серебряное цунами». Рассматриваются ключевые социальные, экономические и инфраструктурные проблемы, с которыми сталкивается старшее поколение, включая финансовую уязвимость, недостаток гериатрической помощи, социальную изоляцию и отсутствие доступной среды. Проанализированы международные рейтинги пенсионных систем, особенности пенсионного обеспечения в России и других странах, а также современные тенденции в социальной политике, такие как развитие «серебряной экономики», волонтерских движений и образовательных программ для пожилых людей. Особое внимание уделено необходимости комплексного подхода к поддержке лиц третьего возраста, интеграции лучших международных практик и расширению участия общества и бизнеса в решении проблем старения. Делается вывод о том, что только совместные усилия государства, общества и бизнеса позволят достойно ответить на вызовы «серебряного цунами» и превратить третий возраст в период новых возможностей.

Ключевые слова: демографическое старение, пенсионный возраст, социальное обеспечение, «серебряное цунами», пенсионная система, гериатрия, активное долголетие, качество жизни пожилых, корпоративные пенсии, образовательные программы для пожилых.

Анисимов П.В.

Медицина, Трамп и предвыборная стратегия демократов на президентских выборах США в 2024 г.

С момента начала активной предвыборной борьбы в 2023 г. за пост президента США основным лейтмотивом речей среди республиканцев и демократов служило «спасение Америки». Обе стороны пугали граждан неизбежной тиранией, если победу одержит «вражеский» кандидат.

Ключевые слова: страны, политология, гражданское мнение, республиканцы, конфликт, стороны.

Шаламова Е.В.

Капелюш М.Б.

Психологические и социокультурные механизмы формирования и продвижения личного бренда в условиях цифровой эпохи

Данная статья рассматривает формирование и продвижение личного бренда со стороны психологических и социокультурных факторов, оказывающих влияние. Также были рассмотрены методы продвижения личного бренда и рассмотрена их эффективность. Данное исследование старается проанализировать факторы, влияющие на формирование личного бренда и его продвижение в условиях технологического прогресса, таких как: психологические аспекты (самовосприятие), архетипы и их влияние на формирование личного бренда, социокультурные тенденции для восприятия персонального брендинга на цифровом рынке. В процессе исследования поставленной проблемы использовались методы логического анализа. Сделан вывод о том, что в эпоху цифрового развития при формировании личного бренда стоит учитывать психологические и социокультурные аспекты, которые в свою очередь оказывают влияние как на обладателя бренда, так и на потребителей. Соблюдение данных факторов будет положительно влиять на продвижение, формируя хорошую репутацию, которая будет выделять личный бренд на фоне конкурентов.

Ключевые слова: личный бренд, продвижение, формирование, психология, социокультурное влияние, развитие, современные технологии, социальные сети, индивидуальность, имидж, репутация, работа над собой, контент-маркетинг.

Анисимов П.В.**Трамп и Обамаcare: использование недостатков реформы в качестве стратегии на президентских выборах**

В статье исследованы причины выдвижения реформы медицинского страхования в США на первое место в рамках предвыборной стратегии Дональда Трампа на выборах президента в 2016 г. Показана предыстория вопроса, раскрыты мотивы и причины того, что, несмотря на успешность проведенной реформы президентом от демократов Бараком Обамой, недовольство избирателей системой здравоохранения было умело направлено штабом Трампа против самих же демократов.

Ключевые слова: выборы в США, Дональд Трамп, Хиллари Клинтон, медицинское страхование, Обамакейр, Барак Обама, праймериз, выборы 2016 г., Медикейд, реформа здравоохранения.

Чебодаева М.П.Ултургашева Н.Д.Алексеева А.Г.**Коллекции С.Д. Майнагашева в фондах музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (кунсткамера)**

В статье рассматриваются коллекции С.Д. Майнагашева, собранные исследователем во время этнографических экспедиций в Минусинский и Ачинский уезды в 1913-1914-х годах. В настоящее время коллекции хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге и насчитывают 3 вещевых и 4 фото-негативных коллекций. Этнографические предметы С.Д. Майнагашева до настоящего времени мало изучались и публиковались и требуют полной публикации, которые характеризуют традиционный костюм, верования, обряды этнических групп хакасов качинцев, сагайцев и кызыльцев.

Ключевые слова: С.Д. Майнагашев, этнографическая поездка, минусинские и ачинские инородцы.

Мальцева Л.В.Полонникова А.А.**Сохранение и укрепление культуры (подворье кубанских казаков)**

Необходимо возродить народные традиции, промыслы, что позволит сохранить это для потомков. Это культура, традиции, обычаи, ремесла, которые осознаются современным обществом как фактор преемственности поколений, приобщения к национальным жизненным истокам. Функции традиционной культуры в развитии и воспитании молодежи высоки и неоднозначны.

Культура Кубани является уникальной. Есть места в силу своей эмоциональности воздействия, благодатности притягивали, концентрировали народы и государства.

Этнохудожественная культура кубанских казаков как активный творческий феномен обладает громадными возможностями культурного творчества, он способен опережать различные состояния сознания, оказывать обратное влияние на жизненный, цивилизационный процесс. В связи с этим особую важность сегодня приобретает разработка новых подходов в процессе изучения той или иной культуры.

Ключевые слова: культура, жилище, усадьба, хата, убранство, подворье, традиции, казаки.

Лыкова Н.Н.Гасанова В.Т.Андрейченко О.И.**Социокультурная православная традиция как фактор духовно-нравственного воспитания молодежи (культурологический аспект)**

В трансформирующемся обществе отмечается усиление негативных явлений в молодежной среде. К их числу относятся «двойная мораль», разрушение ценностных абсолютов как в этической, так и в эстетической сферах. В новой реальности, в которой оказалось наше

общество после завершения «лихих 90-х», возвращение к истокам, актуализация нравственно-эстетических ценностей, норм и регулятивов, содержащихся в Писании, представляются чрезвычайно важными и актуальными. Социокультурный православный фактор, наряду с другими, предопределяет сложную, синкретическую структуру российской культуры с многообразием составляющих ее идеалов и нравственных ценностей. Особым предметом внимания являются духовно-нравственные идеалы самой молодежи, а также вопросы соотношения традиций и современности. Для этого необходимо творчески переработать опыт отечественных богословов и представителей религиозно-идеалистической философии, адаптировав его к трансформационному постсоветскому обществу, существующему во внешней среде постмодернистского, секуляризированного, нравственно и эстетически релятивистского мира. В данной статье представляется возможным осветить новый качественный - уровень понимания молодежью православной традиции как фактора духовно-нравственного воспитания через переосмысление религиозно традиционного прошлого в современном социокультурном контексте. Т.О. авторы данного материала определяют новые возможности в духовном развитии юношества. Особенно важным, считают авторы, найти конкретные формы и методы трансляции православных нравственно-эстетических ценностей современной молодежи, оказавшейся на духовном распутье.

Ключевые слова: трансформирующееся общество, негативные явления, ценностные абсолюты, духовно-нравственное воспитание, библейские ценности, религиозное просвещение, молодёжная среда, возвращение к истокам, активная жизненная позиция.

Барсуков Р.Р.

Кармалеев Р.А.

Культуры жизни и культуры смерти: попытка демаркации

Во «Введении» формулируется цель исследования: выявление среди многообразия мировых культур наиболее ярких типов, ориентированных на жизнь или на смерть. Цель предполагает решение ряда задач: выявить и кратко охарактеризовать данные типы; развести современные культуры по их принадлежности к разным типам. Теоретическая часть содержит анализ текстуального материала по ряду конкретно-исторических типов культур. «Выводы и заключение»: ни одна из мировых религий, равно, как ни одна из развитых национальных религий (иудаизм, индуизм и т.д.) не проповедует смерть. Современная западная и российская культуры ориентированы на жизнь «здесь и сейчас». Страны ислама более центрированы на религиозных основах и понятии вечной жизни. Среди относительно современных культур смерти особо выделяются культуры нацистской Германии, полпотовской Кампучии и нынешней Украины. Их основные характеристики: невротическая привязанность к Матери-земле; обращение к прошлому; фантазматические сценарии будущего; установка на полное уничтожение собственного народа и созданной им культуры.

Ключевые слова: культура, жизнь, смерть, религия, Мать-земля, прошлое, самураи, нацисты, «красные кхмеры», казаки.

Бянь Мэнлэй

Фортепианные этюды Ф. Шопена как синтез виртуозности и поэтики

Цель данной работы — проанализировать особенности фортепианных этюдов Шопена как синтеза технического мастерства и художественной поэтики. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть:

- историко-стилистический анализ создания этюдов;
- их роль в системе фортепианного жанра;
- выразительные и технические приёмы, применённые в отдельных произведениях;
- специфику исполнительского подхода к этим сочинениям.

Актуальность темы заключается в неизменном интересе как со стороны музыкантов-профессионалов, так и со стороны исследователей к творчеству Шопена, к его новаторскому подходу в области фортепианного письма и к тонкому психологизму, скрытому даже в чисто технических задачах.

Ключевые слова: Шопен, этюд, тема, музыкальное произведение, техническая задача.

Васильева О.А.

Пушняк К.В.

Слонова Д.Д.

Культурный код территории как ключевой фактор геобрендинга на примере Республики Карелия

В статье представлен авторский взгляд на концепцию геобрендинга Республики Карелия. Анализ элементов идентичности, основанный на природно-историческом развитии территории, позволил определить культурный код и сформулировать направления потенциального развития бренда региона. Отдельное внимание уделено разработке визуальной айдентики и направлениям продвижения территориального бренда Республики Карелия среди основных целевых групп.

Ключевые слова: геобрендинг, территория, идентичность, культурный код, визуальная айдентика, Республика Карелия.

Гордеева Т.Ю.

От тайны клетки к клеточной акустике. Новаторские идеи профессора С.В. Шушарджана

Одержимость научной идеей, зароненной в пытливым детский ум талантливыми школьными учителями, может стать для личности делом всей жизни и привести к впечатляющим научным результатам. Проникновение в тайны живой клетки красной нитью проходит сквозь всю исследовательскую деятельность уникального ученого: врача и оперного певца, Сергея Вагановича Шушарджана. Глубокое знание естественнонаучных законов жизнедеятельности биологической системы и последствий влияния на живой организм музыки, а также собственный опыт психофизиологического звукового воздействия позволил С.В. Шушарджану прийти к любопытным научным открытиям, находящимся на стыке музыки и медицины. Шушарджан явился достойным продолжателем дела знаменитых отечественных ученых XIX – начала XX века, изучавших процесс воздействия музыки и творчества на биологический организм (В.М. Бехтерев, И.М. Догель, И.М. Сеченов, И.Р. Тарханов и др.). Значение исследований С.В. Шушарджана состоит в том, что он, во-первых, продолжил заложенную В.М. Бехтеревым традицию междисциплинарного сотрудничества музыкантов и врачей, прерванную в 1927 году; во-вторых, представил и обосновал ее на современном научно-технологическом уровне познания. И, наконец, благодаря деятельности ученого, возникли такие новые научные направления, как научная музыкотерапия и клеточная акустика.

Ключевые слова: музыкальное искусство, научная музыкальная терапия, живая клетка, клеточная акустика, С.В. Шушарджан.

Колосов Р.В.

Хоррор как диагностика реальности: коллективная выставка независимых художников Северного Казахстана и рождение нового культурного кода в казахстанском искусстве

В данной статье рассматривается феномен коллективной выставки «Хоррор», состоявшейся в августе 2025 года в Петропавловске (Северный Казахстан) как значимое событие в контексте развития современного казахстанского искусства. Анализируется отход от традиционных представлений о жанре ужасов в сторону его социально-критического и психотерапевтического осмысления. На материале работ участников проекта доказывается тезис о том, что «хоррор» был использован художниками как инструмент для рефлексии коллективных травм, социальных болезней и личных экзистенциальных страхов, актуальных для современного казахстанского общества. Выставка интерпретируется как акт художественного сопротивления клишированному позитивному дискурсу и важный шаг в формировании независимой арт-сцены регионов Казахстана.

Ключевые слова: современное искусство Казахстана, социальный хоррор, культурная травма, художественный андерграунд, визуальные исследования, искусство и терапия, региональный арт-процесс.

Кудозов А.Т.

Интермедийная эстетика дадаизма: звук и голос через визуальные образы в фото-монтаже Р. Хаусмана “ABCD”

В статье рассматриваются произведения искусства берлинского дадаиста и одного из самых влиятельных теоретиков мирового авангарда Рауля Хаусмана с точки зрения интермедialности предлагаемого им художественного опыта. Берлинский дадаизм делал акцент на своей заинтересованности в политической жизни страны, а также выступал за революцию в культуре, как Германии, так и всего мира. Так, дадаистские произведения стали политическим высказыванием, которые должны были ускорить желаемые ими перемены. То, каким образом устроены эти произведения, какой принципиально новый опыт предложили дадаисты по сравнению с прежним каноном искусства – тема дискуссионная и только в последние несколько лет получает необходимую рефлексию учеными из разных концов планеты. Автор статьи обращается к фотомонтажу Р. Хаусмана с целью проследить специфику его устройства с точки зрения медиа. Так как для дадаистов было важно восстановить целостность человека и его восприятие мира, которые, по убеждению дадаистов, были разрушены Первой Мировой войной, их художественная концепция предполагала отказ от канонов академизма и пересборку идеи синтеза искусств. Поэтому методами работы с источником в статье выступают мультимодальный анализ (Б. Дикс), визуальный анализ (Дж. Роуз), а также исследования интермедialности (О. Ханзен-Лёве, И. Кондаков). Так как дадаизм одно из первых течений в мировой художественной культуре, которое использовало интермедialность, как основу своего творческого метода. Как следствие, автор статьи разбирает специфику функционирования дадаистского произведения искусства и медиумов внутри него, актуализирует проблемность восприятия художественного опыта искусства авангарда для современности.

Ключевые слова: дадаизм, интермедialность, звук, голос, авангард, Рауль Хаусман.

Кузнецова Я.К.

«Поцелуй» и «Девушка с кольцом» Моллера: между Бидермейером и салонным искусством

В настоящей статье проводится анализ двух знаковых произведений русского художника немецкого происхождения Федора Антоновича Моллера: картин «Поцелуй» и «Девушка с кольцом». Эти картины, являющиеся важной частью русского искусства XIX века, исследуются с целью определения их уникального художественного стиля. В исследовании продемонстрировано, как работы Моллера искусно сочетают в себе черты двух главных направлений европейской живописи указанного периода: бидермейера и салонного искусства. Бидермейер, характеризующийся камерностью, интимным лиризмом и большим вниманием к деталям повседневной жизни, проявляется в теплоте и непосредственности изображенных сцен. В то же время влияние салонного искусства с его стремлением к академизму, повествовательности и внешней эффектности, прослеживается в выразительности рассматриваемых композиций и в манере их исполнения. В статье подробно разбираются сюжетно-содержательные особенности полотен, их композиционные и колористические приемы, подчеркивающие мастерство Моллера в передаче эмоциональной глубины и внешней привлекательности образов. Особое внимание уделено истории приобретения этих работ русским императорским двором, что говорит об их высокой художественной ценности и признании при жизни живописца. Анализ позволяет лучше понять вклад Моллера в развитие жанровой живописи в России.

Ключевые слова: Моллер, Николай I, русский императорский двор, XIX век, бидермейер, салонное искусство, жанровая живопись.

Либина Р.Б.

Английская готика в Петербурге: причины возведения Чесменского дворца

В статье рассматриваются обстоятельства, вызвавшие строительство Чесменского дворца Екатерины II. Здание принято считать путевым дворцом императрицы. Однако в таком качестве он почти не использовался, императрица перестала бывать в нём через несколько лет после постройки. Роли путевого дворца противоречат факт его поспешного строительства, великолепного убранства и единственной пьесы императрицы, посвященной именно дворцу. Можно предположить, что строительство дворцового комплекса было вызвано предстоявшим совершеннолетием наследника Павла. Императрица опасалась быть отстра-

нённой от управления и рассчитывала в таком случае сделать дворец своим домом, основной резиденцией. Однако наследник не предпринял шагов к овладению тронном, и новый дворец оказался не нужен в изначально отведённой ему роли. Этой же ситуацией можно объяснить и факт перемены названия дворца, призванный скрыть изначальные цели строительства.

Ключевые слова: Чесменский дворец, Петербургская готика, Екатерина II и Павел, английские мотивы в архитектуре Петербурге.

Тянь Жу

Взаимодействие российской и китайской театральнх культур на современном этапе

Статья посвящена современному взаимодействию российской и китайской театральнх культур. Рассматриваются исторические предпосылки сотрудничества, включая влияние системы К. С. Станиславского на китайский театр, а также современные формы театральнго диалога: совместные постановки, фестивали, академические обмены и онлайн-проекты. Особое внимание уделяется вопросам межкультурной адаптации театральнх методов, роли образовательных и культурных учреждений, а также возможностям для молодых актёров, режиссёров и драматургов. Делается вывод о значимости театра как формы гуманитарного диалога и перспективах дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: театр, культура, Россия, Китай, Станиславский, межкультурный диалог, актёрское мастерство, театральное образование, международное сотрудничество.

Мартинова Н.В.

Цзян Ян

Абдуразакова Е.Р.

Творческий метод Цай Кэчжэня: культура повседневности и обновление технологий китайского лакового письма

Последние десятилетия XXI в. отмечены усилением внимания к уникальному наследию культуры Китая – лаковой живописи, которая несмотря на преобразования, соответствующие процессы глобализации, сохраняет традиции исторически сложившегося искусства. Исследование творчества Цай Кэчжэня, лаковые произведения которого свидетельствуют о социокультурных трансформациях художественного процесса, позволяют анализировать онтологические характеристики творческих актов, обнаруживающих так называемый «дух эпохи». Будучи одной из ключевых фигур современного этапа развития национального искусства лакового письма, художник обращается к сюжетам повседневности, фиксируя социальные практики, иллюстрирующие особенности мировосприятия народа. Элементы новаторства в творчестве Цай Кэчжэня, связанные с использованием техники «усяньци», позволяют рассматривать особенности его работ междисциплинарно, объединяя результаты познания в областях искусствознания, культурологии, истории, антропологии и социологии, расширяя представления о характере китайской культуры XX–XXI вв. Актуальность темы и теоретическая новизна данного исследования обоснованы отсутствием отечественных работ, посвященных творчеству Цай Кэчжэня, как феномена, раскрывающего особенности художественной формы репрезентации культуры повседневности Китая, позволяющего рассматривать деятельность художника как акты культурной дипломатии между Россией, Китаем и Вьетнамом.

Ключевые слова: Цай Кэчжэнь, Китай, Вьетнам, усяньци, современные технологии дальневосточного лакового письма, культура повседневности, репрезентация.

Масехнович С.Е.

Театр как мифологема: архетипическое пространство культурного нарратива

Значимость исследования вызвана необходимостью понять театр в современности, где традиция взаимодействует с виртуальной практикой. В статье раскрывается понимание театра как мифологемы, его эволюция от ритуалов архаики до цифровых форм, представленных XXI веком. Авторская трактовка театральнй мифологемы состоит в том, что этот устойчивый символический конструкт, наделён архетипическими смыслами. Процедуры анализа зарождения и эволюции театра как формы искусства применяются для обоснования его зна-

чения в качестве репрезентации бытия человека. Особое внимание автора на диалектическом процессе между традиционными мифологическими структурами и современными изменениями в театральном языке. В работе проводится анализ того, как театр в форме контркультуры (Б. Брехт, А. Арто, Т. Кантор) и виртуализация переосмысливают архетипические нарративы, при этом способствуя созданию новых форм театральности, в результате чего появляются феномены «темпоральной эластичности» и «распределённой интимности».

Методологией исследования послужил исторический подход, применены герменевтический и семиотический методы, а также сравнительно-мифологический метод, медиатеория. Результаты показывают, что театр сохраняет связь с мифом, который выступает пространством «вечного возвращения архетипов» (М. Элиаде), несмотря на то, что обнаруживаются радикальные трансформации медиасреды.

Ключевые слова: театр, мифологема, архетип, культурный нарратив, цифровизация, авторский театр, постдрама, ритуал, лиминальность, телесность.

Мирошниченко Е.В.

Ефремова П.И.

Шеметова Е.А.

Шербаев А.А.

Культурно-досуговые программы патриотической направленности как компонент креативных индустрий в развитии гражданской и творческой активности молодежи

Развитие гражданской активности современной молодежи представляет собой важную социокультурную проблему, которая находится в поле научного внимания и практики работы с этой возрастной группой. Развитие гражданской активности молодежи можно рассматривать как условие успешного и эффективного развития общества. Особое значение для развития гражданской активности имеют культурно-досуговые программы патриотической направленности для молодежи, потенциал которых обосновывается в настоящей статье. Авторы обращаются к феномену культурно-досуговых программ в аспекте воспитания и формирования личности, показывают их комплексное воздействие на эмоциональную сферу молодых людей с последующим положительным влиянием на формирование активной гражданской позиции. Сделан вывод о том, что в практике работы с молодежью в сфере свободного времени целесообразно активизировать культурно-досуговые программы патриотической направленности, которые формируют целый комплекс ценностно-ориентационных качеств активного гражданина общества и неравнодушной личности, готовой к преобразовательной деятельности во имя этого общества.

Ключевые слова: молодежь, культурно-досуговые программы патриотической направленности, досуговое время, гражданская активность, патриотические качества личности.

Орлов-Давыдовский Г.А.

Культурная история звука: социальные и исследовательские практики

Звуковая культура включает в себя множество проблемных областей: акустическая коммуникация, феномен шума, полевая запись, и т.д. В статье рассматриваются звуковые феномены и технологии, социокультурные практики и способы слушания звукового окружения, а вместе с этим слушательские умения анализировать, сохранять и воспроизводить звуковую культуру.

Исследование интегрирует теоретические разработки в области философии, медиа-теории, истории науки и культурной антропологии, предлагая концептуальные основания для дальнейшего изучения звуковой культуры. Работа направлена на формирование понятийного аппарата, необходимого для анализа звуковых феноменов в контексте современного социального, технологического и художественного поля, а также на выявление потенциальных направлений для институционализации звуковых исследований в отечественной научной среде.

Ключевые слова: звуковая культура, шум, слушание, полевая запись, звукозапись, звуковые исследования, культурная память.

Тянь Жу**Интерпретация «живой правды» Станиславского в культурном контексте китайского театра**

Статья посвящена анализу восприятия и адаптации ключевого понятия системы К.С. Станиславского — «живой правды» — в контексте китайской театральной культуры. Рассматриваются исторические этапы знакомства китайского театра с методами Станиславского, особенности традиционной актёрской школы Китая и философские различия, оказывающие влияние на трактовку сценической достоверности. Особое внимание уделяется культурным ограничениям и трансформациям, возникающим при попытках интеграции западной психологической школы в китайскую сценическую практику. В статье подчёркивается необходимость межкультурного диалога и поисков нового синтеза актёрских техник.

Ключевые слова: Станиславский, живая правда, китайский театр, культурный код, психологический реализм, традиция, конфуцианство, даосизм, актёрское мастерство.

Чанвэй ЦзиШуянь ЧжаоЦзюань Ли**Исследование по созданию учебной группы по культуре Лунцзяна в Университете Хэйхэ с точки зрения новых гуманитарных дисциплин**

Развитие новых гуманитарных дисциплин выдвигает все более высокие требования к перекрестной интеграции и систематическому сотрудничеству в рамках системы учебных программ в высших учебных заведениях.

Как приграничный университет с заметными региональными преимуществами и отличительными образовательными характеристиками, Университет Хэйхэ должен в первую очередь четко определить цель всестороннего изучения культуры Лунцзяна в рамках учебной программы и взять за основу дух Лунцзяна в новую эпоху.

Необходимо не только придавать большое значение созданию и оптимизации курсов базовых знаний, но и укреплять совместимость и сотрудничество в рамках курсов перекрестной интеграции, уделяя особое внимание разработке и обучению практическим курсам, с тем чтобы обеспечить применение знаний и культивировать прикладные таланты высокого уровня, служащие региональному экономическому развитию.

Ключевые слова: новое гуманитарное образование, культура Лунцзяна, Учебная группа, Система образовательных программ высших учебных заведений, Университет Хэйхэ, Прикладные таланты.

Шеннань Юй**Механизмы и пути формирования образа города Харбин с помощью коротких видеороликов на фоне комплексного туризма**

В контексте глубокой интеграции комплексного туризма и цифровых технологий короткие видеоролики стали основным средством распространения информации о городах благодаря своим фрагментированным, ярким визуальным и интерактивным характеристикам. В этой статье Харбин рассматривается в качестве объекта исследования, для изучения механизмов и основной роли коротких видеороликов в формировании городского имиджа.

Исследования показали, что короткие видеоролики выстраивают коммуникационную логику «мгновенного сопереживания и точного охвата аудитории» благодаря эмоциональному восприятию фрагментированных сцен, разнообразным повествованиям UGC-контента и дорожным играм, управляемым алгоритмами.

Посредством символического выражения, эмоциональной мобилизации и взаимодействия между виртуальным и реальным пространством они (ролики) превращают реальные городские пространства в культурные символы, формируют коллективную память и признание идентичности, способствуют построению пространственного значения городов и предоставляют ориентиры для распространения научного образа города в контексте комплексного туризма.

Ключевые слова: комплексный туризм, Харбин, распространение коротких видео, формирование образа города.

Сулейманова А.Р.

Ориентализм в культуре и искусстве

В статье рассматривается феномен ориентализма как особого мировоззрения, определившего способы восприятия Востока в западной культуре и искусстве XVIII–XX вв. Цель исследования заключается в выявлении исторических предпосылок, ключевых этапов и трансформаций ориенталистского взгляда, а также в анализе его влияния на художественные практики. В работе применяются культурологический и историко-аналитический методы, опора на труды Эдварда Саида и последующих исследователей пост-ориентализма. Результаты исследования показывают, что ориентализм был не только формой художественной экзотизации Востока, но и частью идеологического проекта Запада, связанного с колониальной экспансией и процессами глобализации. Особое внимание уделено художественным интерпретациям Востока в живописи, архитектуре, декоративно-прикладном искусстве, где Восток представлялся как «другое» пространство, одновременно притягательное и подчиняемое. В заключении автор отмечает, что современное развитие пост-ориенталистских и постколониальных дискурсов способствует пересмотру прежних стереотипов, открывая возможности для более равноправного диалога культур. Таким образом, статья вносит вклад в понимание динамики культурных взаимодействий и может быть полезна при изучении вопросов глобализации, межкультурной коммуникации и репрезентации Востока в искусстве.

Ключевые слова: ориентализм, пост-ориентализм, культура, искусство, репрезентация, Восток и Запад, колониализм, глобализация, идентичность.

Макаров Т.Г.

Валишева А.Л.

Субъекты медицинских правоотношений

Большое значение в системе медицинского обеспечения имеет установление правового положения субъектов данного вида правоотношений. В свою очередь правовое положение субъектов медицинских правоотношений устанавливает их права и обязанности. В данной статье рассмотрены вопросы правового положения субъектов медицинского обеспечения, к которым относятся лица, оказывающие медицинскую помощь, а также лица, которым такая помощь оказывается.

Ключевые слова: медицинская услуга, медицинская помощь, медицинская деятельность, пациент, исполнитель медицинской услуги.

Давудова С.Я.

Рагимханова К.Т.

Понятие и правовая природа цифрового следа

Актуальность исследования обусловлена тем, что активное развитие и проникновение в повседневную жизнь человека цифровых технологий и электронных систем, обусловило появление понятия «цифровой след». Правовое регулирование цифрового следа приобретает критическую важность в свете масштабного накопления персональных данных. Коммерческие компании и государственные структуры активно применяют алгоритмы кредитного скоринга и другие методы оценки граждан, что подчеркивает необходимость создания надежных правовых механизмов в современном обществе, где информационные технологии играют определяющую роль. Юридические аспекты цифровой идентичности сталкиваются с отсутствием четкой нормативной базы в российском законодательстве.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровой профиль, цифровой след, нейросеть, право.

Макаров Т.Г.

Валишева А.Л.

Особенности договора возмездного оказания медицинских услуг

Данная статья посвящена особенностям договора возмездного оказания медицинских услуг, а также в рамках статьи проводится их детальный анализ. Представленный вид договора появился в правовой сфере гражданского общества благодаря активному развитию рыночной экономики, а вследствие чего и рынок услуг. На основе анализа российского законодательства представлена теоретическая концепция договора возмездного оказания медицинских услуг.

Ключевые слова: договор, условия договора, медицинские услуги, исполнитель, пациент, заказчик, цена договора, предмет договора, срок договора, возмездность.

Терновая Л.О.

Отражение духа эпохи в практических и символических функциях дорожного гардероба

Статья посвящена историческому и символическому значению дорожного гардероба, отражающего дух определенной эпохи и выполняющего как практические, так и символические функции. Автор анализирует эволюцию одежды для путешествий от древних времен, когда наряды и амулеты служили защитой и знаком социального статуса, до современных технологичных и экологичных материалов. В статье рассматриваются мифологические покровители дороги в разных культурах, влияние культурных и социальных аспектов на выбор и символику дорожной одежды в различные исторические периоды. Особое внимание уделяется сочетанию функциональности и символизма в дорожном гардеробе, а также современным тенденциям устойчивой моды и осознанного потребления. Работа подчеркивает важную роль дорожной одежды как средства самовыражения и адаптации к условиям пути.

Ключевые слова: дорожный гардероб, история костюма, символизм одежды, функциональность, путешествия, мифология дороги, устойчивая мода, технологичные ткани, культурные традиции, социальный статус.

Фиров М.В.

Андреев Н.А.

Сохранение памятников деревянного зодчества в рамках рекламного продвижения музеев

Архитектурное наследие является ключевым элементом национальной идентичности, причем деревянное зодчество представляет собой его наиболее уникальную и выразительную часть. Россия выделяется мировым достоянием своего деревянного зодчества, которое служит отражением традиций и мировоззрения ее народов, а также основных культурных ценностей. Настоящее исследование направлено на социокультурных аспектах рекламы музеев, в частности, зодчества России. Проводится анализ проведения для целевой аудитории тематических экскурсий, связанных с историческими мероприятиями, сопоставление традиционных и инновационных методов презентации, а также обзор актуальных направлений в массовой культуре, на примере экспозиций Музея политической истории России в Санкт-Петербурге в целях определения потенциала рекламной деятельности в процессе сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: архитектура, культурное достояние, национальная идентичность, музей, реклама, связи с общественностью, квест.

Узденов Т.А.

Аджиева З.И.

Боташева З.Х.

Развитие и регулирование кибербезопасности и критической инфраструктуры в России

В условиях стремительного развития информационных технологий и глобализации современного мира информационная сфера приобретает все большее значение для обеспечения национальной безопасности, экономического процветания и социального благополучия. Россия, осознавая важность защиты своих информационных ресурсов и инфраструктуры, предпринимает комплексные меры по формированию безопасной и устойчивой информа-

ционной среды. В рамках государственной политики особое внимание уделяется развитию законодательства, совершенствованию правовых механизмов, а также созданию условий для эффективного противодействия киберугрозам, киберпреступности и другим видам информационных угроз. Однако на практике существует ряд проблем, затрудняющие реализацию этих целей, которые мы и рассмотрим в данной статье.

Ключевые слова: кибербезопасность, критическая инфраструктура Российской Федерации, законодательство, нормативные акты, киберугрозы, кибератаки, безопасность информации, нормативное регулирование, государственные программы, автоматизированные системы управления.

Махяр Бейранванд

Гильманов Н.Э.

Орешиников Е.В.

Физиологические и клинические аспекты феномена «спортивного сердца» у высокотренированных лиц

Целью исследования является изучение физиологических и клинических особенностей феномена «спортивного сердца» у высокотренированных лиц. В исследовании приняли участие спортсмены и контрольная группа. Применялись методы ЭКГ, эхокардиографии, вариабельности сердечного ритма (HRV), а также лабораторные анализы крови и анкетирование. Результаты показали наличие брадикардии, эксцентрической гипертрофии левого желудочка, повышенных значений КФК-МВ при отсутствии патологических признаков. Данные подтверждают, что «спортивное сердце» является вариантом физиологической нормы у спортсменов.

Ключевые слова: спортивное сердце, гипертрофия миокарда, ЭКГ, ЧСС, HRV, адаптация, атлеты, опрос.

Се Ипин

Го Жун

Деятельность Николая Михайловича Карамзина как журналиста

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) - фигура, значимая не только для русской литературы, но и для журналистики. Его вклад в развитие русской журналистики огромен, во многом определил ее дальнейший путь. Эта статья детально рассматривает деятельность Николая Михайловича Карамзина как журналиста на примере его главных журналистских проектов, таких как «Московский журнал» и «Вестник Европы». Карамзин как журналист сыграл ключевую роль в становлении и развитии русской журналистики. Он создал новый тип литературного журнала, ориентированного на оригинальную русскую литературу, работал над совершенствованием литературного языка и популяризировал чтение в российском обществе. Его вклад в русскую культуру трудно переоценить. Он был не просто журналистом, а создателем новой эпохи в русской литературе и журналистике. В 1791 году начинается деятельность Карамзина-журналиста. Это становится важной вехой в истории русской литературы — Карамзин основывает первый русский литературный журнал, отца-основателя нынешних «толстых» журналов — «Московский журнал». На его страницах выходит ряд сборников и альманахов: «Аглая», «Аонида», «Пантеон иностранной словесности», «Мои безделки». Эти публикации сделали сентиментализм основным литературным течением в России конца XIX века, а Карамзина — его признанным лидером.

Ключевые слова: Карамзин-журналист, русская журналистика, русская культура, русская литература, «Московский журнал», «Пантеон иностранной словесности», «Вестник Европы».

Ли Цзинъюань

Сравнительное исследование законодательного статуса гидрологической экологии в Китае и России

Данная работа нацелена дать рекомендации по совершенствованию гидроэкологического законодательства Китая путем углубленного сравнения гидроэкологической зако-

нодательной ситуации в Китае и России. В исследовании используется метод изучения литературы для системного изучения контекста развития гидроэкологического законодательства в Китае и России, а также анализируются характеристики и предпосылки законодательства в разные периоды, стартуя с начальной стадии развития и заканчивая стадией совершенствования.

В то же время, метод сравнительного анализа используется для тщательного сопоставления законодательных положений двух стран в области охраны водных ресурсов, предотвращения и контроля загрязнения воды, восстановления водной экологии и т.д., и для выявления различий и общих черт. В дополнение, с помощью анализа конкретных случаев анализируются последствия применения законодательства двух стран в правоприменительной и судебной практике, а также обсуждаются политические, экономические и культурные причины различий.

В статье сделан вывод о том, что России есть чему поучиться в плане стандартов предотвращения загрязнения водных ресурсов и механизмов участия общественности в процессе контроля за состоянием водных ресурсов. Это исследование так же имеет большое значение для совершенствования гидроэкологического законодательства Китая, повышения уровня гидроэкологической защиты и развития китайско-российского сотрудничества в области гидроэкологии.

Ключевые слова: Китай и Россия, Гидроэкология, правовая обстановка, сравнительные исследования, законодательные усовершенствования.

Лужников М.В.

Макарова Т.Л.

Символ «треугольник» в дизайне рекламы

Компании, в условиях рыночной экономики, по всему миру активно борются за внимание, время и деньги потребителя. Корпорации инвестируют значительные суммы в рекламу. Каждый стремится выделиться на фоне конкурентов, запомниться: стать известнее и популярнее. При этом в рекламных материалах периодически появляются определенные символы, которые могут воздействовать на человека.

Цель данной работы — проследить тенденцию использования символа «Треугольник» в дизайне рекламы, выявить характерные черты и особенности, сопровождающие применение символа. В данном исследовании в качестве предмета рассматривается символ «Треугольник» в дизайне рекламы с 2014 по 2024 гг. Рассматривается реклама, распространяемая аналоговым и цифровым способами. Методы, использованные в исследовании: художественно-конструкторский анализ, иконический анализ, контент-анализ и другие, принятые в искусствоведении в рамках технической эстетики и дизайна.

В результате сделаны выводы об особенностях дизайна рекламы, направленной на продвижение бренда и его продукции: применении тех рекламных изображений, где встречается символ «треугольник».

Ключевые слова: дизайн, реклама, символ треугольник, символ, символика, тренд, дизайн рекламы.

Мельник С.В.

Современная католическая теология религий: концепция «инклюзивного плюрализма» Жака Дюпюи

Во второй половине XX века в рамках христианского богословия начинает активно развиваться направление «теология религий», предметом которого является осмысление факта существования других религий и степени их истинности и спасительности. В статье рассматривается модель теологии религий, которая была предложена католическим богословом Жаком Дюпюи (1923–2004). Эта концепция получила название «инклюзивный плюрализм» или «тринитарная христологическая модель» теологии религий. Дюпюи удалось создать самобытную, завершенную, логически стройную концепцию, которая сохраняет баланс между приверженностью церковному преданию и открытым, уважительным отношением к нехристианским религиям. Для понимания идейных оснований и различных

элементов теории инклюзивного плюрализма в статье изучается предложенный Дююи обзор разных существовавших до него подходов в области теологии религий, который был представлен в его главной книге «На пути к христианской теологии религиозного плюрализма». Этот анализ позволяет лучше уяснить генезис, оригинальность и преимущества разработанной Дююи концепции, а также увидеть системную картину и логику развития современной католической теологии религий. Идеи Дююи могут использоваться для гармонизации отношений, укрепления мира и развития взаимопонимания между последователями разных религий.

Ключевые слова: теология религий, католицизм, Ж. Дююи, инклюзивный плюрализм, межрелигиозный диалог.

Шапошникова Н.А.

Исторические этапы становления храмовой живописи

История храмовой архитектуры теснейшим образом связана с изобразительным искусством, скульптурой и декоративно-прикладным искусством. В этой статье мы рассматриваем истоки происхождения храмовой живописи. Начало появления и основные тенденции развития храмовой живописи в Средние века в Византии и Европе. После того, как искусство Византии пришло на Русскую землю, оно дало толчок к развитию русского искусства. После освобождения от татаро-монгольского нашествия начинается новый подъем русского искусства. После реформ Петра I храмовое искусство резко меняет направление в сторону реализма. В публикации изучаются трансформации содержания живописных сюжетов в контексте сочетания библейских и реалистических. выделения смысловых акцентов.

В работе обозначаются основные этапы становления храмовой живописи как специфического вида искусства, раскрываются их смысловые трансформации и стили создания художественных образов. Исторический анализ охватывает периоды начиная от возникновения данного вида живописи вплоть до начала XX века.

Целью данной работы является исторический анализ этапов становления храмовой живописи. Объектом исследования мы определили этапы развития храмовой живописи, предметом специфику данного вида искусства.

Ключевые слова: храмовая живопись, иконопись, византийский стиль, романский стиль, готический стиль, псковская школа, Владимиро-суздальская школа живописи, парсуна, академический стиль, Рерих, Васнецов.

Abstracts

Ryabova E.L.

Ternovaya L.O.

“The Third Age”: the readiness of the state and society for the “silver tsunami”

The article analyzes the challenges associated with demographic aging of the population, referred to as the “silver tsunami”. The key social, economic and infrastructural problems faced by the older generation are considered, including financial vulnerability, lack of geriatric care, social isolation and lack of an accessible environment. The article analyzes international ratings of pension systems, features of pension provision in Russia and other countries, as well as modern trends in social policy, such as the development of the “silver economy”, volunteer movements and educational programs for the elderly. Particular attention is paid to the need for a comprehensive approach to supporting people of the third age, integrating best international practices and expanding the participation of society and business in solving the problems of aging. It is concluded that only joint efforts of the state, society and business will allow us to adequately respond to the challenges of the “silver tsunami” and turn the third age into a period of new opportunities.

Key words: demographic aging, retirement age, social security, “silver tsunami”, pension system, geriatrics, active longevity, quality of life of the elderly, corporate pensions, educational programs for the elderly.

Anisimov P.V.

Medicine, Trump and the Democrats’ election strategy for the 2024 US presidential election

Since the start of the active election campaign in 2023 for the post of the President of the United States, the main leitmotif of speeches among Republicans and Democrats has been “saving America.” Both sides have frightened citizens with inevitable tyranny if the “enemy” candidate wins.

Key words: countries, political science, civil opinion, Republicans, conflict, parties.

Shalamova E.V.

Kapelyush M.B.

Psychological and socio-cultural mechanisms of personal brand formation and promotion in the digital age

This article examines the formation and promotion of a personal brand from the perspective of psychological and socio-cultural factors that have an impact. The methods of personal brand promotion were also reviewed and their effectiveness was reviewed. This study tries to analyze the factors influencing the formation of a personal brand and its promotion in the context of technological progress, such as: psychological aspects (self-perception), archetypes and their influence on the formation of a personal brand, socio-cultural trends for the perception of personal branding in the digital market. In the process of studying the problem, logical analysis methods were used. It is concluded that in the era of digital development, when forming a personal brand, it is worth taking into account psychological and socio-cultural aspects, which in turn affect both the brand owner and consumers. Compliance with these factors will have a positive impact on promotion, and I will build a good reputation that will set my personal brand apart from competitors.

Key words: personal brand, promotion, formation, psychology, socio-cultural influence, development, modern technologies, social networks, individuality, image, reputation, self-improvement, content marketing.

Anisimov P.V.

Trump and Obamacare: using the shortcomings of the reform as a strategy in the presidential election

The article examines the reasons for putting the health insurance reform in the United States in the first place as part of Donald Trump’s election strategy for the 2016 presidential election. The background of the issue is shown, the motives and reasons for the fact that, despite the success of the reform carried out by Democratic President Barack Obama, voters’ dissatisfaction with the healthcare system was skillfully directed by Trump’s headquarters against the Democrats themselves.

Key words: US elections, Donald Trump, Hillary Clinton, health insurance, Obamacare, Barack Obama, primaries, 2016 elections, Medicaid, healthcare reform.

Chebodaeva M.P.Ulturgasheva N.D.Alekseeva A.G.

The collections of S.D. Mainagashev in the funds of the Peter the Great museum of anthropology and ethnography (kunstkamera)

The article examines the collections of S.D. Mainagashev, collected by the researcher during ethnographic expeditions to the Minusinsk and Achinsk counties in 1913-1914. Currently, the collections are kept in the Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) in St. Petersburg and there are 3 clothing and 4 photo-negative collections. The ethnographic subjects of S.D. Mainagashev have so far been little studied and published and require full publication, which characterize the traditional costume, beliefs, rituals of the ethnic groups of Khakass, Kachin, Sagai and Kyzyl.

Key words: S.D. Mainagashev, ethnographic trip, Minusinsk and Achinsk foreigners.

Maltseva L.V.Polonnikova A.A.

Preservation and strengthening of culture (courtyard of Kuban Cossacks)

It is necessary to revive folk traditions, crafts, which will allow preserving it for descendants. This is a culture, traditions, customs, crafts, which are recognized by modern society as a factor in the continuity of generations, familiarization with national life sources. The functions of traditional culture in the development and education of youth are high and ambiguous.

The culture of Kuban is unique. There are places due to their emotional impact, grace attracted, concentrated peoples and states.

The ethno-artistic culture of the Kuban Cossacks as an active creative phenomenon has enormous potential for cultural creativity, it is able to outpace the current states of consciousness, have a reverse effect on the life, civilization process. In this regard, the development of new approaches in the process of studying a particular culture is of particular importance today.

Key words: culture, home, estate, hut, decoration, farmstead, traditions, Cossacks.

Lykova N.N.Gasanova V.T.Andreychenko O.I.

Sociocultural Orthodox tradition as a factor in spiritual and moral education of youth (cultural aspect)

In a transforming society, there is an increase in negative phenomena among young people. These include "double standards", the destruction of absolute values in both the ethical and aesthetic spheres. In the new reality in which our society found itself after the end of the "dashing 90s", a return to the roots, the actualization of moral and aesthetic values, norms and regulations contained in the Scriptures seem extremely important and relevant. The socio-cultural Orthodox factor, along with others, predetermines the complex, syncretic structure of Russian culture with a variety of ideals and moral values that make it up. A special focus is on the spiritual and moral ideals of the youth themselves, as well as issues of the relationship between tradition and modernity. To achieve this, it is necessary to creatively rework the experience of domestic theologians and representatives of religious-idealistic philosophy, adapting it to the transformational post-Soviet society existing in the external environment of a postmodern, secularized, morally and aesthetically relativistic world. In this article, it seems possible to highlight a new qualitative level of understanding by young people of the Orthodox tradition as a factor in spiritual and moral education through rethinking the religiously traditional past in the modern socio-cultural context. Thus, the authors of this material determine new opportunities in the spiritual development of youth. The authors believe that it is especially important to find specific forms and methods of transmitting Orthodox moral and aesthetic values to modern youth who have found themselves at a spiritual crossroads.

Key words: transforming society, negative phenomena, value absolutes, spiritual and moral education, biblical values, religious education, youth environment, return to roots, active life position.

Barsukov R.R.Karmaleev R.A.

Life culture and death culture: an afford to demarcate

In the «Introduction» the formulated goal of research is to identify the most vivid culture types oriented towards life or death among the diverse world ones. The aim there is to solve a number of tasks: to identify and briefly characterize these types and to divide modern cultures according to their belonging to different types. The «theoretical part» contains an analysis of textual material on a number of specific - historical types of cultures. The part «Findings and conclusion» argues that none of the world's religions nor any of the developed national ones (Judaism, Hinduism, etc.) preaches death. Modern Western and Russian culture is oriented to life «here and now». Islamic countries are more centered on religious foundations and the notion of the eternal life. Among the relatively modern death cultures, the culture of Nazi Germany, Poltrotsky Kampuchea and present - day Ukraine stand out. Their main characteristics are neurotic attachment to the Mother Earth; reference to the past; fantasmatic scenarios of the future and setting for the complete destruction of their own people and their own created culture.

Key words: culture, life, death, religion, Mother Earth, past, samurai, Nazis, «red Khmer», Cos-sacks.

Bian Menglei

Piano etudes by F. Chopin as a synthesis of virtuosity and poetics

The aim of this paper is to analyze the characteristics of Chopin's piano études as a synthesis of technical mastery and artistic poetics. To achieve this aim, it is necessary to consider the following aspects:

- a historical and stylistic analysis of the études' creation;
- their role within the system of piano genres;
- the expressive and technical devices used in selected works;
- the specifics of interpretative and performance approaches to these compositions.

The relevance of the topic lies in the enduring interest from both professional musicians and researchers in Chopin's work, in his innovative approach to piano writing, and in the subtle psychological depth embedded even in études that serve seemingly technical purposes.

Key words: Chopin, etude, theme, musical piece, technical task.

Vasilyeva O.A.

Pushnyak K.V.

Slonova D.D.

The cultural code of the territory as a key factor of geo-branding on the example of the Republic of Karelia

The article presents the author's view on the concept of geobranding in the Republic of Karelia. The analysis of identity elements, based on the natural and historical development of the territory, made it possible to determine the cultural code and formulate directions for the potential development of the region's brand. Special attention is paid to the development of visual identity and directions of promotion of the territorial brand of the Republic of Karelia among the main target groups.

Key words: geo-branding, territory, identity, cultural code, visual identity, Republic of Karelia.

Gordeeva T.Y.

From the mystery of the cell to cellular acoustics. Innovative ideas of professor S.V. Shushardzhan

An obsession with a scientific idea instilled in the inquisitive mind of a child by talented school-teachers can become a lifelong pursuit for a person and lead to impressive scientific results. Penetration into the secrets of a living cell runs like a red thread through the entire research activity of a unique scientist: a doctor and an opera singer, Sergei Vaganovich Shushardzhan. A deep knowledge of the natural scientific laws of the biological system and the effects of music on a living organism, as well as his own experience of psychophysiological sound effects allowed S.V. Shushardzhan came to interesting scientific discoveries located at the junction of music and medicine. Shushardzhan was a worthy follower of the work of famous Russian scientists of the XIX – early XX century, who studied the process of the influence of music and creativity on the biological organism (V.M. Bekhterev, I.M. Dogel, I.M. Sechenov, I.R. Tarkhanov, etc.). The significance of S.V. Shushardzhan's research lies in the fact that he, firstly, continued The tradition of interdisciplinary collaboration between musicians and doctors, founded by V.M. Bekhterev,

was interrupted in 1927.; Secondly, he presented and substantiated it at the modern scientific and technological level of knowledge. And finally, thanks to the scientist's work, new scientific directions such as scientific music therapy and cellular acoustics have emerged.

Key words: musical art, scientific music therapy, living cell, cellular acoustics, S.V. Shushardzhan.

Kolosov R.V.

Horror as a diagnostic of reality: a collective exhibition by independent artists from Northern Kazakhstan and the emergence of a new cultural code in Kazakhstani art

This article examines the phenomenon of the collective exhibition "Horror", held in August 2025 in Petropavl (Northern Kazakhstan), as a significant event within the context of the development of contemporary Kazakhstani art. The analysis focuses on its departure from traditional notions of the horror genre towards its sociocritical and psychotherapeutic reinterpretation. Drawing on the works of the project's participants, the article argues that "horror" was employed by the artists as a tool for reflecting on collective traumas, social ills, and personal existential fears relevant to contemporary Kazakhstani society. The exhibition is interpreted as an act of artistic resistance to a clichéd positive discourse and an important step in the formation of an independent art scene in the regions of Kazakhstan.

Key words: contemporary art of Kazakhstan, social horror, cultural trauma, artistic underground, visual research, art and therapy, regional art process.

Kudozov A.T.

The intermedial aesthetics of Dadaism: sound and voice through visual images in R. Hausmann's photomontage "ABCD"

The article examines the works of art by the Berlin Dadaist R. Hausmann from the point of view of the intermediality of the artistic experience he offers. Berlin Dadaism emphasized its interest in the political life of the country, and also advocated a revolution in culture. Thus, Dadaist works became political statements that were supposed to accelerate the changes desired by Dadaists. The way these works are arranged, what fundamentally new experience the Dadaists have proposed compared to the previous canon of art, is a controversial topic and has only been receiving the necessary reflection in the last few years. The author of the article refers to R. Hausmann's photomontage in order to trace the specifics of its machinery from the point of view of media. Since it was important for Dadaists to restore the integrity of man and his perception of the world, which, according to Dadaists, was destroyed by the First World War, their artistic concept presupposed a reassembly of the idea of art synthesis. Therefore, the methods of working with the source in the article are multi-modal analysis (B. Dicks), sound semiotics (A. Rjasov), visual analysis (J. Rose), as well as research on intermediality (O. Hansen-Lowe, I. Kondakov). As a result, the author analyzes the specifics of the functioning of the Dadaist work of art and the mediums inside it, actualizes the problematic perception of his artistic experience for our times.

Key words: dadaism, intermediality, sound, voice, avant-garde, Raoul Hausmann.

Kuznetsova Y.K.

"The kiss" and "The girl with the ring" by Moller: between Biedermeier and Salon art

This article analyzes two iconic works by the Russian artist of German origin Fyodor Antonovich Moller: the paintings *The Kiss* and *The Girl with the Ring*. These paintings, which are an important part of Russian art of the 19th century, are examined in order to determine their unique artistic style. The study demonstrates how Moller's works skillfully combine features of the two main trends in European painting of this period: Biedermeier and salon art. Biedermeier, characterized by chamberness, intimate lyricism and great attention to the details of everyday life, is manifested in the warmth and spontaneity of the depicted scenes. At the same time, the influence of salon art with its desire for academicism, narrative and external effectiveness can be traced in the expressiveness of the compositions under consideration and the manner of their execution. The article examines in detail the plot and content features of the canvases, their compositional and coloristic techniques, emphasizing Moller's skill in conveying the emotional depth and external attractiveness of the images. Particular attention is paid to the history of the acquisition of these works by the Russian imperial court, which speaks of their high artistic value and recognition during the artist's lifetime. The analysis allows us to better understand Moller's contribution to the development of

genre painting in Russia.

Key words: Moller, Nicholas I, Russian Imperial Court, 19th century, Biedermeier, salon art, genre painting.

Libina R.B.

English Gothic in Petersburg: the reasons for the Chesme palace appearance

The article considers the obstacles that led to the construction of the Chesme Palace for Catherine II. The palace is usually regarded to be the empress's travel chateau. However, it was almost never used in this way; the empress stopped visiting it several years after the construction. The role of a travel chateau contradicts its hasty building, magnificent decoration and the fact that the only play by the empress, dedicated specifically to a palace, was dedicated just to this one. It can be assumed that the hasty construction of the palace complex was caused by the soon coming adulthood of Catherine's heir Paul. The empress was afraid of being removed from power and if so, hoped the palace would become her home and the main residence. However, the heir did not take any steps to seize the throne, and the new palace turned out to be unnecessary in its originally intended role. The same situation can also explain the change of the palace name in order to hide the original purpose of its construction.

Key words: Chesme Palace, St. Petersburg Gothic, Catherine II and Paul, English models in Petersburg architecture.

Tian Zhu

Interaction of Russian and Chinese theatrical cultures at the contemporary stage

This article focuses on the contemporary interaction between Russian and Chinese theatrical cultures. It explores the historical foundations of cooperation, including the influence of Konstantin Stanislavsky's system on Chinese theatre, and analyzes modern forms of theatrical dialogue such as co-productions, festivals, academic exchanges, and online projects. Special attention is given to the challenges of intercultural adaptation of theatrical methods, the role of educational and cultural institutions, and the opportunities available to young actors, directors, and playwrights. The article concludes by emphasizing the importance of theatre as a form of humanitarian dialogue and outlines perspectives for further research in this field.

Key words: theatre, culture, Russia, China, Stanislavsky, intercultural dialogue, acting, theatre education, international cooperation.

Martynova N.V.

Jiang Yang

Abdurazakova E.R.

Cai Kezhen's creative method: culture of everyday life and the renewal of Chinese lacquer writing technologies

Recent decades have seen increased attention to the unique heritage of Chinese culture – lacquer painting, which, despite the transformations determined by globalization processes, preserves the traditions of historically established art. The study of the work of Cai Kezhen, whose lacquer works testify to the socio-cultural transformations of the artistic process, allows us to analyze the ontological characteristics of creative acts that reveal the so-called “spirit of the era”. Being one of the key figures in the modern stage of development of the national art of lacquer painting, the artist turns to everyday scenes, recording social practices that illustrate the peculiarities of the people's worldview. Elements of innovation in the work of Cai Kezhen associated with the use of the “wuxianqi” technique allow us to consider the features of his works in an interdisciplinary manner, combining the results of knowledge in the fields of art history, cultural studies, history, anthropology and sociology, expanding our understanding of the nature of Chinese culture in the 20th-21st centuries. The relevance of the topic and theoretical novelty of this study are justified by the absence of domestic works devoted to the work of Cai Kezhen as a phenomenon that reveals the features of the artistic form of representation of the culture of everyday life in China, allowing us to consider the artist's activities as acts of cultural diplomacy between Russia, China and Vietnam.

Key words: Cai Kezhen, China, Vietnam, wuxianqi, modern technologies of Far Eastern lacquer painting, culture of everyday life, representation.

Masekhnovitch S.E.**Theatre as a mythologeme: the archetypal space of cultural narrative**

This article offers a comprehensive study of theater as a mythologeme, tracing its evolution from archaic rituals to digital forms of the 21st century. Special attention is paid to the dialectic between traditional mythological structures and contemporary transformations of theatrical language. The work analyzes how auteur theater (Brecht, Artaud, Kantor) and digital technologies reinterpret archetypal narratives, creating new forms of theatricality. The methodological framework includes comparative historical analysis, semiotics, and media theory.

Key words: theater, mythologeme, archetype, cultural narrative, digitalization, auteur theater, postdrama, ritual, liminality, corporeality.

Miroshnichenko E.V.Efremova P.I.Shemetova E.A.Shcherbaev A.A.**Potential of cultural and recreational programs with a patriotic orientation in the development of civic activity of youth**

The development of civic activity of modern youth is an important socio-cultural problem, which is in the field of scientific attention and practice of working with this age group. The development of civic activity of youth can be considered as a condition for the successful and effective development of society. Of particular importance for the development of civic activity are cultural and leisure programs of patriotic orientation for young people, the potential of which is substantiated in this article. The authors address the phenomenon of cultural and leisure programs in the aspect of education and personality formation, show their complex impact on the emotional sphere of young people with subsequent positive influence on the formation of an active civic position. It is concluded that in the practice of working with young people in the sphere of free time, it is advisable to activate cultural and leisure programs of patriotic orientation, which form a whole complex of value-oriented qualities of an active citizen of society and a caring person ready for transformative activities in the name of this society.

Key words: youth, cultural and leisure programs of patriotic orientation, leisure time, civic activity, patriotic personal qualities.

Orlov-Davydovsky G.A.**Cultural history of sound: social and research practices**

Sound culture encompasses a wide range of problem fields, including acoustic communication, the phenomenon of noise, field recording, sonic memory and its preservation, auditory technological culture, acoustic ecology, and sound art, some of which are examined in detail in this article. The paper explores sonic phenomena and technologies, sociocultural practices, and ways of listening to the sonic environment, along with listener competencies in analyzing, preserving, and reproducing sound culture.

Another significant direction of the study is the examination of technical “extensions of hearing”, from the first sound recording devices to contemporary digital audio recording and field practices.

The research integrates theoretical developments in philosophy, media theory, history of science, and cultural anthropology, offering a conceptual foundation for further exploration of sound culture. The study aims to shape a terminological framework necessary for analyzing sonic phenomena in the context of contemporary social, technological, and artistic domains, and to identify potential pathways for the institutionalization of sound studies in the Russian academic context.

Key words: sound culture, noise, listening, field recording, sound recording, sound studies, cultural memory.

Tian Zhu**Interpretation of Stanislavsky's “Living truth” in the cultural context of Chinese theatre**

This article explores the perception and adaptation of the key concept of Konstantin Stanislavsky's system — “living truth” — within the context of Chinese theatrical culture. It examines the historical stages of Chinese theatre's encounter with Stanislavsky's methods, the distinctive fea-

tures of traditional Chinese acting, and the philosophical differences that influence the interpretation of stage authenticity. Special attention is paid to the cultural limitations and transformations that arise when integrating the Western psychological approach into Chinese stage practice. The article highlights the importance of intercultural dialogue and the search for a new synthesis of acting techniques.

Key words: Stanislavsky, living truth, Chinese theatre, cultural code, psychological realism, tradition, Confucianism, Daoism, acting technique.

Changwei Ji

Shuyan Zhao

Juan Li

Research on the construction of Longjiang Culture Curriculum Group in Heihe University from the Perspective of new liberal arts

The construction of new liberal arts has put forward increasingly high requirements for the cross integration and systematic collaboration of the curriculum system in higher education institutions. As a frontier university with prominent regional advantages and distinctive educational characteristics, Heihe University should first clarify the goal of comprehensively learning Longjiang culture as the curriculum group, and take the spirit of Longjiang in the new era as the guide. It is necessary to not only attach importance to the establishment and optimization of basic knowledge courses, but also strengthen the compatibility and collaboration of cross integration courses, while highlighting the development and training of practical courses, so as to achieve the application of knowledge and cultivate high-level applied talents serving regional economic development.

Key words: New liberal arts construction, Longjiang culture, Curriculum group, Curriculum system of higher education institutions, Heihe University, Applied talents.

Shengnan Yu

The mechanism and path of short video communication in shaping Harbin's urban image against the background of all-for-one tourism

In the context of the deep integration of all-for-one tourism and digital technology, short videos have become the core medium for urban image dissemination due to their fragmented, strong visual, and highly interactive characteristics. This article takes Harbin as the research object to explore the mechanism and core path of short videos in shaping its urban image. Research has found that short videos construct a communication logic of "instant empathy co construction precise outreach" through emotional capture of fragmented scenes, diverse narratives of UGC content, and algorithm driven traffic games. Through symbolic expression, emotional mobilization, and virtual real space interaction, they transform urban physical spaces into cultural symbols, construct collective memory and identity recognition, promote the reproduction of urban spatial meaning, and provide path references for the scientific dissemination of urban image in the context of all-for-one tourism.

Key words: all-for-one tourism, Short video dissemination, Harbin, Urban image shaping.

Suleymanova A.R.

Orientalism in culture and art

The article explores Orientalism as a specific worldview that shaped the perception of the East in Western culture and art from the 18th to the 20th centuries. The aim of the study is to identify the historical foundations, major stages, and transformations of Orientalist discourse, as well as to analyze its impact on artistic practices. The research applies cultural and historical-analytical methods, with reference to the works of Edward Said and later post-Orientalist scholars. The results demonstrate that Orientalism was not only a form of artistic exoticization of the East but also part of a broader Western ideological project connected with colonial expansion and processes of globalization. Special attention is given to artistic interpretations in painting, architecture, and applied arts, where the East was represented as an "Other" space—both fascinating and subordinated. The conclusion emphasizes that the rise of post-Orientalist and postcolonial discourses has challenged earlier stereotypes, fostering the possibility of a more equal intercultural dialogue. Thus, the article contributes to understanding the dynamics of cultural interactions and can be useful in the study of globalization, cross-cultural communication, and the representation of the East in art.

Key words: orientalism, post-orientalism, culture, art, representation, East and West, colonialism, globalization, identity.

Makarov T.G.

Valisheva A.L.

Subjects of medical legal relations

The establishment of the legal status of the subjects of this type of legal relationship is of great importance in the medical care system. In turn, the legal status of these subjects establishes their rights and obligations. This article discusses the legal status of the subjects of medical care, which include individuals who provide medical assistance and individuals who receive such assistance.

Key words: medical service, medical assistance, medical activity, patient, medical service provider.

Davudova S.Ya.

Rahimkhanova K.T.

The concept and legal nature of the digital footprint

The relevance of the research is due to the fact that the active development and penetration of digital technologies and electronic systems into human daily life has led to the emergence of the concept of "digital footprint". The legal regulation of the digital footprint is becoming critically important in the light of the large-scale accumulation of personal data. Commercial companies and government agencies are actively using credit scoring algorithms and other methods of assessing citizens, which underlines the need to create reliable legal mechanisms in a modern society where information technology plays a crucial role. The legal aspects of digital identity face the lack of a clear regulatory framework in Russian legislation.

Key words: artificial intelligence, digital profile, digital footprint, neural network, law.

Makarov T.G.

Valisheva A.L.

Features of a contract for the provision of medical services for a fee

This article focuses on the features of the contract for the provision of medical services for a fee, and provides a detailed analysis of these features. This type of contract has emerged in the legal sphere of civil society due to the active development of the market economy and, consequently, the service market. Based on the analysis of Russian legislation, the article presents a theoretical concept of the contract for the provision of medical services for a fee.

Key words: contract, terms of the contract, medical services, contractor, patient, customer, price of the contract, subject of the contract, term of the contract, remuneration.

Ternovaya L.O.

Reflection of the spirit of the era in the practical and symbolic functions of travel wardrobe

The article is devoted to the historical and symbolic significance of travel wardrobe, reflecting the spirit of a certain era and performing both practical and symbolic functions. The author analyzes the evolution of travel clothing from ancient times, when outfits and amulets served as protection and a sign of social status, to modern technological and environmentally friendly materials. The article examines the mythological patrons of the road in different cultures, the influence of cultural and social aspects on the choice and symbolism of travel clothing in different historical periods. Particular attention is paid to the combination of functionality and symbolism in travel wardrobe, as well as modern trends in sustainable fashion and conscious consumption. The work emphasizes the important role of travel clothing as a means of self-expression and adaptation to travel conditions.

Key words: travel wardrobe, history of costume, symbolism of clothing, functionality, travel, mythology of the road, sustainable fashion, technological fabrics, cultural traditions, social status.

Firov M.V.

Andreev N.A.

Preservation of wooden architecture monuments as part of museum promotion

Architectural heritage is a key element of national identity, and wooden architecture is its most unique and expressive part. Russia stands out for its world-renowned wooden architecture, which reflects the traditions and worldview of its people, as well as its core cultural values. This study focuses on the sociocultural aspects of museum advertising, particularly in the context of Russian architecture. The article analyzes the organization of thematic excursions related to historical events for the target audience, compares traditional and innovative presentation methods, and provides an overview of current trends in popular culture, using the examples of the Museum of Political History of Russia in St. Petersburg, in order to determine the potential of advertising activities in the process of preserving cultural heritage.

Key words: architecture, cultural heritage, national identity, museums, advertising, public relations, quest.

Uzdenov T.A.

Adjieva Z.I.

Botashova Z.K.

Development and regulation of cybersecurity and critical infrastructure in Russia

In the context of rapid development of information technologies and globalization, the information sphere is becoming increasingly important for ensuring national security, economic prosperity, and social well-being. Russia, recognizing the importance of protecting its information resources and infrastructure, is undertaking comprehensive measures to create a secure and resilient information environment. As part of state policy, particular attention is paid to developing legislation, improving legal mechanisms, and creating conditions for effective counteraction to cyber threats, cybercrime, and other types of information threats. However, in practice, there are a number of problems that hinder the implementation of these goals, which we will examine in this article.

Key words: cybersecurity, critical infrastructure of the Russian Federation, legislation, regulatory acts, cyber threats, cyberattacks, information security, regulatory framework, state programs, automated control systems.

Mahyar Beiranvand

Gilmanov N.E.

Oreshnikov E.V.

Physiological and clinical aspects of the “sports heart” phenomenon in highly trained individuals

The aim of the study is to investigate the physiological and clinical features of the “sports heart” phenomenon in highly trained individuals. The study involved athletes and a control group. ECG, echocardiography, heart rate variability (HRV), laboratory blood tests, and questionnaires were used. The results showed the presence of bradycardia, eccentric left ventricular hypertrophy, and elevated CK-MB values in the absence of pathological signs. These findings confirm that the “sports heart” is a variant of physiological normality in athletes.

Key words: sports heart, myocardial hypertrophy, ECG, heart rate, HRV, adaptation, athletes, survey.

Xie Yiping

Guo Rong

The activities of Nikolai Mikhailovich Karamzin as a journalist

Nikolai Mikhailovich Karamzin (1766-1826) is a figure significant not only for Russian literature, but also for journalism. His contribution to the development of Russian journalism is enormous, and in many ways determined its further path. This article examines in detail the activities of Nikolai Mikhailovich Karamzin as a journalist using the example of his main journalistic projects, such as *Moskovsky Zhurnal* and *Vestnik Evropy*. Karamzin as a journalist played a key role in the formation and development of Russian journalism. He created a new type of literary magazine focused on original Russian literature, worked to improve the literary language and popularized reading in Russian society. His contribution to Russian culture cannot be overestimated. He was not just a journalist, but the creator of a new era in Russian literature and journalism. In 1791, Karamzin began his career as a journalist. Russian Russian literature is becoming an important milestone in

the history of Russian literature. Karamzin founded the first Russian literary magazine, the founding father of the current "thick" magazines, *Moskovsky Zhurnal*. A number of collections and almanacs are published on its pages: "Aglaya", "Aonida", "Pantheon of Foreign Literature", "My trinkets". These publications made sentimentalism the main literary trend in Russia at the end of the 19th century, and Karamzin became its recognized leader.

Key words: Karamzin the journalist, Russian journalism, Russian culture, Russian literature, Moscow Magazine, Pantheon of Foreign Literature, *Vestnik Evropy*.

Li Jingyuan

A comparative study on the legislative status of hydrological ecology in China and Russia

This research aims to provide reference for improving China's hydro-ecological legislation through an in-depth comparison of the hydro-ecological legislative situations in China and Russia. The research uses the literature research method to systematically sort out the development context of hydro-ecological legislation in China and Russia, and analyzes the characteristics and background of legislation in different periods from the initial stage, development to the improvement stage. At the same time, the comparative analysis method is adopted to carefully compare the legislative provisions of the two countries in terms of water resource protection, water pollution prevention and control, water ecological restoration, etc., revealing the differences and commonalities. In addition, with the help of case analysis, the implementation effects of the legislation of the two countries in law enforcement and judicial practice are analyzed, and the political, economic and cultural reasons behind the differences in effects are discussed. The study finds that Russia has lessons to learn in terms of water pollution prevention and control standards and public participation mechanisms. This research is of great significance for improving China's hydro-ecological legislation, enhancing the level of hydro-ecological protection, and promoting China-Russia hydro-ecological cooperation.

Key words: China and Russia, Hydro – ecology, Legislative situation, Comparative study, Legislative improvement.

Luzhnikov M.V.

Makarova T.I.

The triangle symbol in advertising design

Companies, in a market economy, all over the world are actively competing for the attention, time and money of consumers. Corporations invest significant amounts in advertising. Everyone strives to stand out from the competition, be remembered, become more famous and popular. At the same time, certain symbols that can affect a person periodically appear in advertising materials.

The purpose of this work is to trace the trend of using the "Triangle" symbol in advertising design, to identify the characteristic features and features accompanying the use of the symbol.

In this study, the "Triangle" symbol in advertising design from 2014 to 2024 is considered as a subject. Advertising distributed by analog and digital means is considered. Methods used in the study: artistic and design analysis, iconic analysis, content analysis and others accepted in art criticism within the framework of technical aesthetics and design.

As a result, conclusions were made about the design features of advertising aimed at promoting a brand and its products: the use of those advertising images where the "triangle" symbol is found.

Key words: design, advertising, "triangle" symbol, symbol, symbolism, trend, advertising design.

Melnik S.V.

Modern catholic theology of religions: the concept of "inclusive pluralism" by Jacques Dupuis

The field of "theology of religions" began to actively develop within the framework of Christian theology in the second half of the 20th century. The subject of comparative theology is the understanding of the fact of the existence of other religions and the formation of attitudes towards them in terms of determining the degree of their truth and salvation. The article analyzes the model of theology of religions, which was proposed by the Catholic theologian Jacques Dupuis (1923-2004). This concept has been called "inclusive pluralism" or the "trinitarian Christological model"

of theology of religions. Dupuis managed to create an original, complete, logically coherent model of theology of religions, which maintains a balance between adherence to church tradition and an open, respectful attitude towards non-Christian religions. To understand the ideological foundations and various elements of the theory of inclusive pluralism, the article examines Dupuis's review of various pre-existing approaches in the field of theology of religions, which was presented in his main book "Towards a Christian Theology of Religious Pluralism". Dupuy's concept can be used to harmonize relations, strengthen peace and develop mutual understanding between followers of different religions.

Key words: theology of religions, Catholicism, J. Dupuis, inclusive pluralism, interreligious dialogue.

Shaposhnikova N.A.

Historical stages of the development of church painting

The history of temple architecture is closely connected with fine arts, sculpture, and decorative and applied arts. In this article, we will explore the origins of temple painting. The beginning of the emergence and the main trends in the development of temple painting in the Middle Ages in Byzantium and Europe. After the art of Byzantium came to the Russian land, it gave a boost to the development of Russian art. After the liberation from the Tatar-Mongol invasion, a new rise of Russian art began. After the reforms of Peter the Great, temple art took a sharp turn towards realism. The publication examines the transformations of the content of pictorial subjects in the context of the combination of biblical and realistic elements.

The work outlines the main stages of the development of temple painting as a specific type of art, revealing their semantic transformations and styles of creating artistic images. The historical analysis covers the periods from the emergence of this type of painting to the early 20th century.

The purpose of this work is to provide a historical analysis of the stages of the development of temple painting. The object of our research is the stages of the development of temple painting, and the subject is the specific features of this type of art.

Key words: temple painting, icon painting, Byzantine style, Romanesque style, Gothic style, Pskov school, Vladimir-Suzdal school of painting, parsuna, academic style, Roerich, Vasnetsov.

Авторы

Абдуразакова Е.Р. - кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой изобразительного искусства и дизайна. Приамурский государственный университет имени Шолом Алейхема, г. Биробиджан.

Аджиева З.И. - кандидат исторических наук, доцент кафедры государственных и административно-правовых дисциплин. Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии.

Алексеева А.Г. - кандидат культурологии, заведующая кабинетом кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Санкт-Петербургского университета МВД России.

Андреев Н.А. - студент 2 курса. СЗИУ СПб (Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Андрейченко О.И. - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский филиал Российского Государственного Университета Правосудия имени В.М. Лебедева.

Анисимов П.В. - аспирант. Дипломатическая академия Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Барсуков Р.Р. - преподаватель кафедры тактики и боевой работы, майор. Саратовское высшее артиллерийское командное училище, г. Саратов. ORCID: 0009-0008-1008-9471

Боташева З.Х. - старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления и политологии, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Бянь Мэнлэй - бакалавр, Нэйцзянский педагогический институт.

Валишева А.Л. - студент 4 курса аспирантуры юридического факультета. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Васильева О.А. - старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью. Государственный Университет Управления.

Гасанова В.Т. - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский филиал Российского Государственного Университета Правосудия имени В.М. Лебедева.

Гильманов Н.Э. - ординатор специальности «Анестезиология и реаниматология», ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары.

Го Жун - магистрант исторического факультета. Яньаньский университет, Китай.

Гордеева Т.Ю. - доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор ВАК, профессор кафедры музыкального искусства, Феде-

ральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный институт культуры», г. Казань.

Давудова С.Я. - кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационного права и информатики. Дагестанский государственный университет, г. Махачкала.

Ефремова П.И. - старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород.

Капелюш М.Б. - старший преподаватель кафедры рекламы и современных коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Кармалеев Р.А. - старший преподаватель тактики и боевой работы, подполковник. Саратовское высшее артиллерийское командное училище, г. Саратов. ORCID: 0009-0007-1646-6517

Колосов Р.В. - кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры «Музыкальные дисциплины», Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева.

Кудозов А.Т. - магистр культурологии. Российский государственный гуманитарный университет. ORCID: 0009-0003-4951-1258

Кузнецова Я.К. - аспирант. Ленинградский Государственный университет имени А.С. Пушкина.

Либина Р.Б. - кандидат исторических наук, доцент. Санкт-петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Ли Цзинъюань - Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Лыкова Н.Н. - кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский филиал Российского Государственного Университета Правосудия имени В.М. Лебедева.

Лужников М.В. - МИРЭА – Российский технологический университет.

Макарова Т.Л. - МИРЭА – Российский технологический университет.

Макаров Т.Г. - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Мальцева Л.В. - профессор, доктор педагогических наук, доцент. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Мартынова Н.В. - к.п.н., доцент. ФГБОУ ВО ВВГУ (Владивостокского государственного университета), г. Владивосток.

Масехнович С.Е. - аспирант. Факультет культурологии. Челябинский Государственный институт культуры.

Махяр Бейранванд - студент 2 курса специальности «Лечебное дело», ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Улья-

нова», г. Чебоксары.

Мельник С.В. - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН).

Мирошниченко Е.В. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород.

Орешников Е.В. - руководитель научно-исследовательской работы, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», медицинский факультет, г. Чебоксары. SPIN-код: 9204-3618

Орлов-Давыдовский Г.А. - преподаватель в HSE Design (Высшая школа экономики) и РМАТ (Российская международная академия туризма). Соискатель факультета Культурологии РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет).

Полонникова А.А. - старший преподаватель. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Пушняк К.В. - студент. Государственный Университет Управления.

Рагимханова К.Т. - старший преподаватель кафедры информационно-го права и информатики. Дагестанский государственный университет, г. Махачкала.

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Се Ипин - старший преподаватель исторического факультета. Яньань-ский университет, Китай.

Слонова Д.Д. - студент. Государственный Университет Управления.

Сулейманова А.Р. - магистрант. Университет Сорбонны Абу Даби.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Тянь Жу - аспирант. Московский государственный институт культуры.

Узденов Т.А. - кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и политологии, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

Фиров М.В. - студент 2 курса. СЗИУ СПб (Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Цзюань Ли - доктор наук. Начальник отдела по экзаменационным вопросам, Хэйхэский университет.

Цзян Ян - стажер кафедры дизайна и технологий ФГБОУ ВО ВВГУ (Владивостокского государственного университета), выпускающий редактор китайско-российского журнала «Партнёры», г. Владивосток.

Чанвэй Цзи - доктор исторических наук, доцент. Школа культуры и туризма Университета Хэйхэ. ORCID: 0009-0003-9904-0677

Чебодаева М.П. - кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, член АИС, г. Абакан.

Шаламова Е.В. - преподаватель кафедры рекламы и современных коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Шапошникова Н.А. - доцент кафедры «Дизайн и реставрация, Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, г. Астрахань.

Шеметова Е.А. - старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности и туризма. Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород.

Шеннань Юй - магистр, доцент. Университет Хэйхэ, Хэйхэ, Хэйлунцзян, Китай.

Шуянь Чжао - преподаватель. Глава отдела академических вопросов, Хэйхэский университет.

Щербаев А.А. - аспирант кафедры философии, культурологии, искусствоведения. Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород.

Authors

Abdurazakova E.R., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Fine Arts and Design. Sholem Aleichem Primorsky State University, Birobidzhan.

Adjieva Z.I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Administrative-Legal Disciplines at the Law Institute of the North Caucasus Federal University.

Alekseeva A.G., Candidate of Cultural Studies, Head of the Department of the Activities of Internal Affairs Bodies in Special Conditions of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Andreev N.A., Second-year student. North-West Institute of Management, St. Petersburg (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration).

Anisimov P.V., Postgraduate Student. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Andreychenko O.I., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Crimean branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Barsukov R.R., Lecturer of the Department of Tactics and Combat Work, the Major. Saratov Higher Artillery Command School, Saratov. ORCID: 0009-0008-1008-9471

Bian Menglei, Bachelor, Neijiang Normal University.

Botashova Z.K., Senior Lecturer at the Department of State and Municipal Management and Political Science, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev.

Changwei Ji, Doctor of History, Associate Professor. School of Culture and Tourism, Heihe University. ORCID: 0009-0003-9904-0677

Chebodaeva M.P., PhD in Art History, Research Fellow, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, AIS member, Abakan.

Davudova S.Ya., Candidate of Physico-Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Information Law and Informatics. Dagestan State University, Makhachkala.

Efremova P.I., Senior Lecturer, Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod.

Firov M.V., Second-year student. North-West Institute of Management, St. Petersburg (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration).

Gasanova V.T., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Crimean branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Gilmanov N.E., Head of Research Work, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Assistant of the Department of Normal and Pathological Phys-

iology, Cheboksary, Russian Federation.

Gordeeva T.Y., Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Musical Art, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kazan State Institute of Culture”, Kazan.

Guo Rong, Master’s student, History Department, Yan’an University, China.

Jiang Yang, Intern in the Department of Design and Technology at Vladivostok State University, editor-in-chief of the Chinese-Russian magazine “Partners,” Vladivostok.

Juan Li, Doctor of Sciences. Head of the Examination Department, Heihe University.

Kapelyush M.B., Senior Lecturer at the Department of Advertising and Modern Communications, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Karmaleev R.A., Senior Lecturer of the Department of Tactics and Combat Work, the Colonel. Saratov Higher Artillery Command School, Saratov. ORCID: 0009-0007-1646-6517

KolosoV R.V., Candidate of Art History, Senior Lecturer of the Department of Musical Disciplines of Manash Kozybayev North Kazakhstan University.

Kudozov A.T., Master of culturology. Russian state university for the humanities. ORCID: 0009-0003-4951-1258

Kuznetsova Y.K., Postgraduate student. Pushkin Leningrad State University.

Libina R.B., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Li Jingyuan, Lomonosov Moscow State University.

Luzhnikov M.V., MIREEA – Russian Technological University.

Lykova N.N., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Crimean branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Mahyar Beiranvand, 2nd year student of the specialty “Medicine”, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary.

Makarova T.L., MIREEA – Russian Technological University.

Makarov T.G., Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Maltseva L.V., Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Kuban State University, Krasnodar.

Martynova N.V., PhD, Associate Professor. Vladivostok State University, Vladivostok.

Masekhnovitch S.E., Graduate student of the Chelyabinsk State Institute of Culture.

Melnik S.V., Doctor of Philosophy, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Miroshnichenko E.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State

Institute of Arts and Culture, Belgorod.

Oreshnikov E.V., Research Director, I.N. Ulyanov Chuvashia State University, Faculty of Medicine, Cheboksary. SPIN: 9204-3618

Orlov-Davydovsky G.A., Lecturer at HSE Design (Higher School of Economics) and RIAT (Russian International Academy of Tourism). Postgraduate student in the Faculty of Cultural Studies at the Russian State University for the Humanities.

Polonnikova A.A., Senior Lecturer. Kuban State University, Krasnodar.

Pushnyak K.V., Student at the State University of Management.

Rahimkhanova K.T., Senior lecturer at the Department of Information Law and Informatics. Dagestan State University, Makhachkala.

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Shalamova E.V., Lecturer at the Department of Advertising and Modern Communications, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Shaposhnikova N.A., Associate Professor of the Department of Design and Restoration, Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Astrakhan.

Shengnan Yu, Master's degree holder, Associate Professor. Heihe University, Heihe, China.

Shcherbaev A.A., Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Studies. Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod.

Shemetova E.A., Senior Lecturer, Department of Social and Cultural Activities and Tourism. Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod.

Shuyan Zhao, Lecturer. Head of the Academic Affairs Department at Heihe University.

Slonova D.D., Student at the State University of Management.

Suleymanova A.R., Master's student. Sorbonne University Abu Dhabi.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Tian Zhu, Postgraduate Student. Moscow State Institute of Culture.

Valisheva A.L., Fourth-year graduate student, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Vasilyeva O.A., Senior Lecturer at the Department of Advertising and Public Relations at the State University of Management.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Uzdenov T.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management and Political Science, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev.

Xie Yiping, Senior Lecturer, History Department, Yan'an University, China.